4
В-78

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

1995

«НАУКА»

) Восточно – слав. яз. Отд-г

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

87904

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА

67

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

1995

МОСКВА
"НАУКА"
1995

ББК 81
В78

Авторы:
И.А. БУКРИНСКАЯ, Н.Л. ГОЛУБЕВА, Л.Э. КАЛНЫНЬ, О.Е. КАРМАКОВА,
Г.П. КЛЕПИКОВА, Л.Е. ЛОПАТИНА, С.Л. НИКОЛАЕВ, Т.В. ПОПОВА,
Н.П. ПРИЛИПКО, Н.Н. ПШЕНИЧНОВА, А.В. ТЕР-АВАНЕСОВА

Ответственный редактор
доктор филологических наук Т.В. ПОПОВА

Рецензенты:
кандидаты филологических наук
Л.В. ВЯЛКИНА, О.А. КНЯЗЕВСКАЯ

4
В-78
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
87904 20

Восточнославянские изоглоссы/ Букринская И.А., Голубева Н.Л., Кал-
В 78 нынь Л.Э. и др. – М.: Наука, 1995. 111 с.
ISBN 5–02–011540–1

Монография представляет собой принципиально новый тип атласа, в котором впервые методами лингвогеографии интерпретируется диалектный континуум, соответствующий отдельной группе славянских языков. Представленные материалы по русским, украинским и белорусским диалектам рассмотрены комплексно на всей территории восточнославянских языков, что позволяет увидеть реализацию каждого явления в области фонетики, акцентологии, морфологии, синтаксиса и лексики в общевосточнославянском аспекте.

Для языковедов-специалистов по славянским языкам.

В $\frac{\text{4601000000–143}}{\text{042(02)–95}}$ **245–95, II полугодие** **ББК 81**

ISBN 5–02–011540–1

© Букринская И.А., Голубева Н.Л.,
О.Э. Калнынь и др., 1995
© Российская академия наук, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Тема "Восточнославянские изоглоссы" (ВСИ) была включена в план Института русского языка РАН в середине 1987 г. как коллективная и межреспубликанская (в настоящее время – межгосударственная), поскольку в ее разработке приняли участие сотрудники трех академических институтов – Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва), Института украинского языка АН Украины (Киев) и Института языкознания им. Я. Коласа АН Белоруссии (Минск).

Идея необходимости целостного лингвогеографического изучения диалектных явлений трех восточнославянских языков – русского, украинского и белорусского – была высказана Р.И. Аванесовым еще в 1958 г. в докладе на IV Международном съезде славистов [Аванесов, Бернштейн 1958, 3]. Позже, на заседании Бюро ОЛЯ АН СССР в 1964 г. Р.И. Аванесов вновь обратился к указанной идее: "В качестве обобщающей работы диалектологов-специалистов по восточнославянским языкам Научный совет по диалектологии и истории языка предполагает организовать на базе материалов русского, украинского и белорусского атласов составление сводного атласа восточнославянских языков, который должен заменить известный "Опыт диалектологической карты русского языка в Европе" (1915). Эта работа в основном обеспечена материалом и не требует специальных затрат; она может быть осуществлена в сравнительно короткий срок, а ее научное и культурное значение трудно переоценить" [Аванесов 1964, 560]. При обсуждении доклада это предложение было поддержано Ф.П. Филиным и отмечено в 3-м пункте "Постановления" по докладу Р.И. Аванесова: "Поддержать инициативу Научного совета по созданию коллективной обобщающей работы "Лингвистический атлас восточнославянских языков" [Аванесов 1964, 562]. Однако при жизни Р.И. Аванесова этот план не был реализован.

К непосредственному осуществлению данного замысла, к постановке конкретных задач и к разработке метода исследования диалектного материала русские, украинские и белорусские лингвисты обратились только во второй половине 80-х годов: к этому времени уже был введен в научный оборот обширный восточнославянский диалектный материал, который стал доступен в результате выхода в свет трех национальных диалектологических атласов (ДАРЯ, АУМ и ДАБМ) и появления целого ряда работ, содержащих интерпретацию и систематизацию как уже известных, так и новых для науки диалектных данных.

Следует при этом специально отметить, что превращению всего лишь идеи о целесообразности комплексного лингвогеографического исследования восточнославянского диалектного пространства в целом в реально существующую тему, представляющую собой, по сути дела, новый тип атласа, мы обязаны в первую очередь С.В. Бромлей.

Именно под ее руководством с 1987 г. по 1990 г. включительно была разработана теоретическая концепция восточнославянского диалектологического атласа, задуманного как труд, занимающий промежуточное положение между ОЛА и национальными лингвистическими атласами. Были также сформулированы задачи лингвогеографического изучения восточнославянских говоров в целом и определен метод исследования диалектного материала. Обоснование проблематики атласа и изложение основных теоретических положений мы находим в статье С.В. Бромлей "Восточнославянские языки как объект лингвогеографии" [Бромлей 1985] и в ее неопубликованном докладе, прочитанном на заседании Бюро ОЛЯ 7 февраля 1990 г. [Бромлей 1990].

За эти годы коллективами трех академических институтов были тщательно проанализированы и сопоставлены все карты, посвященные в ДАРЯ, АУМ и ДАБМ одним и тем же явлениям. Проделанная работа по выявлению сопоставимого материала, а также оценка его с точки зрения значимости для членения восточнославянского языкового пространства дали возможность определить тот корпус явлений, которые могли бы составить основу ВСИ. Кроме того, членами авторского коллектива в качестве начального этапа исследования восточнославянских говоров были разработаны и согласованы для некоторых явлений (например, таких, как судьба *ě, *ь, *е и др.) легенды к картам, учитывающие не только особенности диалектной реализации того или иного явления в русском, украинском и белорусском языках в отдельности, но и функционирование его в контексте всего восточнославянского диалектного континуума. Было проведено также и пробное картографирование целого ряда существенных для данных диалектов фактов из области фонетики, морфологии и лексики в рамках русского, украинского и белорусского языков (например, судьба *ě в русском языке, сопоставление судьбы *ę и *'а в русском и украинском языках и некоторые другие).

По замыслу С.В. Бромлей, атлас ВСИ должен был представлять собой прежде всего "источниковедческую

базу" для решения кардинальных для восточнославянских диалектов вопросов исторического и типологического плана путем лингвогеографического рекартографирования диалектных явлений, распространенных на территории русского, украинского и белорусского языков вместе взятых. К этим вопросам можно отнести, с одной стороны, воссоздание картины членения древнерусского языка и "восстановление диалектных процессов древнерусской эпохи, приведших к сложению трех языковых объединений" [Бромлей 1985, 172; Бромлей 1990], а с другой, – доказательство целостности восточнославянского лингвистического ландшафта путем выявления таких диалектных признаков, которые свидетельствуют об особой родственной близости всех восточнославянских говоров и подтверждают известное положение о том, что "восточнославянская языковая область по многим причинам – историческим, структурно-лингвистическим, лингвогеографическим и др. – должна быть выделена в качестве особого, единого и целостного объекта картографирования" [Бромлей 1985, 172]. Нельзя не согласиться и с мнением о том, что всю лингвистическую информацию, относящуюся к трем восточнославянским языкам, целесообразно изучать в ВСИ именно на диалектном уровне, вне границ национальных языков, поскольку только такое сплошное лингвогеографическое картографирование и может дать наиболее объективное представление о характере современного восточнославянского лингвистического ландшафта [Бромлей 1985, 178–179]. Это обстоятельство обусловлено тем, что, как справедливо отмечал в свое время Р.И. Аванесов, "многие проблемы не могут быть разрешены на материале одного языка, в изоляции от данных других близкородственных языков. Понятие отдельных языков (например, русского, украинского, белорусского) относится прежде всего к сфере социально-исторической, культурной, а не структурно-языковой. Ареалы ряда самых различных языковых явлений нередко охватывают соседние территории близкородственных языков" [Аванесов 1964, 558].

В лингвистике хорошо известно, какое большое значение имеют современные диалектные данные для истории языка. Как уже упоминалось выше, атлас ВСИ в значительной мере также призван дать надежную базу для решения некоторых важнейших диахронических проблем, и это могло бы способствовать дальнейшему развитию исторической диалектологии восточнославянских языков. Вошедшие в атлас карты могли бы предоставить будущим исследователям систематизированный материал для реконструкции отдельных целостных звеньев системы языка и для прояснения целого ряда вопросов, являющихся и в настоящее время дискуссионными (таких, как, например, вопрос о диалектном членении позднепраславянского и древнерусского языков, вопрос о генезисе современных сходств и различий в рамках восточнославянского диалектного пространства и др.).

Одна из наиболее известных и поддерживаемых многими лингвистами гипотез о диалектном членении позднепраславянского и древнерусского языков признает наличие первоначально единого языка восточных славян и считает, что данное органическое единство восточнославянских языков и диалектов своими корнями уходит еще в праславянскую эпоху. Так, например, С.Б. Бернштейн отмечает, что в I–II вв. н.э. восточнославянский праязык никаких говоров не имел и "представлял поразительное диалектное единство" [Бернштейн 1961, 70]; он также подчеркивал, что "в нашем распоряжении нет фактов, которые бы говорили о существенном и глубоком членении внутри восточнославянских диалектов до утраты сверхкратких в "слабой" позиции (т.е. до XII в.)" [Бернштейн 1961, 40]. В данном вопросе С.Б. Бернштейн солидарен с Б.М. Ляпуновым, который считал, что "по XII столетие существовал единый общерусский праязык с незначительными диалектными вариациями" [Ляпунов 1919, 5].

На эту же особенность восточнославянских языков указывает и Р.И. Аванесов, отмечая, что "восточные славяне были исконно едины по своему языку" [Аванесов 1955, 24] и "в древнейших фонетических процессах, как и морфологических особенностях, в ней (восточнославянской языковой группе. – *Т.П.*) не обнаруживается сколько-нибудь заметных различий" [Аванесов 1955, 24]. Существующие же в настоящее время в пределах восточнославянской группы языков диалектные различия, по мнению Р.И. Аванесова, "в подавляющей своей части относятся к более поздней исторической эпохе" [Аванесов 1978, 10].

Таким образом, с точки зрения традиционного исторического языкознания, ориентированного на концепцию "родословного древа", общевосточнославянское (исторически – древнерусское) языковое единство интерпретируется...как единство генетическое, т.е. обусловленное происхождением всех восточнославянских говоров из одного праславянского диалекта – "восточнославянского языка-основы" [Хабургаев 1980, 84].

Другая гипотеза, являющаяся в течение длительного времени менее популярной, признает изначальную диалектную неоднородность восточнославянского праязыка[1]. Кстати, в своих ранних работах эту гипотезу, в известной степени, разделял и Р.И. Аванесов, который отмечал, что "эпоха предысторическая характеризовалась многочисленными, но весьма близкими друг другу племенными диалектами, вероятно, не образующими больших, цельных в территориальном отношении компактных групп" [Аванесов 1947, 129][2]. При этом он

---

[1] Следует обратить особое внимание на заслуживающую пристального внимания точку зрения Г.А. Хабургаева, считавшего, что само понятие праславянского языка как целостной, территориально нерасчлененной системы (восстанавливаемой в результате сравнительно-исторической реконструкции) – крайне сомнительно. По его мнению, "...праславянское (реконструируемое) состояние можно характеризовать как *язык* (а не совокупность близких в структурном отношении индоевропейских диалектов, объединяющихся присущими только им особенностями) лишь при допущении, что его носи-тели до поры до времени составляли социальное и этнографическое единство в составе племени или племенной конфедерации и объединялись сознанием принадлежности к одному этносу. Для эпохи формирования праславянского языка такое допущение пока неизбежно...; однако для второй половины I тыс. н.э. оно более чем спорно" [Хабургаев 1994, 33]. Аналогичное рассуждение может быть приложено и к собранию древних диалектов, сосредоточенных на мéньшей (а именно – восточнославянской) территории, по отношению к которым часто и также, видимо, неудачно употребляется название "восточнославянский праязык".

[2] Подобную же диалектную ситуацию, существовавшую в Славии в предысторический период, рисовал и Г.А. Хабургаев, проецируя ее вообще на весь праславянский "язык". По его мнению, для VI в. уже можно предполагать"... множественность славяноязычных этнографических группировок..., которые на уровне социально-этническом составляли племена и племенные союзы (или конфедерации, племенной состав которых мог время от времени меняться), а на уровне языковом представляли структурно близкие друг другу диалекты..., характеризовавшиеся "волнообразной" непрерывностью на всем занятом их носителями "безмерном пространстве" [Хабургаев 1994, 34].

подчеркивал, что по данной причине в период первобытного родоплеменного строя вряд ли могли "образоваться на обширных территориях три единые диалекта и, видимо, столько же единых этнических образований... Напротив, можно предполагать, что изоглоссы на этой территории проходили самым прихотливым образом, причем они никогда не были стабильны и тверды сколько-нибудь продолжительное время" [Аванесов 1947, 114]. И вследст-вие того, что эти изоглоссы, фактически, стерты позднейшими языковыми процессами, "о племенных диалектах восточных славян эпохи первобытнообщинного строя и их территориальном распределении мы мало что можем сказать, так как они не только затемнены последующими процессами, но, можно сказать, почти полностью перекрыты ими и не оставили после себя достаточно ощутимых следов" [Аванесов 1947, 124][3].

В последние годы концепция, утверждающая изначальную диалектную неоднородность восточнославянского "праязыка" получила серьезную поддержку в результате выхода в свет исследований, основанных на изучении введенных в научный оборот уникальных данных – как диалектных (см. ОЛА, ОКДА, материалы полесских говоров), так и исторических (имеются в виду, например, новгородские берестяные грамоты, материалы по славянской исторической акцентологии, а также данные северо-западных и западных великорусских и северо-восточных белорусских говоров, рассмотренные с точки зрения возможности возведения их к кривичскому племенному языку, и др.): указанные факты заставляют по-новому взглянуть не только на развитие праславянского языка, но и на образование восточнославянской группы языков и их диалектное членение. Именно в этих исследованиях содержатся красноречивые аргументы и доказательства того, что, вопреки традиционной точке зрения, правосточнославянский язык не следует рассматривать как "генетически монолитное ответвление от праславянского языка" [Зализняк 1988, 176] и что истоки о т д е л ь н ы х современных диалектных различий, характеризующих говоры восточнославянских языков, восходят к тем различиям, которые были свойственны еще правосточнославянским (племенным) диалектам.

Этот важнейший вывод о существовании изначальной гетерогенности восточнославянского диалектного континуума и о наличии тесных взаимоотношений древних восточнославянских диалектов с другими славянскими диалектами базируется не только на тщательном изучении многочисленных новых фактов (так, например, были проанализированы и исследованы: многие изоглоссы, проведенные по данным ОЛА и ОКДА; отдельные системные архаизмы, зафиксированные в современных восточнославянских говорах и восходящие к древнейшему периоду; данные новгородских берестяных грамот; акцентологические системы различных славянских памятников письменности и мн.др.), но и на переосмыслении уже известного в науке диалектного и исторического материала (см., например: [ОЛА, рефлексы *ě*, 1988; Зализняк 1988; Хабургаев 1972; Хабургаев 1980; Шевелев 1979; Николаев 1988; Николаев 1989; Николаев 1994; Булатова, Дыбо, Николаев 1988; Основы 1990]).

Так, исследования А.А. Зализняка показывают, что уже в позднепраславянский период выделялись две основные диалектные группы (северо-западная и юго-восточная) и одна переходная (смешанная). В каждой из этих групп были предки диалектов, входящих в настоящее время в состав восточнославянских языков [Зализняк 1988, 175–176].

По данным А.А. Зализняка, к с е в е р о - з а п а д н о й диалектной группе относились польский, северно-лехитские, лужицкие и северно-кривичский диалекты. Ю г о - в о с т о ч н у ю группу диалектов составляли болгарский, сербско-хорватский, словенский, ильменско-словенский и южные диалекты восточнославянской зоны. При этом А.А. Зализняк подчеркивает, что внутри данной группы "обнаруживается, в частности, ряд изоглосс, объединяющих словенско-сербскую зону с ильменско-словенским диалектом и не включающих при этом диалекта Юго-Западной Руси. Это значит, что гипотеза о простом расщеплении единой юго-восточной группы на южную и восточную была бы лишь огрубленным отражением фактов. В действительности к моменту географического разделения южных и восточных славян внутри юго-восточной группы уже существовало племенное дробление и начали формироваться различные (в том числе перекрестные) межплеменные связи" [Зализняк 1988, 176]. К с м е ш а н н о й (или переходной) группе диалектов, расположенной между двумя вышеназванными основными группами, относятся, по данным А.А. Зализняка, древненовгородский, южно-кривичский, словацкий и до некоторой степени чешский и ростово-суздальский говоры.

О существовании кривичского племенного языка и племенных языков славян Верхнего Дона и вятичей убедительно говорит С.Н. Николаев, приводя в подтверждение своей гипотезы многочисленные и обоснованные лингвистические факты [Николаев 1988; Николаев 1989; Николаев 1994].

На известную автономность в славянском мире праукраинских диалектов в целом, а также на наличие противопоставленности между северными и южными украинскими говорами, истоки которой ведут в доисторическое прошлое, указывают, например, Н.Н. Дурново и Ю. Шевелев [Дурново 1969, 124, 203–208; Шевелев 1979, 752 и след.; Шевелев 1994, 15].

Оценивая восточнославянское лингвистическое пространство с точки зрения его древнейшего диалектного членения, нельзя пройти мимо и обособленности в нем юго-западных украинских говоров, чему, как известно, в значительной степени способствовала так называемая "карпатская миграция славян" [Иллич-Свитыч 1960, 222; Клепикова 1992, 115 и сл.]. Об особой судьбе этих говоров в прошлом и настоящем свидетельствуют как широко известные многочисленные их исследования (см., например, работы И. Верхратского, И. Панкевича, М. Пшепюрской, К. Дейны, Б.В. Кобылянского, Д.Г. Бандривского, И.А. Дзендзелевского, В.В. Нимчука, П.М. Лизанца, А.Н. Залесского, Л. Дэжэ и мн. др.), так и новейшие данные КДА и ОКДА. Поэтому нельзя считать случайным тот факт, что хотя современные юго-западные украинские говоры и относятся,

[3] С этой точки зрения решительно полемизирует С.Л. Николаев, который приводит целый ряд убедительных аргументов, доказывающих с о х р а н е н и е в современных говорах некоторых древнейших восточнославянских диалектных различий (см., например, [Николаев 1988; Николаев 1989] и особенно – [Николаев 1994]).

вне всяких сомнений, к восточнославянской языковой группе (так, например, эти говоры характеризуются целым рядом схождений с северно-русскими говорами, с одной стороны, и говорами западного диалектного пояса восточнославянских языков, – с другой [Бернштейн 1973, 38]), они, тем не менее, будучи представителями карпатской диалектной зоны[4], оказываются такими лингвистическими объектами, которые по многим своим чертам противопоставляются всем остальным восточнославянским диалектам [Бернштейн, Клепикова 1989, 130].

Следует, однако, подчеркнуть, что рассуждая о диалектных различиях, характеризующих современные восточнославянские говоры и обусловленных в соответствии с данной гипотезой в определенной степени еще древними процессами (серьезные доказательства чего мы находим в ранних работах Р.И. Аванесова, в трудах С.Б. Бернштейна, посвященных карпатской проблематике, и особенно в исследованиях В.А. Дыбо, А.А. Зализняка, С.Л. Николаева, Г.А. Хабургаева, Ю. Шевелева и др.), нельзя недооценивать и бесспорный факт наличия той глубокой общности, которая в действительности характеризует современные диалекты восточных славян и служит веским основанием для их объединения в отдельную восточнославянскую языковую группу.

В славистике и для объяснения этой общности также существуют различные гипотезы. Одна из них, традиционная, исходит из справедливого признания того, что многие праэлементы, характеризующие праславянский язык в целом, прошли в восточнославянских диалектах одинаковый или близкий путь развития и обусловили их общность[5]. Существующие же различия – это уже результат самостоятельной жизни отдельных восточнославянских языков [Бернштейн 1961, 40].

Другая, менее распространенная точка зрения, предполагает, что значительную (а возможно, и бóльшую) часть специфических черт, общих для всех современных восточнославянских говоров, можно считать своего рода инновациями, поскольку возникли они не в праславянский период, а гораздо позже, в VI – нач. IX вв., в эпоху совместного существования племен на восточнославянской территории, т.е в эпоху формирования восточнославянских племенных диалектов, и особенно в IX–XI вв., когда складывалась древнерусская народность (на основе создания Древнерусского государства в середине IX в.) и образовывались специфические восточнославянские (т.е. общевосточнославянские) языковые особенности [Хабургаев 1972, 6; Хабургаев 1980, 86, 102; Зализняк 1988, 176]. Так, по мнению Г.А. Хабургаева, восточнославянское (хронологически – древнерусское) языковое единство сформировалось "в результате объединения генетически неоднородных славянских диалектов" [Хабургаев 1972, 10], а "общность восточнославянских языков на общеславянском фоне – это отражение древнерусской (а не "правосточнославянской") языковой общности" [Хабургаев 1980, 102][6].

Из этого краткого обзора различных гипотез о возникновении восточнославянского диалектного континуума с его общими и различающимися чертами следует, что убедительная (как синхронная, так и диахронная) интерпретация существующих в настоящее время сходств и различий между восточнославянскими диалектами, свидетельствующих о ярком своеобразии данного лингвистического объекта, может быть получена в значительной степени в результате тщательного лингвогеографического изучения диалектных явлений в рамках всего восточнославянского диалектного пространства, а также в результате глубокого анализа сконструированных на основе этого материала изоглосс. Именно такие задачи и ставит перед собой диалектологический атлас ВСИ, карты и комментарии которого, мы надеемся, можно рассматривать как один из вполне надежных источников для реконструкции древнего состояния целого ряда явлений, свойственных правосточнославянскому состоянию[7].

Актуальность и целесообразность данного многоаспектного труда обусловливается не в последнюю очередь тем, что его материалы могли бы стать весомыми аргументами в проблеме выбора между существующими различными точками зрения на многие сложные и дискуссионные вопросы, связанные с образованием восточнославянского диалектного континуума и трех восточнославянских языков – русского, украинского и белорусского.

Неудивительно поэтому, что в восточнославянском диалектологическом атласе ВСИ одно из важнейших значений приобретает и с т о р и ч е с к и й аспект лингвогеографического метода исследования всех диалектных материалов, содержащихся в трех национальных лингвистических атласах[8]. Именно с помощью указанного метода можно получить необходимые в дальнейших исследованиях сведения, проливающие свет на вопрос о генезисе существующих сходств и различий между диалектами, представляющими восточнославянские языки. В этом, кстати, заключается несомненная стимулирующая роль диалектологического атласа ВСИ

---

[4] Как известно, между языками и диалектами карпатской зоны "происходили сложные процессы взаимопроникновения и взаимовлияния, в результате которых сформировалась определенная языковая общность, со своими специфическими чертами" [Бернштейн 1973, 29].

[5] Так, подчеркивается, что, например, в отношении судьбы *ъ и *ь "восточнославянская зона выступает как единая речевая система" [Филин 1962, 261].

[6] В своей последней работе Г.А. Хабургаев подчеркивал неразрывную связь между формированием действительной языковой общности на основе множества диалектных образований, когда появляются реальные условия для возникновения общих черт, и созданием государства: "Язык–идиом в том смысле, в каком он может соотноситься с составляющими его диалектами, т.е. язык как 'территориально варьирующееся средство общения социума, о б ъ е д и н е н н о г о с о з н а н и е м п р и н а д л е ж н о с т и к е д и н о м у этносу', формируется только в результате сложения наддиалектного территориально-политического объединения, в составе которого вошедшие в него диалектно-этнографические группы постепенно утрачивают племенное самосознание и вырабатывают е д и н о е э т н и ч е с к о е самосознание... В середине IX в. этот процесс еще был далек от завершения" [Хабургаев 1994, 34].

[7] Ср.: "Решение диахронических задач восточнославянского языкознания методами лингвогеографии в полной мере могло бы быть обеспечено только на базе специально созданного восточнославянского атласа с четко отобранным кругом языковых явлений, подлежащих картографированию" [Бромлей 1985, 179].

[8] Ср.: "Лингвистическая география имеет дело с сосуществующими современными фактами языка на разных территориях. Однако она имеет право на существование едва ли не ввиду ее исключительно большого значения для генетического, диахронического языкознания" [Аванесов, Бернштейн 1958, 4]. Подробнее см.: [Аванесов 1962, 9–14; Аванесов 1963, 297–299, и сл.].

в последующем развитии исторической диалектологии восточнославянских языков.

Наряду с историческим аспектом атлас восточнославянских диалектов должен содержать и типологическое осмысление современных диалектных данных с целью выявления и определения тех тенденций, закономерностей и явлений, на основе которых выделяются современные диалектные типы (например, диалекты с наличием или отсутствием различения мягких переднеязычных и заднеязычных фонем; диалекты с наличием или отсутствием различной рефлексации прасл. *ę и *'a; диалекты с наличием или отсутствием результатов аналогического выравнивания глагольных основ; диалекты с наличием или отсутствием аналитических тенденций в системе именного словоизменения, что проявляется в сохранении или элиминации формальных различий между флексиями разных падежей одной парадигмы, и т.п.).

В отличие от карт источниковедческого характера, показывающих конкретное распределение тех или иных элементов разных уровней языка в пространственном аспекте на материале всех восточнославянских диалектов, главная задача так называемых типологических карт должна заключаться в том, чтобы по возможности четко отразить наиболее существенные для диалектных систем связи и противопоставления между определенными элементами, т.е. раскрыть системные отношения между отдельными явлениями и показать те сходства и различия современных восточнославянских диалектов, которые обусловливают синхронную типологическую группировку исследуемых говоров[9]. Спектр явлений, показываемых на типологических картах, может быть достаточно разнообразным. Наряду с явлениями, раскрывающими определенное современное состояние диалектов, необходимо выявлять и архаизмы или некоторые исходные явления, снимая при этом с них более поздние наслоения. В результате указанные карты смогут отобразить многие из важных явлений, которые в той или иной мере послужили основой для формирования современного восточнославянского диалектного ландшафта. Причем в данном случае в равной степени интересными будут карты как объединяющие своими изоглоссами разные диалекты всех трех языков, так и разъединяющие их, т.е. показывающие самобытность развития русского, украинского и белорусского языков каждого в отдельности.

Отсюда следует, что в ВСИ целесообразно не только разрабатывать различные типы карт в соответствии с тем многообразием лингвогеографических задач, которые призван решать восточнославянский диалектологический атлас, но и применять различные картографические средства (знаки, штриховки, заливки, изоглоссы), способствующие наиболее адекватному соответствию поставленной автором задачи и ее воплощением на карте. На этих картах существенные для восточнославянского диалектного пространства явления могут быть показаны в самых разнообразных аспектах. Так, карты могут быть посвящены судьбе какого-либо явления как в одном слове (например, "рефлексы *ě в слове *věra"), так и в неограниченном количестве слов (например, "рефлексы *ě "); на картах могут быть показаны определенные структурные характеристики диалектных систем, т.е. определенные связи и противопоставления тех или иных элементов (например, "наличие/отсутствие морфонологических чередований в глагольной основе", "совпадение/несовпадение судьбы *ę и *'a") и т.д.[10]. При картографировании системных отношений между элементами конкретный материал, как правило, на самой карте отсутствует. В этом случае составитель карты приводит его либо в комментарии, либо указывает на соответствующие карты в национальных атласах, где данный материал отображен достаточно подробно.

В связи с неизбежным переосмыслением известного уже по трем национальным атласам материала и его новой интерпретацией в аспекте всего восточнославянского диалектного пространства в ВСИ особое внимание уделяется комментариям, которые должны представлять собой, в сущности, подробные, монографического типа, исследования показываемых на карте явлений с привлечением, по необходимости, диахронических, этимологических, сопоставительных и других данных. В комментарии следует также раскрыть и обосновать тему карты, показать ее важность для членения всей восточнославянской языковой области, дать аргументированную оценку исходного материала, объяснить принципы его отображения на карте, дать лингвистическую характеристику ареалов, привести весь необходимый для полного раскрытия поставленной задачи материал, не отраженный на карте, и, наконец, сформулировать обоснованные выводы.

Из сказанного следует, что восточнославянский диалектологический атлас ВСИ должен представлять собой надёжную фактографическую базу, содержащую синхронные диалектные данные и учитывающую при этом такие параметры, как системные отношения исследуемых явлений, их пространственная ориентированность и диахроническая направленность.

В результате хорошо продуманного отбора диалектного материала, подлежащего рекартографированию и исследованию его в разных аспектах, можно надеяться, что как историческая, так и синхронно-типологическая задачи, стоящие перед авторским коллективом, являются, в целом, выполненными. Хотелось бы также надеяться, что данный труд, наряду с его узколокальной, восточнославянской, значимостью, будет иметь в масштабах всего славянского континуума и более широкое, общеславянское, значение. В контексте всех славянских диалектов многие результаты, полученные в ходе исследования специфических для восточнославянского диалектного пространства явлений, можно рассмат-

---

[9] В своем докладе "Восточнославянские изоглоссы" С.В. Бромлей пишет: "В связи с задачей картографирования типологических отношений, в работе над атласом будет отрабатываться методика построения типологических карт. Это тем более необходимо, что вообще этот атлас, по сравнению с национальными, должен в большей степени ориентироваться на показ общих закономерностей, абстрагируясь от конкретного материала в случаях, когда он в достаточной мере отражен в национальных атласах" [Бромлей 1990].

[10] Следует отметить, что аналогичный подход к анализу диалектного материала находим в ОЛА, где судьба какого-либо праэлемента показывается на двух типах карт – конкретных и обобщающих (см., например: [ОЛА, рефлексы *ę, 1990]). В этом выпуске дифференциация славянских диалектов устанавливается не только по судьбе *ę в рамках как отдельных словоформ, так и в неограниченном количестве слов (и морфем), но и по характеру рефлексации *ę в зависимости от влияния других явлений, а именно – от консонантного контекста и вокального количества.

ривать в качестве существенных и обоснованных аргументов при интерпретации тех или иных языковых фактов, характерных для других частей славянского мира.

В настоящее время коллективами трех академических институтов – Института русского языка РАН (Москва), Института славяноведения и балканистики РАН (Москва) и Института украинского языка АН Украины (Киев) – подготовлена к печати серия выпусков "Восточнославянские изоглоссы".

Данный выпуск представляет собой монографию, которая является фактически новым типом атласа, существенно отличающимся от известных нам региональных, национальных и многонациональных атласов. Сюда, вопреки существующей традиции составления диалектологических атласов, включены карты, которые исследуют явления не одного какого-либо языкового уровня (например, только фонетического, только морфологического или только лексического), а посвящены явлениям разных уровней языковой системы. Такое объединение их в рамках одного труда оправдывается и обусловливается тем, что анализируемые в монографии языковые факты представляют один и тот же объект исследования – это диалекты всех трех современных восточнославянских языков, объединенные как бы в одно целое. Показанные на картах данного выпуска явления свидетельствуют об их значимости для членения восточнославянского диалектного пространства, что подтверждает целесообразность предложенного авторами метода исследования такого разнообразного материала в рамках одного труда.

Напомним, что источником для рекартографирования послужили не только карты трех национальных атла-

сов – русского, украинского и белорусского, но также материалы других атласов (в частности, ОЛА), и данные опубликованных работ, рассматривающие различные вопросы диалектологии и истории восточнославянских языков.

В данный выпуск вошло 14 карт, посвященных, как уже указывалось выше, некоторым существенным для восточнославянского диалектного континуума и мало или совсем неизученным явлениям из области акцентологии, фонетики, морфонологии, морфологии, синтаксиса и лексики. Кроме того, дается одна карта, показывающая административное деление исследуемой территории.

Таким образом, в данной монографии рассматриваются в рамках всего восточнославянского диалектного континуума в лингвогеографическом аспекте некоторые явления разных уровней языковой системы: акцентологического (автор – С.Л. Николаев), фонетического (авторы – Л.Э. Калнынь, Н.Н. Пшеничнова и А.В. Тер-Аванесова), морфонологического (автор – Т.В. Попова), морфологического (авторы – Н.Л. Голубева, Т.В. Попова и Н.П. Прилипко), синтаксического (автор – Л.Е. Лопатина) и лексического (авторы – И.А. Букринская, О.Е. Кармакова и Г.П. Клепикова). Всем этим явлениям дается синхронная и в ряде случаев диахроническая интерпретация.

В результате представленных в монографии исследований вырисовывается вполне определенная картина диалектного членения всей восточнославянской территории. Так, по совокупности ряда различных явлений можно выделить, например, такие ареалы, как: с е в е р о - в о с т о ч н ы й а р е а л русских говоров, в котором отмечается *л* → *ў* в позициях перед согласными и на конце слова; наличие невеляризованного *л'/l*; чередование *t'at* ~ *t'et'*; наличие лексемы *ши́пко* и др.; с е в е р о - з а п а д н ы й а р е а л русских говоров, для которых характерно наличие синтаксических конструкций *он женивши, он выпивши* и лексемы *гора́здо*; з а п а д н ы й а р е а л, охватывающий западно-русские (кроме северо-западных), белорусские (и в ряде случаев украинские – кроме юго-западных) говоры, где мы находим *л* → *ў* в **tъlt, tьlt, l*-ptc.m.sg.; строгое соотношение баритонированных и окситонированных причастных форм: *дала́ но бра́ла*; и, отчасти, синтаксические конструкции типа *пойти в ягоды*; ю г о - з а п а д н ы й а р е а л, говоры которого характеризуются особой судьбой **ę* и **'a*; наличием невеляризованного *л'/l*; прикрепленностью баритонированных и окситонированных причастных форм к определенным глагольным корням; наличием флексии Тв.ед. существительных женского рода типа *-ов, -ев*; а р е а л, образованный у к р а и н с к и м и г о в о р а м и, в которых находим унифицированную по шипящему варианту основу настоящего времени глаголов I спряжения типа русск. лит. *печь, беречь* и основу *дво-* в форме твор.п. числительного *два* и др. (см. карты).

Очевидно, что все представленные в монографии изоглоссы нуждаются в дополнительном осмыслении и дальнейшем глубоком анализе.

В заключение хотелось бы еще раз специально подчеркнуть, что в данной работе впервые в таком объеме языковые явления рассматриваются в лингвогеографическом аспекте на всей в о с т о ч н о с л а в я н с к о й т е р р и т о р и и в ц е л о м. Этот факт трудно переоценить, так как представление на карте того или иного явления в масштабах всего восточнославянского пространства, а не в рамках одного языка (что мы имеем в ДАРЯ, АУМ и ДАБМ, когда при картографировании границы распространения диалектных различий вынужденно обрываются), позволяет увидеть реализацию каждого явления именно в о б щ е - в о с т о ч н о с л а в я н с к о м аспекте, что дает возможность открыть в нем новые, существенные для всех трех языков, вместе взятых, стороны.

Сказанное вселяет надежду, что карты, вошедшие в данную монографию, послужат в какой-то степени базой для дальнейшего исследования кардинальных для восточнославянских диалектов проблем исторического и синхронно-типологического плана, не получивших пока еще удовлетворительного решения.

Авторы монографии пользуются случаем с благодарностью отметить, что данное исследование в значительной степени проведено благодаря финансовой поддержке Фонда Дж. Сороса.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

Аванесов 1947 – *Аванесов Р.И.* Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9.

Аванесов 1949 – *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.

Аванесов 1955 – *Аванесов Р.И.* Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // ВЯ. 1955. № 5.

Аванесов 1962 – *Аванесов Р.И.* [Введение] // Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.

Аванесов 1963 – *Аванесов Р.И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов. М., 1963.

Аванесов 1964 – *Аванесов Р.И.* О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии // ИАН ОЛЯ. 1964. № 6.

Аванесов 1978 – *Аванесов Р.И.* Общеславянский лингвистический атлас (1958–1978): Итоги и перспективы // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.

Аванесов, Бернштейн, 1958 – *Аванесов Р.И., Бернштейн С.Б.* Лингвистическая география и структура языка // IV Международный съезд славистов: Доклады. М., 1958.

АУМ 1 – Атлас українськоїмови. Ч. 1. Київ, 1984.

АУМ 2 – Атлас українськоїмови. Ч. 2. Київ, 1988.

Бернштейн 1961 – *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Бернштейн, 1973 – *Бернштейн С.Б.* Проблемы интерференции языков карпатодунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии // Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.

Бернштейн, Клепикова 1989 – *Бернштейн С.Б., Клепикова Г.П.* Лингвогеографическое изучение карпатской (=карпато-балканской) зоны и проблемы диахронической интерпретации "карпатизмов" // ОЛА. Материалы и исследования. 1985–1987. М., 1989.

Бромлей 1979 – *Бромлей С.В.* Лингвогеографическое изучение восточнославянской языковой области // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тезисы докладов и сообщений. (Душанбе, 12–15 ноября 1979 г.). М., 1979.

Бромлей 1985 – *Бромлей С.В.* Восточнославянские языки как объект лингвогеографии // Восточные славяне: Языки. История. Культура. М., 1985.

Бромлей 1987 – *Бромлей С.В.* О происхождении [*ĺ*]"среднего" в русских говорах // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987.

Бромлей 1990 – *Бромлей С.В.* Восточнославянские изоглоссы: Доклад на заседании Бюро ОЛЯ АН СССР 7 февраля 1990 г. (рукопись).

Булатова, Дыбо, Николаев 1988 – *Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л.* Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.

Вост. 1957 – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы: Карты. М., 1957.

Вост. комментарии. 1957 – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы: Вступительные статьи. Справочные материалы и комментарии к картам. М., 1957.

ДАБМ 1963 – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы: Карты. Мінск, 1963.

ДАБМ каментары і – Дыялекталагічны атлас беларускай мови. Уступныя артыкулы. Даведачныя матэрыялы, каментарыі да карт. Мінск, 1963.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1994.

ДАРЯ I – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. Карты. М., 1986.

ДАРЯ I, комментарии – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Вступительные статьи. Комментарии к картам. Фонетика. М., 1986.

ДАРЯ II – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Карты. М., 1989.

ДАРЯ II, комментарии – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989.

ДАРЯ III – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. III. Лексика. Синтаксис. (Рукопись).

Дурново 1969 – *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. 1–3 Київ, 1982–1989.

Зализняк 1988 – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.

Зап. – Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы (рукопись).

Захарова, Орлова 1970 – *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Иллич-Свитыч 1960 – *Иллич-Свитыч В.М.* Лексический комментарий к карпатской миграции славян // Изв. АН СССР. Сер. ОЛЯ. 1960, № 3.

Клепикова 1992 – *Клепикова Г.П.* Гипотеза В.М. Иллич-Свитыча о роли "карпатской миграции славян" в свете новых данных лингвогеографии // Лексика в ОКДА. II. М., 1992.

ЛГГБГ 1969 – Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969.

Ляпунов 1919 – *Ляпунов Б.М.* Единство русского языка в его наречиях: (Пособие к лекциям по истории русского языка). Одесса, 1919.

МУ 1957 – Методические указания к «Программе собирания сведений для составления "Диалектологического атласа русского языка»(под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой). М., 1957.

Назарова, 1985 – *Назарова Т.В.* Лінгвістичный атлас Нижньої Прип'яти. Київ, 1985.

Нарысы 1964 – Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

Николаев 1988 – *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.

---

* В данный список вошли сокращения, общие для Введения и всей монографии. Работы, не вошедшие в этот список, даны в конце каждого раздела.

Николаев 1989 – *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.

Николаев 1994 – *Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. 1994. № 3.

ОКДА 1987 – Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје, 1987.

ОЛА, животный мир, 1988 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988.

ОЛА, рефлексы *ě, 1988 – Общеславянский лингвистический атлас. Фонетико-грамматическая серия. Вып. 1. Рефлексы *ě. Белград, 1988.

ОЛА, рефлексы *ę, 1990 – Общеславянский лингвистический атлас. Фонетико-грамматическая серия. Вып. 2а. Рефлексы *ę. М., 1990.

ОЛА, рефлексы *ǫ, 1990 – Общеславянский лингвистический атлас. Фонетико-грамматическая серия. Вып. 2б. Рефлексы *ǫ. Wrocław, 1990.

ОЛА 1994 – Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. М., 1994.

Основы 1994 – Основы славянской акцентологии / Отв. ред. Р.В. Булатова. М.: Наука, 1990.

Праграма 1950 – Праграма по вывучэнню беларускіх гаворак і збіранню звестак для складания дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1950.

Програма 1949 – Програма для збирання матеріалів до Діалектологічного атласу української мови. Київ, 1949.

Программа 1947 – Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.

С. – Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы (рукопись).

С.-Зап. – Атлас русских говоров северо-западных областей СССР (рукопись).

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. О.Н. Трубачева. М., 1960–1964.

Филин 1962 – *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.

Хабургаев 1972 – *Хабургаев Г.А.* Проблемы образования и взаимодействия древнерусских диалектов: Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. М., 1972.

Хабургаев 1980 – *Хабургаев Г.А.* Становление русского языка. М., 1980.

Хабургаев 1994 – *Хабургаев Г.А.* Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М., 1994.

Шахматов 1957 – *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Шевелев 1979 – *Shevelov George J.* A Historical Phonology of the Ukrainian Lunguage. eidelberg, 1979.

Шевелев 1994 – *Шевельов Юрий.* Про генетизм у діялектологічній концепції К. Михальчука // Пролеми сучасної ареалогії. Київ, 1994.

Ю. – Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы (рукопись).

КАРТА 1

УДАРЕНИЕ ФОРМЫ *l*-ПРИЧАСТИЯ ЖЕНСКОГО РОДА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА ОТ ГЛАГОЛОВ ПОДВИЖНОЙ АКЦЕНТНОЙ ПАРАДИГМЫ ОТ ОДНОСЛОЖНЫХ ОСНОВ НА ГЛАСНЫЙ

Карта посвящена распределению систем ударения формы ж. р.ед. ч. *l*-причастия. В белорусских, великорусских, северных и восточных украинских говорах эта форма имеет абсолютное употребление в значении прошедшего времени, а также используется для образования условного наклонения. В юго-западных украинских говорах с помощью этой формы в сочетании с финитными формами глагола **byti* образуются формы сложного претерита (перфекта), плюсквамперфекта, будущего времени и условного наклонения.

Картографируются формы *l*-причастия от синхронно односложных основ глаголов праслав. подвижной акцентной парадигмы двух типов: 1) **dala*, **pila*, **byla*, **-čęla*, т.е. образования от исконно односложных корней (основ); 2) **bьrala*, **sъpala*, образования от исконно двусложных основ, ставших односложными в результате выпадения слабых редуцированных.

На территории восточнославянского диалектного континуума выделяются следующие системы, устанавливаемые по соотношению баритонированных и окситонированных форм *l*-причастия ж.р. указанных двух типов основ.

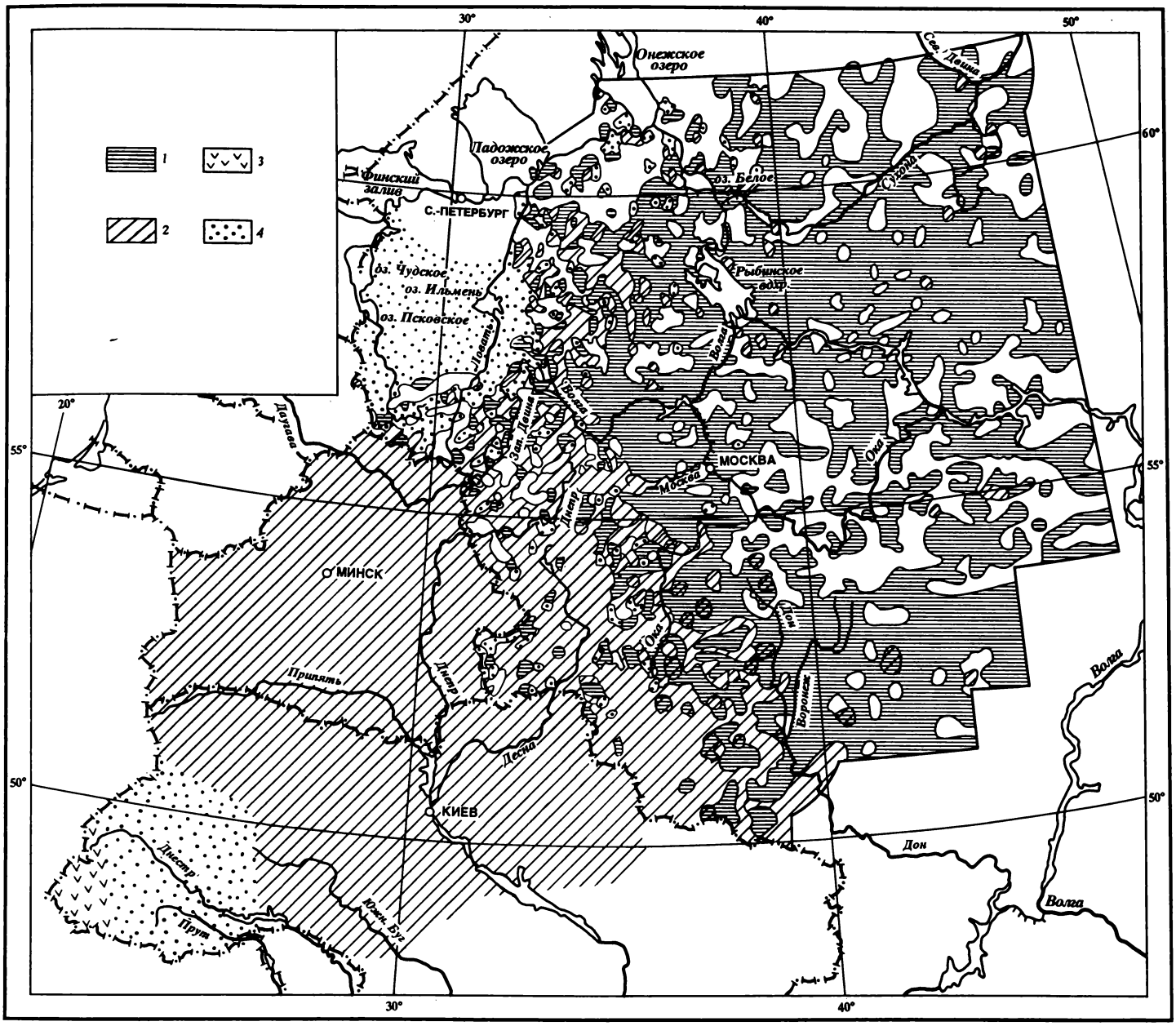
I система – окситонированные формы от глаголов обоих типов. Она характерна для восточновеликорусских говоров, в том числе и для русского литературного языка (*далá, пилá, началá*; *бралá, спалá* и т.д.). Конечное ударение свойственно и приставочным формам (*продалá, забралá* и т.д.).

II система характерна для западновеликорусских говоров (кроме северо-западных), подавляющего большинства белорусских говоров (лишь на крайнем севере Белоруссии в говорах, примыкающих к южнопсковским, отмечена IV система) и украинских говоров (кроме юго-западных – подольских, прикарпатских и закарпатских). В этой системе *l*-причастия глаголов 1-го типа имеют конечное ударение, *l*-причастия 2-го типа – наоснóвное (например, укр. литер. *далá, пилá, почалá, булá*, но *брáла, спáла, лля́ла* < **lьjala*). В диалектных приставочных формах изредка отмечаются ударения на префиксе в глаголах I типа (типа *náčała, pródała, própyła*, но всегда *zabrála, pr*[*ô*]*spála*).

III система характерна для небольшого ареала в украинском Закарпатье (в основном для ужанских и боржавских говоров к западу от линии Синевирская Поляна – Хуст). Эта система отличается от II системы тем, что в *l*-причастиях глаголов 1-го типа конечное ударение бывает только в формах от корней на *-a* (< **a*, **ę*), при этом в приставочных формах спорадически отмечается ударение на префиксе, а образования от других корней имеют предконечное ударение; формы от глаголов 2-го типа всегда имеют наоснóвное ударение (например, в говоре с. Черный Поток Иршавского р-на Закарпатской обл.: а) *dalá, prodalá/pródala, načʼalá/náčʼala*; б) *píla, napíla, sʼa*; *bo͡ola*; в) *brála, zabrála*; *spála, prūspála*).

IV система характерна для двух отдаленных ареалов – северо-западного великорусского (в основном для псковских говоров, а также говоров древних переселенцев из Псковской земли в Обонежье)[1] и юго-западного украинского (для подольских, прикарпатских и закарпатских мараморошских и гуцульских говоров к востоку от линии Синевирская Поляна – Хуст). В этой системе *l*-причастия ж.р. глаголов обоих типов имеют наоснóвное ударение (например, в с. Ясень Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл.: *dála, pi̯ą́la, bą́la, začʼi̯ą́la*; *brála, spála*). Иногда (в обоих ареалах) в приставочных формах отмечается ударение на префиксе. При этом в юго-за-

[1] Территория к северу от р. Луги и к западу от р. Волхова на карте оставлена пустой, т.к. в материалах ДАРЯ отражено мозаичное распределение различных систем (I, II и IV) на небольших территориях, а зачастую и сосуществование форм разных систем в отдельных говорах. Масштаб данной карты не позволяет адекватно показать географическую дистрибуцию систем на указанной территории. Причиной хаотичного смешения трех систем является то, что в этот ареал, славянское население которого первоначально было редким, на протяжении средних веков и нового времени переселялись носители различных великорусских говоров.

Карта 1.

Ударение формы *l*-причастия женского рода единственного числа от глаголов подвижной акцентной парадигмы от односложных основ на гласный типа *брала, дала*[*]

1 – конечное ударение у глаголов всех типов (*далá, пилá, бралá*); 2 – конечное ударение в односложных глаголах (*далá, пилá*), наосновное ударение у глаголов других типов (*брáла*); 3 – конечное ударение в односложных глаголах с корневым *-а-* (*далá*), наосновное ударение у глаголов других типов (*брáла, пúла*); 4 – наосновное ударение у глаголов всех типов (*дáла, пúла, брáла*).

падных украинских оно бывает только у глаголов 1-го типа (*zač'iẹ̀la/záč'ila*), а в псковских и обоянежских говорах – у глаголов обоих типов: *dáła/pródała, p'íła/záp'iła, spáła/próspała* и т.п.).

Непосредственно к реконструируемому праславянскому состоянию восходит I (восточновеликорусская) система (*пилá, далá, началá* < **pilã̀, *dalã̀, *načęlã̀* ~ *бралá, спалá* < **bьralã̀, *sъpalã̀*). В праславянском *l*-причастия от глаголов подвижной акцентной парадигмы имели формы с чередующимся начальным (в т.ч. напрефиксальным) и конечным ударением (ср. русск. *нáчал, нáчало, нáчали* ~ *началá, началсѧ́, началóсь, началúсь*; *брáло, брáли*, диал. и устар. *зáбрал, зáбрали* ~ *бралá, бралóсь, бралúсь*, диал. и устар. *бралсѧ́*).

II система является отражением древней фонетической или морфонологической инновации, в результате которой все основы глаголов 2-го типа (исконно двусложные) перешли в неподвижный акцентный тип (*брáла, спáла* как *гнáла, слáла* < **gъnãla, *sъlãla*), тогда как в глаголах 1-го типа (с исконно односложными основами) старое акцентное различие между подвижной и неподвижной акцентными парадигмами сохранилось (укр. литер. *пилá* < **pilã̀*, но *бúла* < **bĩla*). Этим объясняется и сохранение напрефиксального ударения только у глаголов 1-го типа, которое было заимствовано формами ж.р. из форм с исконным ударением на приставке (ср. русск. *нáчал, нáчало, нáчали* ~ *началá*). Не исключено, что первоначальной зоной указанной иннова-

[*] На территории распространения русских говоров по технологическим причинам наличествуют пустоты, которые следует интерпретировать как знак 1.

ции было Полесье с прилегающими землями, где отмечаются рефлексы удлинения гласных после выпавших слабых редуцированных (например, *тпцо́го, тпй́го, тпи́го* < **m[ъ]nōgo* < **тъnogo*). Возможно, в этих говорах ретракция ударения в рефлексах *l*-причастия типа **bьrala, *sъpala* была фонетической (**pĭlá, *dălá*, но **b[ь]rála,* < **b[ь]rālá*). Таким образом формы *l*-причастия ж.р. глаголов подвижной акцентной парадигмы получили то же ударение, что и формы от глаголов неподвижной парадигмы, что явилось отправной точкой для утраты подвижности ударения во всей парадигме *l*-причастия. В дальнейшем, морфонологизировавшись, различие в ударении *l*-причастий глаголов с основами двух типов распространилось на сопредельные ареалы, в которых фонетической оттяжки ударения не происходило (ср. прикарпатск. укр. *тпо́го* без следов удлинения). Приведенная гипотеза во многом спекулятивна и даже в случае адекватности нуждается в строгом доказательстве.

Судя по различному поведению приставочных форм варианты IV системы, с одной стороны, в украинских и, с другой стороны, в северо-западных великорусских говорах могут рассматриваться как результаты независимого параллельного развития. В обоих случаях происходило выравнивание ударения *l*-причастия по формам глаголов с неподвижной акцентной парадигмой, но если в юго-западном украинском наосно́вное ударение по той или иной причине обобщилось сначала у глаголов 2-го типа, а затем 1-го (чем и объясняются следы сохранения былой подвижности только у глаголов 1-го типа), то в посковском генерализация наосно́вного ударения происходила в системах, где подвижность была характерна для глаголов обоих типов, т.е. сохранявших праславянскую модель подвижности акцента.

Видимо, III система является реликтовой, отражающей один из этапов перехода II системы в полностью утратившую конечноударные формы *l*-причастия IV систему (в ее юго-западном украинском варианте), при этом в III системе отражено исчезновение окситонных форм глаголов 1-го типа с основами на любой гласный, кроме *-а* (причины этого распределения неясны). По всей вероятности, ко времени формирования III системы глаголы 2-го типа в данном ареале уже полностью утратили былую подвижность ударения.

КАРТА 2

РЕФЛЕКСАЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЛАТЕРАЛЬНОГО СОНАНТА (**l*)

Тема карты обусловлена тем, что в восточнославянских диалектах представлены различия в артикуляции латерального сонанта, с одной стороны, и в правилах его синтагматики, – с другой. Предметом рассмотрения является сонант, выступающий в позиции, исключающей его эвентуальную палатализацию. Это – твердый согласный перед гласным непереднего ряда, перед согласными и на конце слова. Сочетания с согласными могут быть как исконными, так и появившимися после падения редуцированного **ъ*; позиция на конце слова является результатом падения **ъ*.

Континуантами **l* на восточнославянской территории являются:

л – смычнопроходной, переднеязычный, зубной латеральный, веляризованный (т.е. двухфокусный) согласный;

л'/l – то же, но невеляризованный согласный, образующийся при достаточно плоской форме языка; уровень уплощения языка и как следствие этого приближение языка к твердому нёбу по говорам варьируется, что создает впечатление переходных звуков типа $л^{l}$, $l^{л}$ и под.;

ў, w – билабиальный спирант; различие между *ў* и *w* состоит в уровне напряженности артикуляции и в связи с этим в уровне шума, который выше у *w*; оба эти звука относятся к классу согласных – экспериментальное обоснование этого на украинском материале дано в [Totskaya 1987, 244]; будучи согласными, *ў* и *w* не могут быть носителями слога.

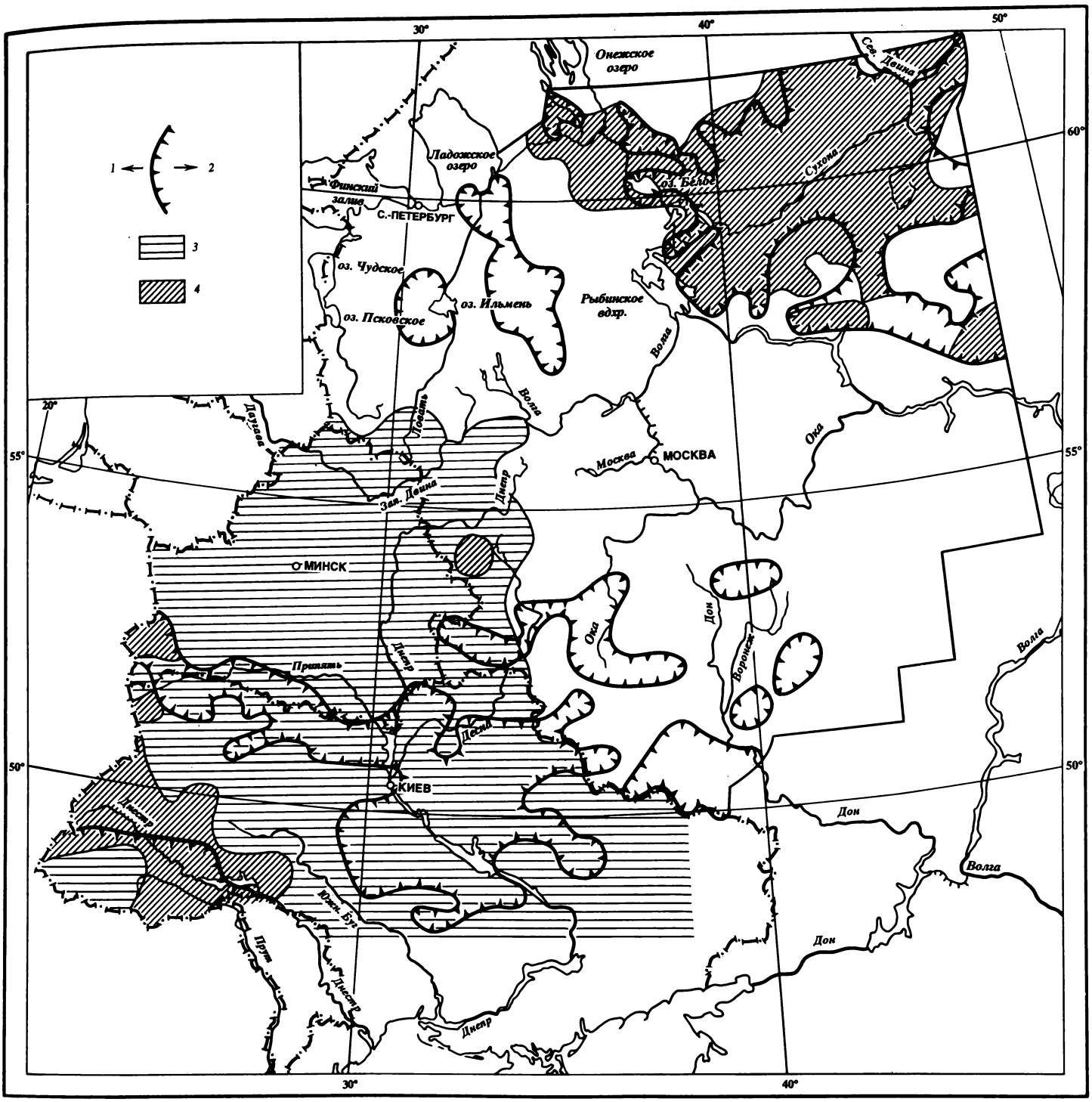
В разных восточнославянских диалектных атласах фонетике латерального сонанта уделяется неодинаковое внимание. Это отражено уже в программах собирания диалектного материала для атласов.

В р у с с к о й программе на фонетику латерального сонанта ориентированы два вопроса.

"48. Не произносится ли в конце слов и перед согласными вместо *л* звук *ў*?" – в примерах приводятся формы N sg m *о*-основ, l-ptcm sg, сочетания сонанта с согласным в последовательностях типа **tъlt* и сочетания, образовавшиеся после падения редуцированного после сонанта;"

"49. Как произносится звук *л* перед *а, о, у, ы* – твердо, как в литературном языке, или как *l* "среднее", "европейское" (такое, например, как во французском языке)"? [Программа 1947, 61].

В у к р а и н с к о й программе в вопросе 451 под рубрикой в) предлагается выяснить произносятся ли "*лад, лопата, плуг, голка, вал* (с твердым *л*) чи *л'ад, л'опата, пл'уг, гол'ка, вал'* (з напівм'яким *л*)". Вопрос

Карта 2. Рефлексация прасл. латерального сонанта (**l*)

1 – веляризованный сонант *л*; 2 – невеляризованный сонант *l*, *л*ˑ; 3 – *л* → *ў* в *tъlt, *tьlt, l - ptg m sg; 4 – *л* → *у* в позициях перед согласным и на конце слова.

453 предусматривает замену *л* губным спирантом, т.е. "*село, була, мала...* – чи *сево, бува, мава...*", а фиксация аналогичной замены перед согласным и на конце слова не предусмотрена [Программа 1949, 75]. Ф.Т. Жилко называет сонант *л*ˑ полумягким и "так называемым альвеолярным" [Жилко 1955, 94].

В белорусской программе главное внимание уделено латеральному сонанту на конце слова и перед согласным. Вопрос 51 (48): "Які гук вымаўляецца замест *л*:

а) у канцы слова: *знаў, знав* ці *знал*;

б) у сярэдзіне слова перад зычным: *воўк, вовк* ці *волк...* (в этой рубрике практически подразумеваются лишь рефлексы *tъlt, *tьlt. – *Л.К.*);

в) в словах, дзе між *л* і наступным зычным можа з'явіцца беглы галосны: *качалка* ці *качаўка*; у канцы назоўнікаў: *стол* ці *стоў*" [Праграмма 1950, 34].

Фиксация разных видов артикуляции собственно латерального сонанта вопросами белорусской программы не предусмотрена. В транскрипции, предложенной для обследования белорусских говоров, наряду с *л* приводится знак *l*, относительно которого сказано – "літара *l*

прынята у транскрыпцыі для абазначэння сярэдняга паўмяккага *л* (практычна не ужывалася)" [ДАБМ 35; Праграма 1950, 100] – последнее замечание вполне соответствует действительности, так как в материалах белорусского атласа нет ни одного случая транскрипционной записи примеров с *l*.

Сходство программ проявляется в том, что в них отсутствует точное определение артикуляции латерального сонанта, отличающегося от *л* и обозначаемого знаками *l*, *л*'. Термины *л* "среднее", "европейское" носят описательный характер. Определение же "полумягкий" (или – "едва заметная на слух мягкость", как сказано в комментарии к Карте 23 АУМ I [АУМ, 1] является неверным по существу. Артикуляционная специфика сонанта, обозначаемого знаками *l*, *л*', состоит в отсутствии веляризованности, т.е. подъема задней части спинки языка к мягкому нёбу. Невеляризованный сонант может восприниматься носителями языка, имеющего веляризованный *л*, как недостаточно твердый и даже полумягкий. В частности и потому, что после невеляризованного сонанта гласные не имеют того понижения и сдвига назад, которые происходят после веляризованного согласного [Чекман 1979, 46]. Квалификация неверялизованного сонанта как нетвердого отчасти основана на представлении, что там, где имеется корреляция палатализованности, твердым оппонентом мягкого согласного является веляризованный согласный – отсутствие же веляризации означает и отсутствие названной корреляции [Реформатский 1970, 488]. Однако это мнение не бесспорно. Так, В.Н. Чекман считает, что веляризованность твердых согласных сопровождает корреляцию палатализованности в русском и белорусском языках, в других же языках, имеющих ту же корреляцию, веляризованность твердых согласных может отсутствовать [Чекман 1970, 44]. Ситуация, когда невеляризованный сонант относится к классу твердых согласных и образует оппозицию по высоте собственного тона с *л*', известна русским диалектам [Русская диалектология 1964, 79], болгарским [Иванов 1977, 120], украинским [Жилко 1963, 28]. Нет оснований считать, что в паре /l/ – /л'/ ослаблен признак противопоставления по твердости–мягкости, как это сказано в [Бромлей 1987, 78].

Приписывание невеляризованному латеральному сонанту "полумягкости" в известной мере может деформировать фонетическую картину обследуемых диалектов. Как известно, мягкие согласные фонемы могут быть реализованы согласными разной степени мягкости – это зависит от соотношения длины переходного (*i*-образного) тембрального участка и ядра гласного, следующего после мягкого согласного [Кузнецова 1965, 58]. При определенном соотношении этих величин согласный аудитивно воспринимается как полумягкий, но только теми аудиторами, в языке которых *i*-образный участок после мягких согласных имеет бóльшую длину. Невеляризованный латеральный согласный не тождественен "полумягкому" согласному, так как между ним и следующим гласным нет *i*-образного перехода. Именно поэтому фиксация латерального сонанта, определяемого в программах как "полумягкий", может представлять трудность для эксплораторов, в языке которых твердая латеральная фонема реализована невеляризованным согласным, и не может ассоциироваться с согласными повышенного тона.

Представление о *l* как о полумягком согласном лежит в основе предложенной С.В. Бромлей интерпретации сосуществования *ў*, *w* и *l* на месте **l* в северновосточном ареале ДАРЯ. Центральным моментом этой интерпретации является придание изменениям рефлексов **l* статуса повышения/понижения вокальности сонанта, чем эксплицируются типологические свойства фонетического строя соответствующих диалектов. Повышение имеет вид *л* → *ў*, *w*, понижение – *ў*, *w* → *l*. При этом считается, что в русских говорах северо-востока ДАРЯ 1) переход *л* → *ў* имел место во всех позициях, включая позицию перед гласными непереднего ряда и 2) *l* относится к классу согласных неполного смягчения, вообще свойственному тем же говорам. Устранение *ў*, *w* рассматривается как один из фактов консонантизации фонетического строя диалектов, при которой имеющаяся в ресурсах диалектов смычно-проходная артикуляция *l* заменяет собою *ў*, *w* [Бромлей 1987]. По поводу этого можно заметить, что вряд ли в латеральном сонанте признак консонантности выражен более сильно, чем в билабиальном спиранте – сонант может выступать в роли слогоносителя, чем бесспорно подтверждается его, если не более высокий, то и не более низкий вокальный уровень, чем тот, который присущ *ў*, *w*. Ср. характеристику артикуляции латерального сонанта, данную О. Броком – длинные, сильно открытые боковые отверстия образования *л* имеют последствием то, что "характерный шум", свойственный таким сонантам, "звучит особенно слабо или в типично развитых *l* почти исчезает; он уступает место более или менее чистому гласному звуку" [Брок 1910, 33]. В то же время наличие спиранта *ў*, *w* на месте **l* отнюдь не противоречит высокому уровню консонантизации фонетического строя идиома. Пример такого сочетания дает польский язык, отнесенный к консонантическому типу в [Исаченко 117]. Можно также отметить, что в системе транскрипции, используемой в ОЛА, согласный *w* отнесен к классу шумных спирантов, а латеральный – к классу сонорных [ОЛА 1994, 48, 52].

В предлагаемой статье мы придерживаемся иной точки зрения на хронологию изменения **l* и соотношение латерального сонанта и билабиального спиранта.

В восточнославянских диалектологических атласах фонетика латерального сонанта отражена по-разному. В целом это отражает отношение к той информации, которая вызвана формулировкой соответствующего спроса программы.

В русском атласе [ДАРЯ I] на Карте 61 ("Диалектные замены *л* твердого") показаны ареалы распространения невеляризованного сонанта и изменения сонанта в билабиальный спирант, т.е. картографически интерпретируется вся предусмотренная программой информация о фонетике латерального сонанта. Пр. этом в комментарии к карте отмечено: "Обычно в говорах в тех положениях, где употребляются звуки /l/, /ў/ или /w/, отмечают и употребление /л/ твердого. В виду его повсеместной распространенности этот звук не получает отражения на карте" [ДАРЯ I, 162].

В украинском атласе распространение невеляризованного латерального сонанта *л*' картографически не фиксируется. Но указания на употребление в отдельных пунктах *л*' перед непередними гласными, перед

согласными и на конце слова включены в комментарии к некоторым картам. При этом создается впечатление, что наличие/отсутствие информации о произношении *л'* отражает субъективное отношение автора карты к этой фонетической проблеме. В результате получается, что одна и та же территория, по свидетельству одних комментариев к карте, имеет *л'*, а по свидетельству других – *л*. Ср. [АУМ, I]: комментарий к Карте 122 перечисляет пункты, где *лоша* произносится с *л'*, а комментарий к Карте 70, используя слова *могила, голубка, солодкий*, не упоминает о произношении в них *л'*, хотя этого можно было бы ожидать в тех пунктах, где произносится *л'оша*. В [АУМ 2], в комментариях к Картам 60 (*лобода*) и 130 (*скло, шкло*) перечисляют пункты, где произносится *л'*, в то время как во всех тех же пунктах, судя по комментариям к Картам 3, 87, 88, слово *тіло* произносится только с *л*, что маловероятно.

В целом список комментариев к картам, указывающих на произношение *л'* перед непередними гласными, с одной стороны, и не дающих такой информации, – с другой, выглядит следующим образом:
[АУМ 1]

Отмечено произношение *л'*:
Карты 13 – *цілувати*, 20 – *попіл*, 82 – *вузол/вузел*, 84 – *яблуко*, 92 – *голуб'ята*, 121 – *бджола, пчола*, 122 – *лоша*, 123 – *волочат, толочат*, 165 – *клад*, 170 – *лобан*, 292 – *гладушка*, 287 – *клуня*.

Произношение *л'* не отмечено и примеры даются только с *л*:
Карты 70 – *могила, голубка, солодкий*; 102 – *село, стіл*; 239 – *молодый*, № 220 – *хлопців*.
[АУМ 2]

Отмечено произношение *л'*:
Карты 60 – *лобода*, 61 – *глубокий*, 65 – *ложка*, 103 – *скло, шкло*, 158 – *игла*, 179 – *злодійови*, 286 – *лубок*

Произношение *л'* не отмечено и примеры даются только с *л*:
Карты 3, 87, 88 – *тіло*, 21 – *плуги*, 37 – *село*, 47, 55 – *лоша*, 49, 67 – *яблуко*, 50, 288 – *лава лавка*, 73 – *половня, золото*, 110 – *бжола, пчола*, 283 – *гладушка, гладун*, 291 – *плахта*.

В комментарии к Карте 287 слово *халупа'* имеет фонетические варианты *хал'упа, хаўупа*, но распределение по пунктам этих вариантов не приводится.

В белорусском атласе, как было сказано, нет никаких указаний на произношение в каких-либо говорах невеляризованного сонанта. В транскрипции примеров в комментариях не используется никогда включенный в список транскрипции знак *l*.

Используя данные карты 61 ДАРЯ и содержащиеся в комментариях к некоторым картам АУМ I и II сведения о произношении *л'*, показываем территорию распространения невеляризованного латерального сонанта на восточнославянской территории. Как дополнительный материал при этом используются данные картотеки ОЛА, предполагающей обязательную фиксацию качества латерального согласного в словах, восходящих к праформам **moldъjь, *bělъjь, *cělъjь, *melko, *blъxa, *jablъko, *lъžka, *želbъ, *golǫbъ, *želǫdь, *čelověkъ, *lǫčǫ, *lodъka, *žędlo* и др. Часть этих слов приведена в списке материалов к картам, опубликованным в фонетико-грамматических выпусках ОЛА "Рефлексы **ě*" (1988), "Рефлексы **ę*" (1990), "Рефлексы **ǫ*" (1990). Невеляризованный сонант в Брестской обл. фиксируется на основе данных [АУМ, 1988] (п.п. 617, 625).

На русской территории распространение *l* дается более обобщенно, чем это предложено в ДАРЯ на Карте 61 – не фиксируются некоторые изолированные пункты в центре территории (Зап. п.п. 292, 456, 457, 623; Вост. п.п. 674, 691 и др.). На юге русской территории объединены некоторые не сливающиеся друг с другом ареалы с *l*.

Замена латерального сонанта билабиальным спирантом перед согласным и на конце слова в восточнославянских диалектных атласах отражена поразному. Само по себе это явление хронологически неоднородно и имеет неодинаковое включение в состав диалектных различий.

Изменение **l* → *ŭ* в сочетаниях **tъlt, *tьlt* и на конце формы *l*-ptc m sg присуще всем украинским и белорусским диалектам. Принципиальность ситуации не меняет то, что, по данным картотеки ОЛА, в некоторых белорусских пунктах в сочетаниях типа **tъlt* произносится не только *ŭ*, но и *ł*. Например, Браслав – *ł* в **dъlbetъ, *žьltъjь, *dьlgъ*; Городок – *ł* в **vьlkъ, *vьlna, *kъlbasa*; Лепель – *ł* в **vьlna, *mъlnьja, *kъlbasa* и др. Но нет белорусских говоров, где бы был отмечен только *ł* в соответствии с **tъlt, *tьlt* и в *l*-ptc m sg.

В сочетаниях с согласными, образовавшихся после падения редуцированных, а также на конце слова в форме subst N sg m латеральный сонант ведет себя подругому – в одних говорах изменяется в билабиальный спирант, а в других – нет.

В белорусском атласе нет никаких указаний на изменение латерального сонанта в этих случаях, хотя программа атласа, как было сказано, предполагала фиксацию изменения *л* в позициях, образовавшихся после падения редуцированных. В комментариях к картам только с *л* даны слова *вугал/вугол* (Карта 189), *вал, пол, кол, стол* (Карта 35), *белка* (Карта 308), *вясёлка* (Карта 312), *магілкі* (Карта 318). В описании белорусской диалектной фонетики *ў* на месте *л* также фиксируется только в **tъlt, *tьlt* и *l*-ptc m sg [Крывіцкі, Падлужны 1984, 148].

В украинском атласе изменение *л* → *ў* отмечается и в новых сочетаниях согласных, возникших после падения редуцированных, а также в конце формы subst N sg m. Это явление обозначено "условной изоглоссой" в [АУМ 2] на Карте 127. Поскольку украинская программа специально не ставила вопрос об изменении латерального сонанта в билабиальный спирант, то карта выполнена на материале ответов на другие вопросы программы. Карта 127 отражает произношение *гоўка, стріўка, ціпиўно, стіў, попіў*. Сюда же можно добавить *весеўка* (Дрогобич, Сколе, Рожнятин, комментарий к Карте 355), *пчіўник* (Великоберезний, Карта 277), *качуўка, тач'іўка* (Карта 289), *гойдаўка* (Карта 299). В то же время на Карте 330 слово

ИРЯ
институт русского языка
им. В.В. Виноградова
www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

білка ни разу не приводится с билабиальным спирантом.

В АУМ I нет примеров на изменение *л* → *ў* в новых группах согласных и в форме subst N sg m. Ср. только с *л* даны на Карте 25 *голка, иголка,* на Карте 20, 290 – *вилка,* на Карте 44 – *попіл,* на Карте 82 – *вузел/вузол,* на Карте 102 – *стіл,* на Карте 113 – *дятел,* на Карте 140 – *орел,* на Карте 161 – *кімбалка,* на Карте 296 – *гойдалка, вихалка,* на Карте 318 – *білка,* на Карте 324 – *бусел,* на Карте 343 – *веселка,* на Карте 348 – *могилка.*

В русском атласе на Карте 61 выделяются два разнотипных региона, в которых фиксируется изменение *л* → *ў*.

К Витебской, Могилевской, Гомельской областям примыкает достаточно компактная территория, в говорах которой *л* → *ў* в основном ограничен сочетаниями типа *tъlt и формой *l*-ptc sg m. В то же время в этом регионе имеются вкрапления, где:

1) *л* → *ў* только в форме *l*-ptc sg m (Зап. п.п. 2, 3, 13, 19, 23, 48, 72, 285, 289, 406, 414, 564–566 и др.; Ю. п.п. 81, 142, 180, 357, 359, 427, 536 и др.);

2) *л* → *ў* только в сочетаниях типа *tъlt (Зап. п.п. 245, 247, 89, Ю. п.п. 401, 423, 475, 491 и др.);

3) *л* → *ў* на конце слова только в форме *l*-ptc sg m, а перед согласными на уровне позиции.

Другая зона замены латерального сонанта билабиальным спирантом находится на северо-востоке русского атласа. Здесь основной тенденцией является лабиализация сонанта перед согласным и на конце слова на уровне позиции. Это происходит на фоне как *l*, так и *л* перед непередними гласными.

На Карте 61 и в этом регионе фиксируются многочисленные отступления от названного принципа распределения *ў* из *л*. Так, на территории С. в п.п. 7, 18, 41, 67, 76, 90, 92 и др. изменение *л* → *ў* отмечено только в *l*-ptc sg m, а перед согласным на уровне позиции; в п.п. 72, 94, 93 – *л* → *ў* только в *l*-ptc sg m, а в других морфемах и позициях вообще нет; в п.п. 206, 207 – *л* → *ў* только в *tъlt, *l*-ptc sg m, а тут же рядом в п. 225 – только в *tъlt; п. 343 – *л* → *ў* перед согласными, но не на конце слова, а тут же рядом в п. 359 – только в *tъlt и т.п. Такая дробность реализации фонетической черты в обоих ареалах ее распространения, тем более на территории исконного заселения, кажется странной. Может создаться впечатление, что на карте сведения об отдельных пунктах отражают не столько реальную фонетику говора, сколько запись в картотеке ДАРЯ, где не исключен элемент случайности.

Значение фиксированных морфем для замены латерального сонанта билабиальным спирантом принципиально различно для украинских, белорусских, юго-западных русских говоров, с одной стороны, и русских говоров северо-востока, – с другой. В первой группе говоров связь изменения *л* → *ў* с фиксированными морфемами безоговорочно доминирует. В русских же говорах северо-востока главенствует принцип позиционной обусловленности изменения *л* → *ў*. Далее мы покажем, что морфемная обусловленность изменения *л* → *ў* имеет определенную логику, не позволяющую изолировать одни морфемы от других. В частности, не может происходить изменение *л* → *ў* только в *l*-ptc sg m при сохранении латерального в *tъlt.

На предлагаемой карте в регионе, примыкающем к Белоруссии, как и на территории самой Белоруссии в большей части Украины, дается знак, показывающий изменение *л* → *ў* в *tъlt, *tьlt и в форме *l*-ptc sg m. Если здесь и есть какие-то отступления, то основное содержание тенденции передается адекватно. Севернее Раславля выделяется ареал (Зап. п.п. 542, 544, 548, 568), где изменение *л* → *ў* происходит на уровне фонетической позиции перед согласным и на конце слова.

На северо-востоке ДАРЯ изменение *л* → *ў* обозначено как обусловленное позицией перед согласным и на конце слова. Именно такая интерпретация этой фонетической черты говоров северо-востока дана на карте в [Теплова 1976, 159]. Возможно, имеются и в северо-восточной зоне русского диалектного континуума факты изменения *л* → *ў* в фиксированных морфемах, но это требует специального уточнения. Как явление, обусловленное фонетической позицией, изменение *л* → *ў* обозначено и на юго-западе Украины.

Относительно происхождения невеляризованного *л*, *l* – является он праславянским архаизмом или же представляет результат поздних фонетических изменений в отдельных диалектах, – единства мнения нет, и в принципе для каждого решения можно найти аргументы [Бромлей 1987, 70].

Карта восточнославянского ареала дает основания считать более правдоподобной идею первичности невеляризованного сонанта в сравнении с веляризованным. Часто в применении к *l* в русских говорах видят проявление финского субстрата. Но такой аргумент маловероятен для центральных украинских говоров, где также есть *l* (л'). Общеславянский контекст, во многих своих частях имеющий невеляризованный латеральный сонант на месте **l*, а веляризацию демонстрирующий как явно вторичное явление, заставляет предполагать исконность невеляризованного латерального сонанта в восточнославянском регионе.

Наиболее раннее изменение латерального сонанта в направлении приобретения веляризованности произошло в прасл. сочетаниях, в которых сонант находился перед согласным, т.е. **l* → *l* в *tъlt, *tьlt, *tolt, *telt. Эта веляризация в восточнославянских диалектах имела своим последствием передвижение в задний ряд предшествующего согласного, т.е. **ь* → *ъ*, **e* → *o*. Передвижение гласного не происходило, если ему предшествовал палатальный согласный (**žьltъjь*, **želtъ*) [Шахматов 1915, 132].

Подтверждением того, что веляризация сонанта перед согласным в исконных сочетаниях первоначально имела позиционный характер, является то, что при реализации полногласия сонант, оказавшись перед гласным, утрачивал веляризацию – в говорах, имеюших *л'*, *l*, этот согласный произносится и в слове *мол'око*, хотя первый гласный с несомненностью указывает на существование в прошлом веляризованного латерального сонанта (**e* → *o* перед *l*, но не перед *l*; ср. сохранение **e* перед *l* в южнославянских и западнославянских диалектах).

В условиях реализации прасл. правила открытого слога интерконсонантные сочетания *ъl, *ьl оказались перед слогоразделом, что в восточнославянских диалектах придало сочетаниям статус дифтонга – ъl, ьl стали

представлять собою один слог. Редуцированный в таком слоге был "сильным" независимо от качества гласного в следующем слоге.

В белорусских и украинских диалектах, с одной стороны, и в русских – с другой, дифтонг ъ̯, ь̯ имел неодинаковое развитие.

В украинских и белорусских диалектах в период до падения редуцированных произошла дальнейшая вокализация ъ, ь, что достигалось их превращением в нисходящий *u̯*-дифтонг, представлявший собою единицу вокального инвентаря. Дифтонги ъ̯u̯, ь̯u̯ в связи с прояснением "сильных" редуцированных изменились в o̯u̯, e̯u̯. Лишь позже в связи с изменением *v* → *w* в определенных позициях дифтонги o̯u̯, e̯u̯ стали восприниматься как сочетание гласного с губным согласным.

Наряду с сочетаниями *tъlt, *tьlt лабиализация латерального сонанта в украинских и белорусских диалектах происходила в форме *l*-ptc sg m. Это может быть результатом того, что данная форма утратила редуцированный раньше, чем другие формы, имеющие финальный *ъ̯. В этом случае пауза сыграла такую же роль, как согласные в исконных соетаниях, т.е. вызвала веляризацию сонанта и его дальнейшее изменение в *u̯*.

Если логику такого развития применить к фактам изменения *л* → *ў*, отраженным на Карте 61 ДАРЯ, то можно бы считать, что говоры, где *ў* из *л* отмечен только в *tъlt, *tьlt, демонстрируют архаическое устройство слога, не проявившееся ни в каких других фонетических контекстах. Но ситуация, когда в конце слова *ў* из *л* представлен только в *l*-ptc sg m, остается необъяснимой. Как явление, сопровождающее изменение сонанта в *tъlt, *tьlt, спирант *ў* в конце *l*-ptc понятен, если считать, что конечный *ъ̯ здесь утратился раньше, чем в других формах. Но предполагать, что преобразование *l*-дифтонга в *u̯*-дифтонг произошло после падения редуцированных и только в *l*-ptc, не проявившись предварительно в *tъlt, *tьlt – такое предположение неправдоподобно.

Следующий этап веляризации сонанта позиционно неунифицирован в восточнославянских диалектах. Веляризация сонанта перед непередним гласным, перед согласным и на конце слова имела место во всех белорусских говорах, в части украинских и русских. В то же время выделяются говоры, в которых невеляризованный сонант сохраняется не только перед гласными, но и в консонантных сочетаниях, образовавшихся после падения редуцированных, и на конце слова в формах subst N sg m. Это явление показано на Карте 61 ДАРЯ. В украинском атласе это подтвеждается примерами: [АУМ 1] *отвал'* (Карта 44), *мел'ник* (Карта 125), *гойдал'ка, вихал'ка* (Карта 296), *опал'ка* (Карта 299), *бíл'ка* (Карта 318), *бусел'* (Карта 324); [АУМ 2] *попíл'* (Карта 127), *копал'ник* (Карта 130), *мел'ник* (Карта 114). Присутствие в украинских говорах *л'* в позициях, возникших после падения редуцированных, подчеркивает собою значение для веляризации сонанта сочетаний типа *tъlt, *tьlt и формы *l*-ptc sg m.

В связи с рефлексацией **l* может возникнуть вопрос, сопровождалась ли в восточнославянских диалектах верялизация латерального сонанта его лабиализацией перед гласным, т.е. имел ли место здесь процесс, подобный тому, который представлен в польских, серболужицких диалектах. В картотеке ДАРЯ имеются единичные записи с *ў*, *w* на месте *л* перед гласными непереднего ряда. Автор комментариев к Карте 61 считает эти примеры не отражающими фонетическую закономерность [ДАРЯ I, 162]. Те же факты С.В. Бромлей расценивает как один из аргументов в пользу реконструкции изменения *л* → *w* перед гласными в некоторых русских говорах [Бромлей 1985, 16]. В материалах АУМ II произношение *w*, *в* на месте латерального сонанта отмечено в говорах на территории Польши и Словакии – *зowото, пowовн'а* (Карта 73), *ўобода* (Карта 60), *бвоха* (Карта 66). Что касается говоров собственно Украины, то произношение *ўобода* отмечено в п. 563 (Карта 60, Бар, Винница) и *бўоха* в п. 8 (Карта 66, Любомль, Волынь). В комментарии к Карте 278 отмечена возможность произношения *хаўупа*, но не указана его локализация на карте. Ф.Т. Жилко пишет о возможности приближения велярного *л* к губногубному *w*, но не о их совпадении в юго-западных говорах, особенно в их западной части [Жилко 1955, 94]. Можно считать, что изменение *л* → *ў*, *w* перед гласными непереднего ряда не характерно и для украинских диалектов. Что касается белорусских говоров, то здесь нет указаний на изменение *л* → *ў*.

В позициях, возникших после падения редуцированных, т.е. на конце слова и перед согласными, в некоторых говорах продолжилась тенденция, заложенная до падения редуцированных в рамках фиксированных морфем, т.е. произошла замена веляризованного сонанта билабиальным спирантом. Говоры, имеющие эту особенность, образуют достаточно компактные ареалы – это русский северо-восток и украинский юго-запад.

Во многих описаниях говоров, имеющих невеляризованный сонант и билабиальный спирант на месте сонанта, указывается на параллельное употребление *l*/*л'* и *л* и на непоследовательность изменения *л* → *ў*. Это варьирование на предлагаемой карте не учитывается, поскольку для выяснения тех общих тенденций, которые определяли модификацию латерального сонанта в восточнославянском регионе диагностическое значение имеют *л'*/*l* и *ў*, *w* на месте **l*.

На карте обозначены:

1) регион сохранения невеляризованного латерального сонанта;

2) изменение *л* → *ў* в сочетаниях типа *tъlt, *tьlt и в форме *l*-ptc sg m;

3) изменение *л* → *ў* перед согласным и на конце слова на уровне фонетической позиции, т.е. как в ситуации, обозначенной в 2), так и в позициях, возникших после падения редуцированных.

Территория, не снабженная на карте никакими знаками, репрезентует говоры, в которых веляризованный *л* выступает во всех позициях.

Рефлексация **l* в восточнославянских диалектах показывает, что в этом разделе фонетики говоры имеют как общие тенденции развития, так и различия, уходящие своими корнями в эпоху до падения редуцированных.

Общей является позиционно обусловленная лабиовеляризация сонанта, т.е. *l* → *l* в *tъlt, *tьlt, *tolt, *telt.

Что касается позиции перед непередними гласными и в возникших после падения редуцированных сочетаниях сонанта с согласными и паузой, то здесь восточнославянские диалекты не образуют единства – в одних лабиовеляризация сонанта происходила в этих позициях, в других – нет.

Чертой принципиального отличия украинских и белорусских говоров от основной части русских является, как реакция на закон открытого слога, преобразование интерконсонантных *tъ̯l, *tь̯l в u̯-дифтонги. Стадия u̯-дифтонгов свойственна и русским говорам юго-запада ДАРЯ, являющимся как бы продолжением белорусского ареала. В большей же части русских говоров в *tъlt, *tьlt не образовывался u̯-дифтонг. Различно отношение восточнославянских диалектов и к лабиализации латерального спиранта, т.е. *л* → *ў*, на уровне фонетической позиции.

Таким образом, рефлексация **l* показывает дифференциацию восточнославянских диалектов:

1) по степени архаичности артикуляции сонанта, поскольку к **l* ближе *л'*/*l*, чем *л*;

2) по реакции на закон открытого слога сочетаний *tъlt, *tьlt, чем праукраинские и прабелорусские диалекты отличались от прарусских еще в период до падения редуцированных;

3) по сходству с тенденциями изменения рефлексов **l*, известными в славянских диалектах за пределами восточнославянского региона – замена латерального сонанта билабиальным спирантом на уровне фонетической позиции перед согласным и на конце слова, характерная для украинских говоров юго-запада и русских северо-востока, имеет аналогию в польских, серболужицких, словенских говорах. В то же время присущее польским и серболужицким диалектам изменение l̯ → u̯ перед непередними гласными для восточнославянского региона не характерно.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Брок 1910 – *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.

Жилко 1955 – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

Жилко 1963 – *Жилко Ф.Т.* Фонологічні особливости української мови в порівнянні з іншими слов'янськими. Київ, 1963.

Иванов 1977 – *Иванов Йордан Н.* Български преселнически говори. София, 1977.

Исаченко 1963 – *Исаченко А.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.

Крывіцкі, Падлужны 1984 – *Крывіцкі А.А., Падлужны А.І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.

Кузнецова 1965 – *Кузнецова А.М.* Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.

Реформатский 1970 – *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Русская диалектология 1964 – Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.

Теплова 1976 – *Теплова В.Н.* Звуки /л/, /l/, /ў/ на месте этимологического *л* твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1976.

Чекман 1979 – *Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.

Шахматов 1915 – *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Totskaya 1987 – *Totskaya N.I.* The Nature of the so-culled non-syllabic Vowels in the Ukrainen Language // Proceeedings XI ICPhS. V. 3. Tallin, 1987.

КАРТА 3

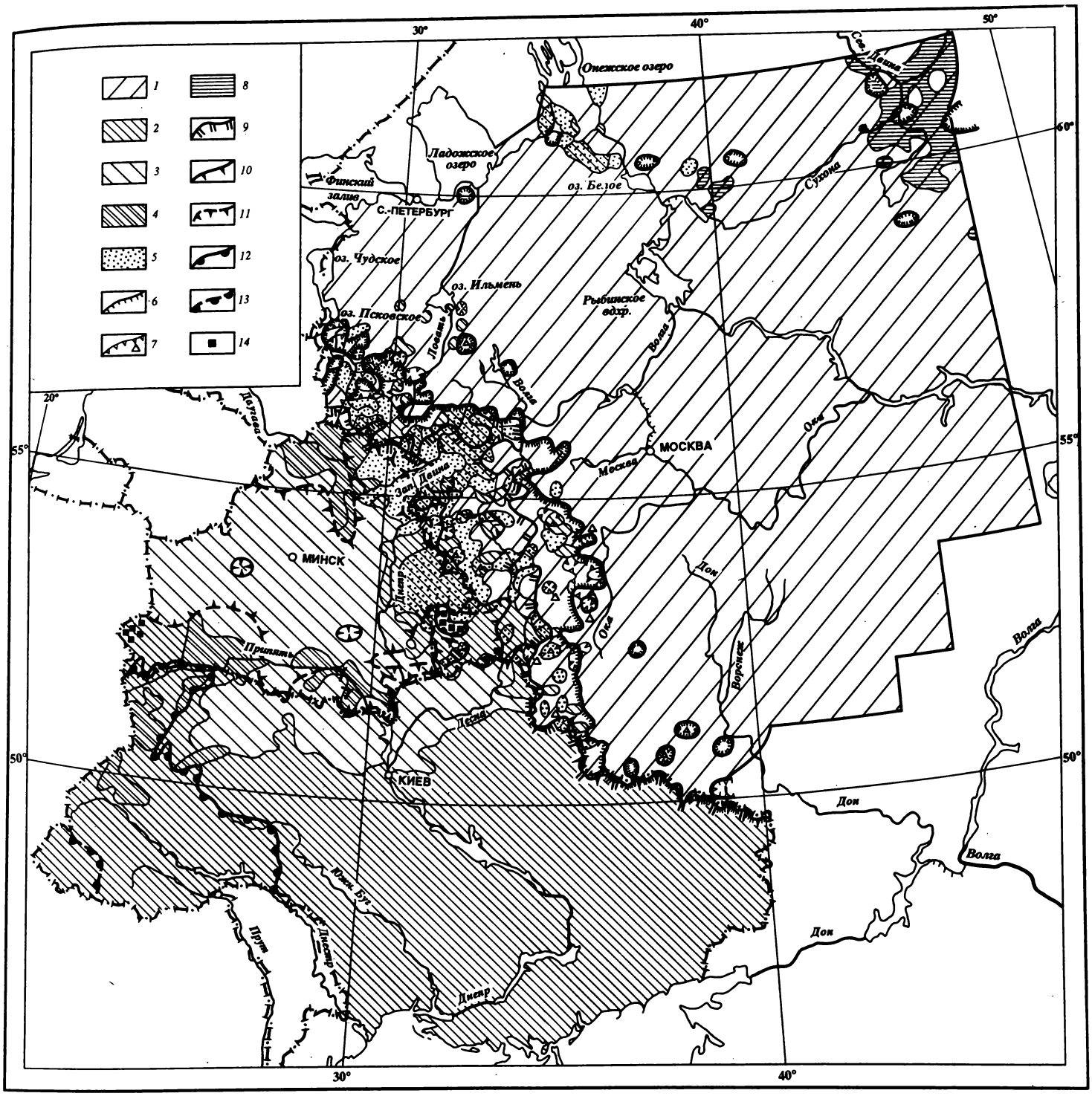
ГЛАСНЫЕ НА МЕСТЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ *ў, *ĭ

Карта посвящена судьбе редуцированных *ў, *ĭ (из *у, *і и *ъ, *ь перед *j* или *i̯*) в сильном положении и только в тех случаях, в каких гласный на месте редуцированных *ў, *ĭ в современных говорах восточнославянских языков оказался под ударением[1].

При составлении карты были использованы следующие материалы: [ДАБМ 1964, карты 110, 119, 121, 125, 134] и комментарии к ним; [АУМ1 1984, карты 145, 221, 233, 237] и комментарии к ним; [АУМ2 1988, карты 144, 197, 198, 199, 200, 212, 216] и комментарии к ним; [ДАРЯ2 1989, карты 42, 69, 99] и комментарии к ним, а также материалы ответов на вопросы программ собирания сведений для составления атласов белорусских, русских и украинских говоров [Праграма 1950; Программа 1947; Програма 1949], хранящиеся соответственно в Институте языкознания им. Я. Коласа БАН (Минск), в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва), в Институте языковедения им. А. Потебни УАН (Киев).

Использованные материалы не равноценны по своему качеству. Так, программы собирания сведений для составления атласов белорусских и русских говоров предусматривают специальный вопрос о рефлексах редуцированных *ў, *ĭ (соответственно 35 и 31). В программе для украинского атласа специальный вопрос о рефлексах редуцированных *ў, *ĭ отсутствует, в связи с чем был использован материал ответов только на вопросы

[1] В восточнославянских языках рефлексы редуцированного *ў в слабом положении не представлены: в различных предложных образованиях судьба редуцированного *ў, зависела от его судьбы в сильном положении (*вы́мою*, как *мо́ю*, *вы́рою* как *ро́ю* и т.п.). Слабый редуцированный *ĭ во всех говорах восточнославянских языков, как правило, утратился (напр., бел. *кас'с'о́*, рус. *пла́т'йе, пла́т'т'а*, укр. *жи́т'т'е* и т.п.). Наиболее поздняя работа, в которой анализируются рефлексы редуцированного *ў в безударной флексии И.п. ед.ч. прилагательных м.р. (*ъjь) – [Калнынь 1993, 22–34].

Гласные на месте редуцированного *ŭ

В окончании И.п. ед.ч. прилагательных муж.р.: 1 – /о/: *молод*[о́]*й*, *глух*[о́]*й* и т.п.; 2 – /и/: *молод*[ы́]*й*, *глу*[х'и́]*й*, *глух*[ы́]*й* и т.п.; 3 – /и/: *молод*[ы́], *глу*[х'и́], *глух*[ы́] и т.п.; 4 – /и/: *молод*[ы́]*й*, *глу*[х'и́]*й*, *глух*[ы́] *й* и т.п. и *молод*[ы́] и т.д. и т.п.; 5 – /е/: *молод*[е́]*й*, *глу*[х'е́]*й*, *глух*[е́]*й*, и т.п.

В основах личных форм глаголов *мыть*, *рыть* и т.п.: 6 – /и/: *м*[ы́]*ю*, *р*[ы́]*ешь*, *кр*[ы́]*ем* и т.п., 7 – /е/: *м*[е́]*ю*, *р*[е́]*ешь*, *кр*[е́]*ем* и т.п.; 8 – *м*[йу], *м*[йе]*шь* и т.д. при /о/ в других глаголах: *р*[о́]*ешь*, *кр*[о́]*ем* и т.п.

Гласные на месте редуцированного *ĭ

9 – /и/ в слове *ш*[ы́]*я*

В повелительной форме глаголов *пить*, *бить* и т.п.:

10 – /и/: *п*[и]*й*, *б*[и]*й* и т.п.; 11 – /и/: *п*[и], *б*[и] и т.п. или *п*[и], *б*[и] и т.п. и *п*[и]*й*, *б*[и]*й* и т.п.

В окончании Р.п. мн.ч. сущ.: 12 – /и/: *гост*[и́]*й*, *люд*[и́]*й* и т.п.; 13 – /и/: *гост*[и́], *люд*[и́] и т.п. или *гост*[и́], *люд*[и́] и т.п. и *гост*[и́]*й*, *люд*[и]*й* и т.п. 14 – /и/ в словоформах *солов*[и́]*й*, *вороб*[и́]*й* или *гороб*[и́]*й*

об И.п. ед.ч. прилагательных муж.р. (вопр. 415), о Р.п. мн.ч. существительных с мягкой основой (308), о слове *воробе́й* (72). Гласный на месте редуцированного *ŭ в личных формах глаголов типа *мыть*, а также на месте редуцированого *ĭ в повелительной форме глаголов типа *пить* и в существительном *ше́я* картографируется на основании показаний исследователей: [Житецкий 1876], [Дурново – Соколов – Ушаков 1915], [Панькевич 1930], [Жилко 1955].

Вопрос о редуцированных *ŭ, *ĭ, несмотря на то, что библиография работ, в которых он рассматривается, очень велика[2], до сих пор остается одним из сложнейших и невполне ясных в славистике.

Представленная карта дает новый материал для исследования судьбы редуцированных *ŭ, *ĭ в современных говорах восточнославянских языков[3].

При картографировании объединялся материал тех категорий, в которых не обнаруживается расхождений в территориальном распределении рефлексов редуцированных *ŭ, *ĭ. Так, с личными формами глаголов типа *мыть, крыть* и т.п. объединяются отмеченные в отдельных говорах повелительная форма этих глаголов, а также существительные и прилагательные, однокоренные с глаголом *мыть* (*мой, кро́йте* и т.п., *помо́йка, помо́и, помо́йная*; другие примеры в материалах не приводятся); объединенно картографируются прилагательные в форме И.п. ед.ч. м.р. с основой на парные твердые, задненебные и шипящие (расхождения, связанные с разной по говорам восточнославянских языков судьбой сочетаний *кы, гы, хы*, ниже оговариваются).

Картографирование показало, что расхождения ареалов распространения разных гласных на месте редуцированных *ŭ, *ĭ в сильном положении связано не только с их фонетической позицией, но и с разными лексико-грамматическими категориями, которым были свойственны редуцированные *ŭ, *ĭ. Таким образом, раздельно картографируются гласные на месте редуцированных *ŭ, *ĭ в следующих условиях:

1) на месте редуцированного *ŭ в начальном ударенном открытом слоге – личные формы глаголов типа *мыть*: бел. *мы́ю, мы́ешь* и т.д., рус. *мо́ю, мо́ешь* и т.д., укр. *мию́, мие́шь* и т.д. и т.п..;

2) на месте редуцированого *ŭ в закрытом слоге – ударенное окончание И.п. ед.ч. прилагательных м.р.: бел. *малады́й* и т.п., рус. *молодо́й* и т.п., укр. *молоди́й* и т.п.;

3) на месте редуцированного *ĭ в начальном ударенном открытом слоге – словоформа бел. *шы́я*, рус. *ше́я*, укр. *ши́я*;

4) на месте редуцированного *ĭ в закрытом слоге:

а) повелительная форма глаголов типа *пить*;

б) окончание Р.п. мн.ч. существительных старого склонения *ĭ – основ (типа *кость*) и мягкого варианта склонения *ŏ-основ (типа *конь*);

в) окончание И.п. ед.ч. существительных *солове́й, мураве́й, воробе́й*.

Рефлексы редуцированных *ŭ, *ĭ в членной форме указательных местоимений *тыи, сии* (из **тъи, *сьи*) на карте не отражены ввиду ее большой загруженности. Ниже в комментарии дается характеристика территориального распределения гласных на месте *ŭ в местоимении **тъи* (см. также [Пшеничнова 1960; Пшеничнова АКД; Пшеничнова КД]). Местоимение **сьи* мы не рассматриваем: варианты этой членной формы употребляются почти исключительно только в украинских говорах (см. [АУМ1 1984, карта 229; АУМ2 1988, карта 210]); помимо этого, лишь на юге Гомельской области (Комаринский район) в белорусских говорах сохранился вариант *сей* [Нарысы 1964, 222].

Близость ареалов распространения одних и тех же рефлексов редуцированных *ŭ и *ĭ в разных фонетических позициях и разных лексико-грамматических категориях свидетельствует, что процесс прояснения редуцированных *ŭ, *ĭ был общим для всех категорий и вначале протекал как процесс чисто фонетический. В то же время расхождения в территориальном распределении одних и тех же рефлексов в разных категориях показывает, что, начавшись как фонетический, этот процесс очень рано осложнился разного рода аналогиями и стал протекать как процесс фонетико-морфологический и фонетико-лексический.

Известно, что в современных восточнославянских говорах на месте редуцированного *ŭ отмечены [о], [ы], [е], на месте редуцированного *ĭ – [е], [и] (или гласные, которые в тех или иных диалектных системах появились позднее на месте рефлексов редуцированных *ŭ, *ĭ в соответствии с закономерностями этих систем). Карта отражает ареалы распространения разных рефлексов редуцированных *ŭ, *ĭ и выявляет зоны сосуществования разных рефлексов в разных лексико-грамматических категориях.

ГЛАСНЫЕ НА МЕСТЕ РЕДУЦИРОВАННОГО *ŭ

Все говоры по рефлексам редуцированного *ŭ делятся на две части: северо-восточную – бо́льшая часть русских ([0]) – и юго-западную – почти все белорусские и украинские говоры ([ы] или гласный, в который изменился [ы] любого происхождения). На пограничье этих главных ареалов – зона сосуществования разных рефлексов редуцированного *ŭ в каждой из категорий. Эта зона особенно важна для построения гипотез о характере процесса прояснения редуцированного *ŭ в говорах восточнославянских языков и относительной хронологии появления разных гласных полного образования в разных говорах в разных лексико-грамматических категориях.

Наиболее широко гласный [ы] отмечен в личных формах глаголов типа *мыть*: граница между областями распространения [о] и [ы] в этих формах проходит приблизительно по линии Псков – Холм – Торопец – Ржев –Гагарин – Юхнов – Белев – Кромы – Белгород и

---

[2] Судьба редуцированных *ŭ, *ĭ в восточнославянских языках на материалах, собранных для диалектологических атласов белорусского, русского и украинского языков, специально исследуется в [Пшеничнова КД], см. также [Филин 1972].

[3] Ранее рефлексы редуцированных *ŭ, *ĭ во всех рассматриваемых категориях на территории говоров всех трех восточнославянских языков в опубликованных работах были представлены лишь схематично: [Пшеничнова 1960]; см. также [Пшеничнова КД, приложение 1].

далее по русско-украинской границе. К югу и западу от этой границы почти во всех говорах – только [ы] или гласный, в который изменился [ы] любого происхождения (см. [ДАБМ, карты 39, 110; АУМ 1, карты 17–21; АУМ 2, карты 15–17, 20, 21]). Это белорусские и украинские говоры, русские говоры западной, верхнеднепровской, верхнедесиинской групп, межзональные говоры типа "А", юго-западный угол Курско-Орловской группы южнорусского наречия (см. [ДАРЯ 1 1986, карта VI]). В диалектном членении (далее ДЧ) эти говоры охвачены юго-западным пучком изоглосс [Русская диалектология 1964, 256–258, "Вариант IIБ"; Захарова – Орлова 1970, 96–101, "Вариант IIБ"]. По структурно-типологической классификации (далее ТК) почти все они относятся к говорам юго-западного диалектного типа – подгруппа в составе совокупности говоров западнорусского диалектного типа [Пшеничнова ДД, 310–311; Пшеничнова АДД, 27], при этом гласный [ы] основы рассматриваемых глаголов входит в число типоопределяющих признаков западнорусского диалектного типа (весь комплекс типоопределяющих см. [Пшеничнова ДД, 257–269]).

Ввиду загруженности зоны взаимоналожения ареалов на карте не показано сосуществование вариантов с [0] и [ы] (*кр*[*о́*]*ю* и *кр*[*ы́*]*ю* т.п.). Оно характерно главным образом для пограничья между областями распространения [о] и [ы] (107 нас. п.п.), а кроме того, отмечено в отдельных разрозненных нас. п.п. среди сплошного массива говоров с [0] (10 нас. п.п. на территории Ладого-Тихвинской группы, Лачских, Белозерско-Бежецких говоров, Вологодской группы ДЧ) и в отдельных редкими "точками разбросанных" белорусских говорах (26 нас. п.п.) в единичных примерах. Таким образом, ареалы [о] и[ы] в рассматриваемых формах как бы взаимопроникают друг в друга, и сосуществование форм с [о] и [ы] логично рассматривать как результат взаимовлияния говоров и воздействия на них литературных языков. Вместе с тем граница между территориями распространения [о] и [ы] в действительности является достаточно четкой: как правило, при сосуществовании [о] и [ы] в говорах пограничной зоны отмечаются лишь единичные примеры с [о] наряду с гораздо большим количеством примеров с [ы] или даются указания собирателей на то, что обычно употребляются формы с [ы], формы же с [о] являются редкими. Лишь в 5 нас. п.п. (Новгородская, Великолукская и Калужская обл.) отмечены единично формы с [ы] наряду с большим числом примеров с [о] (материал см. [Пшеничнова КД. Приложение 2]).

Из характеристики пограничной зоны, данной выше, следует, что область распространения [е] (*м*[*е́*]*ю*, *р*[*е́*]*ю* и т.п.) лежит на территории распространения [ы] (см. карту). Говоры с [е] образуют два не очень четких островка: один на западе Псковской группы среднерусских говоров (по ТК – говоры Псковского диалектного типа: [Пшеничнова ДД, 310–311]); второй – на юго-западе Калужской и севере Орловской областей (по ДЧ – северная часть южнорусских межзональных говоров типа "А" и северо-восточный угол Курско-Орловской группы; по ТК – северная часть говоров Курско-Орловского диалектного типа). Отдельными редкими точками формы с [е] отмечены вдоль всей границы между областями распространения [о] и [ы][4].

Говоры, в которых формы с [е] (*р*[*е́*]*ю*, *кр*[*е́*]*ешь* и т.п.) являются единственными, очень редки: в основном это Псковские говоры и единично Курско-Орловские. На территории сплошного распространения форм с [ы] (*м*[*ы́*]*ю* и т.п.) в отдельных разрозненных говорах [е] сосуществует с [ы] (*кр*[*ы́*]*ю* и т.п. и *кр*[*е́*]*ю* и т.п.) – 23 нас. п.п. Сосуществование форм с [о] и [е] (*м*[*о́*]*ю* и т.п. и *м*[*е́*]*ю* и т.п.) отмечается значительно реже (12 нас. п.п.). Следовательно, граница между территорией форм с [ы] и территорией форм с [е], в отличие от границы между областями распространения [о] и [е], как бы размыта. К этому следует добавить, что здесь же в некоторых говорах, среди тех, в которых обычно сосуществуют [ы] и [е], отмечены примеры с гласным, обозначенным как [ы^{е}] или [е^{ы}]: около Юхнова, Болхова (Зап. – 583, 727), к западу от Орла (Ю. – 214), на крайнем юге (Ю. – 548). Очевидно, это гласный, переходный между [ы] и [е]. Эти примеры не картографируются ввиду их единичности, а на карте даны основы с [ы] или [е], отмеченные в тех же говорах.

В подавляющем большинстве говоров, в которых сосуществуют основы глаголов с [о] и [ы] (*м*[*о́*]*ю* и *м*[*ы́*]*ю* и т.п.), [ы], очевидно, является более ранним, а [о] появился позднее под влиянием русского литературного языка и соседних русских говоров. Сосуществование вариантов основы с [ы] и [е] (*м*[*ы́*]*ю* и *м*[*е́*]*ю* и т.п.) может объясняться разными причинами. Так, в говорах, где [ы] единично, оно могло быть результатом влияния соседних говоров, в которых [ы] является единственным (их здесь большинство), и белорусского литературного языка, причем это влияние могло поддерживаться аналогией с инфинитивом (*мы́ю – мыть*, как *игра́ю – игра́ть* и т.п). Единичные примеры с [е] отмечены в говорах на территории сплошного распространения [ы]. Для таких случаев влияние соседних говоров исключено, для аналогии нет оснований, и, кроме того, известно, что [е] на месте редуцированного **ў* появился сравнительно поздно [Карский 1955, 233 и сл.], а в некоторых говорах той же территории отмечен гласный, переходный между [ы] и [е] ([ы^{е}], [е^{ы}]). Эти факты дают основание предполагать, что [е] в формах *м*[*е́*]*ю*, *р*[*е́*]*ешь* и т.п., по крайней мере в некоторых говорах, развился фонетически из [ы] полного образования.

Личные формы глагола *мыть* без корневого гласного (*мъю, мъешь* и т.д.), характерные для некоторых северо-восточных русских говоров (Вологодская, Архангельская, Кировская области), образуют ареал который протянулся на восток за пределы территории, отраженной на данной карте: такие формы свойственны многим говорам Кировской области, главным образом ее центральной части [Луппова 1963, 25]. По мнению А.И. Соболевского, формы *мъю, мъешь* и т.д. свидетельствуют о том, что на месте редуцированных **ў*, **ĭ* сначала развились соответственно ъ и ь, которые в древнерусском могли не только переходить в [ы] и [и], но и сохраняться без изменения [Соболевский 1881, 76]. Согласно другой точке зрения, форма *мъю* закономерно развилась в древнерусском из **mўi̯ǫ* в результате переноса ударения с начального слога, сократившегося до полудолготы, на следующий слог со старой долготой: **мы̆ѣ̀ѭ* > **мы̆ѣ̀ѭ*. В формах 2 и 3 л.л. ударение сохранялось на корневом гласном: **мы̆ѣ́ши* и т.д. [Ляпунов

[4] Говоры, в которых на месте редуцированного **ў* отмечены гласные [е] и [ы], рассматриваются в другом аспекте в [Николаев 1988].

1899, 135 и сл.; Шахматов 1915, 24–25]. Далее аналогия действовала в двух направлениях: в одних говорах, как в 1 л. ед.ч., – **мы̆ѭ, *мы̆ѥши* и т.д. > *мью, мъешь* и т.д. (отмечено также *м'ӣут, м'ӣу́, мойу́* – С. 902, Лальский район Кировской обл. и *мыйе́ц'ц'о* наряду с *мо́йу* – С. 915, Харовский район Вологодской обл.); в других, как во 2 и 3 л. ед.ч., – *мы̆ѭ мы̆ѥши* и т.д. > *мы̆ю, мы̆ешь* и т.д. [Ляпунов 1899, там же]. Причину того, что формы с нулевым гласным корня на месте редуцированного **ў* свойственны только глаголу *мыть*, Б.М. Ляпунов видит в качестве и количестве согласных, предшествующих корневому гласному, но делает при этом следующую оговорку: "... однако, не следует, что **рью* физиологически вообще невозможно, так как для каждого говора своя особенная физиологическая возможность, которую даже внимательный наблюдатель и исследователь не всегда в состоянии постичь (мне даже неясно, почему говорящий *мью* не говорит и *рью*" [Ляпунов 1899, 152]. По-видимому, формы *мъю, мъешь* и т.д. следует считать образованиями, аналогичными формам *пью, пьешь* и т.д. [Шахматов 1898, 35 и сл.]. Вполне вероятно, что перенос ударения на окончание имел место во всех рассматриваемых глаголах: **мы̆ѭ́, *ры̆ѭ́, *кры̆ѭ́* и т.д. Возможно, это объясняет записанные в Мантуровском районе Костромской области примеры *мою́, крою́, рою́* (С. – 1185). Форма **мы̆ѭ́, *ры̆ѭ́, *кры̆ѭ́* появилась, очевидно, по аналогии с формами 2 и 3 л.л. **мы̆ѥ́s'i, *ры̆ѥ́s'i, *кры̆ѥ́s'i,* и т.д. (где ударение не переносилось на следующий слог) при поддержке аналогией с другими глаголами: *myti* – **мы́ѭ́*, как *znati* – *зна́ѭ́, duti* – *ду́ѭ́* и т.п. [Шахматов 1915, 24–25]. При этом в некоторых русских говорах на северо-востоке произошло обобщение форм рассматриваемых глаголов в зависимости от качества начального согласного корня: губной – негубной (*мью*, как *пью, бью, вью*, подобно тому, как в некоторых говорах *шы́ю* или *шо́ю*, как *ры́ю, кры́ю* или *ро́ю, кро́ю*).

В о́кончании И.п. ед.ч. прилагательных м.р. на месте редуцированого **ў* в говорах восточнославянских языков – те же гласные – [о], [ы] (или гласный, в который изменился [ы] любого происхождения), [е] – что и в основах глаголов типа *мыть*. Территориальное распределение рефлексов редуцированного **ў* примерно то же, но граница между областями распространения [о], с одной стороны, и [ы], [е], с другой, проходит несколько западнее, чем такая граница для глаголов. Отступила на запад и занимает большее, чем для глаголов, пространство и территория распространения [е] (*молод*[е́]*й, глу*[х'е́]*й* или *глух*[е́]*й* и т.п.). Гласный [е] отмечен, главным образом, в юго-западной и южной частях Псковской группы среднерусских говоров, в западной группе и северной части верхнеднепровской южнорусского наречия, особенно широко – на территории белорусских говоров северо-восточного диалекта (в основном Витебско-Могилевская группа), за исключением части их на северо-западе, юге и полосы на востоке. Кроме названной территории, гласный [е] отмечен также в говорах, относящихся по ДЧ к Онежской группе севернорусских (по ТК – к говорам Онежского диалектного типа). Эти говоры специально рассматриваются в [Пшеничнова 1967].

В говорах, для которых характерно [ы], форма И.п. ед.ч. прилагательных м.р. может быть на -[ы]*й* и на -[ы] (без [й]). В говорах Закарпатской области Украины отмечена форма И.п. ед.ч. прилагательных м.р. на -[й] (*молод*[й́] и т.п.), которая, по всей вероятности, является результатом влияния на эти говоры словацкого языка[5].

Утрата конечного [й] считается явлением в целом поздним по сравнению с утратой редуцированных **ў, *ĭ* (XV–XVI вв. [Нарысы 1957, 172], встречается в старо-украинских памятниках XIV–XV вв. [Бевзенко 1960, 1921])[6], но оно может в какой-то степени помочь пониманию процесса прояснения редуцированных **ў, *ĭ* в гласные полного образования, в связи с чем утрата конечного [й] в И.п. ед.ч. прилагательных м.р. (а также в форме Р.п. мн.ч. существительных и повелительной форме глаголов типа *пить*) на карте отражена.

Форма без [й] свойственна большей части белорусских говоров и белорусскому литературному языку (*малад*[ы́] и т.п.), а также северноукраинским, более всего восточнополесским и среднеполесским говорам (*молод*[и́] и т.п.), граничащим с юго-восточными белорусскими, в которых форма на -[ы] господствует.

В белорусских говорах форма на -[ы] (*малад*[ы́], *глу*[х'и́] и т.п.), чаще всего, является единственной. В некоторых белорусских говорах, северо-восточных и юго-западных, форма на -[ы] (*малад*[ы́] и т.п.) отмечается наряду с формой на -[ы]*й* (102 нас. п.п.), при этом в ряде говоров более редкой является форма с [й] (31 нас. п.п.), в других – как единичные приводятся примеры без [й] (22 нас. п.п.). В некоторых белорусских говорах отмечается очень слабый призвук [й] (*малад*[ы́ʲ], *глу*[х'и́ʲ] и т.п.): ДАБМ – 174, 362, 516, 559, 821.

В украинских говорах форма без [й] редко является единственной – обычно она сосуществует с формой на -[и]*й*. Такое сосуществование в большей степени характерно для западнополесских говоров (это показано на карте). Чем дальше к югу Украины, тем реже употребляется форма без [й] (*молод*[и́] и т.п.) и чаще форма с [й] (*молод*[и́]*й* и т.п.), которая в большинстве украинских говоров является единственной. Форма без [й] у прилагательных с основой на задненебный в украинских говорах отмечается несколько реже, чем у прилагательных с основой на парный твердый. Объяснить это можно тем, что лексически ограниченная категория прилагательных с основой на задненебный, как правило, имеет ту же форму И.п. ед.ч., что и подавляющая часть прилагательных с основой на парный тердый, т.е. форму на -[и]*й*, которая в украинских говорах является наиболее распространенной.

Форма на -[ы] отмечена, кроме того, на западе Брянской области, здесь же отмечен слабый призвук [й] (Ю. – 165, 183).

Форму И.п. ед.ч. прилагательных м.р. без конечного [й] многие исследователи рассматривают как возникшую в результате того же процесса стяжения, какой проходил в других падежных формах прилагательных и в

---

[5] О влиянии словацкого языка на украинский см., в частности [Панькевич 1938, 23, 27; Белодед – Ижакевич – Франко 1962, 88].

[6] Единичные примеры без [й] зафиксированы в Новгородских берестяных грамотах XIII–XV вв. [Зализняк 1986, 126, 141–142]. В современных говорах той же территории форма И.п. ед.ч. прилагательных м.р. без [й] не отмечена.

формах глаголов [Трубецкой 1929, 806; Жилко 1955, 72–73; Бернштейн 1961, 233]. Итоги картографирования на всей восточнославянской территории стяжения гласных в прилагательных и глаголах [ДАБМ 1967, карты 112–115, 123, 124, 127, 128; АУМ 1 карты 238, 242, 243, 258; АУМ 2 карты 217, 218, 220, 221, 237; ДАРЯ II карты 53–56, 87–93], с одной стороны, и рефлексов редуцированных *ў, *ĭ, с другой, дают основания полагать, что утрату конечного [й] в форме И.п. ед.ч. прилагательных м.р. следует объяснять иными причинами и что она стоит в одном ряду с утратой конечного [й] после [ы] и [и] – рефлексов *ў, *ĭ – в других лексико-грамматических категориях. Очевидно, что здесь мы имеем дело с результатом ассимиляции конечного [й] предшествующим [ы] из *ў или [и] из *ĭ, что свидетельствует о большой близости этих [ы] и [и] к [й], или иначе говоря, о том, что [ы] из *ў и [и] из *ĭ в данных говорах были более высокого подъема, чем в тех, где такой ассимиляции не произошло.

Сохраняется [й] окончания И.п. ед.ч. прилагательных м.р. в подавляющем большинстве украинских говоров (*молод*[и́]*й* и т.п.), на юго-западе Белоруссии и в северо-восточных белорусских говорах (*малад*[ы́]*й* и т.п.), в западной части Псковской группы среднерусских говоров, в западной группе южнорусских и в Онежских говорах (*молод*[ы́]*й* и т.п.).

В говорах, территория распространения которых проходит полосой с северо-запада на юго-восток вдоль русско-белорусской границы, и на юго-западе Белоруссии, между Брестом и Пинском, форма на -[ы]*й* как единственная отмечается довольно редко (в целом 130 нас. п.п.). Гораздо чаще форма на -[ы]*й* в этих говорах сосуществует с другими, о чем сказано ниже.

Во многих говорах, главным образом украинских, где на месте редуцированного *ў в И.п. ед.ч. прилагательных м.р. – [ы] или гласный, развившийся на месте [ы], в прилагательных с основой на задненебный отмечается другой гласный: рефлекс редуцированного *ў в этих говорах совпал с рефлексом [ы] в сочетаниях *кы, *гы, *хы. С судьбой сочетаний *кы, *гы, *хы связана также и мягкость или твердость задненебного в исходе основы прилагательных: почти во всех белорусских и западнорусских говорах, где распространена форма с [ы], задненебный основы является мягким (бел. *глу*[х'и́]*й*, *су*[х'и́], *бла*[ɣи́]*й* и т.п.; рус. *пло*[х'и́]*й*, *дру*[г'и́]*й* и т.п.). В подавляющем большинстве украинских говоров – форма с [и], не смягчающим предшествующий задненебный (*гомін*[ки́]*й*, *ли*[хи́]*й* и т.п.), но во многих говорах – мягкий задненебный перед [і] или [и] окончания (*я*[к'і]*й*, *ли*[х'и́]*й*, *гомін*[к'и́]*й* и т.п.) или перед другим гласным, в который изменился всякий [ы] (*дзвін*[к'е́]*й*, *бояз*[к'е́]*й*, *та*[к'е́ˈ]*й* и др.) [АУМ 1, карты 21, 22; АУМ 2, карты 20, 21].

В некоторых белорусских и русских говорах отмечена форма И.п. ед.ч. прилагательных м.р. с твердым задненебным перед [ы] (*глу*[хы́]*й*, *су*[хы́]*й* и т.п.), хотя известно, что процесс смягчения *кы* > *к'и* в этих говорах был. Это русские говоры у Онежского озера (С. – 1, 2, 7, 8, 83) и в Брянской области (Ю. – 132, 134, 146, 148, 149, 153, 169, 188). В говорах Брянской области твердый задненебный, как правило, сосуществует с мягким (*су*[хы́]*й* и *су*[х'и́]*й* и т.п.): мягкий задненебный характерен для большинства говоров этой территории. Форма с твердым задненебным в названных русских говорах появилась, по всей вероятности, на месте более ранней формы с мягким задненебным в результате выравнивания парадигмы по косвенным падежам по аналогии с прилагательными на парный твердый и с формой на -[о]*й* (*глу*[хы́]*й*, *глухо́го*, *глухо́му* и т.д., как *молодо́й*, *молодо́го* и т.д.): во многих говорах той же территории наряду с формой на -[ы]*й* зафиксирована также и форма на -[о]*й*. В белорусских говорах твердый задненебный перед [ы] отмечен на юго-западе Белоруссии (в Брестской области – 60 нас. п.п.), где, как и в соседних западно-полесских украинских говорах, процесс смягчения *кы, гы, хы* > *к'и, г'и, х'и* также имел место [Дурново – Соколов – Ушаков 1915, 66; Жилко 1955, 86]. Твердость задненебного в данных говорах, объясняется, очевидно, как и в большинстве украинских говоров и украинском литературном языке, вторичным отвердением согласных перед гласными переднего ряда [Жилко 1955, 86–87; Бірыла 1957, 71–93].

Перед рефлексом [е] задненебный в исходе основы прилагательных по говорам также может быть как мягким, так и твердым. В северо-восточных белорусских говорах, в говорах Псковской группы среднерусских и западной группы южнорусских мягкий и твердый задненебный отмечаются вперемежку: в одних говорах – мягкий (*доро*[г'е́]*й*, *су*[х'е́]*й* и т.п.), в других – твердый (*пло*[хе́]*й*, *дру*[ге́]*й* и т.п), в третьих – и мягкий, и твердый. В Онежских говорах задненебный, как и перед [ы], почти всегда твердый, мягкий отмечен в единичных случаях и почти всегда наряду с твердым.

Твердость задненебного перед [е] может иметь двоякое толкование. Возможно, что [е] на месте редуцированного *ў появился до начала процесса смягчения *кы* > *к'и*[7], причем задненебные перед [е] не смягчались. Вероятно, так было в Онежских говорах [Толкачев 1951, 318]. Позднее твердость задненебных в этих говорах могла сохраниться в результате выравнивания по косвенным падежам по аналогии с прилагательными на парный твердый (категория лексически неограничена) и под влиянием русского литературного языка. Очевидно, следует предполагать, что в других говорах произошло смягчение задненебных и перед [е], но под действием тех же факторов задненебные могли снова отвердеть. Вероятным кажется и другое предположение: в белорусских и примыкающих к ним западнорусских говорах [е] мог появиться после смягчения *кы* > *к'и*, твердый же задненебный мог заменить собой мягкий в результате действия названных факторов. В пользу этого второго объяснения свидетельствует и тот факт, что [е] на месте редуцированного *ў появился сравнительно поздно [Карский 1955, 153 и сл.]. Процесс *кы, гы, хы* > *к'и, г'и, х'и* в этих говорах проходил после утраты редуцированных, следовательно, здесь [е] мог развиться не непосредственно из редуцированного *ў, а из его рефлекса полного образования.

[7] Известно, что этот процесс начался на юге и лишь позднее (на протяжении ряда веков) распространился на север [Шахматов 1915, 287, 311]. Р.И. Аванесов относит этот процесс в русских говорах к XIV–XV вв. [Аванесов 1947, 54]. "Примеры из берестяных грамот позволяют думать, что и в XIV–XV вв. данный переход завершился не полностью и не повсеместно" [Зализняк 1986, 119].

Сосуществование разных гласных на месте редуцированного *ў прилагательным с основой на задненебный свойственно в меньшей степени, чем прилагательным с основой на парный твердый. Это можно объяснить лексической ограниченностью категории прилагательных с основой на задненебный, вследствие чего в них на месте редуцированного *ў, как правило, отмечается только тот гласный, который характерен для подавляющего большинства прилагательных с основой на парный твердый. (По-видимому, по той же причине рефлексы, отмечаемые в том или ином говоре в единичных примерах, обычно свойственны именно прилагательным с основой на парный твердый, а не на задненебный.)

Сосуществование [о] и [ы], а также [о] и [е] на карте не отражено вследствие загруженности зоны, в пределах которой оно отмечено, – это пограничье между территориями распространения [о] и [ы].

При сосуществовании [о] и [ы] (*молод*[о́]*й* и *молод*[ы́]*й* и т.п.) преобладают примеры с [о] или с [ы] в зависимости от того, какие говоры распространены рядом – только с [о] или только с [ы]: в западнорусских (Смоленская, Брянская области) чаще всего единичны примеры с [ы] (*молод*[ы́]*й* и т.п.); в некоторых говорах этой же территории единично [о] (*молод*[о́]*й* и т.п.); в северной части ареала сосуществования (Псковская группа средневеликорусских) чаще всего единичны примеры с [ы] (*молод*[ы́]*й*, *глух*[ы́]*й* или *глу*[х'и́]*й* и т.п.) – 12 нас. п.п., такие же случаи отмечены южнее (15 нас. п.п.) и в севернорусских говорах (4 нас. п.п.). В белорусских говорах форма с [о] (*малад*[о́]*й*, *глух*[о́]*й* и т.п.) единична (15 нас. п.п.). Как правило, при таком сосуществовании [ы] является первичным, а [о] – более поздним.

Рефлекс [е] (*молод*[е́]*й*, *глу*[х'е́]*й* или *глух*[е́]*й* и т.п.), как единственный, отмечается редко (3 нас п.п. в Вологодской обл., 1 – в Псковской, 14 – в Великолукской, 23 – в Смоленской, 2 – в Брянской, 19 – в Могилевской области Белоруссии, 21 – в Витебской, 1 – в Брестской, 3 – в Гомельской). Чаще [е] сосуществует с [о] или [ы].

Сосуществование [о] и [е] (*молод*[о́]*й* и *молод*[е́]*й* и т.п.) свойственно в основном говорам территории, пограничной между областями распространения [о] и [е]: юг Псковской, юг Великолукской, запад Смоленской областей и Онежские говоры, при этом сосуществование [о] и [е] отмечается значительно реже, чем сосуществование [о] и [ы] (так как сама форма с [е] является значительно более редкой). Очевидно, что [о] в этих говорах является вторичным, а [е] более ранним. Об этом говорит, во-первых, единичность примеров с [о] (первичное [о], даже и на территории сплошного распространения [е], поддерживалось бы аналогией с косвенными падежами под влиянием русского литературного языка и соседних говоров); во-вторых, мягкость задненебного перед [е] (*глу*[х'е́]*й* и т.п.), которую нельзя объяснить аналогией в отличие от формы с [о] (*глух*[о́]*й* и т.п.), для которой возможно выравнивание по косвенным падежам по аналогии с прилагательными на парный твердый и при воздействии литературного языка. Сказанное не исключает возможности появления в отдельных случаях формы И.п. ед.ч. с [е] не фонетическим путем, а вследствие влияния соседних говоров. Появляющиеся в результате действия названных факторов примеры с [о], как и в случаях сосуществования [о] и [ы], – это чаще всего прилагательные на парный твердый. Равным образом элементы старого (единичные случаи с [е] при господстве [о]) отмечаются также в большинстве случаев в прилагательных на парный твердый. Это можно объяснить неограниченностью лексического состава категории прилагательных с основой на парный твердый и малочисленностью прилагательных с основой на задненебный, вследствие чего последние образуют форму И.п. ед.ч. так же, как основная часть прилагательных.

Важно отметить, что говоры, которым свойственно [е] в рассматриваемой форме, а также говоры с сосуществованием [о] и [е], как и говоры с сосуществованием [о] и [ы] (кроме Онежских), "лежат" на территории сплошного распространения [ы] на месте редуцированного *ў в глаголах (*м*[ы́]*ю*, *кр*[ы́]*ешь*, *р*[ы́]*ем* и т.п.).

Значительно чаще, чем [о] и [е], как и в рассмотренных формах глаголов типа *мыть*, сосуществуют [е] и [ы] (*молод*[е́]*й* и *молод*[ы́]*й* т.п.): юг Великолукской области, Смоленская, Брянская области, а также Онежские говоры, Могилевская, Витебская, Гомельская области. Важно обратить внимание на тот факт, что территория распространения формы с [е] (рус. *молод*[е́]*й*, бел. *малад*[е́]*й* и т.п.) находится на пограничье между областями [о] и [ы] и совпадает с территорией распространения формы именно на -[ы]*й*, т.е. с [*й*] (*молод*[ы́]*й* и т.п.), а не на -[ы] (также и в Онежских говорах). Различие состоит лишь в том, что территория формы типа *молод*[ы́]*й* в этой зоне заходит несколько дальше на юг, чем область распространения формы типа *молод*[е́]*й*, а в ее северной части форма *молод*[ы́]*й* является более редкой, чем форма *молод*[е́]*й*. Сосуществует форма И.п. ед.ч. на -[е]*й* чаще всего с вариантом на -[ы]*й* и значительно реже – с вариантом на -[ы].

При сосуществовании [е] и [ы] трудно решить, какой гласный является более ранним, а какой появился позднее. Правда, в отдельных говорах вторичный [ы] мог появиться под влиянием белорусского литературного языка, но во-первых, это может относиться лишь к небольшой части говоров – белорусских, так как соседние с ними русские говоры подвержены в значительной степени влиянию русского литературного языка; во-вторых, это влияние не поддерживается никакой аналогией внутри самой категории прилагательных (в отличие от формы на *-ой*). Кроме того, в некоторых говорах той же контактной зоны на месте редуцированного в рассматриваемой форме отмечен гласный, переходный между [ы] и [е] (Смоленская область), а в говоре у Онежского озера зафиксирован гласный, о котором сказано: "Звук *э* слышится неотчетливо; скорее это средний звук между [е], [ы], и [о]" (С. – 11 Пудожский район Карелии).

Таким образом, можно заметить, что граница между территориями распространения [е] и [ы], как и у глаголов, является значительно менее четкой, чем такая граница для [о] и [ы] и для [о] и [е].

В ряде говоров полосы, пограничной между территориями распространения [о] и[ы], наблюдается сосуществование всех трех гласных – [о], [ы] и [е]. Среди этих говоров более всего таких, в которых все три рефлекса редуцированного *ў отмечены в прилагательных с основой на парный твердый, а в прилагательных с основой на задненебный – [и] и [е] (задненебный мягкий). Другие

комбинации трех сосуществующих гласных встречаются реже, но все они, как и в первом случае, показывают, что сосуществование разных рефлексов редуцированного *ў для прилагательных с основой на заднеязычный менее характерно, чем для прилагательных с основой на парный твердый.

Сосуществование вариантов с [о] и [ы], а также с [о] и [е] – результат взаимовлияния говоров, которое выражается в распространении [о] на месте более ранних [ы] или [е], еще более широком, чем у глаголов, что объясняется действием разного рода аналогий. В отличие от этого характер сосуществования вариантов с [ы] и [е] позволяет предполагать наличие между ними какой-то более глубокой связи: [ы] и [е] сосуществуют значительно чаще, чем [о] и [е], окончание -[е]*й*, как правило, сосуществует с окончанием -[ы]*й*, а не -[ы], граница между территориями [ы] и [е] очень нечетка, отмечаются случаи с [ы^{е}], [е^{ы}].

По характеру образования формы И.п. ед.ч. указательного местоимения м.р. говоры восточнославянских языков делятся на две части: восточную – подавляющее большинство русских говоров, для которых характерна форма *тот* (из **тътъ*), и западную – часть русских, белорусские и почти все украинские говоры, которым свойственны варианты членной формы *т*[о]*й*, *т*[ы]*й* или *т*[е]*й*. Последние единично встречаются также в отдельных разрозненных говорах почти на всей русской территории (за исключением ее юго-восточной четверти), где они, как правило, сосуществуют с формой *тот*; форма *тот* отмечена также в говорах Закарпатской области.

Самым распространенным вариантом членной формы местоимения является вариант *т*[о]*й* (бóльшая часть белорусских говоров и почти все украинские). Вариант *т*[е]*й* характерен для говоров вдоль белорусско-русской границы и примыкающей к ним северной части восточнополесских говоров украинского языка, единично отмечен в Онежских говорах. Вариант *т*[ы]*й* встречается изредка к северу от основного ареала варианта *т*[е]*й* (Псковская, Витебская области), в отдельных белорусских и русских говорах в пределах этого ареала и несколько чаще в говорах, более южных (Харьковская область), спорадически – в разных говорах Белоруссии, особенно на юго-востоке, отмечен в нескольких разрозненных говорах к востоку от ареала *т*[е]*й* (Великолукская, Смоленская, Калужская, Брянская, Курская области) и в единичных говорах севернорусского наречия (Вологодская, Новгородская, Кировская области). Часто варианты членной формы сосуществуют (в разных комбинациях), во многих говорах они отмечены наряду с формой *тот*.

Появление вариантов *т*[о]*й*, *т*[е]*й*, *т*[ы]*й* в говорах восточнославянских языков исследователи трактуют неодинаково. Так, А.А. Шахматов первоначально рассматривает форму *т*[о]*й* как результат влияния притяжательных местоимений *мой, твой, свой* [Шахматов 1910–1911, 263], позднее же развитие [о] на месте редуцированого *ў объясняет переходом *ў (из *ъ перед *j*) в ъ под влиянием формы *тъ*: *тыи* > *тъи* > *тои* [Шахматов 1915, 257]. В этом случае возникновение членной формы указательного местоимения следует отнести к очень раннему периоду, по крайней мере ко времени до прояснения редуцированных. По-видимому, это утверждение справедливо по отношению не ко всем говорам восточнославянских языков. Как считают некоторые исследователи, во многих говорах членная форма образовалась сравнительно поздно: *тъи*, как и *тътъ*, появляется в XI–XIII вв. [Безпалько и др. 1957, 237], до XIII в. в древнерусских памятниках еще сохраняется нечленная форма *тъ*, в памятниках XIV–XVII вв. еще широко употребляется удвоенная форма *тътъ*, членная же становится употребительной значительно позже – варианты *тои*, *тыи* проникают в письменность лишь с XIV в. [Нарысы 1957, 130]. Гласный [ы] в *т*[ы]*й* развился фонетический из ъ перед *j* так же, как в форме И.п. ед.ч. прилагательных м.р., а вариант *т*[о]*й* одни считают образованным от основы *то* [Нарысы 1957, 130, 132], другие – по аналогии с косвенными падежами [Бевзенко 1960, 169]. Убедительной кажется точка зрения, согласно которой форма *той* в белорусских и украинских говорах, в отличие от русских, не могла развиться фонетически из *тыи*, а появилась позднее из *то* (< **тъ*), так как *то* стало омонимом по отношению к форме указательного местоимения среднего рода (в памятниках, отражающих русские говоры, членная форма отмечается раньше) [Борковский – Кузнецов 1963, 220–221). Вероятно, сначала вариант *т*[о]*й*, возникший в разных говорах разными путями (**тъи* > *тыи* > *тои*; *то* > *той*), занимал более значительную территорию, но затем во многих говорах был вытеснен формой *тот*.

Территория распространения вариантов *т*[е]*й*, *т*[ы]*й* позволяет предполагать, что форма И.п. ед.ч. указательного местоимения м.р. подверглась влиянию И.п. ед.ч. прилагательных м.р.: ареал *т*[е]*й* почти совпадает с ареалом [е] окончания прилагательных, а *т*[ы]*й* отмечается рядом с [ы] прилагательных (исключая Харьковскую область). Вариант *т*[ы]*й*, очевидно, в части говоров развился фонетически (**тъи* > *тыи* > *т*[ы]*й*). По-видимому, так проходил процесс в тех говорах, где и в окончании И.п. ед.ч. прилагательных м.р. *ў изменился в [ы]. Возможно, что первоначально территория говоров, которым были свойственны формы *т*[ы]*й* и *молод*[ы́]*й* и т.п., была шире, занимая и то пространство на западе России, где сейчас на территории распространения формы *тот* и [о] в И.п. ед.ч. прилагательных м.р. (*молод*[о́]*й* и т.п.) наряду с [ы] в формах *м*[ы́]*ю*, *кр*[ы́]*ешь* и т.п. в отдельных разрозненных говорах отмечаются формы *т*[ы]*й* и И.п. ед.ч. *молод*[ы́]*й* и т.п. Позднее *т*[ы]*й* заменилось в одних говорах формой *тот*, как в русском литературном языке и подавляющей части русских говоров, в других – вариантом *т*[о]*й*, как в белорусском литературном и большинстве белорусских говоров. Возможно также, что в ряде говоров, а именно в тех,где сначала развилось *т*[о]*й*, вариант *т*[ы]*й* образовался под влиянием И.п. ед.ч. прилагательных м.р.

Форма *т*[е]*й*, по-видимому, появилась сравнительно поздно (в старых западнорусских памятниках она не отражается [Карский 1955, 156]). Можно думать, что *т*[е]*й* в белорусских говорах возникло на месте *т*[о]*й* под влиянием И.п. ед.ч. прилагательных. Возможно также, что в некоторых говорах *т*[е]*й* развилось фонетически из *т*[ы]*й*, как и [е] из [ы] полного образования в окончании И.п. ед.ч. прилагательных м.р.

ГЛАСНЫЕ НА МЕСТЕ РЕДУЦИРОВАННОГО *ĭ

На месте редуцированного *ĭ в лексеме *šiĭa отмечено [е] или [ы] (из [и] после отвердевшего шипящего). На карте изоглоссой выделена зона преимущественного распространения [ы], при этом территория белорусских говоров представлена на основании показаний исследователей [Нарысы 1957, 64], так как в материалах ДАБГ лексема *шы́я* приводится всего для нескольких нас. п.п. Гласный [е] характерен примерно для тех же говоров, что и [о] на месте редуцированного *ŭ, гласный [ы] – для тех же, что и [ы] на месте редуцированного *ŭ. Отличие состоит лишь в том, что граница между этими двумя территориями для существительного *ше́я* на северо-западе проходит южнее, чем для категорий с *ŭ редуцированным, а на западе России занимает некоторое среднее положение между соответствующей границей для личных форм глаголов типа *мыть*, с одной стороны, и И.п. ед.ч. прилагательных м.р., – с другой. Во многих украинских говорах отмечен гласный, который развился на месте [ы] любого происхождения. В некоторых русских говорах [ы], а также [ы^{е}], [е^{ы}] в слове *ше́я* не являются рефлексами редуцированного *ĭ, а появились в результате перехода в [и] всякого [е] между мягкими согласными (см. ДАРЯ I, карта 41 и комментарий к ней).

Сосуществование [е] и [ы] (*ш*[е́]*я* и *ш*[ы́]*я*) отмечено в очень небольшом числе (26) нас. п.п. на пограничье между территориями [е] и [ы] (Псковская, Великолукская, Смоленская, Калужская, Брянская, Курская области). На этой же территории отмечены [ы^{е}], [е^{ы}] (Зап. 583 Мосальский район Калужской области, 687 Шумячский район Смоленской области).

Повелительная форма глаголов типа *пить* в подавляющем большинстве говоров представлена формой глаголов *пить, бить, лить* и лишь в немногих говорах отмечена форма глаголов *брить, вить*. Рефлексы редуцированного *ĭ в формах единственного и множественного числа в целом совпадают, в связи с чем при картографировании эти формы объединяются. Расхождения вызваны нефонетическими причинами, о которых сказано ниже.

Территориальное распределение гласных [е] и [и] на месте редуцированного *ĭ в формах повелительного наклонения примерно то же, что и в словоформе *šiĭa, с той, однако, разницей, что граница между [е] и [и] проходит еще западней: почти всюду вдоль русско-белорусской границы, отступая несколько на восток в Смоленской и Брянской областях. Так же, как и в слове *шея*, в ряде единичных говоров на территории распространения [е] гласный [и] (*п*[и]*й* и т.п.) является результатом перехода в [и] всякого [е] между мягкими согласными.

Формы с [и] отмечены, как и в И.п. ед.ч. прилагательных, с [й] (*п*[ий] и т.п.) и без [й] (*п*[и] и т.п.), при этом территориальное распределение вариантов с [й] и без [й] для ед.ч. примерно то же, что и для формы И.п. ед.ч. прилагательных м.р.; в формах мн.ч. [й] сохраняется несколько реже.

Ассимиляция [й] предшествующим гласным [и], по-видимому, свидетельствует, как и в И.п. ед.ч. прилагательных муж.р., о более высоком, а сохранение [й] – о менее высоком образовании [и], и следовательно, можно предполагать по говорам более высокое и менее высокое образование и для редуцированного *ĭ. Сохранение [й] в украинских говорах, по всей вероятности, объясняется, как и у прилагательных, более ранним, чем ассимиляция [й], совпадением [ы] и [и] в гласном средневерхнего подъема.

Форма *п*[и]*й* и т.п. характерна для большинства украинских говоров, а также для некоторых белорусских (Витебская область, север Минской, единично – восток Гродненской, юго-запад Минской и юго-запад Гомельской областей), в говорах западной группы южнорусского наречия. На карте ввиду ее загруженности не отражено сосуществование разных вариантов повелительной формы. Форма с [й] единственной является в основном лишь в украинских говорах. В остальных случаях эта форма отмечена на территории, пограничной между областями распространения формы *п*[и] и т.п., с одной стороны, и формы *п*[ий] и т.п. или *п*[е]*й* и т.п., – с другой. В связи с этим в большинстве говоров этой территории отмечено сосуществование названных вариантов. Только форма *п*[ий] и т.п. в этой зоне отмечена в западнорусских говорах (30 нас. п.п. главным образом в Смоленской и Брянской областях) и в белорусских говорах (около 30 нас. п.п. в Витебской, Минской, Могилевской и Гомельской областях). Кроме того, только *п*[ий] и т.п. отмечено в юго-западных белорусских говорах (Брестская область) и в отдельных говорах Гродненской области (около 30 нас. п.п.). На той же территории отмечено сосуществование вариантов *п*[ий] и т.п. и *п*[и] и т.п. (10 нас. п.п. в Смоленской и Брянской областях и около 75 нас. п.п. на территории Белоруссии).

В говорах Брестской области Белоруссии отмечена рассматриваемая форма с твердым губным перед рефлексом редуцированого *ĭ ([пый], [бый] и т.п.). Это результат общего процесса отвердения губных *п, б, в, м* перед гласными переднего ряда, характерного для данных говоров [Бірыла 1957, 75 и сл.]. Как следствие этого в некоторых говорах Брестской области отмечено [пый], [пы], [пы^{е}й], [пе] наряду с [л'ий], [л'и]. Гласный [е] в этих говорах не является непосредственным рефлексом редуцированного *ĭ: здесь гласный [ы], развившийся из [и] в результате отвердения губных, как и [ы] другогопроисхождения, может заменяться звуком средним между [ы] и [е] или даже [е] [Бірыла 1957, 76]. По-видимому, процесс проходил так: [пий] > [пи] > [пы] > > [пе], т.е. [й] утратился раньше отвердения губных.

Рефлекс [е] (*п*[е]*й* и т.п.) характерен почти для всех русских говоров и небольшой части белорусских (спорадически в Витебской, Минской, на севере Гомельской и в Гродненской областях). Гласный [е] отмечен также в Брестской области, но эти случаи требуют дополнительных пояснений (см. ниже).

Гласный [е] в белорусских говорах очень редко является единственным рефлексом редуцированного *ĭ в рассматриваемой форме (15 нас. п.п.). Значительно чаще [е] сосуществует с [и]: *п*[е]*й* и *п*[и] и т.п. (61 нас. п.п.), *п*[е]*й* и *п*[и]*й* и т.п. (2 нас. п.п.), *п*[е]*й*, *п*[и]*й* и *п*[и] и т.п. (9 нас. п.п.). Эти говоры относятся к зоне, пограничной между территориями распространения [е] и [и]. В русских говорах, соседних с названными белорусскими,

также отмечено *п*[е]*йе* и *п*[и]*йе* и т.п. (25 нас. п.п.), *п*[е]*йе* и *п*[и] и т.п. (3 нас. п.п.), *п*[е]*йе*, *п*[и]*йе* и *п*[и] и т.п. (1 нас. п. – Клинцовский район Брянской области). Показательно, что Е.Ф. Карский не отмечает формы с [е] ни в старых западнорусских памятниках письменности, ни в современных ему белорусских говорах [Карский 1955, 219 и сл.]. По-видимому, в белорусских говорах [е] в данной форме появился сравнительно недавно, скорей всего под влиянием русского языка.

На крайнем юго-западе Белоруссии (Брестская область), [е] в рассматриваемой форме часто отмечается наряду с [и]. По всей вероятности, [е] появился здесь либо как следствие отвердения губных, о чем сказано выше, либо на месте всякого [и], что также отмечается в некоторых говорах Брестской области[8].

Форма множественного числа повелительного наклонения глаголов *пить, бить* и т.п. приведена в основном для белорусских говоров. Для русских говоров такая форма приводится довольно редко, причем почти всегда на месте редуцированного **ĭ* в ней отмечен тот же гласный, что и в форме единственного числа (расхождения случайны). Белорусские говоры по характеру образования формы повелительного наклонения мн.ч. делятся на две части: северо-восточную, где в подавляющем большинстве говоров – *пíце* и т.п., и юго-западную, где в большинстве гово-ров – *пéце* и т.п. Это различие (*пíце* и *пеце*) не связано с судьбой редуцированного **ĭ*, а объясняется тем, что для северо-восточных и юго-западных белорусских говоров характерны разные суффиксы повелительного наклонения: *-íце* и *-ыце* – в говорах северо-восточного диалекта и в среднебелорусских говорах (а также и в литературном белорусском), *-еце* из **-ѣце* – в юго-западном диалекте [ДАБМ 1963, карты 170–172; ЛГГБГ 1969 карты 15, 75; Мацкевич 1959, 234 и сл.].

Рефлекс редуцированного **ĭ* [е] в форме мн. ч. (*п*[е́]*йце* и т.п.) отмечается в говорах той же территории, что и в форме единственного, но значительно реже: на севере Белоруссии (Витебская область) и очень редко к востоку от Могилева (всего 6 нас. п.п.).

В единичных нас. п.п. (Витебская, Гомельская области) на территории, соседней с той, где распространена форма с [е] (*п*[е́]*йце* и т.п.), отмечен рефлекс редуцированного **ĭ* [и] (*п*[и́]*йце* и т.п., в этих говорах в ед.ч. – *п*[и]*й* и т.п.).

На юго-западе Белоруссии (юг Брестской области) в большинстве говоров – [и] или [ы] (после отвердевших согласных): *п*[и́]*ме* (49 нас. п.п.), *п*[ы́]*йме* (16 нас. п.п.), *п*[и́]*йме* (2 нас. п.п.), *п*[ы́]*ме* (5 нас. п.п.). Как и в форме единственного числа, [й] сохраняется чаще всего в вариантах с отвердевшим губным. Отвердение губных и ассимиляция [й] предшествующим гласным относятся примерно к одному и тому же периоду: примеры в памятниках письменности отмечаются с XV в. [Бірыла 1957, 91; Нарысы 1957, 172]. Бóльшая распространенность варианта с [й] (*п*[ы́й]*ме* и т.п.) объясняется, очевидно, влиянием украинского языка: [й] либо сохранился, как в подавляющем большинстве соседних украинских говоров, либо появился вновь под влиянием украинских говоров и украинского литературного языка.

В юго-западных белорусских говорах рассматриваемый гласный не везде одного и того же происхождения. Так, [и] в форме без [й] (*п*[и́]*ме* и т.п.) не является по происхождению тем же, что и [и] в соответствующей форме на северо-востоке Белоруссии, где повелительная форма образуется с помощью суф. *-íце*. В Брестских говорах [и] в повелительной форме является именно рефлексом редуцированного **ĭ* : форма *п*[и́]*ме* и т.п. развилась из **пиѣте* в результате стяжения [и] – рефлекса редуцированного **ĭ* – и гласного суффикса – [и] из *ѣ* (во многих из рассматриваемых говоров на месте *ѣ* отмечен гласный [и] – [ДАБМ 1964, карта 34]), а в ряде говоров той же территории на месте *ѣ* отмечен [е] – [ДАБМ 1964, карта 34], но вследствие отвердения губных перед [е] и [и] произошло сближение этих последних и, как результат этого, – их взаимная мена [Бірыла 1957, 81]).

В ряде случаев [е] в формах повелительного наклонения в юго-западных белорусских говорах нельзя считать результатом действия морфологической аналогии. Возможно, что смешение [е] и [и] явилось здесь предпосылкой для появления формы с [е] под влиянием русского языка. В некоторых говорах той же территории (Брестская область) форма с [е] без [й] отмечена не только во множественном числе, но также и в единственном (ДАБМ – 822, Ивановский район: *пе, ле, в'ий, пете, вете, бете*; 874, Дивинский район: *пэ, л'ий, в'ий, б'этэ*). Вероятно, здесь [е] в форме ед.ч. появилось в результате смешения [е] и [и], о чем сказано выше, и по-видимому, поддерживается формой мн.ч., где [е] морфологического происхождения.

На месте редуцированного **ĭ* в окончании Р.п. мн.ч. существительных старого наклонения **ĭ*-основ (типа *кость*) и мягкого варианта склонения ** ŏ*-основ (типа *конь*) отмечены [е] или [и] (или гласные, развившиеся на месте *е* и *и* любого происхождения).

Гласный [е] (*гост*[е́]*й, кон*[е́]*й* и т.п.) характерен для большинства говоров, которым свойственна форма Р.п. мн.ч. старого склонения **ĭ*-основ, т.е. говорам русского, белорусского и большей части говоров украинского языков. Гласный [и] (*люд*[и́]*й, кон*[и́]*й* и т.п.) отмечен главным образом в юго-западных украинских говорах, а также в некоторых говорах на крайнем западе североукраинских говоров. На западе Брянской области рефлекс [и] отмечен в единичных примерах наряду с рефлексом [е], примеры с которым преобладают.

На карте показана зона распространения рефлекса [и] в рассматриваемой форме (сосуществование рефлексов не отражено вследствие загруженности карты). В пределах этой зоны гласный [и] наиболее характерен для закарпатских, бойковских и гуцульских говоров, в которых [и] почти всегда является единственным рефлексом редуцированного **ĭ* в данной форме. В остальных говорах указанной зоны [и] часто отмечается наряду с [е], причем в северной части зоны и вдоль ее восточной границы [и] как единственный рефлекс практически не встречается.

[8] Это явление описано автором материалов, собранных в говорах нас. п.п. Субаты и Симановичи Антопольского района Брестской области (материалы [ДАБМ 1963]). Очевидно, сближение [е] и [и] имеет здесь тот же характер, что и в соседних украинских говорах, где [е] часто отмечается на месте [и] (из *и* и *ы*).

Существенное отличие изоглоссы распространения [и] на месте редуцированного *ĭ в форме Р.п. мн.ч. существительных от изоглосс [и] в слове *шéя* и в форме повелительного наклонения глаголов *пить, бить* и т.п., а также от изоглосс распространения [ы] на месте редуцированного *ŭ обосновывает предположение, что причина появления [е] в окончании Р.п. мн.ч. существительных на столь обширной территории не является чисто фонетической и что еще до прояснения редуцированных в Р.п. мн.ч. произошла замена *-ĭį на *-ьį под влиянием Д., Т. и М.п.п. мн.ч. (при этом из основ на *ŏ окончание *-ьį распространилось в мягкие основы на *ŏ), а затем позднее *-ьį изменилось в *-ей* (*гостéй, людéй* и т.п.) [Шахматов 1915, 258–259). По мнению А.А. Шахматова, так проходило развитие *ĭ редуцированного в рассматриваемой форме во всех говорах восточнославянских языков. Данные, представленные на карте, позволяют высказать иное предположение относительно появления [и] в рассматриваемой форме в некоторых говорах. Так, на территории Брянской области [и] нельзя объяснить ни влиянием соседних говоров (рядом везде [е]), ни действием каких-либо факторов аналогии. По-видимому, следует признать, что [и] в этих говорах развился фонетически из *ĭ редуцированного. В украинских говорах юго-западного наречия, прежде всего в закарпатских, т.е. наиболее архаичных, [и], скорее всего, также является чертой старой. Очевидно, здесь развитие проходило фонетическим путем: *-ĭį > > *-iį. Позднее во многих более северных юго-западных говорах первоначальное *-ий* заменилось окончанием *-ей* под влиянием основной массы украинских говоров и украинского литературного языка. Говоры Закарпатья гораздо в меньшей степени подвержены такому влиянию, в связи с чем форма с [и] сохранилась здесь повсеместно. Возможно также, что здесь эта форма поддерживалась еще и влиянием формы на -ī соседних словацких говоров, о значительном воздействии которых на говоры Закарпатья сказано выше.

В говорах Закарпатской области отмечена также и форма Р.п. мн.ч. существительных на -[и] (*гост*[и́], *кон*[и́] и т.п.). Эти говоры соседствуют с теми, которым свойственна форма на -[ий] (*гост*[ий́], *кон*[ий́] и т.п.), но сосуществуют оба варианта (с [й] и без [й]) очень редко. В пределах того же ареала закарпатских говоров отмечены единичные случаи с -[ӣ] (*люд*[ӣ] и т.п.).

Ассимиляция [й] предшествующему [и] говорит об очень высоком образовании [и] и, следовательно, редуцированного *ĭ. В окончании Р.п. мн.ч. *-ий* [й] ассимилировался предшествующим [и], так как [и] и [й] очень близки друг к другу, а такой фактор, как влияние на данные говоры других говоров, способствует, по-видимому, скорей не сохранению [й], а его утрате: в украинском литературном и почти во всех говорах – окончание -[е]*и* (с другим гласным), в соседних же словацких говорах – -[ī].

В словоформах *соловéй, воробéй, муравéй* почти во всех говорах восточнославянских языков на месте редуцированного *ĭ – [е] (а также [и] или гласный близкий [и], который отмечен на месте всякого *е* или на месте *е* между мягкими согласными). Рефлекс [и] в названных лексемах отмечен в единичных говорах к западу от Бреста и в Брянской области, в тех же нас. п.п., что и рефлекс [и] в форме Р.п. мн.ч. существительных. Очевидно, и происхождение [и] в этих лексемах объясняется так же, как в форме Р.п. мн.ч., фонетическим переходом редуцированного *ĭ в [и]. Гласный [е], по-видимому, так же, как и в форме Р.п. мн.ч., развился из *ь*, который еще до утраты редуцированных заменил собой редуцированный *ĭ в указанных лексемах по аналогии со случаями *пьнь – пьня, дьнь – дьня*. Возможно, что первоначально территория распространения [и] и была несколько шире, но позднее [и] был вытеснен гласным [е] под влиянием общерусского языка и по аналогии со случаями *день – дня, пень – пня* и т.п.

Изоглоссы представленных на карте рефлексов редуцированных *ŭ, *ĭ свидетельствуют, что судьба редуцированных *ŭ, *ĭ в говорах восточнославянских языков первоначально была общей в разных категориях слов. Вследствие действия разных лингвистических и экстралингвистических факторов исходные результаты прояснения редуцированных существенно изменились.

Можно предполагать, что редуцированные *ŭ, *ĭ были гласными, не вполне одинаковыми на всей территории современных говоров восточнославянских языков, а более верхнего подъема в одних говорах и менее верхнего в других, что и послужило причиной прояснения их в разные гласные полного образования. По-видимому, эти различия определялись тем, что [j] (или [i]) не одинаково влиял на предшествующие [у], [і], не позволяя им утратить верхнее образование, и позднее – на предшествующие [ъ], [ь], вызывая некоторое, не одинаковое по говорам, повышение их подъема [Пшеничнова АКД, 24–25; Пшеничнова КД, 200]. Очевидно, неодинаковыми по подъему оказались в говорах восточнославянских языков и гласные полного образования [ы] из *ŭ и [и] из *ĭ. Наибольшие основания для такого предположения дают рефлексы редуцированного *ŭ.

Представленный на карте лингвогеографический ландшафт показывает, что между рефлексами редуцированного *ŭ в современных восточнославянских говорах как бы разные отношения: сосуществование [о] и [ы], [о] и [е] – результат взаимовлияния говоров, в отличие от этого взаимоотношение между [ы] и [е] представляются в целом иными (хотя в отдельных случаях, как сказано выше, их сосуществование может быть вызвано также взаимовлиянием говоров). Прежде всего об этом говорит территория распространения [е] и [ы]: говоры, в которых отмечено [е], вписываются в территорию [ы], граница между областями распространения [ы] и [е] является очень нечеткой, сосуществуют [ы] и [е] очень часто. При этом в И.п. ед.ч. прилагательных мужского рода [е] чаще всего сосуществует с [ы] в окончании -[ый], т.е. с [й], а не с -[ы], отсутствие же ассимиляции [й] предшествующим [ы] говорит, очевидно, о том, что [ы] в этих говорах был несколько менее высокого образования, т.е.звуком, более близким [е], чем в других говорах. Кроме того, в говорах той же территории отмечен на месте редуцированного *ŭ гласный, переходный между [ы] и [е]. Учитывая все сказанное, а также то, что гласный [е] появился в ряде говоров сравнительно поздно [Карский 1955, 156; Толкачев 1951, 311], можно полагать, что [е] на месте редуцированного *ŭ развилось из [ы] полного образо-

вания. Впервые [е] возникло скорей всего в древних псковских и примыкающих к ним новгородских и онежских говорах, а позднее распространилось и на другую территорию [Толкачев 1951, 231, 310–311]. По-видимому, не во всех говорах [е] на месте *ŭ развился из [ы] полного образования: [е] мог возникнуть и непосредственно из *ŭ редуцированного [Строганова, 1970, 418–419; Зализняк 1983, 168; Калнынь 1993, 31].

Конечный [й] в рассматриваемых формах утрачивается только после [ы] или [и], а после других гласных сохраняется (И.п. ед.ч. *молод*[о́й], *молод*[е́й] и т.п., повелительная форма *п*[ей] и т.п., Р.п. мн.ч. *люд*[е́й] и т.п.). Следовательно, утрату конечного [й] неправомерно рассматривать как не зависящую от предшествующего ему рефлекса редуцированного (так можно понять [Калнынь 1993, 24]). Логично предполагать, что утрата конечного [й] является результатом ассимиляции [й] предшествующим гласным [ы] или [и], а это в свою очередь свидетельствует о том, что в говорах, для которых характерны рассматриваемые формы без конечного [й], [ы] и [и] были очень высокого образования, т.е. артикуляционно и акустически ближе к [й], чем в тех говорах, где утраты [й] не произошло и где, следовательно, [ы] и [и] менее высокого образования. Эта гипотеза не противоречит и предположению о том, что "само развитие или неразвитие так называемых напряженных редуцированных гласных [у] и [і]... определялось разной степенью вокализованности ⟨j⟩ в разных славянских диалектах"... и что утрата [й] "служит указанием на сильно вокализованный характер [j], близкий к неслоговому [і], соседство которого с [ъ] и [ь], видимо, и определило повышение их подъема с дальнейшей (факультативной) ассимиляцией ими [j], выявляющейся в позиции конца слова" [Бромлей 1985, 26]. Кажется правдоподобным считать, что бо́льшая вакализованность [й] способствовала ассимиляции его предшествующими [ы], но возможной ассимиляция оказалась лишь там, где [ы] был наиболее близок к [й], т.е. более высокого, чем в других говорах, подъема. Показательно, что в Закарпатских говорах, где произошла ассимиляция [й] предшествующим [и] в форме Р.п. мн.ч. существительных, в И.п. ед.ч. прилагательных м.р. сохраняется окончание -[ый] (*молод*[ы́й] и т.п.), т.е. ассимиляции [й] предшествующим [ы] не произошло. Это связано прежде всего с тем, что в Закарпатских говорах, где, в отличие от остальных украинских, [ы] и [і] сохранились, [ы] и [й] различаются гораздо более существенно, чем в других говорах: [ы] здесь чаще всего лабиализован, причем в некоторых говорах эта лабиализация очень значительна. В результате в этих говорах сохранилось окончание -ый, которое к тому же, по-видимому, поддерживается формой на -[ий] (с [й]), свойственной украинскому литературному языку и большей части украинских говоров. Возможно, что в украинских говорах [ы] и [и] на месте *ŭ, *ĭ были также более высокого подъема, но еще до процесса ассимиляции [й] в подавляющем большинстве из них [ы] и [и] изменились в гласный передне-среднего ряда средне-верхнего подъема [и] (или близкий ему гласный)[9].

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Редуцированные *ŭ, *ĭ в говорах восточнославянских языков имели общую судьбу. Об этом свидетельствует отмеченное в говорах соответствие между гласными на месте *ŭ, с одной стороны, и *ĭ, – с другой: территория распространения рефлексов [ы], [е] на месте *ŭ в целом совпадает с ареалом рефлекса [и] на месте *ĭ, а область распространения [о] на месте *ŭ – с территорией [е] на месте *ĭ. Приблизительная граница между этими двумя территориями проходит несколько восточнее границы Великого Литовского княжества начала XIV в.

2. Процесс прояснения редуцированных *ŭ, *ĭ в гласные полного образования только в своем начале был процессом чисто фонетическим и очень рано стал процессом фонетико-морфологическим и фонетико-лексическим.

3. Редуцированные *ŭ, *ĭ были, по-видимому, гласными неодинаковыми по говорам восточнославянских языков, что и послужило причиной их прояснения в разные по говорам гласные: *ŭ более высокого подъема и утративший лабиализованность – в [ы], *ŭ менее высокого подъема и сохранивший лабиализованность – в [о], *ŭ менее высокого подъема и утративший лабиализованность – в [ы] или [е]; *ĭ более высокого подъема – в [и], *ĭ менее высокого подъема – [е] или [и].

4. Гласные [ы] на месте редуцированного *ŭ и [и] на месте редуцированного *ĭ в говорах восточнославянских языков также оказались гласными неодинаковыми по подъему: более верхнего и менее верхнего. В ряде говоров [ы] (из *ŭ) менее верхнего образования фонетически перешло в [е], а [и] (из *ĭ) менее верхнего образования явилось фонетической предпосылкой для замены в ряде говоров гласного [и] (из *ĭ) гласным [е].

5. Процесс прояснения редуцированных *ŭ, *ĭ в гласные полного образования проходил, как правило, до процесса смягчения *кы, гы, хы* > *к'и, г'и, х'и*.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Безпалько и др. 1957 – *Безпалько О.П., Бойчук М.К., Жовтобрюх М.А., Самійленко С.П., Тараненко І Й.* Історична граматика української мови. Київ, 1957.

Белодед – Ижакевич – Франко 1962 – *Белодед И.К., Ижакевич Г.П., Франко З.Т.* Взаимосвязи между украинским и другими славянскими языками в XVI – начале XVIII в. // Вопросы образования восточнославянских языков. М., 1962.

Бірыла 1957 – *Бірыла Н.В.* Этымалагічна мяккія губныя зычныя ў беларускіх народных гаворках // Працы інстытута мовазнаўства АН БССР. Вып. III. Мінск, 1957.

Бромлей 1985 – *Бромлей С.В.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985.

Дурново 1924 – *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.

Дурново – Соколов – Ушаков 1915 – *Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 5. М., 1915.

Жилко 1955 – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

Житецкий 1876 – *Житецкий П.* Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876.

Зализняк 1986 – *Зализняк А.А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *ВЛ. Янин, А.А.Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1986.

Калнынь 1963 – *Калнынь Л.Э.* К вопросу о рефлексации редуци-

[9] Этот процесс относят к XI–XIV вв. [Безпалько и др. 1957, 153], а утрата [й] – к XV–XVII вв. [Нарысы 1957, 172].

рованных во флексии им. ед. м.р. местоименных прилагательных (по материалам ОЛА) // ОЛА. Материалы и исследования. 1988–1990. М., 1993.
Карский 1955 – *Карский Е.Ф.* Белорусы. М., 1955 Вып. 1.
ЛГГБГ 1969 – Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969.
Луппова 1963 – *Луппова Е.П.* Особенности вокализма в говорах Кировской области в связи с вопросом классификации их // Тезисы докладов на IX диалектическом совещании 15–18 мая 1963 г. М., 1963.
Ляпунов 1899 – *Ляпунов Б.М.* Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи СПб., 1899.
Мацкевіч 1959 – *Мацкевіч Ю.Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.
Нарысы 1957 – Нарысы на гісторыі беларускай мовы. Ін-т мовазнаўства і. Я. Коласа АН БССР. Мінск, 1957.
Панькевич 1938 – *Панькевич И.* Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Ч. I. Прага, 1938.
Пшеничнова 1960 – *Пшеничнова Н.Н.* К истории редуцированных *ы, и* в восточнославянских языках // НДВШ. Филол. науки. 1960. № 1.
Пшеничнова 1964 – *Пшеничнова Н.Н.* Гласные на месте редуцированного *ĭ в говорах восточнославянских языков // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.
Пшеничнова АКД – *Пшеничнова Н.Н.* К истории редуцированных *ŭ, *ĭ в восточнославянских языках. АКД. М., 1964.
Пшеничнова КД – *Пшеничнова Н.Н.* К истории редуцированных *ŭ, *ĭ в восточнославянских языках. КД.М., 1964.
Пшеничнова 1967 – *Пшеничнова Н.Н.* Некоторые фонетико-морфологические особенности говоров к югу и юго-западу от Онежского озера // Очерки по фонетике северно-русских говоров. М., 1967.
Пшеничнова ДД – *Пшеничнова Н.Н.* Типология русских говоров. ДД. М., 1994.
Пшеничнова АДД – *Пшеничнова Н.Н.* Типология русских говоров. АДД. М., 1994.
Русская диалектология 1964 – Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.
Соболевский 1881 – *Соболевский А.И.* Исследование в области русской грамматики. Варшава, 1881.
Строганова 1970 – *Строганова Т.Ю.* Западные среднерусскае говоры // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
Толкачев 1951 – *Толкачев А.И.* История членных прилагательных русского языка. КДМ., 1951.
Филин 1972 – *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
Шахматов 1898 – *Шахматов А.А.* Рецензия на книгу Е. Будде "К истории великорусских говоров". Казань, 1896. // Отчет о присуждении ломоносовских премий в 1897 г. Сб. 66. 1898.
Шахматов 1910–1911 – *Шахматов А.А.* Курс истории русского языка, читан в Спб. Университете, 1910–1911 гг. Ч. III.
Шахматов 1915 – *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Т. II. М., 1915.

КАРТА 4

РЕФЛЕКСЫ *'*a* И **ę* ПОД УДАРЕНИЕМ

0.0. Цель данной карты – показать те восточнославянские диалекты, в которых в том или ином виде сохранилось различие рефлексов *'*a* и **ę*, а также показать типы распределения рефлексов названных гласных как в говорах, сохраняющих их различие, так и в говорах, его утративших.

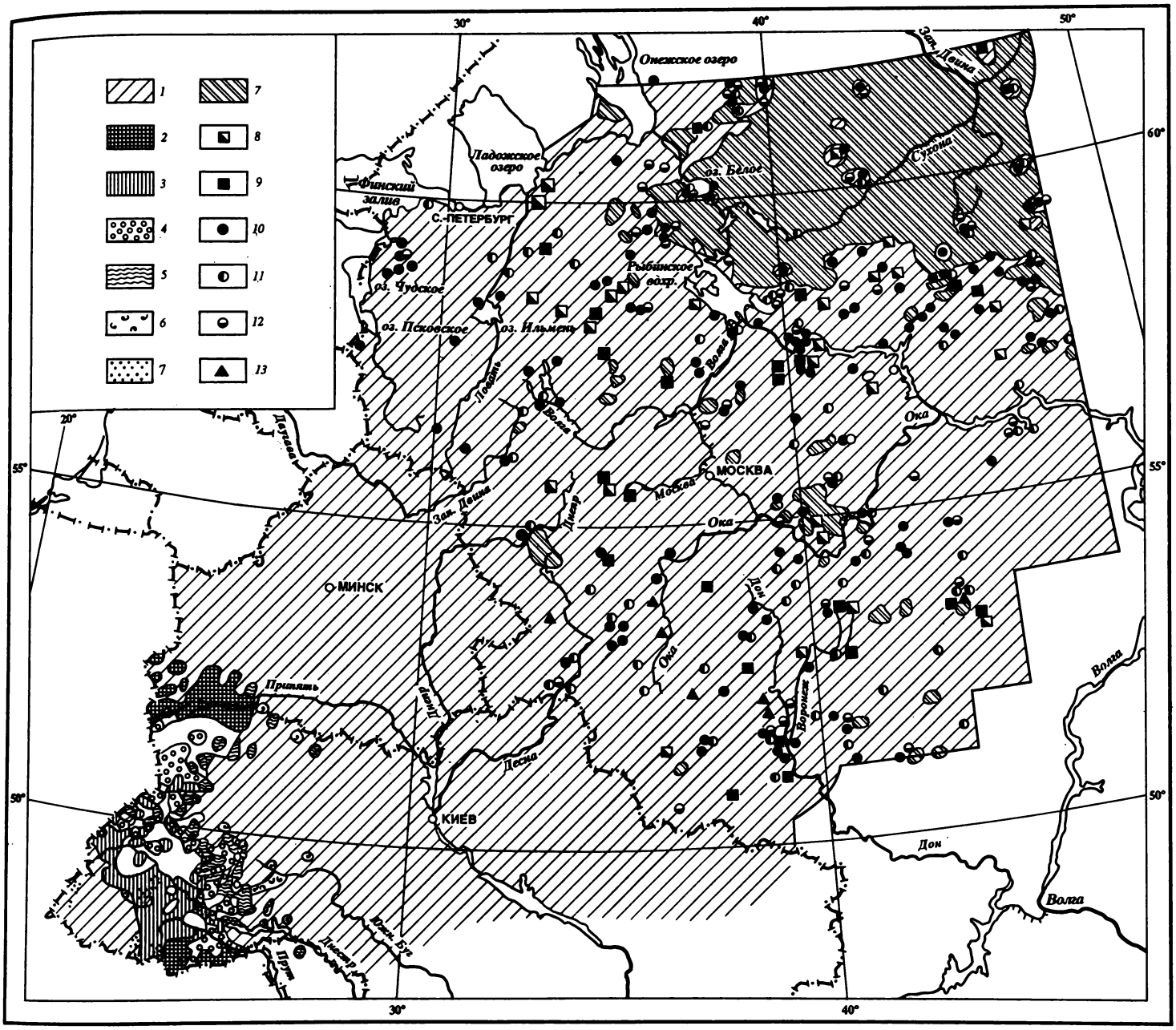
Известно, что в большинстве восточнославянских диалектов указанные гласные отражаются в звуках нижнего подъема ([а], [æ] и др., далее обозначаются как *A*), но в северо-восточных русских говорах (в позиции между мягкими согласными) и в западноукраинских говорах на месте *'*a* и **ę* произносятся гласные более высокого подъема, вплоть до *i* (далее гласные ненижнего подъема обозначаются как *E*). Если в системах, где *'*a*, **ę* > *A*, практически не встречается отклонений от основного правила рефлексации, то *E*, как правило, не является единственно возможным отражением *'*a* и **ę*: в говорах такого типа обычно встречаются случаи произношения *A* наряду с *E* на месте указанных гласных. Количественное соотношение форм с *E* и *A* в таких говорах неодинаково[1].

В украинской и русской диалектологии любые случаи произношения *E* на месте *'*a* и **ę* принято объяснять повышением подъема *A* в положении после мягких согласных – в украинских говорах – и в положении между мягкими – в русских, а наличие в этих говорах в названных позициях *A* – влиянием литературных языков или соседних диалектов, не знающих перехода *A* > *E* [Аванесов 1947, 86; Залеський 1965, 87–135]. Однако в некоторых описаниях западноукраинских говоров высказывается предположение о возможном различении рефлексов *'*a* и **ę* как *A* и *E* соответственно (например, в описании Г.Ф. Шило встречаем данные, указывающие на различение рефлексов *'*a* и **ę* в говорах, расположенных в среднем течении Западного Буга [Шило 1957, 171; см. также сноску на с. 35]; ср. замечание К. Дейны о сохранении мягкости шипящих только перед [*i*] и рефлексами **ę* в говорах Тернопольской области [Дейна 1957, 48]).

В настоящей работе предпринята попытка, используя материалы лингвогеографических исследований разных лет, рассмотреть распределение звуков *A* и *E* на месте *'*a* и **ę*, отделяя случаи исконного различия рефлексов *'*a* и **ę* от результатов более поздних фонетических и морфонологических процессов.

0.1. В настоящей работе рассматриваются только *ударенные* рефлексы *'*a* и **ę*, поскольку в восточнославянских диалектах безударная позиция нерелевантна для противопоставления указанных гласных. Однако в некоторых случаях именно учет безударной позиции дает возможность отличать системы различного устрой-

[1] Это соотношение, в частности, показано на карте 43 [ДАРЯ, I].

Карта 4. Рефлексы **'a* и **ę* под ударением

1 – "Восточнославянская" система: **'a, *ę* > *A* (символами *A* и *E* здесь и ниже обозначаются звуки нижнего и ненижнего подъемов соответственно).

2–6 – западноукраинские системы (в таблице показаны гласные на месте **'a* и **ę*):

Условные обозначения	Предшеств. согласный			
	j	шипящий	зубной, губной	*r*
2.	*E*	*E*	*E*	*E*
3.	*A*	*E*	*E*	*E*
4.	*A*	**'a*>*A*, **ę* > *E*	*E*	*E*
5.	*A*	*A*	*E*	*E*
6.	*A*	*A*	*A*	*E*

Примеры: 1. *jèma jèstr'ib, ž'èba, ž'èti, l'ék, l'l'éty, r(')èd.* 2. *jáma, jástr'ib, ž'éba, ž'éti, l'ék, l'l'éty, r(')èd.* 3. *jáma, jástr'ib, žába, ž(')eti, l'èk, l'l'èty, r(')èd).* 4. *jáma, jástr'ib, žába, žáti, l'ék, l'l'éty, r(')èd.* 5. *jáma, jástr'ib, žába, žáti, l'ák, l'l'áty, r(')èd.*

7 – противопоставление рефлексов **ę* и **'a* как гласного с *i*-образной начальной фазой и гласному без *i*-образной начальной фазы во всех или в части позиций; примеры: *jéma, jéstr'ib, ž'eba, ž'jéti, l'l'ék, l'l'ety, rjéd.*

8 – северовосточнорусская система: **'a, *ę* > *E* (перед мягким согласным) // *A* (перед твердым согласным); примеры: *p'ét', p'átyj, s'ádu, s'éd'eš,* instr. *pn'émi,* dat. *pn'ám, gul'él'i, gul'át, s'c'és'jö* 'счастье'.

9–14 – русские системы: **'a* и **ę* > *A*, но в отдельных словах или морфемах имеется *E* < **'a* или *E* < **ę* только перед мягкими согласными:

9 – *E* < **'a* после *j* (*jéjца, см'ujén'ис'* под.);

10 – *E* < **'a* после любого мягкого согласного;

11 – *E* < **ę* в корнях имен (*n'ém', гр'éз'* и под.);

12 – *E* < **ę* в глагольных корнях, оканчивающихся на гласный (*м'él'и, подн'ém* и под.);

13 – *E* < **ę* в глагольных корнях, оканчивающихся на согласный (*пр'él'и* и под.);

14 – *E* < **ę* в окончании 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения.

ства и происхождения. Так, в галицких и гуцульских говорах "переход *A* в *E*" имеет место как под ударением, так и без него; в большинстве же волынских, западнополесских и побужских говоров **'a*, **ę* > *E* только под ударением, а в безударном положении, по крайней мере в части позиций, на месте **'a* и **ę* произносятся гласные нижнего подъема (что объясняется дифтонгизацией ударенных гласных и сохранением монофтонгов в безударной позиции в этом типе говоров). Данные о рефлексах гласных **'a* и **ę* не дают возможности точно провести границу между говорами двух типов; очевидно, эта граница может быть проведена только при учете систем вокализма говоров в целом.

Приведем несколько примеров северноволынского говора с. *Річиця* Ратновского р-на Волынской обл. Под ударением, **ę*: *blyzn'éc'ka, blyz'n'áta, kot'éčyj,* 3 pl. *stojét', γaráčyj, γarɔ́čəj uxý,* 3 pl. *darát', lážu* 'лягу', *s koláskamy, s kol'éskamy, zjéža* 'свяжет', *zjázujut',* 3 pl. *sadowjét'*; **'a*: *pryc'epl'éjut', vyγon'éjut', ostaų́l'ály, jésno* 'ясно', *kʌč'éjut', pokač'éty,* gen. *čážəčky* 'чашечки', *γorščýər* 'гончар', *šópku* 'шапку', *u šʌ́rcə,* acc. *nož'é, ž'éba* 'жаба', *ž'éboju, pož'ię́r* (заимств. *ž'értamy, xoz'éin, xoz'ǽin*). Без ударения, **ę*: *ščaslávo, γrǽčanəj,* 3 pl. *zróbjat', vóz'at', pál'at', γovórat'*; *pudn'aló, wz'etý, kolód'ez'a, m'iś'ac'a, oγlədátys'* 'оберните́сь', *oγlədájs'a, l'akáje, zl'akút, *'a*: *jakýjs', čaščənký, v'íšaty, púwn'a* 'полная луна', *staų́l'ájut', gen. són'c'a.*

Западноукраинским галицким и гуцульским говорам свойственно не зависящее от ударения повышение подъема рефлексов **'a*, **ę*. В материалах АУМ 2 отмечается более высокий подъем безударных рефлексов **'a*, **ę* (как правило, [*i*]) по сравнению с ударенными (карты 42, 45, 46 2 тома АУМ).

0.2. **Системы рефлексов **'a* и **ę* в восточнославянских диалектах**. В восточнославянских диалектах имеется три типа систем рефлексов **'a*, **ę* (по наличию-отсутствию в них и по условиям появления *e*-образных рефлексов указанных гласных).

1. **"Восточнославянский" тип**: **'a*, **ę* > *A*. Этот тип встречается на всей восточнославянской территории, за исключением крайнего северо-востока и юго-запада.

2. **Западноукраинский тип**: на месте **'a*, **ę* произносится *E* (или *A*); распределение гласных *A* и *E* на месте **'a* и **ę* зависит от качества *предшествующего* согласного.

3. **Русский тип**: **'a*, **ę* > *E*(~*A*) перед мягкими согласными, *A* перед твердыми. Этот тип встречается также в отдельных белорусских говорах. Ниже (§§ 1 и 2) подробно рассмотрены 2-й и 3-й типы рефлексации **'a* и **ę*.

0.3. В западноукраинских и северовосточнорусских говорах рефлексы **'a* и **ę* по-разному ведут себя в основах и именных флексиях. В именных флексиях, содержащих **'a*, в большей части западноукраинских говоров с "переходом *A* > *E*" произносится *E*. В значительной части говоров с различением рефлексов **'a* и **ę* после шипящих согласных (гуцульские, буковинские, значительная часть подольских говоров и говоры в среднем течении Западного Буга) в именных флексиях после мягких согласных на месте **'a* произносится только *A* при *E* на конце слов типа **telę*. По-видимому, нельзя считать, что в перечисленных говорах сохраняется различие рефлексов **'a* и **ę* в именных флексиях, поскольку *A* < **'a* здесь может восстанавливаться под влиянием твердого типа склонения. Нам пришлось отказаться от отражения на карте **'a* и **ę* в именных флексиях из боязни перегрузить карту[2].

Рефлексы *ę* в окончании 3 pl. глаголов настоящего времени учитывались при составлении карты вместе с рефлексами *ę* в основах. О гласном в окончании instr. pl. *-ами* см. в комментарии к русской части карты.

Глагольные и именные суффиксы, содержащие **'a* (**-akъ*, **-ar'ь*, **-al'ь*, суффиксы **-a-* имперфективов и деноменативов и др.), также стремятся к выравниванию своего морфонологического состава, как в сторону обобщения *a*, так и *e*. Поэтому при интерпретации материала учитывались в первую очередь рефлексы **'a* и **ę* в корнях, а суффиксы, содержащие **'a* , привлекались в качестве дополнительного материала.

Рефлексы **ę* в конечной позиции в украинских говорах рассмотрены вместе с рефлексами **ę* в основах слов (nom.-acc. sg. **telę*, **těmę* и под.), поскольку каких-либо особенностей их по сравнению с рефлексами **ę* в неконечной позиции не обнаружено.

1.1. Карта западноукраинских говоров с гласными ненижнего подъема на месте **'a* и **ę* составлена на основании следующих источников: карт 41, 43, 44, 47, 112, 113, 75 (комментарий) 2 тома АУМ; карт 4, 5, 6, 8, 9, 10, 13, 17, 18, 19, 22, 24, 25, 26, 27, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39 ОЛА, рефлексы **ę*, 1990; карт 31 и 32 ОЛА, рефлексы **ě*, 1988; диалектологических описаний [Шило 1957, Дейна 1957, Герман 1983]. Использованы также материалы Карпатской лингвистической экспедиции 1987–1994 гг.

1.2. В западноукраинских галицких (о галицком диалекте и его границах см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990, 110]) и волынских говорах качество (подъем) рефлексов **'a* и **ę* зависит от предшествующего согласного. Темой "западноукраинской" части карты является следующее: 1) подъем гласных (нижний – ненижний) на месте **'a* и **ę* после различных рядов согласных, и 2) различение или неразличение рефлексов **'a* и **ę*.

Теоретически гласный **ę* возможен после любых согласных, кроме задненебных, а гласный **'a* (в том числе **'a* < **ě*) – только после исконносмягченных (*l'*, *n'*, *r'* *č'*, *š'*, *ž'*, *š'č'*, *ž'ǯ'*, *c'*, *s'*) и *j*. В корнях **ę* и **'a* противопоставлены только после *j* и шипящих *č*, *š*, *ž*, *šč*; при этом **'a* в корнях встречается только после перечисленных пяти согласных, а **ę* не имеет ограничений, кроме названного выше (напомним, что рефлексы **ę* в суффиксах существительных *-ęt-* и *-mę* и в окончании praes. 3 pl. при составлении "западноукраинской" части карты рассматривались наряду с рефлексами **ę* в корнях). Гласный **'a* имеется в глагольных суффиксах *-a-* после исконносмягченных согласных и *j* (следует заме-

[2] См. карты, на которых показаны рефлексы **'a* во флексии nom. sg. существительных ж. рода типа *душа, свиня* и рефлексы **ę* на конце nom. sg. существительных типа *ягня, плем'я* в [Попова 1994, 281, 282].

тить, что в известных нам галицких говорах суфф. *-a-* имперфективации малопродуктивен, что сильно уменьшает число позиций для **'a*), а также в именных суффиксах *-ak-*, *-ar'-* и др. Судьба гласных **'a* и **ę* в именных флексиях на карте не показана. Таким образом, различение-неразличение **'a* и **ę* в первую очередь рассматривается в корнях после шипящих и *j*; различение-неразличение указанных гласных после *r*, *l* и *n* рассматривается лишь в тех немногочисленных говорах, где для этого имеется материал.

Неоднократно отмечалось, что произношение звуков ненижнего подъема на месте **'a* и **ę* имеется в тех западноукраинских говорах, в которых сохраняется мягкость шипящих согласных хотя бы в части позиций, и прежде всего перед рефлексами названных гласных. Карты АУМ 2 показывают, что изоглосса мягкости шипящих проходит несколько западнее границы говоров с *E* на месте **'a* и **ę* (ср. карты 11- и 113 с картами 41–47). К востоку от границы распространения мягких шипящих (не перед [*i*]) расположены говоры, в которых после твердых шипящих сохраняется та же система рефлексов **'a* и **ę*, что и после мягких шипящих, а также такие говоры, в которых после твердых шипящих и *j* **'a* и **ę* > *A*, а гласные ненижнего подъема на месте **'a* и **ę* встречаются после губных, зубных согласных и/или *r*.

На основании данных АУМ следующие фонетические позиции существенны для распределения рефлексов **'a* и **ę* нижнего и ненижнего подъема: 1. после *j*, 2. после шипящих, 3. после губных[3] и зубных согласных, 4. после *r*[4]. По этим данным, в западноукраинских говорах имеются системы со следующим распределением рефлексов **'a* и **ę* нижнего и ненижнего подъемов:

Предшеств.	согласный: *j*	шипящий	зубной, губной	*r*
1.	*A*	*A*	*A*	*E*
2.	*A*	*A*	*E*	*E*
3.	*A*	**'a* > *A*, **ę* > *E*	*E*	*E*
4.	*A*	*E*	*E*	*E*
5.	*E*	*E*	*E*	*E*

[3] Как известно, в украинском палатализация губных перед в **'a* и **ę* отражалась в эпентетическом *j*, который в большинстве западноукраинских говоров назализуется после *m*, ср. *wjáže* 'вяжет', *pjét'* 'пять', *pjéęda* 'пядь', *mn'ęátka* 'мята'. В большей части западноукраинских говоров палатализованные губные отличаются от йотированных (ср. *xráml'u*, *kúpl'u* и под. с предыдущими примерами); их совпадение в западноукраинских говорах имеется только на морфемном шве (ср. отражение палатализованных губных перед суф. **-ęt-*, **-ęn-*, **-ak-*, окончанием **-ęть* по говорам: *žerebl'ęą*, *dereųl'ęąnyj*, *xomn'ęąk*; ср., напротив, *l'úbju*, *l'úbjet'*, *žerebjęą* – в говоре Банилова–Подгорного Сторожинецкого р-на Черновицкой обл.; см. также [Дейна 1957, 70–74], карты [АУМ 2]). Поведение рефлексов **'a* и **ę* после исконного и эпентетического *j* в западноукраинских говорах совершенно различно, см. ниже.

[4] В украинской диалектологии выделяется позиция после плавных *l* и *r*, – очевидно, на том основании, что в части западноукраинских говоров плавные не смягчаются перед рефлексами **ě*, **ē*, **ō*, **'a* и **ę* [Шило 1957, 36 и далее, Залеський 1973, 90]. Однако распределение рефлексов **'a* и **ę* нижнего и ненижнего подъема в западноукраинских говорах, по имеющимся данным, заставляет объединять *l* с зубными и губными согласными, противопоставляя позицию после этих согласных позиции после *r*.

Материалы ОЛА, диалектологических описаний и особенно наблюдения Карпатской лингвистической экспедиции вносят в этот список существенные дополнения.

1.2.1. Рассмотрим системы рефлексов гласных **'a* и **ę* в западноукраинских галицких говорах.

1. **ę* (*и* **'a?*) > *E*(~*A*) после *r*, **'a* и **ę* > *A* в других позициях. Обычно *r* в этих говорах отвердевший, реже встречается мягкий *r'*. К сожалению, материал недостаточен для того, чтобы говорить о различении или неразличении **'a* и **ę*.

Данная система рефлексов **'a* и **ę* отмечена в АУМ 2 (№ 89, 139, 323 (тот же нас. п. – № 85 у К. Дейны [Дейна 1957]), 324, 351, 355, 356, 358, 359, 375, 433, 542, 562, 567, 573; в описании Г.Ф. Шила [Шило 1957, № 26] и К. Дейны [Дейна 1957, № 05, 08, 14, 36, 37, 38, 85].

Примеры: 1. с. Великий Ходачків Тернопольской обл.: *вз'*[*á*]*в* 41[5], *гар*[*é*]*чий* 44, *ягн'*[*á*] 47, *щ*[*á*]*стя* 43, *гон*[*чá*]*р* 113 [АУМ 2, № 139]. 2. с. Лосятин Тернопольской обл.: *jáščyrka* 21[6], *ját'il* 22, 3 pl. *łyžát'*, *spl'át'*, *syd'át'* 43, dat. *telát'i* 89, *z'át'* 58, *u porétku* 87, *prásty* 12, *práslyc'a* 13, *s prád'iva* 23 (Дейна 1957, № 05).

Говоры с данной системой занимают крайнее восточное положение в зоне рефлексов ненижнего подъема, причем несколько населенных пунктов расположено за пределами этой зоны и галицкого диалекта.

1.2.2. **'a*, **ę* > *E*(~*A*) после губных, зубных и *r*; **'a*, **ę* > *A* после шипящих и *j*. Данная система рефлексов **'a* и **ę*, по-видимому, встречается в довольно большом количестве населенных пунктов, фактически образуя "полосу" вдоль восточной границы зоны, где есть "переход *A* > *E*". Она зафиксирована всеми указанными источниками (кроме материалов Карпатской экспедиции), но чаще всего встречается в описании К. Дейны resp. говорах Тернопольской области. По имеющимся данным, различения рефлексов **'a* и **ę* в говорах с такой системой нет.

Ниже приводятся примеры из книги К. Дейны и АУМ. 1. Олеїв (Olejów [Дейна 1957, № 27]): *préśłyca* 13, *telátu*, *telétu* 89, *hrétka* 45, *łošátu* 89, *synóžat'* 24. 2. Кобила (Kobyła [Дейна 1957, № 15]): *préśłyca* 13, *telá*, *tylát'i*, *tylý*[*e*]*t'i* 15, *s prádiva*, *prédivo* 23, *hrátka*, *hrátk'y* 45, *telát'i*, *łošát'i* 89. 3. Яблонів (Jabłonów, [Дейна 1957, № 112]): *čás*, *ščásce*, *šápka*, *žába*, *do Bučáču* 9, *sinožát'*, *sinožát'y* 24, *t'éhne*, *t'éško* 65, *kúr'ita* 44, *hrytk'ý*[*e*] 45. 4. Гукалівці Зборовского р-на Тернопольской обл. [АУМ 2, № 317]: *вз*['*á*]*в*, *д*['*á*]*кувати* 41, *гар*[*é*]*чий*, *пр*[*é*]*жа* 44, *ягн*['*á*] 47, *щ*[*á*]*стя* 43, *гон*[*чáр*], *кри*[*чá*]*в*, *стир*[*чá*]*ти* 113; *préśłyca* 13, *prédivo* 23, *hrétka* 45, dat. *telátu*, *telétu* 89, *t'áhny* 65 (Hukalóvwce [Дейна 1957, № 24]).

Примеры из описания Г.Ф. Шила. 1. Війниця Затурцевского р-на[7] Волынской обл. [Шило 1957, № 4]: gen. *тил'éта*, *йагн'éта* 89, dat. *тил'áти*, *йагн'áти* 97; после *Ž* **ę*: dat. *лушáти* 97, **'a*: nom. pl. *жáбі* 118. 2. Криве Скалатского р-на Львовской обл. [Шило 1957, № 225].

[7] В описании Г.Ф. Шила отражено устаревшее административное деление областей.

йагн'ета, привйезана, пйет', вз'éў, тил'ету, пор'éтку, гр'éтка, пр'éслиц'а 39, *пу^{o}р'ú^{e}док, прú^{e}йдиво, прú^{e}сти* 70, gen. *тил'ém'e, пи^{e}с'ém'e, пац'ém'e* 90, dat. *тил'ém'ови, пац'ém'ови* 98; после *Ž* **ę*: pl. *с'іножáта* 119, **a*: *жáба, шáпка, кричáў* 39. Эта же система – в говоре с. Бонишин Золочевского р-на Львовской обл. [Шило 1957, № 147].

1.2.3. **ę* (и **'a*?) > *E*(~*A*) только после *r* и губных согласных, в других позициях – *A*. Такая система встретилась только в трех пунктах сетки ОЛА (№ 414, 431, 488) и не находит подтверждения в других материалах.

Примеры: 1. Туринка Нестеровского р-на Львовской обл.: *цz'ála, начála, žół* 'жал', *žádnyj, mn'áso, цjáže, z'át', pjáť/pjét, pjád', pjátyj, deцjátyj, pjátnyc'a, tel'áta, s'ádu, prél, цjáne, γrétka, préža, tel'á, žaba* (ОЛА, № 414); АУМ в этом говоре показывает *E* только после *r*: *вз'*[*á*]*в* 41, *пр*[*é*]*жа* 44, *ягн'*[*á*] 47, *щ*[*á*]*стя* 43, *гон*[*чá*]*р* 113 [АУМ 2, № 139). 2. Балин Дунаевецкого р-на Хмельницкой обл.: *uz'ála, načála, žał* 'жал', *žádnyj, mn'ásio, ujáže, z'át', pjáť, pjád', pjátyj, deцjátyj, pjétnyc'a, tel'áta, s'ádu, rát* 'ряд', *pr'él, цjáne, pr'áža, tel'á, žába* [ОЛА, № 488]; АУМ в этом говоре показывает **'a*, **ę* > *A* [АУМ 2, № 533]. Эти три пункта на карте отмечены знаком, соответствующим системе, рассмотренной в предыдущем параграфе.

1.2.4. **'a*, **ę* > *E*(~*A*) после любых согласных, кроме *j*, после *j* **'a*, **ę* > *A*. По материалам АУМ и описаниям, данные говоры делятся на такие, в которых после шипящих рефлексы **'a* и **ę* различаются как *A* и *E* соответственно, и такие; где **'a* и **ę* совпадают в *E*. При составлении карты в первую очередь учитывались ударенные гласные в словах **lošę́* (карта 47 АУМ 2), **ščęstьje* (карта 43 АУМ 2) и **žábęčьjь* (карта 75 АУМ 2).

А. **Говоры с различением рефлексов **'a* и **ę* после шипящих согласных**: после шипящих **ę* > *E*(~*A*), **a* > *A*; после губных и зубных **'a*, **ę* > *E*, после *j* – *A*. Такие говоры расположены в восточной части галицкого диалекта: в среднем течении Западного Буга (так называемые середньонадбужанські говори), отдельными вкраплениями – на территории Львовской области, в западных и центральных районах Тернопольской области и на Буковине. В большей их части шипящие произносятся твердо перед гласными нижнего подъема и мягко – перед гласными ненижнего подъема.

Примеры буковинских говоров такого типа из книги К.Ф. Германа: с. Нижні Станівці [Герман 1983, № 17]: *з'ék', р'éд, ж'éти* 36, *жáба, шáпка, чáс, йáрмарок* 37, *мн'áso, мн'áти, мн'акúй, мн'átка, пáмн'ак'* 36; с. Кліводин [Герман 1983, № 44]: *з'ék', р'éд, ж'éти* 36, *ж'éба, ш'énка, ч'éс, йérмарок* 37, *жáба, шáпка, чáс, йáрмарок* 37, *мн'áso, мн'áти, мн'акúй, мн'átka, пáмн'ак'* 36. По материалам К.Ф. Германа, подтверждаемым данными АУМ 2 и ОЛА, эта система имеется также в говорах следующих сел Черновицкой обл.: Кам'яна (20)[8], Лашківка (40), Малятинці (45), Непоколовці (41), Снячів (31), Ошихліби (43), Стара Жадова (21), Стрілецький Кут (19).

В описании Г.Ф. Шила эта система представлена в говорах 29 нас. пп., среди которых: 1. Горбачі Щирецкого р-на Львовской обл. [Шило 1957, № 199, АУМ 2, № 254]: gen. *ти^{e}л'étка, пic'étka* 90, instr. *тил'ém, йагн'ém* 98, *гулубйáта* 61; после *Ž*, **ę*: *луш'é^{u}м* 98, **'a*: *жáбічі* 61. 2. Лука Золочевского р-на Львовской обл. [Шило 1957 – без номера]: *к'éшко* 64, gen. *тил'éти, йагн'éти* 89, dat. *тил'éту пац'éту* 97, instr. *тил'ém, йагн'ém* 104, *гу^{o}лубйáта* 61; после *Ž*, **ę*: instr. *луш'ém* 104; **'a*: *жáбічі* 61. 3. Порудно Яворовского р-на Львовской обл. [Шило 1957, № 111)]: gen. *тил'éта, йагн'éта* 89, dat. *тил'éту, пац'éту* 97, instr. *тил'étум, йагн'étум* 104, *голубл'áта* 61; после *Ž*, **ę*: instr. *луш'étум* 104, **'a*: *жáбл'ачий, -чі* 61.

В говорах Тернопольской и восточных районов Львовской областей представлена та же система рефлексов **'a* и **ę* после твердых шипящих. 1. Добротвір Камянобугского р-на Львовской обл. [Шило 1957, № 45]. *сад'ém', пурус'étови, йагн'étуви, мн'ésу, бул'ém', прédиву, гурéчий, вйézанка*, gen. *тил'éти, йагн'éти* 88, dat. *тил'étуви, тил'éту, пац'étуви, йагн'éту* 98, *мн'áти, т'áшку, вз'áли, шкл'áнка* 88; после *Ž*, **ę*: *лушéти, кричém'*, **'a*: *качáн, ганчáр, шáпка* 88. 2. Рожиськ Подволоческого р-на Тернопольской обл. [Шило 1957, № 220], *тилé'т'і, пац'ém'і, мн'é^{u}со, с'в'ú^{e}то, пор'ú^{e}док, прú^{e}диво, прú^{e}сти* 40, instr. *тил'ém'ом, йагн'étом, пац'ém'ом* 104, *гулубл'áта* 61; после *Ž*, **ę*: *лошúт'і*, (*кáчи^{e}т'і*) 40, **'a*: *жáбл'ачі, -чий* 61. 3. Скоморохи Великоборковского р-на Тернопольской обл. [Шило 1957, № 223). *вз'éў, на з'ém'ах, йагн'éта, пic'éта, горн'éта, дверц'é^{u}та, ўт'éли, пац'éта, прú^{e}диво, порú^{e}док, прú^{e}сти, горú^{e}чий, тил'éта, прос'áниско*; (*хол'éва*); после *Ž*, **ę*: *лошúт'а, м'ішчúт'а*, (*гре^{u}чáниско*); **'a*: *качáн, жáба, шáпка* 40. По описанию Г.Ф. Шила, данная система имеется в говорах сс. *Струтíнь* [Шило 1957, № 155] и *Желдець* [Шило 1957, № 54) Львовской области.

К. Дейна в своем описании говоров Тернопольской обл. не отмечает мягкости шипящих (по АУМ, в этих говорах шипящие твердые), однако указывает, что перед рефлексами **ę* шипящие смягчаются сильнее, чем перед рефлексами **'a* (см. § 0.0): 1. Велика Плавуча (Płaucza Wk. [Дейна 1957, № 48]). *prýsnycy* 13, *prýdivo* 23, dat. *telét'u* 89, dat. *zý^{e}t'ovy* 90; **Zę*: dat. *łošýt'u* 89; **Ža*: *čás* 10. 2. Настасів (Nastasów [Дейна 1957, № 77]). *s prýdiva* 23, dat. *telét'u* 89; **Zę*: *łošý^{e}t'u* 89, **Za*: *žáby, čás* 10. 3. Красне (Krasne [Дейна 1957, № 100]. *na prýsłycu* 13, *prýdivo* 23, *hrýtka* 45, *telét'u, łošýt'u* 89, *t'ý^{e}hnut, t'ý^{e}ško* 65, *dv'i žab'i* 84. 4. Лещанці (Leszczance [Дейна 1957, № 125]). *prýsty, zapríχ* 13, *s prýjdiva* 23, *hrýtka, na hrýtci* 45, *telét'u* 89, *pjék* 64, *hulájut* 10, *burýn* 44; **Žę*: *łošýt'u* 89, **Ža*: *čás*, (*kušárka, pitšáfok*) 9. 5. Залісся (Zalesie [Дейна 1957, № 127]). *telét'u* 89, *prýsnyci* 13, *prýdivo* 23, *hrýtka* 45; *huláiut* 10, *burýn* 44; **Žę*: *łošýt'u* 89, **Ža*: (*na žarú*), *šápka, žár, žáłuvaty* 10. 6. Свидове

[8] Цифры после названий буковинских сел обозначают номер данного села на карте, прилагаемой к книге К.Ф. Германа.

(Świdowa [Дейна 1957, № 131]). *prýly* 13, *prýjdyvo* 23, *hrýtka* 45, *tyᵉléty* 89, *u porétku* 87, *huláty*, *budlak* 10; **Žę*: *lošýty* 89, **Za*: *žáłuju* 9. 7. Іванків (Ivanków [Дейна 1957, № 135]. *prýdyvo* 23, *hrýtka* 45, *telét'u* 89, *tylýᵉtovy* 90, *mńý* 32; *burýn*, *burynú* 44; **Žę*: (*sinóžik* 24), *na sinožýtaχ* 35, *łošýtovy* 90, **Ža*: *šápka*, *dyržák* 9. Данная система имеется также в говорах сел: Kudobińce (26), Pokropiwna (50), Borki Wk. (60), Denysów (71), Zazdrość (103), Darachów (106), Zascianocze (107), Capowce (130), Kapuścince (133), Kupczynce (72) [Дейна 1957].

По всей вероятности, существуют такие западноукраинские говоры, в которых противопоставление **'a* и **ę* после одних шипящих сохраняется, а после других (всегда мягких) – утрачивается. Возможно, так обстоит дело в говоре с. Заболотці Иванчевского р-на Волынской обл.: рефлексы **'a* и **ę* в этом говоре различаются после *ž*, *š* и совпадают в *E* после мягкого *č'*: dat. *тил'ém'i*, *йагн'ém'i* 97, instr. *тил'ém*, *йагн'ém* 104; после *Ž* **ę*: *луш'éᵘм* 104, *бич'ém* (но 3 pl. *ричáм*!); **'a*: *бич'éйка*, *гануч'ép*, *гуршч'ép*, *кач'éўка*, *кач'éн*, *лиж'éти*, *ч'éсом*, *жáбичий*, *куржáн* 67 [Шило 1957, № 13].

Все рассмотренные в этом параграфе говоры на карте обозначены одним знаком: знаком различения рефлексов **'a* и **ę* после шипящих как *A* и *E* и совпадения их в остальных позициях.

В. **Говоры с гласными ненижнего подъема на месте **'a* и **ę* после любых согласных, кроме *j*, после *j* **'a*, **ę* > *A***. По материалам Атласов и диалектологических описаний, в этих говорах рефлексы гласных **'a*, **ę* **не различаются**. К говорам этого типа, по-видимому, относятся надсянские, бойковские, за исключением западнобойковских, часть говоров Львовской обл., бóльшая часть говоров к югу от Днестра, покутские и часть буковинских говоров. В говорах Тернопольской области такая система не встречается, за исключением нескольких нас. пп. на Днестре. Примеры из книги Г.Ф. Шила:

1. Двірці Великомостиского р-на Львовской обл. **ę*: *вз'éў*, *куз'éче*, *з'ém'*, *т'éшко*, *пс'éта*, *прéйдиво*, *гр'éтка*, *пр'éсниц'i*, *тил'éти*, *пал'ém*, *зйéзуйу*, *сирн'éга*, **'a*: *зістаўл'éла*, (*бл'éха*); после *Ž*, **ę*: *к'інч'ém*, *луш'éта*; **'a*: *кач'éлка*, *шч'éўка* 36 [Шило 1957, № 37]. 2. Добровляни Залещинского р-на Тернопольской обл. **ę*: *пйéк'* 56, instr. *тил'éм*, *йагн'éм* 104, dat. *тил'éти*, *йагн'éти* 98; **'a*: *рошчин'éйс'i* 56; после *Ž*, **ę*: *ж'éти*, *зач'éў*, 3 pl. *пішч'é* 56, instr. *луш'éм* 104, dat. *лушéти* 98; **'a*: *садж'éйут*, *ч'éс*, *ж'éба*, *ш'éпка* 67 [Шило 1957, № 269]. 3. Коропуж Рудковского р-на Дрогобычской обл. **ę*: *вз'éў*, *йід'ém*, *сид'ém*, *куз'éчий*, dat. *пац'ém'i*, *гус'ém'i*, *пур'édук*, *гр'éтка*, *пр'éж'i*, *пр'édиво*, *пр'ести* 38, instr. *тил'ém'ум*, *пац'ém'ум* 104, dat. *тил'ém'у*, *пац'ém'у*, *піс'ému* 97; (*бл'éха*, *хул'éва* 38); после *Ž*, **ę*: *шч'éс'ц'i*, **'a*: *ш'éᵘпка*, *ж'éᵘба*, *крич'éў*, *лиж'éў* 38 [Шило 1957, № 166]. 4. Черчик Яворовского р-на Львовской обл. **ę*: *вз'éти*, *пац'ému*, *т'éшку*, *д'éкуйі*, *сад'ém*, *йід'ém*, *трімт'ém*, *куз'éч'i*, *рйém*, *пур'édук*, *пр'éдж'i*, *зл'éкс'i*, *тил'éта*, *бул'ém* 38, gen. *тил'éта*, *йагн'éта* 89, dat. *тил'étуви*, *тил'éту*, *йагн'étуви*, *пац'éту* 98, instr. *тил'étум*, *йагн'étум* 104, *к'éшко* 64, (*хул'éва*, *с'éфа* (шафа), *с'énка* 38); после *Ž*, **ę*: *шч'éс'ц'i* 38, instr. *луш'étум* 104, **'a*: *квіч'ésта*, *ш'énка*, *ж'éба*, *ч'éс*, *крич'éти*, *гунч'ép* 38 [Шило 1957, № 122].

1.2.5. Произношение гласных ненижнего подъема под ударением на месте **'a* и **ę* после любых согласных имеется в северноволынских, западнополесских (а именно южнозагородских и тороканских говорах на территории Брестской обл., см. [Климчук 1983]) и восточногуцульских говорах.

1.3. Материалы Карпатской лингвистической экспедиции, обследовавшей говоры Ивано-Франковской и Черновицкой областей, показали, что в этих говорах гласные на месте **'a* и **ę* представляют собой полифтонг *iɛ̯a* с более или менее продолжительной начальной фазой *i*. Оказалось, что длительность фазы *i* (или: характер протекания полифтонга) позволяет отличить рефлексы **'a* от рефлексов **ę*. На слух различие рефлексов **'a* и **ę* достаточно трудноуловимо; как кажется, оно может по-разному проявляться у разных информантов. У одних это противопоставление гласного с длинной *i*-образной фазой гласному без нее или с короткой *i*-образной фазой (*ž'iɛ̯áty* – *ž'ɛ́gba*, *lež'iéty*), у других гласный с длинной фазой передне-среднего ряда противопоставлен гласному с длинной фазой переднего ряда (*ž'iɛ̯áty* – *ž'ɛ́gba*, *lež'iɛ̯áty*). Обычно конечной фазой полифтонга является *a* (но перед некоторыми согласными – ɛ или *e*). В покутско-буковинских и восточногуцульских говорах полифтонги на месте **'a* и **ę* выражены отчетливее, чем в говорах, расположеных западнее (например, в говорах сс. Луква и Ясінь Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл.).

Рассмотрим примеры буковинского говора (с чертами гуцульского) с. Банилів-Підгірний Стороженецкого р-на Черновицкой обл. (приводится материал, записанный от двух информантов). Распределение аллофонов фонем /ie/ (<**ę*) и /ę/ (<**'a*) в говоре Банилова-Подгорного идентично их распределению в покутских говорах сс. Печенежін Коломыйского р-на и Тишківці Городенковского р-на, в восточногуцульских говорах с. Красноїлля Верховинского р-на Ивано-Франковской обл. и сел Семаково и Гринява Путильского р-на Черновицкой обл.; сел Тисів Болеховского, Луква и Ясінь Рожнятовского р-на Ивано-Франковской области (за исключением позиции после *j*, где произносится *a* во всех названных говорах, кроме говоров Банилова-Подгорного и восточногуцульских, в которых после *j* **'a* и **ę* > *E*). По всей вероятности, эта система рефлексов **'a* и **ę* распространена в говорах к югу от Днестра.

1. После губных начальная *i*-образная фаза гласного (<**ę*) совпадает с эпентетическим согласным, в котором отразилась палатализация губного: *mn'ɛ́ghso*, *mn'ɛ́gtka*, *mn'ɛ́gckaty*, *pjɛ́gda*, loc. *pjɛ́g'i* 'пядь', *vjɛ́gže*, *vjɛ́gzy*, *vjɛ́gnuty* (1); *mn'éᵃ* 'имя', *vjɛ́gnuty*, *pjét'*, *pjɛ́gta* 'пятая', *dewjɛ́gta* (2).

2. Начальная фаза *i* гласного (<*'*a*, **ę*) совпадает с предшествующим *j*: *jéɡγn'i, jéɛhsna* 'десны', *stojégla, bojéɬsə, bojéglasə, jɛ́ɡγoda, jéɛhsin', jéɛhsla, jév'ir, jéɛhšč'ur, jébluko, jéγn'itko, stojégty, stojéų, stojéglə, jéɛhstrup* (1.2).

3. После палатальных *t, d* и палатализованных ("полумягких") *s, z, r* рефлексом **ę* является */ie/*: гласный с начальной фазой *i* и/или выдержкой передне-среднего ряда *ə*: *prię́asty* 'прясть', *pr'ię́gla, prię́ž'a, γr'ię́gtka, zapr'ię́χ, tr'ię́hs, r'ię́ad* (1); *γr'ię́tka, rię́aba* (2); *porosię́ata, pot'ię́ata* 'птенцы', *się́adu, się́ade, rosk'ię́aty, rosk'ię́ala, rosk'ię́ų, uzię́aty, uzię́ų, uzię́ala, uzię́alə* (1), *pot'ię́ata, desię́ata* (2). Примеров с **'a* в данной позиции не на стыке основы и флексии в говоре нет.

4. После палатальных сонантов *l'* и *n'* рефлексы **Lę*, **Lja* и **Lьja*, по-видимому, не различаются; как *i*-образное начало гласного на месте **ę*, так и *j* перед **'a* ассимилируются предшествующим согласным (необходимо отметить, что *j* в сочетании **Lja* в говоре Банилова-Подгорного, по-видимому, не переходит на суперсегментный уровень, и **Lja* , совпадая с **Lьja*, дает *–l'ja* > *l'l'a*). **Lę*: *tel'l'égta* 'телята', *l'l'éɛč'no* 'страшно' (1), *tel'légta, ščyn'n'égta* (2); **Lja*: *str'il'l'égty* 2x, *m'in'n'égty, m'in'n'éų, m'in'n'égla, m'in'n'éji* (1); *stryl'l'égty, str'il'l'égla* (2); **Lьja*: *nal'l'éi, pol'l'égla* (1, 2). После палатальных *l, n* в кластерах на месте **ę* произносится гласный с *i*-образным началом (после согласного долгие *l', n'* не возможны): *prokl'ię́ala, prokl'ię́ų, k'izl'ię́ata* (1), *γorn'ię́atko* (1. 2). В глаголе *γul'áty* под ударением произносится только *A*.

5. После шипящих согласных рефлексы **'a* и **ę* противопоставлены описанным выше образом. На месте **ę*: *nač'égty, nač'éų, nač'iégla, č'iégdo, loš'iégta, ž'iégty* 'жать', *ž'iégla, ž'iéglə, žiéų* (1); *zač'iégla, d'iųč'iégta* (2); *'a*: *lež'ʲéty* 2x, *kryč'éty, moųč'égty, moųč'éų, moųč'égla, moųč'égly, k'inč'égty, piš'š'égty, piš'šéų, piš'šégla*ⁱ, *dyr'ž'ʲégk, yrž'ʲégvə, ž'éba, ž'égba, ž'ʲéaba, š'égpka, ž'él', č'éd, č'éhs, v'in'č'égtysə, m'iš'égty, m'iš'égla, saž'égty, saž'éala*, (1); *lež'iégty, ž'élujesə, š'éraje* 'шарит, ищет', *ž'éba, ž'égba* (2). Рефлекс **ę* имеется в слове *p'ič'iégtka* 'печать'.

Таким образом, в говоре Банилова-Подгорного и других говорах к югу от Днестра **'a* и **ę* отражаются в гласных ненижнего подъема с *i*-образным началом разной длины, которое в некоторых фонетических позициях совпало с предшествующим палатальным сонантом. Рефлесы **'a* и **ę* противопоставлены только после шипящих согласных: они различаются как гласные с *i*-образным началом и ядром передне-среднего ряда и гласные без *i*-образного начала (или с очень коротким *i*-образным началом) и ядром переднего ряда: **ę* > > *iɛ́g* ~ *iég*, **'a* > *ég* (~ʲ*ég*).

По своему устройству данная система очень близка системе с различением **'a* и **ę* после шипящих как *ŽA* и *Ž'E* соответственно, описанной в § 1.2.4.А. Различие между этими двумя системами, по-видимому, связано с твердостью–мягкостью шипящих. Если в говорах к югу от Днестра мягкость шипящих сохраняется перед любыми рефлексами **'a* и **ę* (в том числе перед [а] в именных флексиях), то в буковинских, побужских и им подобных говорах мягкость шипящих сохранялась только перед [i], в частности, перед *i*-образным началом рефлексов **ę*, а перед рефлексами **'a*, не имеющими такого начала, происходило отвердение шипящих. С.Л. Николаев на основании данных современных западноукраинских говоров предположил, что галицком диалекте рефлексы **ę* и **'a* были противопоставлены как дифтонг *ja* монофтонгу *a*. Очевидно, правило "перехода *a* > *e* после мягких согласных" в галицких говорах начало действовать после отвердения шипящих перед недифтонгическим *a* < **'a* в восточной части этих говоров.

Таким образом, в говорах, обследованных Карпатской лингвистической экспедицией и относящихся к той диалектной зоне, где по АУМ гласные **'a* и **ę* совпадают в звуках ненижнего подъема, сохраняется противопоставление рефлексов указанных гласных. Такие говоры отмечены на карте специальным знаком (условное обозначение 7). Дополнительными данными о говорах с неразличением рефлексов **'a* и **ę* ненижнего подъема мы в настоящее время не располагаем.

1.4. По наблюдениям Карпатской диалектологической экспедиции, различие рефлексов **'a* и **ę*, выражающееся в наличии у рефлексов **ę* *i*-образной начальной фазы, отсутствующей у рефлексов **'a*, имеется не только в тех говорах, где рефлексы названных гласных относятся к области ненижнего подъема, но и в говорах, где они имеют нижний подъем, например, в ужокском говоре с. Ярок Ужгородского р-на Закарпатской обл., в говорах Раховского р-на той же области, в говоре с. Перегінськ Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл. Подробное описание этих систем в настоящее время готовится к публикации.

2.0. В русских и белорусских говорах гласные ненижнего подъема на месте **'a* и **ę* встречаются только перед мягкими согласными; перед твердыми обычно **'a* и **ę* > *A*, и лишь изредка – *E*. Встречаются следующие системы с *E*: 1. **'a*, **ę* > *E*(~*A*) перед мягким, *A* перед твердым согласным. 2. **'a*, **ę* > *A* в подавляющем большинстве случаев, но в отдельных словоформах перед мягкими согласными имеется *E* только на месте **ę* или только на месте **'a*. В белорусских говорах встречаются только системы второго типа.

Очевидно, что эти две системы имеют различное происхождение. Первая, по-видимому, возникает вследствие автоматического повышения подъема неогубленных гласных между мягкими согласными, которое еще не так давно было действующим фонетическим законом, о чем свидетельствует поведение заимствованной в современных говорах с "переходом *A* в *E* между мягкими"; она известна с 13–14 вв. [Шахматов 1893, 237–239, Горшкова, Хабургаев 1981, 96–97]. Рефлексы **'a* и **ę* в говорах, имеющих данную систему, не различаются. Системы второго типа весьма разнородны;

в одних можно усматривать следы различения *'*а* и **ę*, и эти системы отражены на карте; в других гласные ненижнего подъема на месте *'*а* и **ę* появлялись только в определенных фонетических позициях или под влиянием безударного вокализма[9].

2.1. Материалом для составления русской части карты послужили ответы на вопрос 29 "Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" (М., 1947), содержащие словоформы с рефлексами *'*а* и **ę* под ударением между мягкими согласными. Северозападнорусские данные в основном взяты из текстов – приложений к ответам на вопросы "Программы".

В материалах ДАРЯ на месте *'*а* и **ę* чаще других обозначений гласных ненижнего подъема встречается *е*. Некоторые собиратели записывают *æ*, *ä*, a^e, e^a (два последних – монофтонги средне-нижнего подъема, "средние между *а* и *е*"), *ê*, *и*. При обработке материала рефлексами *'*а* и **ę* ненижнего подъема (*Е*) мы считали только *е*, *ê*, *и*, а все обозначения гласных средне-нижнего подъема считались рефлексами типа *А*[10]. Звук *и* между мягкими согласными отмечен только в севернорусских говорах (наряду с *е* и *ê*): *оп'úт'* БСТ 107, *с'úт'* БСТ 494, *зат'ún'ет* БСТ 730 и др.

Интерпретируя записи, собранные для ДАРЯ, мы опирались на известные нам диалектные системы. Так, в говорах Заонежья (полуостров у северного побережья Онежского озера, Медвежьегорский район Карелии), расположенных около западной границы говоров с *'*а*, **ę* > *Е*(~*А*) и имеющих черты северовосточнорусской фонетики, гласные непереднего ряда после мягких согласных перед твердыми передвигаются вперед, а между мягкими произносятся напряженно, лишь слегка повышая подъем. *'*а* и **ę* в заонежских говорах совпали: перед *С* на их месте произносится æ (*м'ǽса, вз'ǽла, стоjǽл*), а перед *С'* – напряженный *æ* или ɛ (*п'ǽт', вз'ɛ́л'и, гул'ɛ́л'и*). В говоре Д. Шевелевка Тарногского района Вологодской области с северовосточнорусским "переходом *А* и *Е* между мягкими согласными" рефлексы *'*а* и **ę* также имеют передний ряд и низкий подъем, но, в отличие от заонежских говоров, – дифтонгический характер: ^{i}a перед *С*, ^{i}e или даже $^{i}ɛ$ – перед *С'* (*м'^{i}áсо, вз'^{i}ála, стоjал; п'^{i}ém', гул'^{i}ém'*). Гласные на месте *'*а* и **ę* между мягкими согласными в говоре Шевелевки отличаются от *е*-образных рефлексов **ě*, **е* и **ь* более низким подъемом и напряженностью. Возможно, при собирании материалов для ДАРЯ в части русских говоров передний ряд, а также напряженность рефлексов *'*а* и **ę*, воспринимались собирателями как повышенный подъем гласного; по-видимому, этим может объясняться часть примеров с *Е* на месте названных гласных как перед мягким, так и перед твердым согласными в материалах ДАРЯ. В связи с этим критерием достоверности материала является его полнота и последовательность отраженного в нем фонетического явления. Единичные исключения в системе данного говора поэтому могут рассматриваться как случайные или даже ошибочные, особенно в том случае, если данная словоформа зафиксирована в материалах Атласа единожды.

2.2. Как было сказано, условием появления *Е* на месте *'*а* и **ę* под ударением в русских говорах является последующий мягкий согласный. Как мягкие согласные ведут себя сочетания мягкий губной или задненебный + мягкий зубной, ср. формы глагола *йе́гниться* (С. 153, 178, 1220, 1255, 1437), *поз'е́бл'и* С. 42, *пом'е́кч'е* С. 137, *м'е́хк'ийе* С. 1250. Однако встречается и произношение *е* на месте указанных гласных перед твердым согласным. Последнее в части случаев объясняется влиянием однокоренных словоформ с *Е* перед мягким согласным: *суjе́гна* С. 582 (ср. [*йе́*]*гниться*); *сн'е́л* 413, *пр'е́ла, вз'е́л* 930, 1040 (ср. pl. *вз'е́л'и, сн'е́л'и, пр'е́л'и*), *пап'е́тньj* Ю. 747 (ср. [*п'е́*]*миться*); эти примеры отмечены на карте. Возможно, сюда относится и *γр'е́зньj* Ю. 130 (ср. *гр'е́с'* 'грязь', но вероятнее возникновение этой формы из **гр'езно́й* с "сохранением" безударного гласного под новым ударением); *в'е́ско* 'вязко' С.-Зап. 71, *пр'ив'е́зан* С. 27 (ср. *в'ес'т'и́, в'е́с'т'* в южно- и западнорусских говорах <**vęzti* "вязать").

Прочие примеры: *кр'е́ш* С. 70, *гр'е́доч'к'е* С. 329, *м'е́со* С. 1076 – с большей или меньшей вероятностью объяснимы влиянием словоформ с ударением на окончании (ср. pl. *кр'ежы́, м'есно́й, гр'еда́*, но в последнем случае возможно также влияние формы pl. *гр'е́д'ja*). Соображения по поводу возможности сохранения в этих формах особого рефлекса **ę* приводятся ниже в § 2.4.3.

На первый взгляд большой материал с *Е* перед твердым согласным дает пункт 1181 С.: *гре́зь, зе́ть, пе́ть, опе́ть, де́дя, ц'а́йн'ик, сня́ть, пре́ли, стреля́ли, ся́дешь, угоня́ть, гуле́й, закрепле́йут, стреля́ть, смия́ться, лошадя́м, озе́бла, гвозде́м, десе́той, деревя́нной.* По-видимому, собиратель передавал через *е* гласный переднего ряда типа æ, произносимый в говоре после мягкого (ср. заонежские говоры).

2.3. Фонетические системы, в которых *'*а*, **ę* > *Е* перед мягкими и *А* перед твердыми согласными, распространены в современных северовосточнорусских говорах, а также отдельными вкраплениями встречаются на всей русской территории. Кроме обширного северовосточного ареала, продолжающегося далеко на север и северо-восток за пределы территории, картографированной в ДАРЯ, имеются небольшие ареалы говоров с такими фонетическими системами в рязанской Мещере, вблизи Ельни и Моршанска. В говорах, где они представлены, отсутствует различение *'*а* и **ę*. Перед мягкими согласными звуки ненижнего подъема на месте *'*а* и **ę* сосуществуют с *А*, причем в разных говорах соотношение форм с *Е* и с *А* неодинаково. Произношение *А* наряду с *Е* перед мягкими согласными на месте *'*а* и **ę* принято объяснить влиянием литературного языка.

Давно замечено, что в некоторых говорах, имеющих данную систему (с так называемым "переходом *а* в *е*

[9] Возможно, системы этого типа отражаются в северозападных рукописях, особенно псковских, с XI века см.: *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 88–89; *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924. С. 86.

[10] В фонетической интерпретации материала, как и в общем подходе к нему, данная карта отличается от карты 43 1 выпуска ДАРЯ (автор Н.А. Липовская), где весь приведенный ряд обозначений противопоставлен *а* и где избран статистический подход к материалу (отдельно показано произношение слов *опять* и *племянник*).

между мягкими согласными"), в окончании instr. pl. *-'ám'u* и 3 pl. глаголов II спряжения *-ám'* всегда произносится *а* [Аванесов 1947, 86]. Произношение *а* в окончании *-'ám'u* встречается в северо-восточных говорах, не заходя западнее линии Вологда–Вельск. На территории, картографированной в ДАРЯ, это явление не образует крупных ареалов, которые, по-видимому, расположены севернее и северо-восточнее границ ДАРЯ в говорах Вятской и южных районов Архангельской области. Оно может объясняться, по крайней мере в части говоров, тем, что данная флексия замещает флексии *-ám* или *-ámы*, а также влиянием твердого типа склонения.

[а] между мягкими согласными в окончании 3 pl. отмечено Р.И. Аванесовым в говорах рязанской Мещеры с "переходом *А* в *Е*", где он объясняет его заменой окончанием *-ám'* первоначального окончания *-ám* [Аванесов 1947, 86]. Это явление встречается в говорах нас. пунктов 303, 332, 585 и 592 Атаса говоров к востоку от Москвы. Данное явление наблюдается и в южнорусских говорах, где оно, возможно, связано с поздним присоединением *-т'* к первичному окончанию 3 pl. глаголов II спр. *-а*.

Ниже приводятся примеры русских говоров с гласными ненижнего подъема на месте **'а* и **ę*. Примеры 1, 3, и 6 показывают говоры, в которых гласные ненижнего подъема произносятся на месте **'а* и **ę* в подавляющем большинстве случаев, в то время как в примерах 2 и 4 и особенно в 5 словоформ, содержащих *Е*, значительно меньше, чем словоформ с *А*. В примерах 2, 5 и 6 показаны говоры, в которых "переход *А* в *Е*" отсутствует в окончании instr. pl. *-ámi*, а в примерах 4 и, по-видимому, 5, этого "перехода" нет в окончании 3 pl. глаголов 2 спряжения.

1. С. 733. **ę*: *п'ém'*, *офс'éн'ищ'а*, *оп'ém'*, *з'ém'*, *с'ém'*, *с'ém'т'е*, *с'éд'ем*, *забран'émц'а*, *пр'éс'*, *пр'él'и*, *пон'ém'*, *вз'ém'*, *вз'él'и*, *вз'éў*, *вз'éўс'е*; **'а*: *управл'éйу*, *пром'ин'éйу*, *угон'él'и*, *гон'éйут*, *стойél'и*, *выполн'éйут*, *оставл'éйут*, *пров'ир'ém'*, *грабл'ém'и*, *доц'ер'ém'и*, *гул'áйут*, *за св'ин'ám'и*.

2. С. 757. **ę*: *оп'ém'*, *оп'ám'*, *з'ém'*, *з'ám'ем*, *п'ém'*, *п'ám'*, *гр'éз'и*, *гр'ác'*, *с'ém'*, *пр'ál'и*, *пр'ác'т'*, *м'ém'*, *нар'éд'имс'а*; **'а*: *п'ец'él'и*, *кац'ém'*, *йáйца*, *погон'éйу*, *пров'ер'ál'и*, *т'ер'ém'*, *гул'ém'*, *лошад'ám'и*, *дн'ám'и*, *гвоз'д'ám'и*.

3. Ю. 586. **ę*: *кн'éс'*, *п'ém'*, *м'éхк'ий*, *двар'éн'и*, *п'él'цы*, *оп'ém'*, *з'ém'*, *кн'éз'ьвъ*, *вз'él'и*, *вз'ém'*, 3 pl. *стайém'*, *с'ид'ém'*, *к'ип'ém'*, *бал'ém'*, *н'и дайém'*, *з'ám'*; **'а*: *пйéн'ица*, *йéйцы*, *изм'ер'él'и*, *стайél'и*, *абуч'ém'*, *кач'éйутцъ*, *цапл'éйу*, *с' ч'éс'ьк*, *вал'éитцъ*, *стр'ил'éй*, *отправл'él'и*, *пр'ийеж'ж'él'и*, *пъд ул'йám'и*, *с в'аш'ш'éм'и*.

4. Ю. 595. **ę*: *п'ém'*, *з'ém'*, *оп'ém'*, *зав'él'и*, *с'ém'*, *пр'él'и*, *гр'ác'*, *с'н'ál'и*, *пр'ál'и*, *м'ál'и*, *т'án'ьш*, 3 pl. *с'ид'ám'*, *в'ил'ám'*, *йид'ám'*, *гл'ид'ám'*, *стайám'*; **'а*: *йáйцы*, *стр'ил'áй*, *гул'áй*, *стр'ел'él'и*, *гул'ém'*, *стр'ел'ém'*, *дн'ám'и*, *гваз'д'ám'и*, *кас'т'ém'и*.

5. З. 530. **ę*: *гр'ác'*, *п'ám'*, *пр'ác'*, *с'н'ál'и*, *зав'ál'и*, *м'ál'и*, *з'в'аз'л'и* 'связали', 3 pl. *л'ит'ám'*, *гр'éс'*, *с'éд'еш*, *т'én'еш*; **'а*: *път'ар'áй*, *гул'áй*, *н'н'ám'и*, *гваз'д'ám'и*, *д'ер'еўн'ám'и*, *атпраўл'ém'*, *астаўл'ém'*.

6. З. 561. **ę*: *гр'éс'*, *гр'ác'*, *з'ém'*, *п'ém'*, *с'н'él'и*, *зав'él'и*, *пр'él'и*, *м'él'и*, *м'ém'*, *с'éд'еш*, *т'én'еш*, 3 pl. *с'ид'ám'*, *стайám'*, *гл'ед'ém'*; **'а*: *йéйцы*, *път'ер'él'и*, *стр'ел'él'и*, *пръган'ém'*, *ътправл'ém'*, *гул'ém'*, *стр'ил'ém'*, *път'ер'éй*, *гул'éй*, *дн'ám'и*, *гваз'д'ám'и*, *д'ьр'еўн'ám'и*.

2.4. На той части русской территории, где **'а* и **ę* отражаются в звуках нижнего подъема, во множестве встречаются говоры, в которых на фоне системы **'а*, **ę* > *А* имеются отдельные слова с гласным ненижнего подъема перед мягкими согласными только на месте **'а* или только на месте **ę*. По материалам ДАРЯ, такого рода отклонений от основного правила рефлексации **'а* и **ę* в пределах одной системы обычно 2 или 3; часто эти слова могут произноситься как с *А*, так и с *Е*.

Примеры. 1. *Е* < **ę*. Ю. 429: *п'ém'*, *пр'éс'*, *оп'ém'*, *пл'им'éн'н'исы*, *гл'án'-ка*, *гар'áш'ива*, *дн'ám'и*, *пр'ál'и*, *уз'ám'*, *пл'им'án'н'иса*, *гул'áйут'*, *йáс'ен'*, *п'ám'*, *стайám'*, *зъс'м'ийál'ис'*, *оп'ám'*, *гваз'д'ámи*, *лъшад'ám'и*, *гр'áз'jу*.

2. *Е* < **'а*. Ю. 515: *гр'ác'*, *з'ám'*, *п'ám'*, *оп'ám'*, *с'н'á-л'и*, *пр'ác'т'*, *гул'ám'*, *пат'ир'ál'и*, *стр'ил'ál'и*, *йéйца*.

2.4.1. На карте отражены все случаи произношения гласных ненижнего подъема только на месте **'а* в русских говорах, причем выделено две позиции *е*-образных рефлексов **'а*: после *j* и после любого мягкого согласного, кроме *j*. Ниже приводятся все картографированные словоформы.

После *j*. С: *jéгн'илас'* 153, *jéгн'итца* 178, 1437, *суjégна* 582, *обйégн'илас'* 1255, *jéjца* 300, 392, 493–495, 509, 511, 724, 1275, *jéица* 719, *éица* 1166, *éйца* 1192, *jéjцы* 570, с *jéjцам* 481, *jéjцъм* 635, *в jéс'л'и* 1125, *побойél'ис'а* 787, *бойél'ис'* 837, *йéз'в'ик* 'барсук' 838, *с'м'ijél'ис'а* 1017; З.: *jéjца* 379, *йéйца* 591, 746, *jéjцы* 414; Ю.: *йéйца* 569, *с'м'ijél'ис'* 571, *иéс'ен'* 596, *пйéн'ицъ* 617, *свин'jém'и* (при *грабл'ám'и*) 654; С.-Зап. *jéjца*, *jájца* 121, *йéгн'ицца* 61, 160, *стojél* 59.

После мягкого согласного, кроме *j*. С: *гул'ém'* 25, *ф сос'н'éг'е* 'сосняк' 107, *зацепл'él'и* 242, *пром'ен'éйу*, *шл'éйуйццъ* 243, *фс'éч'ина* 329, *утомл'éицца* 368, *стр'ил'él'и* 376, *погул'éйт'е* 384, *шч'éв'ил'* 396, *росстр'ил'éй* 458, *наклон'éйс'а* 502, *кач'éй* 837, *направл'éйут* 838, (*ч'éйн'ик* 967,) *уд'ивл'éйус'* 1059, (*хоз'éин* 1011, 1228), *в'ин'ч'én'je* 1114, *затопл'éй* 1138, *затопл'ém'* 1219, *гул'éйо* 1258, *оставл'éйецца* 1251, *гон'éйут* 1382, *подгул'ém'* 1403; З.: *гул'ém'* 124, 356, *л'ин'éит'* 385; Ю.: *кан'ш'én'ja* 305, (*хоз'éин* 323,) *ган'él'и* 408, *пъправл'éйс'а* 405, (*ч'éй* 468,) *ш'ш'éв'ил'* 629, *отч'éйьн'н'ый* 743.

По-видимому, и в той, и другой позиции имеется "поверхностное" фонетическое изменение не имеющее отношения к вопросу о различении–неразличении рефлексов **'а* и **ę*. Большая часть примеров в позиции после *j* одновременно демонстрирует позицию перед *j* или мягким сонантом, – условия, способствующие повы-

шению подъема *а*. Следует отметить, что аналогично ведет себя *А* в данной позиции в тех западноукраинских говорах, в которых "переход *А* в *Е*" имеется после любых согласных, кроме *j*: в них также отмечается *jéjc'a, hojély s'e* [Дейна 1957, 5].

Большая часть примеров с *Е* на месте **'а* перед мягкими согласными демонстрирует глагольный суффикс *-а-* перед *j* или мягким сонантом.

2.4.2. Говоры, в которых гласные ненижнего подъема произносятся только в 1–3 словах только на месте **ę*, притом что в подавляющем большинстве случаев на месте **'а* и **ę – А*.

На карте не отмечены диалектные системы с произношением *Е* только на месте **ę* в следующих словах, поскольку в них такое произношение, по-видимому, объясняется влиянием безударного вокализма: 1. Формы глагола *глядеть* (деепричастие, другие формы с накоренным ударением): *гл'éд'а* С. 100; З. 293, 587; *γл'éд'а* З. 14, 17, 46, 71, 117, 123, 371, 379, 380, 383, 514, 570, 594, 125 (*нл'éд'а*); Ю. 66, 155, 176, 195, 225, 226, 243, 341, 398, 428, 435, 442, 490, 501, 662; *γл'éн'* Ю. 121, 386; *гл'éт'* Ю. 570, *нл'éт'* З. 294; *н'а γγл'éд'им* З. 371, *при'иγл'éд'ит'ес'* З. 541; *при'иγл'éд'ит'* Ю. 9, *разγл'éд'ила* Ю. 134, *пр'иγл'éд'ила* Ю. 155; *погл'éд'ит* С. 171, *погл'éд'иш* БСТ 202.

Произношение *Е* в корне глагола *глядеть* встречается в западных русских и белорусских говорах; тем самым оно охватывает запад и северо-запад восточнославянской территории. В белорусских говорах гласный *е* на месте **ę* встречается только в формах глагола *глядеть* (за исключением этого слова, в белорусском **'а* и **ę > А*).

Следующие примеры взяты нами из "Хрэстаматыі па беларусскай дыялекталогіі" (Мінск, 1962; номера населенных пунктов соответствуют прилагаемой к хрестоматии карте). Витебская обл.: *гл'éдз'а* – Ласвіцкія Шумилинского р-на (105), *нагл'éдз'ил'ис'а* – Стайкі Витебского р-на (125), *угл'éдз'уц'* – Зазыбы Витебского р-на (135), *гл'éдз'учы, агл'éдз'ил'ис'и* – Шэметаўка Чашницкого р-на (301); Могилевская обл.: *нагл'éдз'илыс'* – Слаўнова Мстиславского р-на, *агл'éдз'ац'* – Карытное Осиповицкого р-на (532).

2. *Е* в корне: *мяч-*: *м'éч'ик* С. 21, 285, 611, 661; З. 190, 191, 378, 405, 587, 619, 621, 623, 630, 631, 661, 667, 684, 727; Ю. 39, 41, 50, 94, 107, 129, 296, 317, 318, 374, 375, 385, 421, 426, 430, 431, 434, 450, 480, 487, 500, 501, 509, 555, 617, 639, 648, 658, 680, 686, 703, 713, 744, 759, 765, 781, 800; *м'éш'ик* З. 624, 719; Ю. 243, 484; *м'éч'ек* С. 286; *м'éч'* С. 663, 685; Ю. 135, 611, 661, 670, 730, 743, 756, 806; *м'éч', м'éч'ик* З. 590; Ю. 415, 649, 650, 652, 668, 674, 752; *с' м'éч'към* 569, *с м'éч'икъм* 602. Произношение *Е* в этом корне, как показывают приведенные примеры, распространено в южнорусских и среднерусских говорах, исключая говоры, расположенные западнее Брянска.

3. *Е* в корне глагола *-рядить* в форме настоящего времени, а также слове *ряженый*: Ю. *нар'éд'уцца* 555, *разнар'éд'ут* 119, 137, 300, 428, 481, 483, 489, 494, 747; БСТ 497, 502, 509, 512, 699, 705, 721, 724, 787, 1056, 1057, 1071, 1134, 1143, 1225, 1246, 1249, 1254, 1259, 1281, 1283, 1287, 1288; *р'éженых* 1249, 1258, 1259. Такое произношение встречается наиболее часто в ярославских и костромских говорах, образуя ареал, примыкающий с юга к зоне "перехода *а* в *е*".

4. *Е* в корнях глаголов с суф. *-ыва-(-ива-)* в северно-русских говорах: С. *нат'éг'иваим* 66, *вытр'éх'ивать'* 26, *прот'éг'ивajет* 143, *стр'éх'ивам* 787, *пр'ив'éзывал'и, пр'ив'éжут* 867.

5. *Е* в наречии *тяжело* под перенесенным ударением в северо-западных говорах(где наречия с исконным конечным ударением приобретают начальное ударение, ср. *хóраша*): *т'ɛ́жɛло пóдн'ато* С.-Зап. 94.

6. *Е* и *О* в формах множественного числа и производных от слова *пятно*. Формы *п'óтна/п'éтна*, gen. *п'éт'ен п'éтнышка* встречаются в большей части южнорусских и части среднерусских говоров. В брянских говорах сохраняются формы с накоренным ударением во множ. числе: *п'Етнá* (в материалах ДАРЯ трижды). По-видимому, таким же образом возникает gen. pl. *пр'óслаф* С.-Зап. 87 (sg. *пр'аслó*?).

7. *Е* и *О* в корнях глаголов *трясти* и (*за*)*прячь*: в одном говоре, как правило, praet. *тр'óс, запр'óк*, inf. *тр'éс'т', запр'éч'*, part. *тр'éс'ено, запр'éжен*. Встречается также praet. *тр'éс, запр'ек* (особенно часто в говорах к востоку от Москвы). Формы с корневым *о* типа *тр'óс, запр'óк* являются общерусскими (см. ответы на вопрос 24 Программы ДАРЯ). Произношение *а* в словоформах *тр'ác, запр'ák* образует большой владимиро-поволжский ареал. Он почти полностью совпадает с ареалом произношения *а* после мягких в предударном слоге (см. карту 7 ДАРЯ 1).

Не отражены на карте также следующие группы примеров: 1. произношение *Е* в слове *опять*, показанное на карте 43 ДАРЯ 1.

2. *Е* в суффиксе слова *племянник*, являющееся общерусским (см. карту 43 ДАРЯ 1) и, очевидно, отражающее **ę́ > е*. Не отмечены на карте также следующие слова с *Е* на месте **ę́ : Е* в суф. **-ę́п* - – Ю. *нарум'éн'ус'* 292, *рум'éн'ицца* 302, 783; С. *разрум'éн'илас'* 285; формы настоящего времени глаголов *клясть* и *помянуть* – Ю. *пам'éн'им* 312, *пам'éн'аш* 580, *пам'éн'иш* 649; С. *прокл'éн'ет* 983, *пом'éн'от* 1424; Зап. *пам'éн'им* 719, 724; *пам'éн'н'и дн'й* С.-Зап. 86.

Не нанесены на карту системы с *Е* в суффиксах следующих слов: *пр'éн'ик* С. 33, 36, 119, 241, 670, 740, 927, 1138, 1166, 1208, 1228, 1229, 1238, 1378; *амшéнн'ик* З. 373, *двар'éн'ь* Ю. 783, *кр'ас'йéн'е* З. 98.

3. *Е* в формах настоящего времени глаголов *сесть* и *лечь*.

Произношение *е* перед твердым согласным встречается русских говорах в формах praes. 1 sg. и 3 pl. глаголов *сесть* и *лечь* (*с'éду, л'éгу, с'éдут, л'éгут*). Карта 95 ДАРЯ 2 на основании ответов на вопросы 106 и 112 "Программы", показывает, что эти формы распространены в северо-восточных говорах; в комментарии к ней говорится, что данные формы встречаются только в ареала "перехода *а* в *е*". Однако из ответов на 29 вопрос видно, что формы презенса глаголов *сесть* и

лечь с корневым *е* (как перед твердым, так и перед мягким согласным) встречаются и за пределами указанного ареала в средне-, южно- и севернорусских говорах как наряду с другими случаями произношения *е* только на месте **ę* (Ю. 178, 683, 747, 808, З. 371, В. 592), так и в качестве единственного примера такого произношения (Ю. 660, З. 384, С.-Зап. 71, 79, 81). Наиболее крупные ареалы за пределами зоны "перехода *A* > *E*" рассматриваемое явление образует вдоль южной границы этой зоны: в ярославских, костромских говорах, в районе Солигалича, Чухломы и Кологрива. Произношение *е* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными в корнях глаголов *сесть* и *лечь*, очевидно, вызвано выравниванием фонетического оформления их корня под влиянием форм прошедшего времени и тех форм настоящего времени, в которых имеется *е* < **ę* перед мягким согласным (ср. выравнивание корня по формам презенса в некоторых псковских и архангельских говорах: *с'а́ду, с'а́д'еш, с'а́л, с'а́л'и*). На этом основании формы типа *се́ду, ле́гу, се́дет, ле́гет* не учитывались при составлении данной карты.

4. *Е* в корнях слов детской речи *дя́дя, тя́тя, ня́ня*, по-видимому, отражает **ě* [Фасмер I 561, III 93, IV 141).

5. При составлении карты не учитывалась судьба возвратной частицы, поскольку это сильно осложнило бы карту и комментарий.

6. Форма *св'е́тк'и* 1208 'святки', очевидно, представляет собой контаминацию с **svět-* и на карте не отмечена.

2.4.3. Ниже приводится материал, отраженный на карте.

1. В общий список по порядку номеров населенных пунктов на карте ДАРЯ помещены следующие примеры: А. *Е* < **ę* в корнях имен (*гряз-ь, хрящ-, част-ь, счаст-ье, пят-ь, гряд-* (pl. *гряд-ья*), *зят-ь, пял-* (*пяльца*, но также и *пялить*), *ряб-*(*енький*), *жал-о, мяс-о*), и в основе слова *горяч-ий*.

Б. *Е* < **ę* в глагольных корнях, оканчивающихся на шумный согласный, большая их часть имеет суффикс *-ну-/-н-* (*тяг-н-, вяд-н-, гряд-н-, вяз-*(*н-*), *гляд-н-, пряд-*).

В. *Е* < **ę* в глагольных корнях, оканчивающихся на гласный (*-*(*н*)*я-, -ча-, -мя-* (*мять*).

С.-Зап. *гр'е́с'* 19, *загр'е́з'ила* 'испачкала' 160, *на агр'е́д'jах, гр'е́д'jаф, падн'е́т'* 22, *п'е́т'ира* 23, *пр'и́л'и* 25, *в'е́ско* 'вязко' 71, *п'е́т'ира*, 86, *п'е́т'* 88, 152, 178, *кр'е́ш* 'высокий берег' 162, 163.

С. *гр'е́с'* 11, *пов'е́л'и* 24, *п'е́тн'ица, п'е́т', з'е́т', с'н'е́л'и, вз'е́т', пр'в'е́зан* 27, *пр'е́л'и* 30, *гр'е́с', пр'е́л'и* 33, *ф кур'е́тн'ик'е, з'е́т', п'е́т', к п'е́тн'ице* 34, *гр'е́с', пр'е́л'и, м'е́л'и, п'е́т'* 36, *вз'е́л'и, вз'е́т'* 38, *п'е́т', вз'е́л'и, с'н'е́л'и, отн'е́л'и, поз'е́бл'и, з'е́т'* 42, *кр'е́ш* 70, *вз'е́т', вз'е́л'и* 95, 96, 100, *вз'е́л'и, пр'е́с', з'е́т'* 119, *п'е́л'ца* 122, *пом'е́кч'е* 137, *гр'е́с', нат'е́н'ет* 153, *зав'е́л'и* 176, *напр'е́д'оно, згл'е́н'о* 191, *м'е́л'и* 200, *п'е́т'* 229, *вз'е́т'* 230, *п'е́т'* 235, *м'е́л'и* 245, *з'е́т', вз'е́л'и* 252, *п'е́т', вз'е́т'* 256, *гр'е́с', вз'е́т'* 300, *подн'е́т'* 308, *гр'е́с'* 332, *п'е́т'* 380, 382, *с'н'е́л* 413, *гр'е́с', м'е́т', подн'е́т'* 415, *ут'е́т'ина* 466, *п'е́т', пр'е́л'и* 491, *зав'е́л'и, с'н'е́л'и*, 498, *т'е́н'еш* 504, *зав'е́л'и* 506, *м'е́л'и* 508, *п'е́т', гр'е́с'* 512, *п'е́т'* 526, *напр'е́с'* 540, *гр'е́с'* 549, *п'е́т'* 582, *на пр'е́х'е* 'прялка' 642, *к п'е́тн'ице* 652, *п'е́т'* 655, *гр'е́с'* 693, *п'е́т'* 702, *зав'е́л'и, м'е́л'и* 703, *пр'е́л'и* 740, *п'е́т', пон'е́т', п'е́т'еро, с'н'е́т', гр'е́з'и, п'е́т'ен, т'е́н'еш* 755, *вз'е́т', вз'е́л'и* 846,*п'е́т'еро, вз'е́т', пр'е́с'* 848, *гр'е́с', з'е́т', зав'е́л'и* 904, *пр'е́л'и* 927, *гр'е́с'* 968, *вз'е́л'и* 1011, 1013, *з'е́т'ом, пр'е́л'и, вз'е́л'и* 1016, *гр'е́с', з'е́т', пр'е́л'и, сц'е́с'йе* 1036, *п'е́т'* 1042, *гр'е́с', вз'е́л'и* 1043, *на м'е́со* 1076, *пр'е́с'* 1088, *пе́ть, гре́зь* 1098, *гр'е́с'* 1099, 1108, *пр'е́л'и* 1117, *гре́зь* 1143, *м'е́т', напр'е́с'т'* 1146, *п'и́т'* 1155, *гре́зь* 1161, *пр'е́жу* 1162, *гре́зь* 1163, *пе́ть* 1172, 1187,*з'е́т', п'е́т'* 1202, *гре́зью* 1208, *гр'е́з'* 1215, *п'е́т'н'ица, пр'е́л'и, м'е́л'и* 1225, *гр'е́с', гр'е́з'jу, отпр'е́с'т', пр'е́л'и* 1228, *оз'е́бл'и* 1230, *з'е́бнут* 1234, *гре́зь, пе́ть, взе́ть, зе́тем* 1238, *гр'е́с'* 1241, *п'е́л'ца* 1247, *гор'е́ч'айа* 1249, *п'ер'еп'е́л'инка, м'е́хк'ийе* 1250, *гр'е́с', п'е́т'* 1259, 1262, *р'е́б'ин'къва* 1275, *п'е́т'* 1296, *гр'е́с'* 1315, *п'е́т'* 1331, *гре́зь* 1335, *зав'е́л'и* 1349, *п'е́т'* 1359, 1363, *нагр'е́н'ет* 1366, *гр'е́с', з'е́т', п'е́т'* 1378, *п'е́т'* 1420, *гре́сь, гре́зью* 1425, *з'е́т'* 1437, *гр'е́с', п'е́т', пр'е́л'и* 1446, *т'е́н'еш* 1457.

З. *сн'е́т'* 46, *з'е́т'* 79, *з'е́т', п'е́т'* 112, *пр'е́с'* 114, *атн'е́л'и* 124, *р'е́б'ин'к'ий* 125, *γр'е́с'* 133, *гр'е́с', м'е́т'* 247, *вз'е́т'* 249, *на hр'е́з'и, пр'е́с'* 294, *γр'е́с'* 526, *п'е́т'* 529, 587, *γр'е́с'* 621, *хр'е́ш'ик'и* 637, *пр'е́с'* 706, 720.

Ю. *п'е́т'ира, пр'е́л'и* 33, *п'е́тн'ица* 58, *п'е́т'* 116, *γр'е́с'* 121, *γр'е́знъj, в'е́с'т'* 'вязать' 130, *з'е́т'* 171, *в'е́з'инаја рубáха* 172, *уз'е́л'и, св'е́з', с'е́д'* 178, *пр'е́л'и* 179, *п'е́т'* 188, *с'н'ел'и* 200, *напр'ед'ина* 219, *пр'ес'* 235, *вес'т'* 292, *п'е́т'* 306, *п'е́т'б γр'е́з'и* 403, *γр'е́с', γр'е́з'jу* 415, *п'е́т', пр'е́с'т'* 429, *м'е́л'н'ица* 'мялка' 457, *п'е́т'еръ, п'е́т', м'е́т'* 458, *пр'е́с'т'* 461, *γр'е́с', γрǽ'с'* 465, *ч'е́с'т'и* 468, *м'е́т'* 489, *пр'е́с'т'* 534, *м'е́л'и, п'е́т'* 570, *п'е́т'* 573, *вз'е́л'и, в'е́с'т'* 605, *в'е́с'т'* 613, *п'е́т'* 633, *м'е́л'н'ица* 'мялка' 645, *пр'е́с'т'* 652, *в'е́с'т'* 679, *γл'е́н'ьт* 703, *пр'е́с'т'* 740, *пап'е́тнъj* 747, *п'е́т'* 757, *м'е́т', п'е́л'ут'* 758, *п'е́т'* 760, *напр'е́с'т'* 769, *же́лъ* 'жало пчелы' 171, *ме́л'н'ица* 'мялка' 788, *з'е́т'* 792, *атпр'е́с'* 822.

Картографируются также формы глагола *грязить* 'грязнить', 'грязнуть, погружаться' с корневым *Е*, видимо возникшим по аналогии с *грезь* (они отмечаются тем же знаком, что и формы слова *грезь*): С. *нагр'е́з'ил'и* 235, 345; С.-Зап. *прагр'е́з'ис'с'а* 5, *нагр'е́з'ил* 7, *нагр'е́з'ил'и, пагр'е́з'ат* 31, inf. *гр'е́з'ицца* 48, *загр'е́з'ила* 160.

Тем же знаком, что и *Е* < **ę* в корнях имен, показано произношение *е* в суф. **-ęt-*: *ф кур'е́тн'ик'е* С. 34, *двайн'е́шк'и* Ю. 210; форма *т'ел'е́т* С. 1015 отмечена в говоре с "переходом *A* > *E*".

2. *Е* в окончаниях praes. 3 pl.: Ю. *γл'ид'е́т'* 17, 272, 452, *γл'ад'е́т'* 81, *к'ип'ат'е́т'* 341, *гл'ад'е́т'* 602, 605, *шум'е́т'* 767; Зап. *γуд'е́т'* 724.

Все приведенные выше формы нанесены на карту и показывают единичные случаи произношения *Е* на месте

*ę при общем для говора отражении *ę и *'a в A. Однако подавляющее большинство примеров E < *ę в корнях представляет собой либо формы слов с подвижным ударением (*грезь, петь* и др.), либо производные от слов подвижной акцентной парадигмы (*петница, ребинький* и др.), что дает основания предполагать влияние на эти словоформы слов с безударным корнем и ставит под сомнение сохранение в них особых рефлексов *ę.

Сохранение особого рефлекса *ę можно с уверенностью предполагать южнорусском *же́ло* 'жало'.

Примеры, имеющиеся в материалах ДАРЯ, указывают на то, что в северо-западных (особенно "севернокривичских") и некоторых западных русских говорах можно предполагать сохранение в отдельных словах особых рефлексов *ę после *r* (а также, возможно, после губных).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Герман 1978 – *Герман К.Ф.* Взамодія диалектів з літерутарною мовою. Чернівці, 1978.

Горшкова, Хабургаев 1981 – *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Дейна 1957 – Dejna K. Gwary ukraińskie Tarnopolszszyzny Wrocław, 1957.

Дыбо, Замятина, Николаев 1992 – *Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1992.

Залеський 1965 – *Залеський О.Н.* Вокалізм південно-західних українських говорів. Київ, 1965.

Попова 1994 – *Попова Т.В.* О судьбе *ę и *(j) a в современных юго-западных украинских говорах // Проблеми соучасної ареології. Київ, 1994. С. 274–287.

Шахматов 1893 – *Шахматов А.А.* Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893.

Шило 1957 – *Шило Г.Ф.* Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.

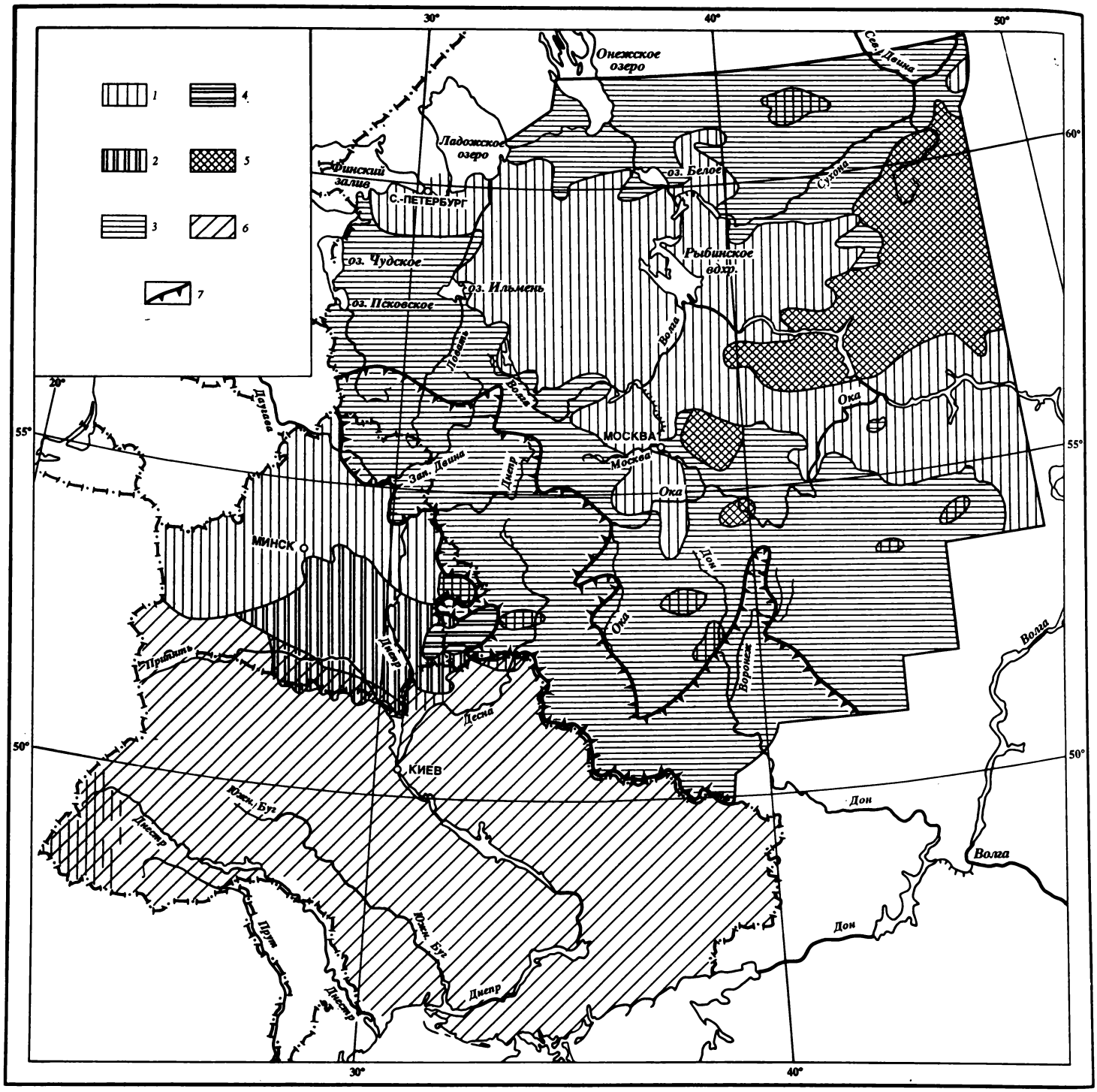
КАРТА 5

МОРФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНСОНАНТНОГО ИСХОДА ОСНОВЫ В ПАРАДИГМЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛОВ I СПРЯЖЕНИЯ ТИПА РУССК. ЛИТ. *ПЕЧЬ, СЕЧЬ, ТЕЧЬ; БЕРЕ́ЧЬ, СТЕРЕ́ЧЬ, СТРИЧЬ*; УКР. ЛИТ. *ПЕКТИ́, СІ́КТИ, ТЕКТИ́*; *БЕРЕГТИ́, СТЕРЕГТИ́, СТРИ́ГТИ*; БЕЛОР. ЛИТ. *ПЯЧЫ́, СЯЧЫ́, ЦЯЧЫ́*; *БЕРАГЧЫ́, СЦЕРАГЧЫ́, СТРИ́ГЧЫ*

I.1. Различный характер реализации консонантного исхода основы в глагольной парадигме обусловливает существование одного или нескольких вариантов этой основы и определяет ее морфонологический облик[1]. Следовательно, в зависимости от поведения фонем (т.е. изменения или сохранения их состава) в исходе основы в рамках словоизменительной парадигмы в каждом отдельном глаголе фиксируется разное количество вариантов основ, чем эксплицируется морфонологическая характеристика данной глагольной парадигмы. Наличие переменного сегмента в основе и, как следствие этого, – наличие морфонологического чередования делает глагольную парадигму морфонологически маркированной, т.е. обладающей несколькими вариантами основы. Отсутствие переменного сегмента в основе, а, соответственно, – и морфонологического чередования, говорит о том, что данный глагол имеет лишь один "вариант" основы во всех формах парадигмы, и его парадигма является морфонологически немаркированной.

Исследование закономерностей формального варьирования глагольной основы раскрывает его функциональную значимость, показывая, что переменные сегменты, выделяемые в вариантах основы, являются носителями вполне определенной грамматической информации и могут принимать, наряду с флексиями, участие в противопоставлении глагольных словоформ в парадигме настоящего времени. Именно совокупность морфонологических характеристик (определяемых: а) количеством вариантов глагольной основы в рамках парадигмы и, следовательно, разделением всех глаголов на морфонологически маркированные и морфонологически немаркированные; б) правилами их распределения по грамма-

[1] Исходя из синхронных представлений о структуре глагольных парадигм в славянских языках и диалектах и основываясь на анализе вертикально выстроенных рядов однозначных глагольных словоформ, считаем зоной морфонологических преобразований в глагольной основе позицию внутри основы перед определенным показателем глагольности (так называемым "процессуальным суффиксом" [Панов 1966, 85–86]), к которому непосредственно присоединяются словоизменительные (реляционные) морфемы. "Процессуальный суффикс" в парадигме настоящего времени может быть выражен одной фонемой, группой фонем или нулем звука. Ср., например, в русск. лит.: инф. *вид/е/-ть* – наст. *виж⁄∅⁄-у*; *спаса⁄∅⁄-ть – спаса⁄й⁄-у*; *нес⁄∅⁄-ти – нес⁄∅⁄-у*; *иронизир⁄ова⁄-ть – иронизир⁄уй⁄-у* (где "процессуальный суффикс" заключен в косые скобки [Попова 1990, 135–137]).

Карта 5. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов I спряжения типа русск. лит. *печь, сечь, течь; беречь, стеречь, стричь*; укр.лит. *пекти, сікти, текти; берегти, стерегти, стригти*; белор. лит. *пячы, сячы, цячы; берагчы, сцерагчы, стрыгчы.*

1 – ⟨К ~ Č⟩ = ⟨1 л.ед., 3 л. мн.⟩ ~ ⟨2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.⟩ (например: *пеку́, пеку́т ~ печ'о́ш...*); 2 – ⟨К ~ Č⟩ = ⟨1 л. ед., 1 л. мн., 3 л. мн.⟩ ~ ⟨2, 3 л. ед., 2 л. мн.⟩ (например, *пеку́, пеко́м, пеку́т ~ печ'о́ш...*); 3 – ⟨К ~ К'⟩ = ⟨1 л. ед., 3 л. мн.⟩ ~ ⟨2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.⟩ (например, *пеку́, пеку́т ~ пек'о́ш...*); 4 – ⟨К ~ К'⟩ = ⟨1 л. ед., 1 л. мн., 3 л. мн.⟩ ~ ⟨2, 3 л. ед., 2 л. мн.⟩ (например, *пеку́, пеко́м, пеку́т ~ печ'о́ш...*); 5 – ⟨К⟩ – во всех формах парадигмы (например, *пеку́, пеко́ш...*); 6 – ⟨Č⟩ – во всех формах парадигмы (например, *печу́, печо́ш...*); 7 – [к, г, γ, h] ~ [к', к., г', γ', h'...] = ⟨1 л. ед., 3 л. мн.⟩ ~ ⟨2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.⟩

тическим формам; в) формальными признаками, по которым эти варианты противопоставляются друг другу) составляет морфонологическую структуру глагольного словоизменения[2].

I.2. Изучение типов морфонологического чередования в морфонологически маркированных парадигмах и типов фонологического облика основы в морфонологически немаркированных парадигмах, существующих в современных восточнославянских диалектах, представляет большой интерес для членения современного восточнославянского диалектного континуума и для установления относительной хронологии в развитии отдельных морфо-

[2] О теоретических принципах морфонологии, которым следует автор в данной работе, и единицах описания морфонологической структуры языка см. в [Славянская морфонология 1987, 3–14].

нологических типов глагольных парадигм настоящего времени в восточнославянских языках.

I.3. При исследовании морфонологической структуры глагольных парадигм настоящего времени необходимо учитывать, что в разных диалектах для одних и тех же групп глаголов используется различный набор фонем[3], оформляющих морфонологическое чередование, и различный состав словоформ, в которых фиксируются одинаковые по фонемной реализации ступени чередования, или альтернанты, например, в глаголах типа русск. лит. *печь*, укр. лит. *пекти́*, белор. лит. *пячы́* в словоформах 2, 3 л. ед. и 1,2 л. мн. наст. находим ступень чередования, реализованную в одних говорах фонемой /ч/, в других – фонемой /к'/, в третьих – фонемой /к/; в чередованиях типа ⟨K ~ Č⟩ заднеязычная ступень чередования ⟨K⟩ может характеризовать в одних говорах словоформы 1 л.ед. и 3 л. мн. наст., а в других – словоформы 1 л.ед., 1 л.мн. и 3 л. мн. наст. и т.п.

При этом следует учитывать, что диапазон фонем, участвующих в оформлении чередований в морфонологически маркированных глаголах строго определен морфонологическими закономерностями каждой ЧДС и, например, в парадигме настоящего времени обычно ограничивается двучленными (и реже – трехчленными) чередованиями. Отсюда следует, что каждая отдельная ступень чередования в рамках парадигмы настоящего времени может характеризовать как какую-либо одну словоформу (ср. в русском лит. альтернант ⟨бл'⟩ в форме 1 л.ед. наст. *люблю́*), так и целый ряд словоформ (например, в русск. лит. альтернант ⟨б'⟩ – в формах 2, 3 л.ед., 1, 2, 3 л.мн. *лю́бишь*, *лю́бит*..., *лю́бят*). Наблюдения показывают, что́ в современных восточнославянских диалектах такие имеющие одинаковую морфонологическую характеристику группы словоформ, достаточно устойчивы. В связи с этим, исходя из общности, одинаковости морфонологических признаков, присущих отдельным словоформам парадигмы настоящего времени, мы можем выделить следующие пять групп словоформ (назовем их блоками), приписав каждому блоку определенный числовой индекс:

1) словоформа 1 л.ед. – ⟨1⟩,
2) словоформа 3 л.мн. – ⟨2⟩,
3) словоформа 1 л.мн. – ⟨3⟩,
4) словоформы 2, 3 л.ед. – ⟨4⟩,
5) словоформа 2 л.мн. – ⟨5⟩.

Это позволит нам в дальнейшем описании морфонологических типов глагольных парадигм настоящего времени отказаться от перечисления всех словоформ парадигмы, заменив их указанными индексами выделенных блоков.

Важно отметить при этом, что ни в одной парадигме настоящего времени не могут быть противопоставлены друг другу по морфонологическим признакам все перечисленные выше словоформы и группы словоформ: диалектный материал показывает, что конкретные глаголы представлены не пятью, а значительно меньшим числом вариантов основ в результате объединения выделенных блоков между собой по признаку тождественности фонемной реализации исхода основы. Причем в каждой отдельной ЧДС существуют свои правила такого объединения. В современных восточнославянских диалектах отмечены не только различные комбинации данных 5-ти блоков по принципу совпадения/несовпадения конечного согласного основы, что проявляется в разнообразном распределении ступеней чередования по формам глагольной парадигмы, но и разный фонемный облик однозначных ступеней чередования. Именно материальная и функциональная содержательность чередований создают диалектное своеобразие морфонологической структуры глагольных парадигм восточнославянских диалектов на современном этапе их развития.

I.4. При конструировании морфонологических чередований статус ступени чередования (альтернанта) приписывается только самостоятельным фонемам. Отсюда следует, что все фонетические (т.е. позиционно обусловленные) модификации одной и той же фонемы в исходе глагольной основы не образуют отдельной ступени чередования. Так, например, в некоторых северно-русских говорах в формах 2 л.мн. наст. типа *пе*[*к'и*]*мé*, *бере*[*г'и*]*мé* (при формах 1 л.ед. наст. *пе*[*кý*], *бере*[*гý*]), где положение перед безударным [и] является позицией нейтрализации твердых и мягких согласных фонем, звуки [к'] и [г', γ', h'...] в данной позиции не представляют собой новой ступени чередования ⟨K'⟩, а относятся к альтернанту ⟨K⟩, зафиксированному в формах 1 л.ед. наст. (см. [Бромлей 1989, 111; ДАРЯ II, карта № 94]).

Однако не всегда можно считать целесообразным исключение из морфонологического анализа контекстно обусловленных согласных в определенных морфологических позициях, поскольку в ряде случаев наличие этих согласных может свидетельствовать об определенном этапе развития морфонологических отношений в говоре. Так, большой интерес представляют те говоры (в основном, южно-русские), в которых в позиции перед гласными переднего ряда употребляются только мягкие согласные и в которых в парадигме настоящего времени перед флексиями "средних" форм [éш(')], [éт], [ém], [ét'e/ét'и] находим в глаголах с "основой на заднеязычные" не переднеязычные шипящие (т.е. *пе*[*чé*]*шь*, *бере*[*ж'é*]*шь*...), а мягкие заднеязычные согласные (т.е. *пе*[*к'é*]*шь*, *бере*[*г'é*]*шь*...). И хотя в данных говорах позиционно мягкие заднеязычные, в соответствии с правилами описания морфонологической структуры языка, не образуют самостоятельной ступени чередования, т.е. реализуют непротивопоставленную по твердости–мягкости фонему в позиции перед [é], тем не менее наличие мягких заднеязычных в глагольной парадигме нельзя оставить без внимания по следующим причинам.

Указанный факт свидетельствует о том, что в данных говорах исконное для подавляющего большинства диалектов древнерусского языка наличие [ч, ж] в "средних" глагольных формах парадигмы настоящего времени в позиции перед гласными переднего ряда уже утратило свою обязательность: изначальный морфонологический облик указанных глагольных парадигм с чередованием ⟨K ~ Č⟩ в основе подвергся в рассматриваемых говорах определенным модификациям по новым морфонологическим правилам, сделавшим возможным элиминацию этого типа чередования и замену его другим, в котором на месте шипящего согласного возник мягкий заднеязычный согласный. Можно предположить, что эти правила сформировались под воздействием морфологической аналогии (а именно – унификации всех вариантов глагольн-

[3] При определении фонем мы исходим из концепции Московской фонологической школы.

ной основы по формам 1 л.ед. и 3 л.мн. наст.) и законов фонетической синтагматики, которые актуальны в данных говорах для всех соотносительных по твердости–мягкости губных и переднеязычных согласных (имеется в виду недопустимость твердых согласных звуков перед [é]). В условиях взаимосвязи этих факторов процесс мог идти следующим образом: *пе[к'é]шь* по аналогии с *пе[кý]* и глагольными формами типа *ве[з'é]шь*, *не[с'é]шь* (при *ве[зý]*, *не[сý]*). Поэтому мы считаем, что при анализе чередований типа ⟨К ~ К'⟩ на карте № 94 [ДАРЯ II] принято принципиально правильное решение: выделить специальными средствами (косой зеленой штриховкой) те говоры, в системах которых в положении перед гласными переднего ряда употребляются только позиционно мягкие согласные (в том числе и заднеязычные) и в которых по этой причине в сочетаниях [к'е], [г'е], [ɣ'е]... мягкие заднеязычные согласные, хотя и не образуют самостоятельной ступени чередования, тем не менее свидетельствуют о наметившихся путях перестройки словоизменительной модели в глаголах с "основой на заднеязычные".

I.5. При изучении чередований, характеризующих глагольные парадигмы настоящего времени в современных восточнославянских диалектах, необходимо установить н а п р а в л е н и е ч е р е д о в а н и я, т.е. определить правила выделения п е р в о й и п о с л е д у ю щ и х ступеней чередования (альтернантов). Первая ступень чередования (A_1) всегда устанавливается нами по форме 1 л.ед. наст. Эту же ступень чередования имеют и все другие формы парадигмы с тождественной фонемной характеристикой исхода основы. Вторая (A_2) и последующие (A_3, A_4...) ступени чередования фиксируются в остальных формах парадигмы в соответствии с традиционным порядком их расположения в парадигме.

Так, например, в западно-украинском гуцульском говоре с. Саджава Ивано-Франковской области в парадигме настоящего времени глагола *сла́тə* (1 л.ед. *шл'у*, 2 л.ед. *шлäш*, 3 л.ед. *шла́*, 1 л.мн. *шла́мо*, 2 л.мн. *шлäтə*, 3 л.мн. *шл'ут*) устанавливается двухчленное чередование ⟨л' ~ л⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩; в парадигме настоящего времени глагола *плате́тə* (1 л.ед. *плачý*, 2 л.ед. *плате́ш*, 3 л.ед. *плате́т*, 1 л.мн. *плате́мо*, 2 л.мн. *плате́тə*, 3 л.мн. *плак'е́т*) выстраивается трехчленное чередование ⟨ч ~ т ~ т'⟩ = ⟨1⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ ~ ⟨2⟩ (см. [Попова 1970, 339, 342]).

I.6. Исследование морфонологических типов глагольных парадигм в современных восточнославянских диалектах показывает, что консонантные чередования могут участвовать в противопоставлении следующих форм в рамках парадигмы настоящего времени:

1) $A_1 \sim A_2$ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, например, русск. лит. *пекý*, *пекýт* ~ *печёшь*, *печёт*, *печём*, *печёте*;

2) $A_1 \sim A_2$ = ⟨1, 2, 3⟩ ~ ⟨4, 5⟩, например, русск. диал. *пекý*, *пекýт* , *пекóм* ~ *пе[чó]шь*, *пе[чó]т*, *пе[чó]те*;

3) $A_1 \sim A_2$ = ⟨1, 3, 4, 5⟩ ~ ⟨2⟩, например, белор. диал. *стрыжý*, *стрыжéш*, *стрыжé(ц')*, *стрыжém*, *стрыжéт'е* ~ *стрыгýц'*;

4) $A_1 \sim A_2$ = ⟨1, 2, 3, 4⟩ ~ ⟨5⟩, например, русск. диал. *пекý*, *пекóш* , *пекóт*, *пекóм*, *пекýт* ~ *пек'óте*;

5) $A_1 \sim A_2$ = ⟨1, 2, 4, 5⟩ ~ ⟨3⟩, например, белор. диал. *п'ечý*, *п'ечéш*, *п'ечé*, *п'ечéт'е*, *п'ечýт'(ц')* ~ *п'екóм*;

6) $A_1 \sim A_2$ = ⟨1, 2, 5⟩ ~ ⟨3, 4⟩, например, русск. диал. *пекý*, *пекýт*, *пек'итé* ~ *печéш*, *печéт*, *печém*;

7) $A_1 \sim A_2 \sim A_3$ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4⟩ ~ ⟨5⟩, например, русск. диал. *пекý*, *пекýт* ~ *печóш*, *печóт*, *печóм* ~ *пек'óте*;

8) A_1 = ⟨1, 2, 3, 4, 5⟩, например, укр. лит. *печý*, *печéш*, *печé*, *печемó*, *печетé*, *печýть*.

Среди перечисленных схем, отражающих функциональную характеристику парадигм настоящего времени глаголов с основой на заднеязычные, есть чрезвычайно редкие (например, $A_1 \sim A_2$ = ⟨1, 2, 3, 4,⟩ ~ ⟨5⟩); они зафиксированы лишь в некоторых ЧДС наряду с другими, более известными на восточнославянской почве. Наиболее же частым является объединение по принципу тождественности консонантного исхода основы следующих блоков: I. 1) ⟨1, 2⟩ и, соответственно, ⟨3, 4, 5⟩; 2) ⟨1, 2, 3⟩ и, соответственно, ⟨4, 5⟩ – в морфонологически маркированных парадигмах и II. ⟨1, 2, 3, 4, 5⟩ – в морфонологически немаркированных парадигмах.

Многообразие сочетаний всех зафиксированных в опубликованных работах по диалектологии и истории русского, украинского и белорусского языков наборов формальных и содержательных характеристик глагольной основы в плане морфонологии свидетельствует о наличии ярко выраженного на территории восточнославянских языков морфоноогического диалектного различия, характеризующего словоизменение глаголов типа русск. лит. *печь*, *берéчь* во временнóй парадигме настоящего времени.

II.1. Исходными материалами для карты, посвященной морфонологической характеристике глаголов I спряжения типа русс. лит. *печь*, *берéчь* в парадигме настоящего времени послужили следующие материалы атласов:

1) Карта № 94 "Основа в формах настоящего времени глаголов типа *печь*, *берéчь*" и комментарий к ней [ДАРЯ II];

2) Карта № 158 "Зычны асновы дзеясловаў на заднеязычны ў парадыгме цяперашняга часу" и комментарий к ней [ДАБМ];

3) Карта № 252 "Вирівнювання основ крайних членів дієслівних парадигм теперішнього часу" и комментарий к ней [АУМ 1];

4) Карта № 72 "Вирівнювання основ на [г], [к] у дієслівній парадигмі теперішнього часу" [Назарова 1985].

Кроме того, были использованы опубликованные работы по истории и диалектологии русского, украинского и белорусского языков и материалы кандидатской диссертации В.В. Масякиной [Масякина 1955].

II.2. Темой карты является морфонологическая структура парадигм настоящего времени глаголов I спряжения, которые в традиционно считавшейся исходной морфологической системе др.-русск. языка X–XI вв. соответствуют глаголам, оканчивавшимся в инфинитиве на *=či* и имевшим в формах 1 л.ед. и 3 л.мн. в конце основы заднеязычный согласный, а в остальных лицах – мягкий шипящий, например: peku – pečeši – pečemъ – pekuть; beregu – bereženi – bereženetъ – bereguть (см. [Иванов 1982, 27]). В дальнейшем изложении для краткости эту группу глаголов будем называть "глаголы с основой на заднеязычные".

С.П. Обнорский, основываясь на материалах русских говоров, приводит следующий список этих глаголов:

беречь, бечь, волочь, влечь, жечь, лечь, лгать, мочь, наречь, недосячь, печь, прячь, сечь, стеречь, сустичь, стричь, течь, ткать, толочь [Обнорский 1953, 100]. Из них глаголы *мочь, лечь, стеречь, жечь* и *лгать* имеют по говорам особую судьбу [Обнорский 1953; Масякина 1955; Бромлей 1989]; поэтому они при составлении данной карты не учитывались.

II.3. Морфонологическую структуру данного глагольного класса в парадигме настоящего времени в масштабе всего восточнославянского диалектного пространства образует совокупность всех зафиксированных диалектных морфонологических типов, характеризующих словоизменение указанных глаголов. При этом данные морфонологические типы могут быть представлены по говорам как различными консонантными чередованиями в исходе глагольной основы (в морфонологически маркированных парадигмах), так и отсутствием каких-либо чередований (в морфонологически немаркированных парадигмах).

II.4. В современных восточнославянских языках для парадигм настоящего времени глаголов I спряжения с основой на заднеязычный характерна широкая вариативность в диалектной реализации консонантного исхода основы. Здесь мы находим следующие серии согласных фонем: это парные твердые заднеязычные /к/ и /г/ (их морфонологический символ ⟨K⟩), парные мягкие заднеязычные /к'/ и /г'/ (их морфонологический символ ⟨K'⟩), внепарные по твердости–мягкости заднеязычные фонемы /$к_о$/ и /$г_о$/ (их морфонологический символ ⟨K_o⟩) и внепарные по твердости–мягкости переднеязычные шипящие /ч/ и /ж/ (их морфонологический символ ⟨Č⟩). Кроме того, необходимо отметить наличие парных твердых и мягких переднеязычных шипящих фонем /$ч_1$, $ж_1$/ и /$ч'_1$, $ж'_1$/ (их морфонологические символы – ⟨$Č_1$⟩ ⟨$Č'_1$⟩) в тех немногих украинских говорах, в которых в корреляцию твердости–мягкости, наряду с переднеязычными и губными, вовлечены и шипящие фонемы[4].

В современных восточнославянских диалектах зафиксированы следующие фонетические реализации указанных фонем: /к/ – согласный [к]; /г/ – согласные [г, γ, h]; /к'/ – согласные [к', ќ, т'']; /г'/ – согласные [г', γ', h', ѓ, д'', j]; внепарная по твердости–мягкости фонема /$к_о$/ – согласные [к, к', ќ, т'']; внепарная по твердости–мягкости фонема /$г_о$/ – согласные [г, γ, h, г', γ', h', ѓ, д'', j]; внепарная по твердости–мягкости фонема /ч/ – согласные [ч, ч', ћ, ч'', ц', ш']; внепарная по твердости–мягкости фонема /ж/ – согласные [ж, ж', ж·]; мягкие фонемы /$ж'_1$, $ч'_1$/ – согласные [ж', ч']; твердые фонемы /$ж_1$, $ч_1$/ – согласные [ж, ч].

Картографируются только фонемы.

II.5. Выше указывалось, что в считающейся по традиции исходной морфологической системе др.-русск. языка X–XI вв. существовала группа глаголов типа русск. лит. *печь, берéчь*, словоизменение которых в парадигме настоящего времени характеризовалось морфонологическим чередованием твердых заднеязычных согласных (которые чаще реализуют /$к_о$, $г_о$/, но могут реализовывать и /к, г/ в некоторых ЧДС)[5], представленных в так называемых "крайних" членах парадигмы (формы 1 л.ед. и 3 л.мн.), с переднеязычными шипящими фонемами, представленными в остальных, так называемых "средних", членах парадигмы (формы 2, 3 л.ед. и 1, 2 л.мн.): ⟨K ~ Č⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ (о значении числовых индексов см. выше). По мнению многих исследователей, данная модель чередования носила в прошлом общерусский характер (см., например, [Иванов 1982, 121]). Однако, начиная с XV–XVI вв. в различных русских, украинских и белорусских диалектах морфонологический облик этих глаголов подверґся различного рода изменениям, которые осуществлялись в разных говорах неодновременно и шли разными путями, что привело в конечном итоге и к различным по говорам результатам.

II.6. В современных восточнославянских диалектах наиболее распространенными являются следующие морфонологические модели, характеризующие парадигмы настоящего времени глаголов I спряжения с основой на заднеязычный:

1) ⟨K ~ Č⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ (например, русск. лит. *пекý, пекýт ~ печёшь*...);

2) ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ (например, русск. диал. *пе[к]ý, пе[к]ýт ~ пе[к']óшь*...);

3) ⟨K⟩ (фактически, ⟨K_o⟩) = ⟨1, 2, 3, 4, 5⟩ (например, русск. диал. *пе[к]ý, пе[к]óшь, пе[к]óт*...);

4) ⟨Č⟩ = ⟨1, 2, 3, 4, 5⟩ (например, укр. лит. *печý, печёш, печé, печемó, печетé, печýть*);

5) ⟨K ~ Č⟩ = ⟨1, 2, 3⟩ ~ ⟨4, 5⟩ (например, белор. диал. *п'акý, п'акóм, п'акýц' ~ п'ачéш, п'ачéц'*...);

6) ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2, 3⟩ ~ ⟨4, 5⟩ (например, русск. диал. *пе[к]ý, пе[к]óм, пе[к]ýт ~ пе[к']óшь, пе[к']óт*...).

Кроме того, в отдельных восточнославянских диалектах отмечены и другие морфонологические типы парадигм, которые, однако, не образуют компактных ареалов, а представляют собой вкрапления, рассеянные в разных частях восточнославянского диалектного пространства (иллюстративный материал см. ниже, в разделе III.7):

1) ⟨Č ~ K⟩ = ⟨1, 3, 4, 5⟩ ~ ⟨2⟩;
2) ⟨Č ~ K⟩ = ⟨1, 2, 4, 5⟩ ~ ⟨3⟩;
3) ⟨K ~ Č⟩ = ⟨1, 2, 5⟩ ~ ⟨3, 4⟩;
4) ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2, 3, 4⟩ ~ ⟨5⟩;
5) ⟨K ~ Č ~ K'⟩ = ⟨1, 2,⟩ ~ ⟨3, 4⟩ ~ ⟨5⟩;
6) ⟨$Č'_1$ ~ $Č_1$⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩.

III.1. Принимаемый нами по традиции за исконный и, следовательно, наиболее архаический тип морфонологической структуры данных глагольных парадигм – это консонантные чередования в исходе основы ⟨K ~ Č⟩ = = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ (например, русск. лит. *пекý, берегý*; *пекýт, берегýт ~ печёшь, бережёшь*...). Указанный тип распространен во многих современных восточнославян-

[4] Н.Й. Марчук приводит ряд примеров противопоставления твердых и мягких шипящих фонем (например, *пич'ý, пичéш*..., *пич'ýт*(·); *волóч'у, волóчиш*..., *волóч'ат*(·); *моўчý*/так!/, *моўчíш*..., *моўч'áт*(·)) из некоторых юго-восточных украинских говоров, к сожалению, без конкретного их названия [Марчук 1983, 109]. Ф.Т. Жилко указывает, что противопоставление твердых и мягких шипящих фонем /ш/:/ш'/, /ж/:/ж'/ и /ч/:/ч'/ отмечается в немногих юго-восточных украинских говорах [Жилко 1966, 69], также не называя эти говоры.

[5] В данной работе для обозначения этого альтернанта употребляем в целях упрощения морфонологический символ ⟨K⟩.

ских диалектах; он является также и литературной нормой русского и белорусского языков.

Наиболее компактный и крупный ареал данного морфонологического типа находим на территории севернорусских, среднерусских и отчасти южнорусских говоров (это северная часть новгородских говоров, говоры ладого-тихвинской и белозерско-бежецкой групп, северная часть – до Торжка – селигеро-торжковской группы говоров, юго-восточная часть вологодских и западная часть костромских говоров, калининская и горьковская подгруппы владимирско-поволжской группы среднерусских говоров, а также группа восточных среднерусских акающих говоров – отдел А и тульская группа говоров южного наречия).

Второй достаточно крупный ареал рассматриваемого морфонологического типа (например, белор. диал. *п'аку́, стрыгу́*; *п'аку́ц', стрыгу́ц' ~ п'ачéш, стрыжéш*; *п'ачé(ц')*, *стрыжé(ц')*; *п'ачóм, стрыжóм*; *п'ечац'é('ó), стрыжац'é('ó)*) расположен на западе восточнославянского диалектного пространства, а именно – на территории Белоруссии. Он охватывает южно-белорусские говоры и западную часть северно-белорусских говоров. Этот ареал идет с запада от истоков Ясельды к северу, занимает центральную часть Белоруссии к северу от Минска и продолжается на востоке, южнее Витебска до линии Минск–Березино–Корма–Краснополье.

Кроме того, следует отметить наличие типа чередования ⟨K ~ Č⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ в небольшом количестве южнобелорусских и северноукраинских говоров, расположенных по границе между Украиной и Белоруссией и представляющих собой небольшие островки в границах ареалов с другими морфонологическими характеристиками глагольных парадигм. Один из таких островков, расположенный между ареалами с морфонологическими типами ⟨K ~ Č⟩ = ⟨1, 2, 3⟩ ~ ⟨4, 5⟩ на севере и ⟨Č⟩ = = ⟨1, 2, 3, 4, 5⟩ на юге, отмечен Т.В. Назаровой в районе Нижней Припяти, севернее Чернобыля, где указанный тип чередования сосуществует с чередованием ⟨K ~ Č⟩ = = ⟨1, 2, 3⟩ ~ ⟨4, 5⟩, т.е. *пеку́, печéш, печéт, печé(ó)м/пекóм, печéте, пеку́т'* (см. [Назарова 1985, карта № 72]).

Глагольные парадигмы с архаическим чередованием ⟨K ~ Č⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ (например, укр. диал. *п'еку́, ст'ерегу́, стрыгу́, волоку́*; *п'еку́т(')* *ст'ерегу́т(')*, *стрыгу́т(')*, *волоку́т(')* ~ *п'ечéш, стрыжéш, ст'ережéш, волочéш*...) отмечены и в некоторых крайних юго-западных украинских говорах, а именно – закарпатских ужанских и боржавских, ряде поднестровских и бойковских и в говоре батюков, где они сосуществуют с более продуктивными и свойственными всем украинским говорам и украинскому литературному языку морфонологически немаркированными парадигмами с унифицированной переднеязычной шипящей фонемой в исходе основы, т.е. ⟨Č⟩ = ⟨1, 2, 3, 4, 5⟩ – *п'ечу́, ст'ережу́*; *п'ечéш*... (см. [Верхратский 1901, 77; Панькевич 1938, 301–302; Історія 1978, 341; Закревская 1966, 121; Левер 1969, 4; Марчук 1969, 174–175; Лизанец 1959, 14]).

Рассмотренные ареалы с точки зрения образующего их явления, т.е. морфонологической модели ⟨K ~ Č⟩ = = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, являются достаточно однородными и компактными. В то же время на периферии данных выделенных ареалов отмечается их бóльшая или меньшая неоднородность, что проявляется в сосуществовании указанной модели с другими соотносительными моделями, характеризующими морфонологическую структуру парадигм глаголов I спряжения с основой на заднеязычный в соседних ареалах.

Следует также отметить, что рассматриваемый архаический морфонологический тип глагольных парадигм настоящего времени известен, как сосуществующий, но непродуктивный, некоторым отдельным говорам, рассеянным в других ареалах с иными морфонологическими типами данных глагольных парадигм (см. [ДАРЯ II, карта № 94; ДАБМ, карта № 158; АУМ 1, карта № 252]).

III.2. Самым представительным по охвату говоров является морфонологический тип глагольных парадигм с чередованием твердых и мягких заднеязычных фонем и с архаической схемой распределения альтернантов по конкретным формам парадигмы, т.е. ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ~ ⟨3, 4, 5⟩ (например, *пе[ку́], бере[гу́], пе[ку́]т, бере[гу́]т ~ ~ пе[к'ó]шь, бере[г'ó]шь, пе[к'ó]т, бере[г'ó]т*...). На восточнославянской диалектной территории выделяется два больших ареала, характеризующих, в основном, русские и часть белорусских говоров.

Первый ареал расположен на севере исследуемой восточнославянской территории; он охватывает онежскую группу говоров, северную часть белозерско-бежецких говоров и вологодские говоры севернее линии Вологда–Луза.

Второй, значительно бóльший, ареал занимает территорию, в которую входят говоры среднерусского и южнорусского наречий и говоры северо-восточного белорусского наречия, а именно: западные среднерусские окающие говоры (гдовские и новгородские), западные среднерусские акающие говоры (псковские и селигерско-торжковские), южная часть владимирско-поволожских говоров, восточные среднерусские акающие говоры (кроме отдела А), южнорусские говоры (кроме тульских и северо-западной части рязанских) и северо-восточные белорусские говоры (витебские и небольшая часть могилевских) (см. [ДАРЯ II, карта № 94; ДАБМ, карта № 158; Мацкевич 1959, карта изоглосс № 8]).

На периферии этих ареалов отмечаются, наряду с рассматриваемым морфонологическим типом ⟨K ~ K'⟩ = = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, и другие, сосуществующие с ним, типы (см., например, наличие в некоторых витебских белорусских говорах вариативных парадигм с чередованием ⟨K ~ K'⟩ // ⟨K ~ Č⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩: *п'аку́, стрыгу́*; *п'аку́ц', стрыгу́ц' ~ п'ак'éш/п'ачéш, стрыг'éш/стрыжéш, п'ак'éц'/п'ачéц', стрыг'éц'/стрыжéц', п'ак'óм/п'ачóм, стрыг'óм/стрыжóм, п'ак'иц'ó/п'ачиц'ó, стрыг'иц'ó/стрыжиц'ó* [Мацкевич 1959, 32–33].

Морфонологический тип глагольных парадигм ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ в восточнославянских диалектах является новообразованием[6], возникшим в сравнительно недавнее время, уже после того, как в соответствующих диалектных системах была сформирована фонологическая корреляция твердости–мягкости и изменение *е* > *'о* уже перестало быть фонетическим законом.

Р.И. Аванесов, специально исследовавший данное явление, полагал, что разные русские говоры, характеризующиеся чередованием ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩,

[6] Ср.: "Если в некоторых (белорусских, – *Т.П.*) говорах встретим *г, к, х* перед *е*, то это будут новообразования, развившиеся отчасти под влиянием соседних великорусских говоров" [Карский 1908, 465].

пришли к этому результату разными путями. Так, в южновеликорусских и некоторых северновеликорусских говорах (а именно – олонецких и архангельских) замена шипящих мягкими заднеязычными происходила р а н е е появления в личных окончаниях в с е х глаголов I спряжения с наконечным ударением звука [о], т.е.: 1) *пе[чé]шь, не[с'é]шь*; 2) *пе[к'é]шь, не[с'é]шь*; 3) *пе[к'ó]шь, не[с'ó]шь*. В других северновеликорусских говорах этот морфонологический тип мог возникнуть и нефонетическим путем; либо по образцу глаголов I спряжения с основой на парные твердые согласные (т.е. *пекý ~ пе[к'ó]шь*... как *несý ~ не[с'ó]шь, не[с'ó]т*...), либо под влиянием соседних говоров, уже имевших формы типа *пе[к'ó]шь, бере[г'ó]шь*... [Аванесов 1947, 13].

В.В. Иванов, рассматривающий глагольные парадигмы с чередованием ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, не выделяет разные пути развития для разных говоров. Он считает, что парадигмы типа *пе[кý], пе[к'ó]шь*... в русских говорах появились следующим образом: в глаголах с основой на заднеязычные под влиянием других глаголов I спряжения, имевших еще до изменения *е* в *о* формы типа *ве[зý], ве[з'é]шь, ве[з'é]м*..., шипящий в "средних" формах настоящего времени в результате унификации основ был вытеснен мягким заднеязычным (т.е. *пе[кý] – пе[к'é]шь*...) и при этом "был задержан процесс изменения *е* в *'о* в личных формах глаголов I спряжения" [Иванов 1982, 122]. В дальнейшем, после появления *'о* на месте *е* в "средних" формах глаголов I спряжения (т.е. *ве[з'ó]т, ве[з'ó]м*...), мягкий заднеязычный в глаголах типа *печь, беречь* был сохранен, т.е. *пе[к'ó]т, бере[г'ó]т*... [Иванов 1982, 122].

В.В. Масякина полагает, что парадигмы с чередованием ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ появились в результате выравнивания основы по формам 1 л.ед. и 3 л.мн. наст. и под влиянием характерного для других глаголов I спряжения чередования твердых и мягких согласных фонем в их основах, т.е. *пе[кý], пе[к'ó]шь*... как *не[сý], не[с'ó]шь*... [Масякина 1955, 403].

Это же подчеркивает и С.В. Бромлей, отмечая, что чередование ⟨K ~ K'⟩ в глаголах типа *печь, беречь* "выступает только в тех системах, где тот же тип чередования имеют и глаголы на парные по твердости–мягкости согласные" [Бромлей, Булатова 1972, 213].

Таким образом, важно специально подчеркнуть, что ареал с морфонологической моделью чередования ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ полностью накладывается на ареал с моделью чередования ⟨T ~ T'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, характеризующей парадигмы настоящего времени глаголов I спряжения с основой на парные твердые согласные (например, *ве[зý], ве[зý]т ~ ве[з'ó]шь, ве[з'ó]т, ве[з'ó]м, ве[з'ó]те*). Однако ареал с чередованием ⟨T ~ T'⟩ оказывается значительно шире ареала с чередованием ⟨K ~ K'⟩.

Убедительными представляются рассуждения Л.Л. Касаткина о причинах возникновения мягких заднеязычных согласных в позиции перед *о* в появившихся аналогическим путем формах типа *пе[к'ó]т, бере[г'ó]т* в указанных говорах. Автор подчеркивает, что "сохранение мягких *к', г'* перед *о* на месте *е* (*пекý – пек'éшь* → → *пекý – пек'óшь*) могло осуществиться только в том случае, если еще до перехода *е* в *о* в глагольных флексиях звуки *к', г'* стали воплощать "палательные" фонемы /к', г'/. При этом мягкость звуков *к', г'* стала воплощать уже не свойство позиции, а свойство согласных фонем, поэтому изменение позиции и не повлекло за собой замену звуков *к', г'* на *к, г''* [Касаткин 1965, 71].

В итоге можно сделать вывод, что на формирование глагольных парадигм с чередованием типа ⟨K ~ K'⟩ = = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ повлияли разные фонетические и грамматические факторы: фонетические – это развитие фонологической корреляции твердости–мягкости и изменение *е* в *'о*; нефонетические – это внутрипарадигматическая унификация основ по формам 1 л.ед. и 3 л.мн. наст. и межпарадигматическая аналогия по образцу форм глаголов I спряжения с основой на парные твердые согласные в парадигме настоящего времени (т.е. *пе[чé]шь* → *пе[к'é]шь* → *пе[к'ó]шь* как *пе[кý]* и как *не[сý], не[с'ó]шь*...).

Как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, данный морфонологический тип широко распространен и вне границ описанных выше компактных и однородных ареалов. С.П. Обнорский отмечает, что рассматриваемые формы встречаются, фактически, повсеместно [Обнорский, 1953, 101]. Интересно, что тип ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ употребляется во многих русских говорах параллельно с типом ⟨K ~ Č⟩ = = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, особенно в переходных зонах показанных на карте ареалов (т.е. в одном и том же говоре в "средних" формах возможны варианты с ⟨K'⟩ и ⟨Č⟩, как в одних и тех же, так и в разных глаголах, например: *ст'ир'ижóш, запр'аг'óш, п'ачóм, п'ак'óт, тк'óт, тчóт* и т.п.). Однако в целом вариант ⟨K ~ Č⟩ более последовательно встречается в говорах севернорусского наречия, а вариант ⟨K ~ K'⟩ – в говорах южнорусского наречия (см. большой диалектный материал, приведенный в [Масякина 1955]).

К типу ⟨K ~ K'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ мы у с л о в н о относим и те (в основном, южнорусские) говоры, в которых на з в у к о в о м уровне также имеет место чередование твердых и мягких заднеязычных согласных, т.е. [к, г] ~ [к', г', γ', h'...] = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, но мягкость заднеязычных согласных, реализующих второй альтернант, является позиционно обусловленной, так как она отмечена в положении перед гласным переднего ряда [é], перед которым твердые согласные, согласно законам синтагматики, запрещены. По сути дела, в этих говорах представлена лишь одна ступень чередования ⟨K$_o$⟩, реализованная твердыми [к, г] (в формах 1 л.ед. и 3 л.мн.) и мягкими [к', г', γ'...] (в "средних" формах).

Однако, как уже указывалось выше, сам факт замены переднеязычных шипящих мягкими заднеязычными согласными, еще не ставшими самостоятельными фонемами, свидетельствует об изменении традиционного состояния в морфонологической структуре данных глагольных парадигм (ср. *пе[кý], пе[к'é]шь*, а не *пе[чé]шь*...), а также о том, что заднеязычные согласные находятся, как можно предположить, уже на пути включения их в состав фонологической корреляции твердости–мягкости[7].

[7] Важно при этом отметить, что среди русских говоров есть и такие, в которых позиция перед [é] является позицией различения твердых и мягких согласных фонем, в том числе и заднеязычных (ср., например, говор с. Огорь Жиздринского района Калужской области, где зафиксированы такие глагольные формы, как, например: *н'ек'éш, абажγéш, т'ик'éт', б'ир'иγéт', с'ик'éт', тк'éш, б'ир'éт',*

Важность процесса становления в наши дни типа чередования ⟨К ~ К'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ в этих говорах несомненна. На карте мы, как уже указывалось выше, включаем их в ареал, образованный теми говорами, которым свойственно окончательно сформировавшееся морфонологическое чередование ⟨К ~ К'⟩ = = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, но при этом отделяем их от основного массива говоров специальной изоглоссой. Аналогичное решение принято и в атласе русских говоров (см. [ДАРЯ, 1989, карта № 94]).

III.3. Большому количеству восточнославянских диалектов известна утрата морфонологического чередования в парадигме настоящего времени рассматриваемых глаголов и замена его во всех формах одним "альтернантом" ⟨К$_о$⟩, реализованным твердыми заднеязычными согласными (т.е. *пе*[*кý*], *бере*[*гý*], *бере*[*ɣý*], *бере*[*хý*]; *пе*[*кó*]*шь*, *бере*[*гó*]*шь*, *бере*[*ɣó*]*шь*, *бере*[*хó*]*шь*...), что делает данные парадигмы морфонологически немаркированными[8] (т.е. ⟨К$_о$⟩ = ⟨1, 2, 3, 4, 5⟩).

По мнению исследователей, замена исконных согласных [ч, ж] твердыми заднеязычными согласными в исходе основы "средних" форм глагольной парадигмы возникла по образцу форм 1 л.ед. и 3 л.мн. наст. (т.е. *пе*[*кó*]*шь*, *пе*[*кó*]*т*... как *пе*[*кý*]) [Обнорский 1953, 104; Аванесов, 1947, 10]. Эта модификация глагольных основ могла произойти в сравнительно недавнее время, а именно после того, как "изменение *е* в *о* перестало быть действующей звуковой нормой" [Аванесов 1947, 10]. В одних севернорусских говорах "формы *пекóш*, *пекóт*, *пекóм*, а также изредка встречающееся *пекóте* являются непосредственными продолжателями форм *пецёш*, *пецём*, *пецёте*" [Аванесов 1947, 11–12] или, в других говорах, форм *печóш*, *печóт*... Твердость заднеязычных перед [ó] в данных формах была обусловлена тем, что сочетания мягких заднеязычных с непередними гласными изначально были нехарактерны для русского языка: перед [а, о, ô, у] допускались только твердые заднеязычные, и в данных говорах этому правилу подчинялась и структура рассматриваемых глагольных форм [Аванесов 1947, 12; Касаткин 1965, 71; Иванов 1982, 122].

Этот тип морфонологической структуры глагольных парадигм отмечен на большой территории севернорусского наречия: он характеризует северные владимирско-поволжские говоры в районе Иванова и распространяется далее на восток и северо-восток, охватывая восточную часть костромских и юго-восточную часть вологодских говоров.

Кроме того, два небольших ареала с твердыми заднеязычными во всех формах парадигмы настоящего времени образуют среднерусские говоры расположенные к востоку от Москвы (в районе Ногинска, Киржача и Егорьевска) и южнорусские говоры в районе Рязани.

В тех говорах с твердыми заднеязычными в "средних" формах, которые не образуют компактных ареалов, а представляют собой вкрапления в ареалах с другой реализацией исхода глагольной основы, развитие единого "альтернанта" ⟨К$_о$⟩ может быть связано уже со вторичным воздействием твердого заднеязычного в формах 1 л.ед. и 3 л.мн. наст. на появившийся ранее мягкий заднеязычный в "средних" формах (т.е. сначала *пе*[*чó*]*шь* → *пе*[*к'ó*]*шь*, а затем – *пе*[*кó*]*шь* по аналогии с *пе*[*кý*]). Иными словами, развитие этого морфонологического типа в данных говорах возникло, вероятнее всего, на основе уже существующего морфонологического чередования твердых и мягких заднеязычных фонем в основе глагола [Иванов 1982, 122]. Отсюда следует, что появление единого твердого заднеязычного согласного в глагольной основе в говорах, рассеянных на территории южнорусского и западнорусского наречий, относится, повидимому, к еще более позднему времени, чем возникновение ⟨К$_о$⟩ в северо-восточных русских говорах (см. выше), которые образуют по данному морфонологическому признаку компактный и однородный ареал.

Важно подчеркнуть, что при рассмотрении морфонологически немаркированных глагольных парадигм с обобщением твердого заднеязычного в основе (т.е. ⟨К$_о$⟩) необходимо иметь в виду, что морфонологическое поведение глаголов с основой на глухой заднеязычный и с основой на звонкий заднеязычный может быть различным в одном и том же говоре. Так, морфонологическая модель ⟨К ~ К'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ более устойчива в парадигмах глаголов с основой на глухой заднеязычный [к] и менее устойчива в парадигмах глаголов с основой на звонкий заднеязычный, особенно на фрикативный [ɣ] (например, *пе*[*кý*], *пе*[*к'ó*]*шь*..., но *бере*[*ɣý*], *бере*[*ɣó*]*шь*...).

Изучив материалы южнорусских и части среднерусских говоров по трем атласам ("Атласу русских говоров центральных областей к западу от Моквы", "Атласу русских говоров юго-западных областей РСФСР" и "Атласу русских говоров центральных областей к юго-востоку от Москвы"), С.В. Бромлей отмечает, что "твердые заднеязычные перед *о* глагольных окончаний зафиксированы: только [к] – в 19 нас.п. (из них в 9 при этом *г* взрывной); [к] и [г] – в 11 нас.п.; [к] и [ɣ] – в 8 нас.п.; только [г] – в 30 нас.п.; только [ɣ] – в 143 нас.п." [Бромлей, Булатова 1972, 217]. Однако в некоторых из этих говоров глаголы с основой на [ɣ] (и реже на [г]) могут образовывать варианты с морфонологическим чередованием ⟨К ~ К'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ и без него, с обобщением альтернанта ⟨К$_о$⟩ во всех формах парадигмы настоящего времени, т.е. *бере*[*ɣý*], *бере*[*ɣó*]*шь*/*бере*[*ɣ'ó*]*шь*... [Бромлей, Булатова 1972, 217].

При анализе поведения согласного в исходе основы данных глаголов с морфонологически немаркированными

н'ис'ém', *клад'ém* и др. при наличии косвенных падежных форм прилагательных женского рода типа *сырéйу*, *св'атéй*, *какéй*, *сухé*, *в* друéй [Бромлей, Булатова 1972, 213, 389, 392]). В этих говорах при наличии глагольных флексий в "средних" формах парадигмы настоящего времени, начинающихся на гласный [é] (а не на [ó]!), парадигмы глаголов I спряжения с основой на заднеязычный характеризуются морфонологическим чередованием ⟨К ~ К'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, альтернанты которого выражены самостоятельными фонемами /к, г/ (А$_1$) и /к', г'/ (А$_2$).

[8] Строго говоря, один "альтернант" ⟨К⟩ фиксируется и в тех, в основном, южнорусских говорах, в которых в исходе основы "средних" форм глагольной парадигмы настоящего времени находим мягкие заднеязычные [к', г', ɣ'...] в положении перед флексиями, вокальный элемент которых реализован гласным переднего ряда [é], и мягкость этих согласных является позиционный (например, *пе*[*кý*], *пе*[*кý*]*т*, но *пе*[*к'é*]*шь*, *пе*[*к'é*]*т*...). На нашей карте мы у с л о в н о включаем эти говоры в ареал с морфонологическим чередованием ⟨К ~ К'⟩ = = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩ (по соображениям, высказанным выше) и выделяем их изоглоссой. В данном разделе мы это явление не рассматриваем.

парадигмами, имеющими один "альтернант" ⟨$К_о$⟩, невольно возникает вопрос о морфонологической характеристике парадигм настоящего времени глаголов I спряжения с основой на парный твердый согласный типа русск. лит. *нести*, *везти*, *брать* и др. в этих же говорах в связи с тем, что на большой территории восточнославянского диалектного пространства отмечается параллелизм в морфонологическом облике парадигм настоящего времени глаголов I спряжения с основой на заднеязычные и с основой на парные твердые согласные, например, *пе*[*кý*], *пе*[*к'ó*]*шь*... как *не*[*сý*], *не*[*с'ó*]*шь*... (см. выше раздел III.2).

Что касается глаголов на заднеязычный с одним "альтернантом" ⟨$К_о$⟩, реализованным во всех формах парадигмы настоящего времени твердыми заднеязычными согласными, то эта морфонологическая черта оказывается присущей только данным глаголам, в то время как парадигмы глаголов на парные твердые согласные характеризуются чередованием ⟨Т ~ Т'⟩ = = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩. Ср., например, формы, записанные в говорах сел Окатово и Вороны Шабалинского района Вятской области: *исп'екóш*, *вы́ткош*, *волокóш*, *солгóш*, *обожгóш*, *т'екóт*, *п'екóт*, *заст'игóт* и др. при *не*/*с*/*ý*, *не*/*с'ó*/*ш*, *не*/*с'ó*/*т*, *не*/*с'ó*/*м*, *не*/*с'*/*ит'ё*, *не*/*с*/*ýт* [Бромлей, Булатова 1972, 350]. Правда, в некоторых владимирско-поволжских говорах "наблюдаются отдельные случаи употребления "средних" форм с твердым согласным и у глаголов с основой на парные твердые согласные (типа *не*/*сó*/*т*, *бе*/*рó*/*т*, *пой*/*дó*/*м*...). Однако эти факты относятся к числу спорадических явлений речи, и можно с уверенностью говорить об отсутствии в русских говорах систем, где глаголы на парные твердые согласные имели бы нечередующийся твердый согласный в исходе основы" [Бромлей, Булатова 1972, 221].

Что касается наличия твердого согласного во всех формах глагольной парадигмы в говорах д р у г и х восточнославянских языков, то такая морфонологическая система, по свидетельству белорусских диалектологов, характеризует отдельные белорусские говоры, в которых перед согласными переднего ряда употребляются только твердые согласные [Нарысы 1964, 235].

Таким образом, разное морфонологическое поведение глагольных основ на заднеязычные и парные твердые согласные свидетельствует о независимом, самостоятельном развитии морфонологической структуры парадигм настоящего времени в глаголах I спряжения с основой на заднеязычные в рассматриваемых в данном разделе говорах.

III.4. Унификация исхода глагольной основы по шипящему варианту ⟨Č⟩ характеризует прежде всего говоры юго-запада восточнославянской диалектной области. Эти морфонологически немаркированные парадигмы образуют крупный ареал, охватывающий все украинские говоры (кроме небольших участков на крайнем севере и крайнем юго-западе украинской территории) и ряд южных белорусско-полесских говоров (это говоры Брестской и западной части Гомельской областей), например: укр. диал. *с'ічý*, *бережý*; *с'ічéш*, *бережéш*; *с'ічé*, *береже́*; *с'ічемó*, *бережемó*; *с'ічéте*, *бережéте*; *с'ічýт'*, *бережýт'* (то же и в украинском литературном языке); белор. диал. *п'ачý*, *стрыжý*; *п'ачéш*, *стрыжéш*; *п'ачé*, *стрыжé*; *п'ачém*, *стрыжém*; *п'ачéц'е*/*'о*, *стрыжéц'е*/*'о*; *п'ачýц'*/*т'*, *стрыжýц'*/*т'*. Вне этой территории данный морфонологический тип глагольных парадигм встречается спорадически в некоторых других белорусских, а также в значительном количестве русских говоров, но, как правило, всегда в качестве вариативного явления: русских говоров, в которых был бы отмечен один лишь унифицированный по ⟨Č⟩ исход глагольной основы, в диалектных материалах не отмечено.

На русской территории этот морфонологический тип особенно часто встречается в некоторых говорах южнорусского (говоры Орловской, Курской, Воронежской, Брянской и Смоленской областей), среднерусского (говоры Московской области) и севернорусского наречий (ярославские и вологодско-вятские говоры) (см. конкретный материал в [Масякина 1955, 392–400]).

Существует мнение, что унификация глагольных основ по шипящему варианту – это наиболее поздний из рассмотренных выше тип морфонологических отношений в словоизменении глагола [Иванов 1982, 122], получивший распространение не ранее XVIII в. [Історія 1978, 340]. Интересно при этом отметить, что в тех говорах, в которых морфонологический тип ⟨Č⟩ не получил последовательного развития и в результате этого сосуществует с другими морфонологическими типами глагольных парадигм, шипящий альтернант чаще реализуется в основах на /г/, в то время как основы на /к/ оказываются более устойчивыми с точки зрения сохранения исконного морфонологического типа ⟨К ~ Č⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ~ ⟨3, 4, 5⟩ (ср., например, формы, отмеченные в некоторых белорусских говорах на границе ареалов с ⟨Č⟩ и ⟨К ~ Č⟩: *стережý*, *стрыжý*, *запражý*, *бережý*, но *пекý*, *секý* [Мацкевич 1959, 35]. Аналогичное положение находим и в отдельных русских говорах (см. диалектные материалы, приведенные в [Масякина 1955, 392–400]).[9]

Однако в других говорах (например, в некоторых районах Брестской области) отмечено обратное соотношение этих двух вариантов: *пычý*, *сычý*, но *стрыгý*, *бырыгý* [Мацкевич 1959, 36].

Исследователи белорусского языка указывают, что ареал говоров с унифицированной "ступенью чередования" ⟨Č⟩, расположенный на юге Белоруссии (и представляющий собой непосредственное продолжение ареала с ⟨Č⟩ на территории Украины), постепенно уменьшается под влиянием пограничных на севере этого ареала говоров [Мацкевич 1959, 37]. В данном случае можно предположить, что единый по территории ареал с унифицированным шипящим в глагольной основе, но охватывающий говоры двух разных языков (украинского и белорусского), подвергается в настоящее время влиянию д в у х р а з н ы х т е н д е н ц и й. Так, для украинских говоров данный морфонологический тип глагольных парадигм, поддержанный и литературным языком, является продуктивным и имеет склонность к вытеснению в говорах всех других типов (ср. крайние юго-западные украинские говоры, где "альтернант" ⟨Č⟩ вытесняет характерный для них архаический вариант ⟨К ~ Č⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩). Для белорусских же говоров морфонологический тип с унифицированным ⟨Č⟩ в глагольной основе является непродуктивным; в результате

[9] О различном морфонологическом поведении глагольных основ на звонкий и глухой заднеязычные см. выше.

он активно поглощается морфонологическим чередованием ⟨К ~ Č⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, представляющим собой "общенациональную норму" современного белорусского языка [Мацкевич 1959, 37]. Кстати, при обращении к проблеме взаимоотношения литературного языка и диалектов это явление, наряду с другими подобными, необходимо учитывать.

Таким образом, территориально единый и компактный по своему содержанию ареал с последовательно обобщенным шипящим элементом во всех формах глагольной парадигмы настоящего времени, имеет тенденцию к сокращению за счет белорусских говоров, занимающих северную окраину этого ареала.

III.5. На западе восточнославянского диалектного пространства выделяется небольшой, но компактный, ареал, образованный говорами с чередованием ⟨К ~ Č⟩ = = ⟨1, 2, 3⟩ ~ ⟨4, 5⟩. Отличительная особенность этого морфонологического типа заключается в том, что одинаковую степень чередования, реализованную твердой заднеязычной фонемой, имеют три формы парадигмы (1 л.ед., 1 л.мн. и 3 л.мн.) – две "крайних" формы и одна "средняя"; в остальных "средних" формах (2 л.ед., 3 л.ед., 2 л.мн.) представлена ступень чередования, реализованная шипящей фонемой.

Этот морфонологический тип характеризует восточные говоры юго-западного белорусского наречия (т.е. говоры Гомельской области, южной части Минской области и говоры прилегающих районов Могилевской и Брестской областей) и небольшое количество крайних юго-западных русских говоров (см. [Мацкевич 1959, карта № 3; ДАРЯ II, карта № 94]).

Морфонологический тип ⟨К ~ Č⟩ = ⟨1, 2, 3⟩ ~ ⟨4, 5⟩ следует считать одной из характерных черт юго-западных белорусских говоров. Появление форм типа *пекóм*, *стрыгóм* в 1 л.мн. наст. исследователи белорусского языка относят к довольно позднему времени и связывают это с некоторыми фонетическими явлениями (переход *е* в *о* и отвердение согласных перед *е*) и нефонетическими (влияние форм 1 л.ед. и 3 л.мн. наст.). Высказывается точка зрения, что процесс мог идти следующим образом: 1) *печём* → *печóм*; 2) *идём*, *несём* → → *идóм*, *несóм* под влиянием *печóм*; 3) *печóм* → *пекóм* под влиянием *пекý* и *идóм*, *несóм* [Мацкевич 1959, 47].

III.6. На западе восточнославянской языковой территории выделяется еще один небольшой ареал говоров, характеризующихся морфонологическим чередованием ⟨К ~ К'⟩ = ⟨1, 2, 3⟩ ~ ⟨4, 5⟩, например: белор. диал. *п'акý*, *стр'игý*; *п'акóм*, *стр'игóм*; *п'акýц'*, *стр'игýц'* ~ *п'ак'éш*, *стр'иг'éш*; *п'ак'éц'*, *стр'иг'éц'*; *п'ик'иц'ó*, *стр'иг'иц'ó*; русск. диал. *пекý*, *пекóм*, *пекýт* ~ *пек'óш*, *пек'óт*, *пек'óт'е*. Данный тип функционально совпадает с предыдущим морфонологическим типом (описанным в III.5); различаются же они по формальному признаку – по реализации второй степени чередования.

Ареал, образованный говорами с чередованием ⟨К ~ К'⟩ = ⟨1, 2, 3⟩ ~ ⟨4, 5⟩, охватывает в Белоруссии небольшую часть восточно-гомельских говоров, а в России – небольшую часть юго-западных брянских говоров в районе Новозыбкова, Клинцов и Унечи. Этот ареал примыкает на востоке к большому ареалу с чередованием ⟨К ~ К'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, а на западе – к ареалу с чередованием ⟨К ~ Č⟩ = ⟨1, 2, 3⟩ ~ ⟨4, 5⟩. Именно соседство данных двух типов чередования и обусловило, повидимому, появление рассматриваемого чередования: его функциональная характеристика совпадает с характерным для белорусских говоров этого региона распределением альтернантов по формам парадигмы, материальная же реализация чередования объясняется влиянием соседних южнорусских говоров.

III.7. Остальные морфонологические типы парадигм настоящего времени глаголов I спряжения с основой на заднеязычный не образуют сколько-нибудь заметных ареалов и поэтому на карте не обозначены. Это следующие чередования:

1) ⟨Č ~ К⟩ = ⟨1, 3, 4, 5⟩ ~ ⟨2⟩, например: диал. белор. *б'ераж'ý*, *с'ц'ираж'ý*, *стрыж'ý*, *стрыжéш*, *стрыжéц'*/*стрыжé*, *стрыжém*, *стрыжéт'е* ~ *стрыгýц'*, *б'ерагýц'* [Мацкевич 1959, 36]. Данный морфонологический тип отмечен в некоторых юго-восточных и юго-западных белорусских говорах. В имеющихся диалектных материалах он проиллюстрирован только глаголами с основой на звонкий заднеязычный (т.е. с основой на [г]), поэтому трудно утверждать, что он встречается и в глаголах с основой на глухой заднеязычный (т.е. на [к]).

2) ⟨Č ~ К⟩ = ⟨1, 2, 4, 5⟩ ~ ⟨3⟩, например: диал. белор. *стрижý*, *п'ечý*; *стрижéш*, *п'ечéш*; *стрижé*, *п'ечé*; *стрижéт'е*, *п'ечéт'е*; *стрижýт'*(ц'), *п'ечýт'*(ц') ~ *стрыгýм*, *п'екóм* (см. [ДАБМ, карта № 158 и комментарий к ней]). Говоры с этим типом чередования отмечены на юге Белоруссии в 15 пунктах наряду с другими вариантами.

3) ⟨К ~ Č⟩ = ⟨1, 2, 5⟩ ~ ⟨3, 4⟩, например: русск. диал. *пе*[*кý*], *пе*[*кý*]*т*, *пе*[*к'и*]*тé* ~ *пе*[*чé*]*ш*, *пе*[*чé*]*т*, *пе*[*чé*]*м*. Этот морфонологический тип зафиксирован в некоторых северо-восточных русских говорах (см. [Бромлей 1989, 111]).

4) ⟨К ~ К'⟩ = ⟨1, 2, 3, 4⟩ ~ ⟨5⟩, например: русск. диал. *пе*[*кý*], *пе*[*кó*]*ш*, *пе*[*кó*]*т*, *пе*[*кó*]*м*, *пе*[*кý*]*т* ~ *пе*[*к'ó*]*те*. Данное чередование находим в отдельных севернорусских говорах (см. [Бромлей 1989, 111]).

5) ⟨К ~ Č ~ К'⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4⟩ ~ ⟨5⟩, например: русск. диал. *пе*[*кý*], *пе*[*кý*]*т*; *бере*[*гý*], *бере*[*гý*]*т* ~ *пе*[*чó*]*шь*, *бере*[*жó*]*шь*; *пе*[*чó*]*т*, *бере*[*жó*]*т*; *пе*[*чó*]*м*, *бере*[*жó*]*м* ~ ~ *пе*[*к'ó*]*те*, *бере*[*г'ó*]*те*. Это чередование отмечено в некоторых севернорусских говорах (см. [Бромлей 1989, 111]).

6) ⟨Č'$_1$ ~ Č$_1$⟩ = ⟨1, 2⟩ ~ ⟨3, 4, 5⟩, например: укр. диал. *пич'ý*, *пич'ýт*(') ~ *пичéш*, *пичé*, *пичémo*, *пичéте*. Данный морфонологический тип встречается в редких юго-восточных украинских говорах (см. [Марчук 1983, 109]).

IV. Рассмотренные в пространственном аспекте диалектные морфонологические типы парадигм настоящего времени глаголов I спряжения с основой на заднеязычный свидетельствуют об их многообразии, а также о том, что различные типы представляют собой не только разные этапы и пути в развитии этого морфонологического признака, но и неодинаковый характер реализации этих чередований с точки зрения степени интенсивности их представленности в отдельных диалектных зонах восточнославянского просранства.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бромлей 1989 – *Бромлей С.В.* Основа в формах настоящего времени глаголов типа *печь, беречь* / Диалектологический атлас русского языка. Вып. II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989. С. 110–114.

Бромлей, Булатова, 1972 – *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Верхратский 1901 – *Верхратський І.* Знадоби для пізнання угро-руських говорів. Ч. І. Львів, 1901.

Жилко 1966 – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.

Закревская 1966 – *Закревская Я.В.* Система особовых форм дієслова в західних говорах української мови (теперішній час) / Українська лінгвістична географія. Київ, 1966.

Иванов 1982 – *Иванов В.В.* История временных форм глагола / Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол. М., 1982.

Історія 1978 – Історія української мови: Морфологія. Київ, 1978.

Касаткин 1965 – *Касатки Л.Л.* К истории задненебных фонем в русском языке // ВЯ. 1965. № 2.

Лавер 1969 – *Лавер В.И.* Система глагола в говорах Закарпатской области УССР / АКД. Одесса, 1969.

Карский 1908 – *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. II. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908.

Лизанец, 1959 – *Лизанец П.Н.* Украинские южнокарпатские говоры Затиссья Виноградовского района Закарпатской области // АКД. Львів, 1959.

Марчук 1969 – *Марчук Н.Й.* Форми 3-ї особи дієслів теперішнього часу в українських говорах // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

Марчук 1983 – *Марчук Н.Й.* Система дієслівної словозміни. / Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів. Київ, 1983.

Масякина 1955 – *Масякина В.В.* Глаголы с основой на заднеязычный согласный в истории русского языка и его диалектов. (В сравнении с фактами истории украинского и белорусского языков и их современных говоров). Кандидатская диссертация. Саратов, 1955 (рукопись).

Мацкевич 1959 – *Мацкевич Ю.Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.

Обнорский 1953 – *Обнорский С.П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Панов 1966 – *Панов М.В.* Русский язык // Языки народов СССР. Том. I. М., 1966.

Панькевич 1938 – *Панькевич І.* Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Прага, 1938.

Попова 1970 – *Попова Т.В.* Морфонологические чередования согласных в спряжении глагола настоящего времени в юго-западном украинском говоре с. Саджава // Праці XIII Республіканської діалектологічної наради. Київ, 1970.

Попова 1990 – *Попова Т.В.* Глагольная основа в славянских языках в аспекте морфонологии // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.

Славянская морфонология 1987 – Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение / Отв. ред. Попова Т.В. М., 1987.

КАРТА 6

ОБРАЗОВАНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ДАТЕЛЬНОГО, ТВОРИТЕЛЬНОГО, МЕСТНОГО ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА ТИПА *СОЛЬ, ГРЯЗЬ, ПЕЧЬ, КРОВЬ, МАТЬ*

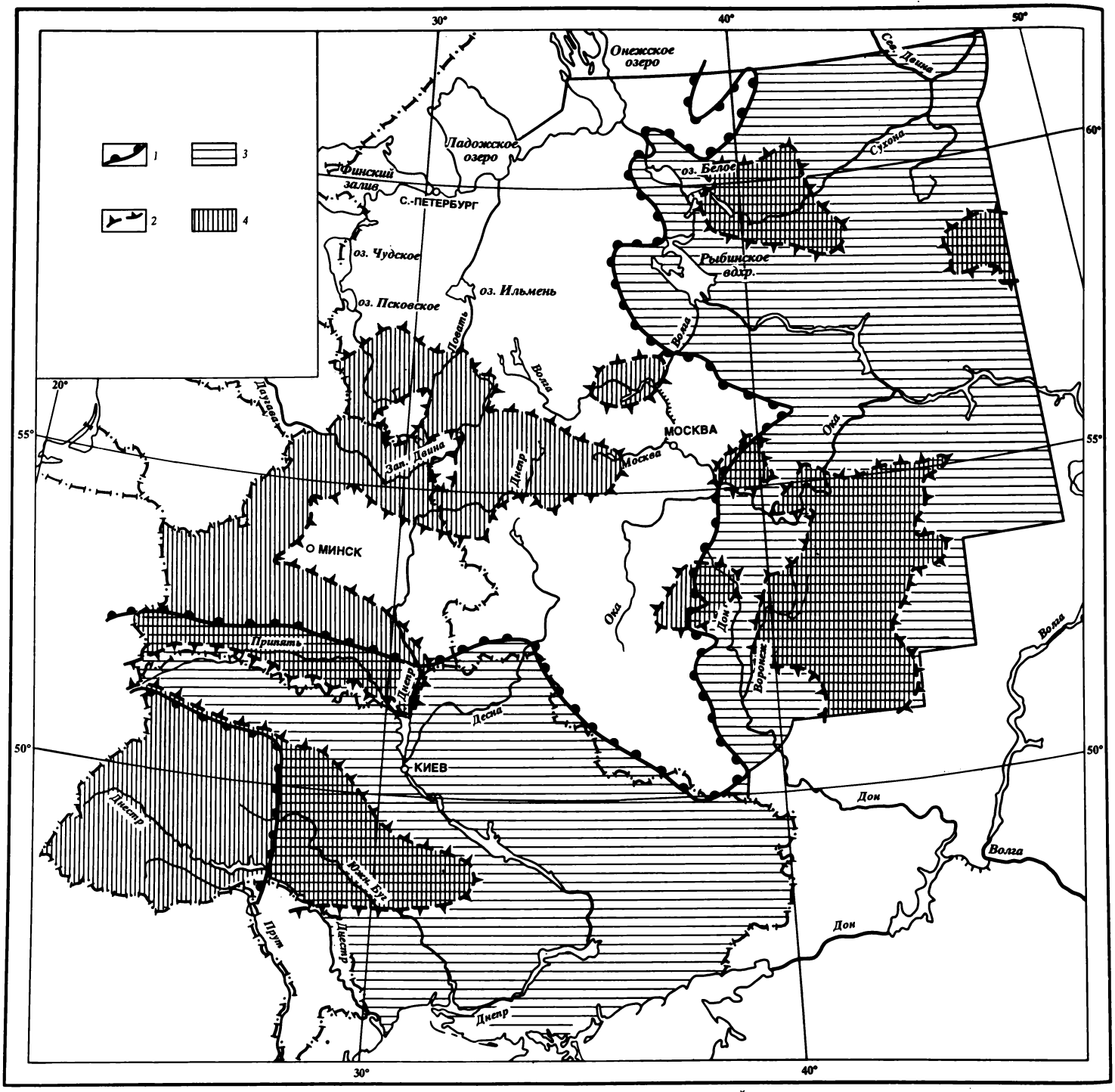
а) по модели III склонения (например, *гря́зи, гря́зью, по грязи́*), б) по модели I склонения (например, *гря́зе, гря́зей, по грязе́*)

Эта тема освещает один из важнейших в истории восточнославянского именного словоизменения вопросов, относящихся к проблеме взаимодействия основ в рамках существительных женского рода.

Лингвогеографическая интерпретация материала, характеризующего реализацию трех падежных форм (Д., Тв. и М.ед.) существительных женского рода, восходящих к старым **-ĭ-*, **-ъv-/-*ū-* и **-r-*основам в диалектах русского, украинского и белорусского языков, базируется на бинарном принципе (т.е. *A*~ не –А). Это означает, что структура указанного морфологического явления изображается в предельно обобщенном виде: диалектное различие на данной типологической карте рассматривается как состоящее из двух членов картографирования (флексий III склонения ~флексий не –III склонения), расчленяющих всю восточнославянскую территорию на четкие взаимопротивопоставленные ареалы.

Здесь картографируется чисто морфологическое явление, свидетельствующее о пережитых некоторыми диалектами фактах аналогического выравнивания (унификации) в рамках существительных женского рода словоизменительной модели **ĭ*-основ по образцу словоизменительной модели **ā(*jā)*-основ и характеризующее современные восточнославянские диалекты.

В отличие от данной типологической карты на соответствующих картах в национальных атласах (см.

Карта 6. Образование падежных форм Д., Тв. и М. ед. существительных женского рода старых **-ĭ-*, **-ъV-/*-ū-* и **-r-*основ (типа *грязь, соль, ночь, кровь, мать*): а) по модели **-i-*основ (III склонение), например, *гря́зи, гря́зью*, по *гря́зи*, б) по модели **-ā-/*-jā-*основ (I склонение), например, *гря́зе, гря́зей*, по *грязе́*

Способы образования падежных форм от существительных женского рода типа *соль, ночь*: 1 – Д. ед., М. ед. по модели старых **-i-*основ (III склонение); 2 – Тв. ед. по модели старых **-i-*основ (III склонение); 3 – Д. ед., М. ед. по модели старых **-a-/*-jā-*основ (I склонение); 4 – Тв. ед. по модели старых **-ā-/*-jā-*основ (I склонение).

[ДАРЯ I, карты 4–8; АУМ 1, карта 192; АУМ 2, карта 176; ДАБМ 1963, карты 82, 83]), явившихся основой для ее выполнения, отмечаются все **фонетические реализации флексий** Д., Тв. и М.ед. существительных женского рода типа *грязь, соль, печь, кровь, мать*, и каждая из этих карт показывает, следовательно, нерасчлененно два, по сути дела, разных явления – фонетическое и морфологическое.

Материалом для выполнения настоящей типологической карты послужили, кроме указанных выше, некоторые карты в региональных атласах русского языка, а также специальные исследования по диалектологии и истории русского, украинского и белорусского языков.

Показанная на типологической карте картина **современного** лингвогеографического распределения восточнославянских диалектов по признаку устойчивости/неус-

тойчивости в рамках существительных женского рода словоизменительной модели *ĭ-основ (с точки зрения аналогического воздействия на нее словоизменительной модели *ā(*jā)-основ) на материале трех падежей – Д., Тв. и М.ед., обусловлена длительным процессом развития словоизменения существительных женского рода в русском украинском и белорусском языках[1].

Известно, что одной из отличительных особенностей словоизменения существительных женского рода в восточнославянских языках (как, впрочем, и в других славянских языках), начиная с позднепраславянского периода и вплоть до наших дней, является взаимодействие моделей, характеризующих склонение этих существительных по типу старых *ā(*jā)-основ (например, *башня, воля, земля, буря, душа, сажа*) и *ĭ-основ (например, *соль, тень, рожь*) [Бернштейн 1974, 259; Обнорский 1927, 66; Бромлей, Булатова 1972, 84 и след.]. В целом это взаимодействие проявляется в переходе одних основ в другие и, следовательно, в смене одной модели склонения другой (ср., например, русск. диал. Тв. ед. *пéчей* и *бáнью*).

В ряде случаев истоки тех разнообразных фактов взаимодействия между словоизменительными моделями существительных женского рода *ā(*jā)-основ (современное I склонение) и *ĭ-основ (современное III склонение), которые наблюдаются в современных восточнославянских диалектах, ведут свое начало еще из позднепраславянского периода, когда в различных славянских диалектных областях по-разному складывались взаимоотношения между *ā(*jā)- и *ĭ-основами с точки зрения степени их активности. С.Б. Бернштейн в связи с этим отмечает, что некогда высокая активность *ĭ-основ в позднепраславянском была ослаблена, в результате чего "многие основы женского рода на *-ĭ перешли в основы на -jā. Эти процессы по-разному проходили, в различных диалектах... В зависимости от степени активности моделей, восходящих к старым основам на -ā и на -ĭ, по-разному шла в диалектах их взаимная индукция" [Бернштейн 1974, 259].

Рассуждая о причинах взаимодействия между данными моделями, С.П. Обнорский пишет, что в ряде восточнославянских диалектов наличие двух словоизменительных моделей в рамках существительных женского рода "осознается как роскошество речи, и слабейший из двух типов утрачивается, уступая место сильнейшему" [Обнорский 1927, 66].

Однако наиболее важным и к тому же общепризнанным в русистике фактором объединения двух моделей склонения в рамках существительных женского рода следует, видимо, считать морфологическое развитие категории рода, которое "предстает как унификация парадигм и падежных оппозиций существительных одного грамматического рода" [Шульга 1988, 32].

Материалы атласов и существующие исследования данного вопроса показали, что взаимодействие модели I (*ā/*jā-основы) и III (*ĭ-основы) склонений существительных женского рода с явно преимущественной активностью модели I склонения[2] может проявляться по-разному в различных современных восточнославянских диалектах. В данном диалектном континууме находим следующие результаты такого взаимодействия:

1) В подавляющем большинстве говоров отмечается **автономность** двух моделей словоизменения существительных женского рода, соответствующих старым *ā(*jā)- и *ĭ-основам, что проявляется в отсутствии смешения флексий в однозначных падежных формах указанных двух групп существительных.

2) В редких случаях возможен переход какого-либо отдельного существительного женского рода III склонения в класс существительных I склонения (т.е. смена *ĭ-основы на *jā-основу). Чаще всего эта тенденция, ведущая начало еще из позднепраславянского периода (о чем говорят такие архаические варианты, сохранившиеся до настоящего времени, как *zemь – zeml'a, jablonь – jablon'a, pěsnь – pěs'n'a* [Бернштейн 1974, 259], реализовалась на почве восточнославянских диалектов лишь в некоторых конкретных существительных (ср., например, русск. диал. И.ед. *мыша, жизн'а, постел'а, мысл'а, доча*). Говорить с полной уверенностью о том, что тенденция поглощения словоизменительной моделью I склонения модели III склонения в каком-либо из современных восточнославянских диалектов дошла до своего логического завершения, а именно – до полного исчезновения из именной системы словоизменительной модели III склонения у существительных женского рода, как это наблюдается, например, в некоторых западночакавских говорах современного сербскохорватского языка[3], пока еще рискованно, так как в материалах атласов отсутствуют полные парадигмы существительных женского рода старых *ĭ-основ (см. об этом ниже). Однако С.П. Обнорский, говоря о южновеликорусских диалектах, допускает возможность полного перехода существительных женского рода старых *ĭ-основ в группу существительных, восходящих к *ā(*jā)-основам:

---

[1] Мы отдаем себе отчет в том, что данная типологическая карта является, в принципе, по своему внутреннему содержанию **полихронной**, так как возникновение представленных на карте **синхронных** фактов относится к разным историческим периодам [Аванесов 1963, 299].

[2] Следует отметить, что в восточнославянских диалектах известны редкие случаи и обратного влияния (модели III склонения существительных женского рода на модель I склонения). Так, С.П. Обнорский приводит формы Тв.ед. *банью, вещью, гостью, межью, неделью, тысячью*, зафиксированные в разных диалектах [Обнорский 1927, 278–279]. А.А. Зализняк по материалам новгородских берестяных грамот реконструирует для говоров форму Р., Д. и М.ед. *земли*, появившуюся в результате уподобления существительных *jā*-склонения существительным женского рода *ĭ*-склонения, т.е. *земли* как *соли* [Зализняк 1988, 171–172]. Влияние модели III склонения на модель I склонения можно, видимо, усмотреть и в наличии в некоторых говорах общей для всех существительных женского рода схемы распределения падежных форм в парадигме с формальным (материальным) неразличением форм Р.-Д.-М.ед.: в этом случае в существительных *ā(*jā)-основ отмечается совпадение в парадигме словоформ Р., Д. и М.ед. аналогично исконной для существительных женского рода старых *ĭ-основ схеме распределения падежных форм в рамках единственного числа, изначально характеризующейся омоформой Р.-Д.-М.ед. (ср., например, обоснование различных причин неразличений падежных форм в разных русских диалектах в статье А.И. Сологуб [Сологуб 1983, 82–83]).

[3] Межпарадигматическая аналогия в пределах существительных женского рода в некоторых западночакавских говорах сербскохорватского языка привела к сокращению типов склонения у данных существительных. Так, в этих говорах уже не существует так называемого III типа склонения (соответствующего старым *ĭ-основам): он целиком поглощен склонением существительных, восходящих к старым *ā-основам [Ивич 1965, 16].

"...касимовская форма *но́ча* могла бы быть объясняема из стремления, наблюдаемого в некоторых южновеликорусских говорах, переносить все вообще слова, исконно принадлежавшие к основам на *-ĭ, в категорию имен на *-ā. Ср. в старооскольском говоре – *лошадя, тополя, ведмедя, ладоня, пядя, матеря, дочеря* и др." [Обнорский 1927, 61–62].

Есть также и сведения о том, что в некоторых украинских говорах нижнего правобережного Поднестровья существительные типа *сіль, тінь, кров, мазь, пиль* употребляются в И.ед. с окончанием *-а* и полностью перешли в I склонение, например, И.ед. *со́л'а, китра́д'а, мида́л'а,*; Р.ед. *бага́то крови́, сме́рти нима́, ше́рсти* (реже – *і*), *ста́рости*; В.ед. *да́й со́л'у*; Тв.ед. *кро́ўл'ойу, ма́з'уйу, о́с'Ін'уйу, сме́рт'уйу*; Р.мн. *т'іні̆у, сме́ртї̆у, мида́л'ї̆у, ма́зї̆у* [Логвин 1965, 37, 38].

3) Одним из наиболее распространенных результатов взаимодействия словоизменительных моделей I и III склонений существительных женского рода (с явным лидерством I склонения) является перестройка в существительных III склонения их основ по образцу именной основы I склонения лишь в **отдельных падежных формах**, что проявляется не в замене одной словоизменительной модели другой (о чем шла речь в пункте 2), а только лишь в частичном разрушении системы флексий III склонения путем оформления отдельной падежной формы или ряда падежных форм по образцу I склонения (т.е. путем смены флексии в однозначных падежных формах, относящихся к разным типам склонения). В итоге в данных диалектах в рамках существительных женского рода перестает функционировать в чистом виде словоизменительная модель III склонения: суть явления заключается в том, что существительные женского рода продолжают изменяться здесь по-прежнему по двум моделям, как это происходило и в праславянский период, но вместо словоизменительной модели III склонения в этих говорах появляется новая модель, контаминированная, соединившая в себе как элементы модели III склонения (в одних падежах), так и элементы модели I склонения (в других). Следует подчеркнуть, что указанное явление характеризуется неравномерностью протекания в разных диалектах русского, украинского и белорусского языков как по **охвату самих конкретных существительных**, так и по наличию наиболее **подвижных звеньев** в словоизменительной субстантивной парадигме (т.е. тех падежных форм существительных III склонения, которые подвергаются в **первую очередь** воздействию однозначных падежных форм существительных I склонения).

В связи со сказанным можно сделать вывод, что вопрос о характере и силе воздействия в рамках существительных женского рода словоизменительной модели I склонения на модель III склонения в восточнославянских языках представляет в диалектном плане несомненный интерес. Поскольку в настоящее время, как показал диалектный материал, более проницаемой и неустойчивой моделью является словоизменительная модель старых *ĭ-основ (современное III склонение), а более активной и устойчивой – словоизменительная модель старых *ā(*jā)-основ (I склонение), диалектные тенденции в перераспределении двух моделей словоизменения существительных женского рода могут быть выявлены на анализе словоизменения именно тех существительных, которые относятся к современному III склонению. Поэтому материалом для данной типологической карты послужили лишь те существительные женского рода, которые генетически соответствуют старым *-ĭ, *-ъv-/*-*ū- и *-r-основам.

Характер распределения на всем восточнославянском языковом пространстве диалектных зон, среди которых одним из них свойственны устойчивость и независимость моделей двух типов склонения существительных женского рода, а другим – бо́льшая активность старых *ā(*jā)-основ (что проявилось в вовлечении в сферу этой словоизменительной модели существительных, соответствующих старым *ĭ-основам), убедительно свидетельствует о наличии актуального на протяжении всей истории восточнославянских диалектов явления, связанного с взаимопроникновением закономерностей, регулирующих словоизменение существительных женского рода.

Итак, непосредственным объектом картографирования являются лишь существительные женского рода типа *соль, грязь, печь, кровь, мать*, остальные же существительные женского рода, соответствующие старым *ā(*jā)-основам и относящиеся обычно в современных литературных языках к I склонению (типа *стена, земля, душа*), в составлении карты не участвуют, но служат необходимым фоном для понимания процесса взаимодействия двух словоизменительных моделей в рамках существительных женского рода.

Своим содержанием карта, которая строится по принципу бинарного противопоставления, должна ответить только на вопрос о принадлежности падежных флексий существительных женского рода типа *соль, печь* и под. либо к исконной для них словоизменительной модели III склонения (старые *-ĭ-, *-ъv-/*-ū- и *-r-основы), либо к заимствованной ими словоизменительной модели I склонения (старые *ā(*jā)-основы). При этом конкретные реализации этих флексий на карте не отмечаются, тем более, что в ДАРЯ, АУМ и ДАБМ на соответствующих картах, как об этом уже говорилось выше, представлено противопоставление всех фонетических диалектных вариантов каждой отдельной падежной флексии.

Данная типологическая карта является сводной, так как изображенные на ней изоглоссы показывают географическое распределение словоизменительных моделей существительных женского рода *ĭ- и *ā(*jā)-основ в существительных указанного типа на материале не какого-либо одного, а трех разных падежей – Д., Тв. и М.ед. При этом следует учитывать, что в идеале для решения проблемы взаимодействия двух типов склонения, характеризующих существительные женского рода, необходимо было бы располагать набором всех падежных словоформ в рамках парадигмы, включая и И.ед. Однако выбор падежей, флексии которых являются предметом картографирования, был, к сожалению, заранее предопределен составом карт, вошедших в региональные атласы русского языка, ДАРЯ, АУМ и ДАБМ, и тем самым предельно ограничен. Так, например, для выявления в русских говорах ареалов распространения в существительных женского рода III склонения падежных флексий, относящихся к парадигмам либо старых *ĭ-основ, либо старых *ā(*jā)-основ, в ДАРЯ имеется материал, характеризующий флексии

трех падежей – Д., Тв. и М.ед.[4]. Этот же вопрос для говоров украинского языка решается на материале флексий Р. и Тв.ед. существительных женского рода III склонения [АУМ 1, карты 190, 191, 192; АУМ 2, карты 174, 175, 176]. Белорусский атлас содержит только карты, показывающие географическое распределение флексий И. и Тв.ед. существительных *мыш* и *гусь* [ДАБМ, 1963, карты 80, 81, 82, 83].

Таким образом, однозначный и поэтому сопоставимый материал во всех трех атласах представлен лишь по форме Т.ед., что является явно недостаточным для проведения комплексного изучения проблемы взаимодействия разных типов склонения в рамках существительных женского рода. Поэтому в связи с тем, что на большей части восточнославянской территории (а именно – на территории распространения русских говоров), кроме Тв.ед. представлен и материал по формам Д. и М.ед., который является, к тому же, и очень показательным в плане изучения судьбы двух "женских" типов склонения, мы сочли возможным привлечь соответствующий материал по формам Д. и М.ед. в украинских и белорусских диалектах из опубликованных исследований по истории и диалектологии украинского и белорусского языков и уже на основании полученных данных провести на типологической карте недостающие изоглоссы. В результате нам удалось представить на данной карте материал по трем падежам (Д., Тв. и М.ед.) на всем восточнославянском диалектном пространстве и показать, путем наложения друг на друга, ареалы распространения двух словоизменительных моделей падежных флексий, которые оформляют в современых диалектах русского, украинского и белорусского языков словоформы Д., Тв. и М.ед. в существительных женского рода типа *грязь, соль, печь, кровь, мать*. Это дало возможность определить диалектные зоны, характеризующиеся либо устойчивостью, независимостью по отношению друг к другу словоизменительных моделей **ā(*jā)*- и **ĭ*-основ, либо их склонностью к взаимодействию, что и проявилось в фактах аналогического выравнивания парадигм **ĭ*-основ по образцу склонения **ā(*jā)*-основ.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что при анализе данного вопроса особенно важно было бы располагать словоформами И.ед., являющимися исходными в словоизменительных парадигмах. Именно морфологический облик словоформы И.ед. существительных старых **ĭ*-основ, образованной по словоизменительной модели либо **ĭ*-основ (например, *жизнь, постель, грязь, печь*), либо **ā*-основ (например, *жиз*[*н'а*], *посте*[*л'а*], *гря*[*з'а*], *пе́ча*), в ряде случаев может быть тем решающим фактором, который облегчает (или даже провоцирует) осуществление аналогических процессов в рамках парадигмы и в других падежах. Кроме того, располагая сведениями о морфологической структуре словоформы И.ед. (при условии наличия подобного знания и о других, косвенных, падежных словоформах), можно было бы получить убедительные доказательства о характере перестройки парадигм существительных женского рода типа *соль, печь* в диалектном плане и последовательности вовлечения падежных словоформ данных существительных в сферу действия словоизменительной модели существительных женского рода старых **ā(*jā)*-основ[5]. Однако компактный материал, характеризующий словоформу И.ед. существительных женского рода старых **ĭ*-основ, в картотеках ДАРЯ, АУМ и ДАБМ отсутствует, так как его сбор даже не был предусмотрен Программами трех национальных атласов (в Программе ДАРЯ, например, этот материал частично обеспечивает только вопрос № 76а – "Какие формы имеют в ед.ч. существительные *мать* и *дочь*? а) имен.п.: пришла *мать, мати, матерь* или *матеря*; *дочь, дочи, дочерь* или *дочеря*" [Программа 1947, 81].

В региональных атласах русского языка и в ДАРЯ карты, посвященные падежным флексиям существительных женского рода III склонения, выполнены, как правило, на неограниченном лексическом материале. Основы этих существительных оканчиваются в современных диалектах на следующие серии согласных: на мягкие **губные** (например, русск. лит.: *цепь, степь*; *глубь, зыбь, прорубь, дробь*; *бровь, кровь, любовь, новь, морковь, свекровь*; *земь, темь, озимь, Пермь*), на мягкие **зубные** (например, русск. лит.: *власть, выть, горсть, клеть, память, суть, поветь, сеть, кровать, смерть, четверть, кость, местность, волость, совесть, область, радость, шерсть, честь, часть, хитрость*; *грудь, жердь, очередь, лошадь, площадь*; *ось, живопись, рысь*; *грязь, мазь, связь, низь, близь, привязь*); на мягкие **сонорные** (например, русск. лит.: *боль, гниль, артель, соль, мель, кудель, пыль, канифоль, щель, метель, шаль, ель, фасоль, толь, даль*; *тень, гармонь, болезнь, жизнь, осень, полынь, пристань*; *дверь, корь, тварь, Тверь, Свирь*), на **шипящие** (например, русск. лит.: *ночь, печь, дичь*; *мышь, пустошь*; *рожь, молодежь*; *вещь, помощь*). В картотеках ДАРЯ наиболее часто приводятся в ответах существительные *ночь, осень, лошадь, дверь, грязь, соль, грудь, кровать, кровь, рожь, печь*. Этот материал иллюстрирует, как уже указывалось выше, образование форм Д., Тв. и М.ед. в говорах русского языка.

В АУМ вопрос об образовании форм Тв.ед. изучается на материале существительных *сіль, тінь* и *ніч*.

В ДАБМ показано образование форм Тв.ед. от существительных *гусь* и *мыш*.

Таким образом, анализ исходного материала, содержащегося в трех национальных атласах, на основании которого исследуется проблема взаимодействия двух моделей словоизменения в рамках существительных женского рода в современных восточнославянских диалектах, показал его качественную и количественную неоднозначность, так как все три атласа демонстрируют разный подход к интерпретации материала при его картографировании. Так, в ДАРЯ и АУМ картографируется явление на неограниченном материале (те два–три существительных, которые приво-

[4] Отчасти представлен материал по В.ед. [ДАРЯ, II, карта 9. "Формы именительного и винительного падежей единственного числа существительного *мать*"; Вост., 1957, карта № 102. "Форма винительного падежа единственного числа существительных *мать, дочь*"] и по Р.ед. [Ю., карта № 132. "Окончание *é* у существительных III типа склонения в различных предложно-падежных конструкциях"].

[5] С.П. Обнорский высказывает мнение о том, что в существительных женского рода старых **ĭ*-основ именно косвенные падежи (а не И.ед.) первыми подверглись влиянию модели I склонения (в частности, влиянию формы Тв.ед.), которые и стали образовываться с флексией *-ей* вместо *-ью*; формы же И.ед. типа *мо́ча, но́ча, о́сеня* и др. появились уже позднее [Обнорский 1927, 61–62].

дятся в названиях карт, следует рассматривать в качестве образца, иллюстрирующего именно явление). В белорусском же атласе картографируется реализация явления в отдельных конкретных словах (это существительные *гусь* и *мыш*); данный факт не дает, к сожалению, возможности определить, представлено ли на картах закономерное морфологическое или же лексикализованное явление, поскольку в комментариях никак не объяснена причина выбора именно данных двух слов. А этот вопрос является чрезвычайно существенным, так как известно, что при наличии закономерного морфологического явления словоформы, реализующие какую-либо грамматическую категорию (в данном случае – грамматическую категорию падежа), должны быть независимыми как от лексического значения тех основ, с которыми сочетается показатель этой категории при образовании той или иной словоформы, так и от контекста. Если же такая зависимость от лексического значения основ или от контекста есть, то налицо – лексикализованное явление.

Как уже указывалось выше, материал по Д., Тв. и М.ед. существительных типа *соль, ночь* для русских говоров почерпнут в основном из ДАРЯ, для украинских и белорусских говоров – частично из атласов (Тв.ед.) и частично из опубликованных исследований по истории и диалектологии украинского и белорусского языков (Д., М.ед.).

Все зафиксированные на картах ДАРЯ, АУМ и ДАБМ флексии, оформляющие формы Д., Тв. и М.ед. в существительных женского рода III склонения соответствующих старым *-ĭ-, *-ъv-/-*ū- и *-r-основам, распределяются нами на две группы: это флексии, являющиеся либо исконными для данных существительных женского рода, либо заимствованными (и, следовательно, исконными для существительных женского рода *ā(*jā)-основ).

Рассмотрим эти флексии.

Д. и М.ед.

На территории **русских говоров** на картах [см. ДАРЯ II, 4–7] отмечены флексии [и́], [и], [е́], [е].

Флексии [и́] и [и] в русской **западной** диалектной зоне являются исконными для существительных женского рода старых *ĭ-основ (ср. *гр'а́з'и, п'е́чи, на п'ечи́*).

Анализируя вопрос о взаимодействии двух типов склонения в существительных женского рода в русских диалектах, мы должны особо учитывать ареал распространения флексий Д. и М.ед. и в существительных женского рода *ā(*jā)-основ, реализованных ударным [и́]. Дело в том, что этим флексиям в разных говорах данной территории приписывается разное происхождение: в северо-западных говорах ладого-тихвинской группы отмечается исконность указанных флексий как в *ā-, так и в *jā-основах (например, *к жени́, на земли́*), так как в этих говорах [и́] находим на месте не только этимологического *и, но и на месте этимологического *ě. В остальных же говорах флексия Д. и М.ед. [и́] в *ā-основах появилась как новообразование в результате внутрипарадигматической унификации по образцу Р.ед. [Сологуб 1980, 166; Зализняк, 1988, 171–172]. Таким образом в говорах с флексией [и́] в Д.-М.ед. существительных женского рода *-ĭ- *-ā- (*-jā)-основ, выделяются разные ареалы, характеризующиеся разным происхождением этого [и́]. В северо-западных русских говорах ладого-тихвинской группы отмечается не только исконность [и́] ([и]) для Д. и М.ед. в *ĭ-основах (*пе́чи, на печи́*), но исконность [и́] и для *ā(*jā)-основ (*к жени́, на земли́*). В остальных же диалектах об исконности флексии [и́] в данных падежных формах можно говорить уверенно только для *ĭ-основ.

Таким образом, хотя в говорах северо-западного ареала для форм Д. и М.ед. характерна флексия [и́] ([и]) как в *ĭ-основах, так и в *ā(*jā)-основах, ее появление в данных группах существительных женского рода оказывается, скорее всего, самостоятельным.

Флексии Д.ед. и М.ед., реализованные безударным [и], известны и на **востоке** русской диалектной области – особенно в юго-восточных говорах, в восточных среднерусских акающих говорах и в говорах владимирско-поволжской группы (см. [ДАРЯ II, карты 3, 4]). Однако их нельзя объединять с однозначными флексиями, реализованными также безударным [и распространенными в западном ареале русских говоров. Данное обстоятельство обусловлено тем, что, во-первых, в говорах юго-восточного ареала на месте безударного *ě (так же, как и на месте безударных *е и *ь) произносится [и] (см. [ДАРЯ I, карты 21, 22, 23]), т.е. можно признать, что флективный гласный [и] является в этих говорах результатом редукции заударного *ě. Во-вторых, словоформы Д.ед. и М.ед. существительных женского рода *ĭ-основ с наконечным ударением образуются в данных диалектах с флексией, реализованной ударным [е́] (см. [ДАРЯ I, карта 40]). Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что флексии Д.ед. и М.ед. в существительных женского рода *ĭ-основ, представленные гласным [и], в юго-восточных русских говорах и в говорах владимирско-поволжской группы, следует интерпретировать как заимствованные из словоизменительной модели существительных женского рода старых *ā(*jā)-основ.

Флексии [е́] и [е], распространенные в восточной диалектной зоне русского языка (см. [ДАРЯ II, карты 4, 5, 6, 7]), являются в существительных женского рода *ĭ-основ также заимствованными из модели *ā(*jā)-основ.

В **говорах украинского языка** при образовании форм Д. и М.ед. существительных женского рода старых *ĭ-, *ъv-/ū- и *r-основ отмечены, как правило, безударные флексии [і], [и], [и^{е}], [е^{и}], [ə], [ы].

Флексия [і] является наиболее распространенной в украинских диалектах: она характерна для северных (полесских), восточных, юго-восточных и некоторых южных говоров. Эта флексия появилась в формах типа *со́л'і, пе́ч'і, в'і́ст'і, ки́рв'і* в результате аналогического выравнивания по образцу склонения старых *ā(*jā)-основ и представляет собой закономерный фонетический рефлекс -*ѣ. В памятниках письменности флексия – ѣ (на месте исконной для *ĭ-основ флексии *-и) (ст.–сл.) встречается в существительных этого типа с XVII в., но в живой речи процесс унификации форм Д. и М.ед. по аналогии со склонением *ā(*jā)-основ начался, по всей видимости, значительно раньше [Самойленко 1964, 148, 149].

Рассматривая вопрос о взаимодействии в украинских диалектах двух типов склонения в рамках всех существительных женского рода нельзя пройти мимо судьбы

твердой и мягкой разновидностей существительных женского рода I склонения (т.е. *ā и *jā-основ).

В истории украинского субстантивного словоизменения, вообще, и старых *ā и *jā-основ, в частности, существенную роль сыграл процесс унификации твердой и мягкой разновидностей: в существительных женского рода типа *жена́, земля́* в формах Д. и М.ед. имело место аналогическое выравнивание по образцу твердых *ā-основ, в результате чего и твердые, и мягкие основы стали образовывать эти падежные формы одинаково – с флексией -ѣ (т.е. *женѣ, землѣ*). В целом, для украинского языка характерна именно унификация по твердой разновидности, хотя в ряде говоров встречаются и результаты влияния мягкой разновидности на твердую[6].

В современных украинских говорах мы находим следующие флексии Д.-М.ед. существительных женского рода *ā(*jā)-основ, восходящие к -ѣ: в позиции под ударением – [i], [iᵘ], [иⁱ],]ie], [ие], [ê], [e]; в безударной позиции – [i], [iᵘ], а также [и] и [иⁱ] после отвердевших основ. Наиболее распространенными и свойственными большинству украинских говоров являются ударные и безударные флексии [i], [iᵘ], [и], ср., например, такие формы, как *вод'і, жен'і, руц'і, ноз'і, земл'і, душ'і, зор'і; душі́, миᵉжі́, зорі́, зм'ійі́; земл'іᵘ́; хáт'і, погóд'і, рáн'і, бáн'і, в'ішн'і, дорóз'і, свáс'і, сáжи, дóл'іᵘ, бáн'іᵘ, дорóз'іᵘ* [Матвияс 1974, 50 и след.]. В северноукраинских говорах (в частности, в среднеполесских) отмечены ударные флексии [ie], [ⁱe], [ие] и безударные [i], [iᵘ], [иⁱ], например, *вад'іе́, стен'іе́, земл'іе́, голов'іе́; голові́е, душі́е, рецí́е, зорí́е; дарóз'і, свекрýс'і, бáн'і, сáжи, грýши, вíшн'іᵘ* [Назарова 1964, 54–55]. В некоторых крайних северноукраинских говорах, пограничных с белорусскими и под их влиянием, на месте ѣ находим флексию [e] (как в позиции под ударением, так и в безударном положении), например, *вад'é, жан'é, з'амл'é, дарóз'е, душ'é* [Матвияс, 1964, 63–64].

Однако следует отметить, что в ряде юго-западных украинских говоров аналогическое выравнивание в рамках существительных женского рода I склонения по твердой разновидности не было реализовано, в результате чего в мягких основах в Д.-М.ед. I склонения имеем флексию [и], которая является закономерным фонетическим рефлексом исконной флексии Д.-М.ед. *jā-основ (например, *землí, миᵉжí, р'ілí* [АУМ 2, карта 172]), а в твердых основах – флексию [i], продолжающую исконную флексию *-ѣ[7]; это явилось причиной того, что в юго-западных украинских говорах в существительных женского рода старых *ā(*jā)-основ в формах Д.-М.ед. находим две флексии – [и] (в мягких основах) и [i] (в твердых основах).

Возвращаясь к существительным женского рода старых *ĭ-, *ъv-/*ū- и *r-основ, отметим, таким образом, что обычно безударная флексия Д.-М.ед. [i] (а также [iᵘ], [иⁱ], [и] в отвердевших основах) в существительных этого типа является заимствованной из словоизменительной модели *ā(*jā)-основ, унифицированных по твердой разновидности. Данная флексия [i] характеризует подавляющее большинство украинских говоров (а именно – северо-западных, северных, восточных и юго-восточных).

Флексии [и], [иᵉ], [еᵘ], [ə], [ы] (чаще безударные), характеризующие формы Д.-М.ед. существительных женского рода старых *ĭ-, *ъv-/*ū- и *r-основ (например, *сóли, тíни, вíсти, нóчи, крóви, мáтири, смéртə, пáмн'етə, кóстə, гóрстиᵉ; na śino'žaty, ц пос'у, na post'elu, 'soly, k'erv'y* и др.), фактически, во всех юго-западных украинских говорах (особенно – в волынских, поднестровских, буковинских, гуцульских, бойковских и закарпатских), являются исконными для существительных данного типа, продолжающими флексию Д.-М.ед. *U [Матвияс 1974, 147; Матвияс 1971, 153; Ощипко 1971, 174; Дейна 1957, 86, карта 6]. Встречаются данные флексии (правда, наряду с более распространенной флексией [i]) и в южночерниговских, переяславских, южнокиевских, среднечеркасских, нижнеподнепровских, восточнослобожанских, полтавских и ряде других говоров [Матвияс 1971, 157–158; Матвияс 1974, 148].

Таким образом, юго-западные говоры являются наиболее устойчивыми с точки зрения сохранения автономности не только между двумя "женскими" типами склонения, но и между твердой и мягкой разновидностями склонения в старых *ā(*jā)-основах.

Фактически, во всех говорах **белорусского языка** существительные женского рода старых *ĭ-, *ъv-/*ū- и *r-основ в Д.ед. и М.ед. имеют **флексии** [и́] ([и]) и [ы́] (ы]): флексия [и] ([и]) употребляется в существительных с мягкими основами (например, *гр'аз'и́, гр'áз'и, кос'ц'и́*), флексия [ы́] ([ы]) – в существительных с твердыми и отвердевшими основами (например, *п'éчы, п'ачы́, нóчы, начы́, мóцы, аб глы́бы* [Карский 1965, 159; Блинова, Метельская 1980; Нарысы 1964, 166–167; Жидович 1969, 169]). Данные флексии являются закономерными фонетическими рефлексами исконной флексии Д.ед. и М.ед. *-U существительных женского рода старых *ĭ-основ.

В отдельных южных, западных и северо-восточных белорусских говорах встречаются также и флексии Д. и М.ед. [é] ([е]) и [э́], например, *у γразé, на сенажáце, аб сóле, на óсе, к óсене, аб начэ́, у п'ачэ́*. Эти флексии являются заимствованными из склонения *ā-основ (твердой разновидности) [Жидович 1969, 170–171].

Кстати, интересно отметить, что в отличие от украинских говоров в большинстве белорусских диалектов в рамках склонения существительных женского рода *ā(*jā)-основ унификации между твердой и мягкой разновидностями не отмечено (ср., например, *на дарóз'е, к каз'é – на з'амл'ú, на в'úшн'и*). В этих же говорах отсутствует и аналогическое выравнивание между *ā(*jā)- и *ĭ-основами. И только в ряде юго-западных белорусских говоров в существительных женского рода старых

---

[6] Так, например, в районе южной Припяти, диалекты которой исследовала Т.В. Назарова, безударная флексия Д.-М.ед. существительных женского рода *ā(*jā)-основ в некоторых говорах представлена гласным [i] (*хáт'і, в'ішн'і*), который можно рассматривать как генерализацию флексии мягкой разновидности в данных падежах [Назарова 1985, карта 49; Назарова 1964, 58]. Эта же черта (возможно, под влиянием соседних украинских говоров) характеризует и большинство юго-западных (особенно брестских, полесских и пинских) и некоторых центральных белорусских говоров, в которых также отмечается флексия [i] не только в существительных мягкой, но и в существительных твердой разновидности – *на з'амл'і, на в'ішн'і, к высн'і, на стр'іс'і, у дарóз'і* [Жидович 1969, 137–139; Назарова 1964, 58].

[7] Карты на флексию Д.-М.ед. старых *ā-основ в [АУМ 2] отсутствуют. Однако косвенные данные о рефлексации ударного -ѣ в юго-западных украинских говорах, где мы находим гласный [i] (например, *в'ĺра, в'ĺтер, р'ĺчка, д'ĺрка, т'ĺло, д'ĺд, с'ĺно, сн'ĺг, сл'ĺд, у гн'ĺзд'і, на стол'і*{АУМ, 2, карты 3, 4, 6, 8, 9]), могут указывать на флексию [i] в формах Д.-М.ед. типа *жен'і, голов'і, руц'і*.

*ā(*jā)-основ зафиксировано влияние мягкой разновидности на твердую: *на голов'ú, об войн'ú, на вод'ú, на дарóз'и, на з'амл'ú* [Назарова 1964, 58; Жидович 1969, 137].

Тв.ед.

В говорах русского [см. ДАРЯ II, карта 8], украинского [см. АУМ 1, карта 192; АУМ 2, карта 176] и белорусского [см. ДАБМ, карты 82, 83] языков у существительных женского рода III склонения отмечены следующие флексии: [йу], [у], [ойу], [ейу], [айу], [эйу], [ыйу], [ъйу], [ьйу], [ийу], [уйу], [ой], [ей], [ай], [эй], [ый], [ъй], [ьй], [ий], [уй], [йей], [йой], [йуй], [йойу], [и], [еў], [оў].

Принадлежность флексий Тв.ед. [йу] и [у][8] к словоизменительной модели существительных женского рода старых *ĭ-основ не вызывает сомнений (например, русск. диал. *сóл'йу, грýд'йу, пéч'йу*; укр. диал. *с'íл'у, т'íн'у, н'íч'у, с'íл'йу, т'íн'йу, н'íч'йу*; белор. диал. *гýс'у, мы́шу, мы́шйу*).

Также очевидна принадлежность к словоизменительной модели существительных женского рода старых *ā(*jā)-основ следующих флексий Тв.ед.:

а) [ойу]/[ой] (под ударением и в заударной позиции не в акающих говорах по аналогии с твердой разновидностью склонения, например, русск. диал. *ноч'óйу, дв'ар'óйу, кóст'ойу; дв'ер'óй, гарст'óй, óс'ен'ой*; укр. диал. *сóл'ойу, т'íн'ойу*; белор. диал. *мышóйу, гус'óйу; мышóй, гус'óй*);

б) [ейу]/[ей] (под ударением и в мягкой разновидности склонения в заударной позиции, например, русск. диал. *двер'éйу, крóв'ейу; нóц'ей, лошыд'éй*; укр. диал. *сóлейу, т'íнейу, нóчейу*; белор. диал. *мышэ́йу, мышэ́й, мышéйу, мышéй*);

в) [айу]/[ай], [эйу]/[эй], [ъйу]/[ъй], [ыйу]/[ый], [ьйу]/[ьй], [ийу]/[ий] (в заударной позиции не в окающих говорах в соответствии с ударными флексиями [ойу]/[ой], [ейу]/[ей], например, русск. диал. *лóшад'айу, пéцыйу, крóв'ьйу, кóст'ийу; кóст'ай, пéч'ъй, нóчий, кóст'ий*; укр. диал. *т'íнэйу, т'íн'ийу*; белор. диал. *гýс'айу, мы́шайу; гýс'ай, мы́шай*). Говоря о причинах появления флексии Тв.ед. *–ий* (например, *кóстий*) в русских говорах, А.А. Шахматов допускал белорусское влияние [Шахматов 1957, 348].

Однако такие диалектные реализации флексий Тв.ед. как [и], [уйу], [уй], [йей], [йойу], [йой], [йуй], [еў], [оў] требуют специального рассмотрения с точки зрения отнесения их к словоизменительной модели либо *ĭ-основ, либо *ā(*jā)-основ, так как их дефиниция в этом плане осложнена не вполне ясным фонетическим обликом.

Флексию [и] (отмеченную в некоторых южнорусских говорах и употребляющуюся только в заударной позиции, например, *кóст'и, гóрст'и, нóчи*) можно, видимо, рассматривать в качестве фонетического варианта флексии [ий] в результате утраты конечного [й] и относить ее, как и флексию [ий], к словоизменительной модели *ā(*jā)-основ.

История возникновения флексий [уйу] и [уй] в заударном положении, интерпретация их фонетического облика и ареалы распространения на территории среднерусских говоров неоднократно привлекали внимание многих лингвистов (см., например, работы А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, Р.И. Аванесова, А.И. Сологуб, Л.Н. Булатовой). Наиболее убедительной представляется точка зрения, признающая обусловленность появления этих флексий целым рядом фонетических и морфологических причин и отнесенность их к модели склонения существительных женского рода *ā(*jā)-основ, наряду с безударными флексиями [айу], [ъйу], [ыйу]..., [ай], [ъй], [ый]... [Булатова 1988, 49–50][9] (ср., например, наличие ударной флексии [ой] и безударной [уй] в некоторых южнорусских говорах: *сóл'л'уй* и *гр'аз'óй* [Ю., 342]; *вóс'ин'уй* и *ржóй* [Ю., 345]). Флексия [уйу] в некоторых украинских говорах (например, в подольских и одесских) объясняется так называмым "уканьем", т.е. неразличением [о] и [у] в безударной позиции (например, *мáз'уйу, смéрт'уйу, сóл'уйу*) [Матвияс 1971, 163].

Флексии [йойу], [йой] и [йей] (в позиции под ударением) и флексии [йей] и [йуй] (в заударной позиции) можно рассматривать, вслед за С.П. Обнорским, как контаминированные, т.е. сочетающие в себе формальные признаки модели *ĭ-основ (наличие начального [й]) и модели *ā(*jā)-основ (конечные их сочетания-сегменты, без начального [й], т.е. [ойу], [ой], [ей], [уй]) [Обнорский 1927, 280–281]. Данные флексии с начальным [й] встречаются, в основном, в вологодских, калининских, рязанских и смоленских говорах (например, *двер'йóйу, нóцйой, лóшъд'йуй, грýд'йей*); здесь же находим, как правило, и варианты этих флексий без начального [й] (см. карту 8 [ДАРЯ II]).

Таким образом, в перечисленных флексиях выделяется часть, соответствующая флексиям Тв.ед. существительных женского рода *ĭ-основ. И тем не менее примем условное решение об отнесении флексий [йойу], [йой], [йей], [йуй], несмотря на наличие начального [й], к модели словоизменения существительных женского рода *ā(*jā)-основ.

Флексии [еў], [оў], распространенные в говорах юго-западной Украины (например, *сóлеў, с'íлеў, сóл'оў, сíл'оў*), также условно относим к флексиям словоизменительной модели существительных *ā(*jā)-основ. Известно, что традиционно их образование выводят из двусложной флексии Тв.ед. I склонения [ойу], [ейу] путем утраты интервокального [й] и консонантизации заударного конечного [у], т.е. *[ойу], *[ейу] → *[оу], *[еу] → [оў], [еў] [Обнорский 1927, 288; Дурново 1969, 196]. Однако в связи с тем, что в целом ряде западноукраинских говоров находим словоформы Тв.ед. типа *с'íлеў, с'íл'оў, п'íчоў, п'íчеў* (с [і] на месте этимологических *е и *о, который мог появиться только в закрытом слоге), можно предположить, что ранее данные словоформы образовались при помощи контаминированных флексий +[йойу], +[йейу] (первый [й] из исконной флексии *-ыѭ, к которой присоединялись флек-

[8] О фонологической и морфонологической интерпретации флексий [йу] и [у], которой мы придерживаемся в настоящей работе, см. в: [Славянская морфонология 1987, 53–54, 237–238].

[9] Иную точку зрения высказывал С.П. Обнорский, который полагал, что флексия [уй] в южновеликорусских и некоторых среднерусских говорах восходит к контаминированной флексии [йуй], сочетающей в себе формальные признаки моделей I и III склонений, в результате утраты начального [й]. Так, например, в районе Клина он о тмечал формы на [йуй] (*артéльюй*) и на [уй] (*кóстюй*), подчеркивая при этом, что о фонетической природе утраты [й] говорят варианты [йуй]/[уй] в одном и том же говоре [Обнорский 1927, 280–281].

сии Тв.ед. существительных женского рода *ā(*jā)-основ), и именно эти флексии, пройдя сложный путь развития, и дали современные диалектные [оу], [еў]: *с'íл'йу > +с'íл'йу + ойу > +с'íл'йойу > +с'íл'ойу > +с'íл'ойў > с'íл'оў [Попова].

Таким образом, на данной типологической карте картографируется, как указывалось выше, лишь одно двучленное диалектное различие, характеризующее словоизменение существительных женского рода III склонения, а именно – оформление падежных форм Д., Тв. и М.ед. либо по исконной для них модели *ĭ-основ, либо по заимствованной ими модели *ā(*jā)-основ. Конкретная фонетическая реализация флексий при этом элиминируется. Путем наложения друг на друга ареалов различных флексий, оформляющих падежные формы Д., Тв. и М.ед. существительных женского рода *ĭ-основ, делается вывод о характере взаимодействия двух типов словоизменения в рамках существительных женского рода.

Для обозначения указанного диалектного различия на карте применяется, в целях лучшей наглядности, два типа знаков – штриховки и изоглоссы, – которые в известной степени дублируют друг друга. Так, штриховкой показываются ареалы, характеризующиеся образованием падежных форм существительных женского рода типа *соль, ночь* по словоизменительной модели I склонения, соответствующей парадигме старых *-ā-/*-jā-основ (вертикальная штриховка закреплена за формой Т.ед., горизонтальная – за формами Д.ед. и М.ед.). Изоглоссами обозначаются ареалы, включающие те говоры, для которых характерно образование падежных форм указанных существительных по исконной для них словоизменительной модели III склонения, соответствующей парадигме старых *ĭ-основ (изоглосса ▲▲▲▲ закреплена за формой Тв.ед., изоглосса ●●●● – за формами Д.ед. и М.ед.).

Карта показывает, что на значительной части всей восточнославянской территории мы находим исконные для существительных женского рода старых *ĭ-основ флексии в формах Д., Тв. и М.ед. Диалекты, расположенные на остальной территории, в разной степени испытали аналогическое воздействие словоизменения существительных *ā(*jā)-основ на существительные *ĭ-основ. Говоры, в которых отмечается данное взаимодействие двух словоизменительных моделей, выделяются в различные диалектные ареалы, характеризующиеся разным соотношением этих двух моделей в указанных падежах одной парадигмы. Для восточнославянских диалектов нами зафиксированы следующие четыре типа такого соотношения:

1) **Все три словоформы – Д., М. и Тв.ед. – образуются с закономерными для существительных женского рода старых *ĭ-основ флексиями.**

а) Русские говоры. Такое соотношение исследуемых флексий (т.е. [и́] и [и] в Д. и М.ед., [у] в Тв.ед.) характеризует субстантивные системы северо-западных говоров (онежская, ладого-тихвинская, селигеро-торжковская, псковская, новгородская и гдовская группы), восточных среднерусских акающих говоров в районе Москвы, владимирских говоров и юго-западных говоров (западная группа южного наречия, верхнеднепровская группа, южная часть ливно-елецких говоров, оскольская группа).

б) Белорусские говоры. Такое соотношение флексий (т.е. [и́]/[ы́] и [и]/[ы] в Д. и М.ед., [у] в Тв.ед.) находим в центральной (в районе Минска) и восточной частях среднебелорусских говоров, расположенных по бассейну реки Днепр и его притоков (Сож, Друть, Березина). В восточной части среднебелорусских диалектов (прежде всего в могилевских и северно-гомельских говорах) в формах Тв.ед. наряду с флексией [у] встречаются и исконные для *ā(*jā)-основ флексии [ойу], [ейу], [эйу], [ой], [эй], [ай] (см. ДАБМ, карты 82, 83).

в) Украинские говоры. Ареалов, где бы отмечались одновременно исконные для *ĭ-основ флексии в формах Д. и М.ед. (т.е. [и] = [ї]) и Тв.ед. (т.е. [у]), нет.

2) **Словоформы Д. и М.ед. образуются с исконной для *ĭ-основ флексией, словоформа Тв.ед. – с флексиями, характерными для словоизменительной модели *ā(*jā)-основ.**

а) Русские говоры. Это соотношение флексий (т.е. [и́] и [и] в Д. и М.ед.; [ой], [йой], [уй], [йуй] в Тв.ед.) отмечено в западном ареале между Псковом и Смоленском (южная часть псковских говоров в районе Опочки, смоленские говоры, верхне-днепровская группа говоров) и в двух небольших ареалах около Калинина и Ефремова.

б) Белорусские говоры. Данное соотношение флексий (т.е. [и́]/[ы́] ([и]/[ы]) в Д. и М.ед.; [ойу], [ейу], [эйу], [ой], [эй], [ей] в Тв.ед.) встречаются почти на всей территории (за исключением центральной и восточной частей среднебелорусских говоров и южнобелорусских говоров).

в) Украинские говоры. Такое соотношение флексий (т.е. [и] = [ї] в Д. и М.ед.; [ейу], [ойу], [еў], [оў] в Тв.ед.) характерно для юго-западных говоров (а именно: западно-волынских, западно-подольских, поднестровских, бойковских, закарпатских, гуцульских, покутско-буковинских).

3) **Словоформы Д. и М.ед. образуются по модели *ā (*jā)-основ, словоформа Тв.ед. – по модели *ĭ-основ.**

а) Русские говоры. Данное соотношение флексий (т.е. [е́], [е], [и] в Д.-М.ед.; [у] в Тв.ед. находим на востоке исследуемой территории. Это лачские говоры, белозерско-бежецкие и вологодские говоры (за исключением небольшого ареала, расположенного между Вологдой, Кирилловым, Вожегой и Солигаличем), костромские говоры, восточная часть владимирско-поволжских говоров, западная часть восточных среднерусских акающих говоров, северо-западная и восточная части рязанских говоров.

б) Белорусские говоры. Такое соотношение, фактически, не отмечено на территории белорусских говоров (т.е. [е] в Д.-М.ед., [у] в Тв.ед.).

в) Украинские говоры. Данное соотношение флексий (т.е. [і] в Д.-М.ед. и [у] в Тв.ед.) встречается в северных украинских говорах (западно-, средне- и восточнополесских говорах), в слобожанских, среднеднепровских, степных, всех восточных, южных и юго-восточных говорах).

4) **Все три словоформы – Д., М. и Тв.ед. – образуются по словоизменительной модели *ā(*jā)-основ.**

а) Русские говоры. Это соотношение флексий (т.е. [é], [е], [и] в Д. и М.ед.; [ой], [йой], [уй], [йуй], [ойу] в Тв. ед.) характеризует на русской территории два ареала: I – северный, охватывающий вологодские говоры (севернее Вологды, восточнее Кириллова, южнее Вожеги, западнее Солигалича); II – юго-восточный, охватывающий рязанские говоры (восточнее линии Рязань – Липецк – Воронеж), и восточные средне русские акающие говоры (западнее линии Саранск – Пенза – Сердобск – Балашов). Следует также отметить, что в данном юго-восточном ареале зафиксированы, кроме того, и словоформа И.ед. *мы́ша/мыша́* (см. ДАРЯ II, карта 21), и словоформа В.ед. *ма́тер'у* (см., ДАРЯ II, карта 9), образованные по образцу словоизменительной модели **ā(*jā)*-основ.

б) Белорусские говоры. Это соотношение флексий (т.е. [é]/[э́] ([е]/[э]) в Д. и М.ед.; [эй], [ой], [ай], [эйу] в Тв.ед.) отмечено в южных (полесских) говорах, расположенных в бассейне Припяти и ее притоков, а также в отдельных западных и северо-восточных белорусских говорах.

в) Украинские говоры. Данное соотношение флексий (т.е. [і] в Д. и М.ед.; [ейу], [ойу], [уйу] в Тв.ед.) находим в восточно-волынских говорах, в центральных и восточных подольских говорах, а также в степных говорах в районе Кировограда.

Таким образом, можно сделать вывод, что на русской территории зоной наиболее интенсивного воздействия словоизменительной модели существительных женского рода **ā(*jā)*-основ на существительные женского рода **ĭ*-основ являются южнорусские рязанские говоры. В остальных говорах это влияние проявляется выборочно – в некоторых диалектах воздействие **ā(*jā)*-основ испытал один лишь Тв.ед. (ср. западнорусские говоры в районе южнее Пскова и севернее Смоленска, а также в районе Калинина), в других же – только Д. и М.ед. (ср. северо-восточные говоры и восточные среднерусские акающие говоры). Что касается запада, то он почти полностью характеризуется ярко выраженной устойчивостью существительных женского рода **ĭ*-основ к аналогическому воздействию словоизменительной модели **ā(*jā)*-основ в формах Д., М. и Тв.ед.

Анализируя белорусскую ситуацию, следует учитывать, что компактные ареалы с исконной для **ĭ*-основ флексией Тв.ед. [у], фактически, отсутствуют: эта флексия, как правило, сосуществует с флексиями [ойу], [ейу], [эйу], восходящими к **ā(*jā)*-основам. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в белорусских говорах в форме Тв.ед. существительных женского рода типа *соль, гусь, мыш*, идет активный процесс вытеснения исконной флексии Тв.ед. [у] флексиями, характерными для словоизменительной модели **ā(*jā)*-основ. Напротив, формы Д. и М.ед. в большинстве говоров (кроме южных, полесских) образуются с исконной для **ĭ*-основ флексией [и]/[ы].

В говорах украинского языка воздействие словоизменительной модели **ā(*jā)*-основ на модель **ĭ*-основ проявилось в рамках данного материала (т.е. в формах Д., М. и Тв. ед.) наиболее ярко, так как нам известны лишь говоры, в которых отсутствует сохранение исконных для старых **ĭ*-основ флексий в трех рассматриваемых нами падежах. Наибольшая активность **ā(*jā)*-основ проявляется в северо-украинских (полесских) говорах и в небольшом ареале на юге – в восточно-волынских говорах, в центральных и восточных подольских говорах, а также в степных говорах в районе Кировограда.

Таким образом, картографирование на всей восточнославянской диалектной территории морфологического явления, связанного с судьбой двух типов склонения в рамках существительных женского рода, показало, что большинство восточнославянских диалектов пережило процесс унификации склонения существительных женского рода старых **ĭ-*, **ъv-/*ū-* и **r-*основ по образцу словоизменительной модели старых **ā(*jā)*-основ применительно к Д., М. и Тв.ед. Однако этот процесс в разных говорах охватывал разные падежи. Наиболее широко указанная унификация проявилась в формах Д. и М.ед., охватив все южные (за исключением крайних юго-западных говоров) и восточные диалекты восточнославянских языков. В форме Тв.ед. данное явление проявилось в меньшем количестве говоров, сосредоточенных в отдельных, сравнительно небольших и не представляющих единого массива ареалах: эти ареалы располагаются на северо-востоке восточнославянской территории (русские говоры в районе Вологды), на юго-востоке (русские говоры в районе Тамбова и Касимова), на западе (русские говоры между Псковом и Смоленском и белорусские говоры к северу, западу и югу от Минска) и на юго-западе всей восточнославянской территории (юго-западные украинские говоры).

Между западным и восточным ареалами, где в говорах в той или иной мере отмечен процесс аналогического выравнивания двух "женских" типов склонения, расположены диалекты, которые не пережили процесса унификации склонения существительных женского рода старых **ĭ-*, **ъv-/*ū-* и **r-*основ по словоизменительной модели старых **ā(*jā)*-основ в падежных формах Д., М. и Тв.ед. (это северо-западные, центральные и юго-западные русские говоры и среднебелорусские говоры).

Указанные факты свидетельствуют о том, что процесс унификации падежных парадигм шел в разных восточнославянских говорах разными путями и осуществлялся в них в разные исторические периоды. В этом плане данная карта, выполненная на синхронном материале, показывает, по сути дела, полихронные явления. В связи с этим необходимо последующее исследование истории становления этих явлений во всех восточнославянских диалектах.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бернштейн 1974 – *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М., 1974.

Блинова, Метельская 1980 – *Блінава Э., Мяцельская Е.* Беларусская дыялекталогія. Мінск, 1980.

Бромлей, Булатова 1972 – *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Булатова 1988 – *Булатова Л.Н.* Различные гипотезы происхождения окончания *-уй* (*ба́буй, де́вкуй*) в свете данных ДАРЯ // ОЛА. Материалы и исследования. 1984. М., 1988.

Дейна 1957 – *Dejna K.* Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzna // Prace językoznawcza. 13. Wrocław, 1957.

Жидович 1969 – *Жыдовіч М.А.* Назоўнік у беларускай мове. Мінск, 1969.

Ивич 1965 – *Ивич П.* Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1965.

Карский 1956 – *Карский Е.Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2. М., 1956.

Логвин 1965 – *Логвин В.П.* Морфологічна система говірок Нижньої правобережної Наддністрянщини // Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965.

Матвияс 1964 – *Матвіяс І.Г.* Називний, давальний і місцевий відмінки однини іменників І відміни // Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964.

Матвияс 1971 – *Матвіяс І.Г.* Форми іменників ІІІ відміни в українській мові // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

Матвияс 1974 – *Матвіяс І.Г.* Іменник в української мові. Київ, 1974.

Назарова 1964 – *Назарова Т.В.* Іменникові -ѣ- закінчення в північно-українських говорах // Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964.

Обнорский 1927 – *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927.

Ощипко 1971 – *Ощипко І.Й.* Система словозміни іменників у бойківському говорі // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

Самойленко 1964 – *Самійленко С.П.* Нариси з історичної морфології української мови. Ч. І. Київ, 1964.

Славянская морфонология 1987 – Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение. М., 1987.

Сологуб 1980 – *Сологуб А.И.* История существительных женского рода в русских говорах (опыт историко-морфологического исследования по данным лингвистической географии): Дис. ... док-ра. филол. наук. М., 1980 (рукопись).

Сологуб 1983 – *Сологуб А.И.* О синкретизме форм в склонении существительных женского рода единственного числа по диалектным данным // Русские народные говоры: лингвогеографические исследования. М., 1983.

Шульга 1988 – *Шульга М.В.* Развитие морфологической системы имени в русском языке: Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. М., 1988.

КАРТА 7

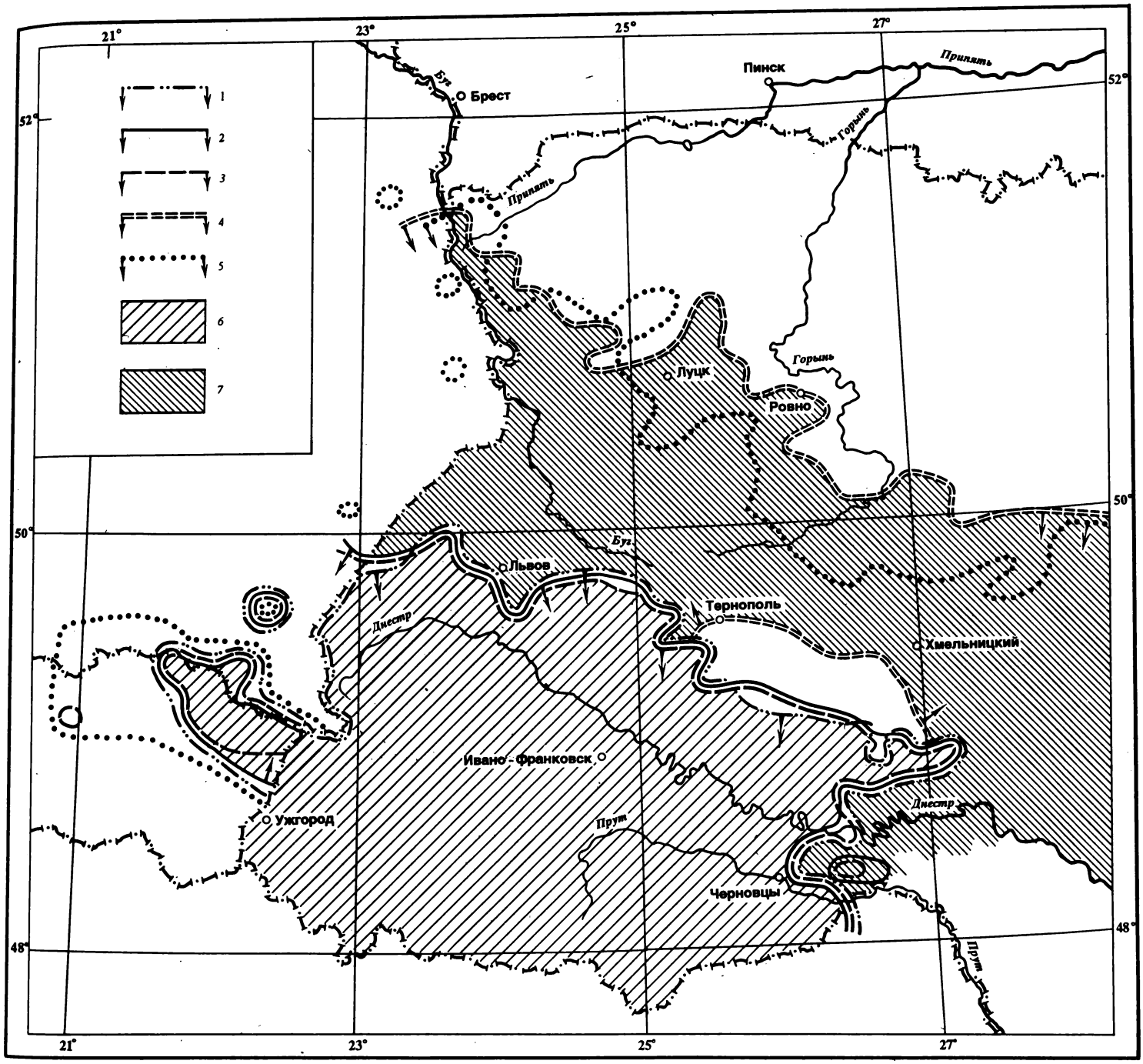
СЛОВОФОРМЫ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА С ФЛЕКСИЕЙ 'ГЛАСНЫЙ + [Ў/В]' (ТИПА *СО́ЛЕЎ, СО́Л'ОЎ, СЇЛЕЎ, СЇЛ'ОЎ*) В СОВРЕМЕННЫХ ЮГО-ЗАПАДНЫХ УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ

Проблема взаимодействия двух видов склонения существительных женского рода в диалектах восточнославянских языков давно привлекала внимание лингвистов. Интерес к ней усилился после выхода в свет национальных атласов русского, белорусского и украинского языков [ДАРЯ II, ДАБМ 1963; АУМ, 1; АУМ, 2], в которых лингвогеографическому распределению флексий отдельных словоформ существительных женского рода как I склонения (соответствующих старым основам на **ā* (**jā*)- типа *вода, земля*), так и III склонения (соответствующих старым основам на **ĭ* типа *соль, печь*, на **-u*/**-ъv* типа *кровь, свекровь* и на **-r* типа *мать*) посвящены многие карты. Активизация исследований в этой области вполне объяснима, так как именно появление указанных ценнейших лингвогеографических материалов, содержащихся в атласах, явилось той основой, которая предоставила лингвистам возможность вновь обратиться к проблеме взаимоотношения двух типов склонения существительных женского рода не только в синхронном, но и в историческом плане, проанализировать некоторые неисследованные вопросы, переосмыслить ранее опубликованные диалектные данные. В результате в последние годы появился целый ряд работ, в которых рассматриваются диалектные различия либо в организации словоизменительных парадигм существительных женского рода современных I и III склонений, либо в образовании отдельных словоформ существительных женского рода. При этом едва ли не самое пристальное внимание лингвистов привлекают различные способы образования словоформы Тв. ед. существительных женского рода I и III склонений в диалектах русского и других восточнославянских языков [Сологуб 1981; Булатова 1988; Бромлей, Булатова 1972, 84–85; Теплова 1987; Матвияс 1971; Залесский 1980; Обнорский 1927; Дурново 1969; Аванесов 1949].

Особый интерес к данному кругу вопросов связан с тем, что именно словоформа Тв. ед. существительных женского рода характеризуется в плане морфологии наибольшим многообразием. Так, в диалектах восточнославянских языков отмечены следующие фонетические реализации флексии Тв. ед. существительных женского рода I и III склонений (см. соответствующие карты и комментарии к ним в ДАРЯ, ДАБМ и АУМ): [йу], [у], [ойу]/[ой], [ейу]/[ей], [айу]/[ай], [эйу]/[эй], [әйу]/[әй], [ыйу]/[ый], [ъйу]/[ъй], [ьйу]/[ьй], [ийу]/[ий], [и], [уйу]/[уй], [йей], [йойу]/[йой], [йуй], [еў], [иў], [оў]. Каждая из перечисленных флексий Тв. ед. характеризуется определенными ареалами распространения на восточнославянской территории в специфической (по сравнению с флексиями других падежей) структурой: территориальные варианты данной флективной морфемы могут быть открытыми (например, [ейу], [йойу], [и]) и закрытыми (например, [ей], [йой], [еў]), односложными (например, [йу]) и двусложными (например, [айу]), что подтверждает наблюдение, сделанное в свое время Р.О. Якобсоном: "Характерно, что Т. всегда выделяется среди прочих косвенных падежей той же парадигмы либо бо́льшим числом фонем, либо иным начальным гласным" [Якобсон, 1985, 191][1]. Такой широкий в диалектах восточнославянских языков диапазон и разнообразие фонетических реализаций флексий Тв. ед. существительных женского рода объясняется в первую очередь процессами взаимодействия двух моделей склонения существительных женского рода (старых **-ĭ-* и **-ā-*(**-jā-*) основ) на морфологическом уровне, а также различными фонетическими преобразованиями, которым подвергался в отдельных диалектах формальный облик флексий, находившихся в рамках фонетического слова в заударной позиции.

В настоящей статье рассматриваются словоформы Тв. ед. существительных женского рода III склонения с флексиями типа 'гласный + [ў/в]' (т.е. [еў], [иў], [оў]: *с'і́леў, со́леў*; *с'і́лиў, со́лиў*; *с'і́л'оў, со́л'оў*), свойственными словоизменительной модели данных существительных в современных юго-западных украинских говорах. В настоящее время флексии [еў], [иў], [оў] употребляются во всех буковинских, гуцульских, бойковских и закарпатских говорах; кроме того они рас-

[1] Можно, видимо, признать справедливым и мнение о том, что ярко выраженная формальная специфичность творительного падежа связана с его особой синтаксической ролью в предложении. Именно данное обстоятельство, скорее всего, и является одной из причин того, что творительный падеж оказывается едва ли не единственным падежом, который в рамках определенной парадигмы не совпадает ни с одим другим падежом (см. [Георгиев 1968, 39; Залесский 1980, 64]).

Карта 7. Словоформы творительного падежа единственного числа существительных женского рода с флексией 'гласный + [ў/в]' (типа *со́леў, со́л'оў, с'і́леў, с'і́л'оў*) в современных юго-западных украинских говорах

1 – флексия Тв. ед. – [еў, оў] в сущ. ж.р. III склонения типа *со́леў, со́л'оў* (АУМ 2, 176); 2 – ударная флексия Тв. ед. – [еў, оў] в сущ. ж.р. I склонения типа *землёў, земл'о́ў* (АУМ 2, 170); 3 – безударная флексия Тв. ед. [еў, оў] в сущ. ж.р. I склонения типа *долóнеў, долóн'оў* (АУМ 2, 171]; 4 – флексия Тв. ед. [ойу, ейу] в сущ. ж.р. III склонения типа *со́лейу, со́л'ойу* (АУМ 2, 176); 5 – отсутствие долгих мягких переднеязычных и шипящих согласных: *жит'а́, нас'і́н'а, вес'і́л'а* (АУМ 2, 94); 6 – флексии [еў], [оў] в сущ. ж.р. III склонения; 7 – флексии [ойу], [ейу] в сущ. ж.р. III склонения

пространены в центральных и западных покутских говорах, в центральных и западных поднестровских говорах, а также в лемковских говорах (см. карту, прилагаемую к статье). Судя по материалам ДАРЯ и ДАБМ, флексии данной структуры не употребляются ни в русских, ни в белорусских диалектах. Однако, по свидетельству С.П. Обнорского, эти флексии изредка встречаются и на русской территории: "Как диалектическую черту, следует... отметить отражение флексии тв. ед. *-ей* в виде *-ев*... В великорусской области данного типа формы редки: *с ма́терьёв*, Вят. (Собол. Оп., 60), *осеньеф, но́чьёв, с со́льев, грязьёв*, Орл.-Вят. (Пр. 63)" [Обнорский 1927, 288].

По вопросу о происхождении флексий [еў], [иў], [оў] в западноукраинских говорах расхождения в лингвистической литературе, фактически, отсутствуют. Обычно появление этих флексий в существительных женского рода III склонения объясняется аналогическим выравниванием окончаний Тв. ед. существительных женского рода старых **-ĭ*-основ по образцу склонения существительных старых **ā* (**jā*)-основ, в результате чего на месте исконной флексии Тв. ед. существительных жен-

ского рода III-склонения [йу], ['у] (⟨*ьıк) в существительных типа *сіль, ніч, піч* стали употребляться флексии [еў], [иў], [оў] (⟨*оıк, *кıк). Первоначальное же (т.е. исходное в плане заимствования для существительных женского рода старых **ĭ*-основ) появление тех же флексий (а именно [еў], [иў], [оў]) в Тв. ед. существительных женского рода I склонения (ср. *рукóў, травóў, земл'óў, в'іўцéў* и под.) в юго-западных украинских говорах связывается с чисто фонетическим развитием исконных флексий *кıк, *оıк, переживших утрату интервокального [й] и консонантизацию заударного [у], т.е. [ойу], [ейу] → [оу], [еу] → [оў], [еў] (см. [Обнорский 1927, 288; Дурново 1969, 196; Бевзенко 1969, 11; Самойленко 1964, 101–102][2]. Для данных, в целом архаических, говоров это явление считается инновацией и датируется XVII–XVIII вв. (см. [Самойленко 1964, 102, 149; Залесский 1980, 64–65]).

При анализе образования словоформ Тв. ед. существительных женского рода III склонения с флексиями [еў], [иў], [оў] в юго-западных говорах обращает на себя внимание одно интересное явление: в большинстве говоров фиксируются словоформы типа *сóл'оў, нóч'оў, пéч'оў*; *сóлеў, нóчеў, пéчеў* с гласными [o] и [e] в корневой морфеме; в меньшем количестве говоров находим словоформы с гласным [*i*] типа *с'íл'оў, н'íч'оў, п'íч'оў*; *с'íлеў, н'íчеў, п'íчеў*. К сожалению, карта 176 (АУМ, 2) не показывает распределения ареалов с корневыми гласными [o] и [e], с одной стороны, и гласным [*i*], с другой, так как она посвящена иной теме, а именно – диалективным вариантам флексии Тв. ед. существительных женского рода III склонения. А между тем наличие гласных [o], [e] или [i] в корневой морфеме тесно связано с процессом формирования данных словоформ в юго-западных украинских говорах.

Остановимся на словоформах с гласным [i] в корневой морфеме.

Очевидно, что гласный [i] на месте исконных корневых гласных **о* и **е* в этих словоформах мог появиться только в закрытом слоге. Однако, современная слоговая структура данных диалектных словоформ не имеет условий для появления гласного [i] на месте **о* и **е*: она состоит из первого открытого слога, в котором корневой гласный завершает слог ([с'і], [н'і], [п'і]), и второго – закрытого ([л'оў], [леў], [ч'оў], [чеў]). Отсюда следует, что слоговая структура современных словоформ *с'íл'оў, с'íлеў* и под. в период действия фонетического закона изменения **о* и **е* в гласный [i] в закрытом слоге должна была быть иной, а именно такой, при которой корневой гласный в словоформе Тв. ед. находился бы в закрытом слоге. Все это свидетельствует о том, что современное строение указанных словоформ (т.е. "открытый слог" + "закрытый слог") не является исконным, а представляет собой результат определенного развития, преобразовавшего первый в словоформе закрытый слог в открытый.

И действительно, исходная словоформа Тв. ед., образованная по модели склонения существительных женского рода старых **i*-основ, т.е. **сольıк*, **печьıк*, содержала первый (корневой) закрытый слог, завершающийся конечным согласным корня, и второй (аффиксальный) – открытый слог, начинающийся с [й]: [сіл'] (<[сол']) – [йу], [піч] (<[печ]) – [йу]; таким образом, исходная структура с точки зрения слогового строения словоформы была прямо противоположной современной структуре указанных диалектных словоформ.

Как известно, в современном украинском литературном языке и в большинстве украинских говоров словоформы Тв. ед. существительных женского рода III склонения, образованные по модели склонения старых **i*-основ, имеют такое же, как и в древнерусском языке, слоговое строение, но на стыке корневой и аффиксальной морфем находим уже иную, по сравнению с древнерусским языком, фонетическую реализацию сочетания **Tj* (из **Tьj*), ср.: *сíллю, тíнню, мáззю, рúссю, пóдорожжю, гуáшшю, пíччю, жóвчю, скáтертю, пóрослю, любóв'ю, скóрб'ю, вéрф'ю, Пéрм'ю, твáр'ю*, т.е. это либо двойные (долгие) согласные, либо сочетание согласного с [й], либо сочетание согласного с нулем звука.

Что касается современных юго-западных украинских говоров, то они не знают двойных (долгих) мягких переднеязычных и шипящих согласных на месте сочетания **Tj* (см. карту), ср., например, юго-западные словоформы И.ед. существительных среднего рода II склонения типа *в'іс'íл'е, жат'é, знан'é* [Кобылянский 1928, 52]; *зîл'ê, насîн'ê, весîл'ê* [Панькевич 1938, 79, 81]; *жэк'é, подв'íр'і, об'ійс'к'é* [Попова 1971, 83, 84]; ср. также словоформы Тв. ед. существительных женского рода III склонения: *т'íн'у, с''íл'у, н'íч'у* (в говорах бойковских сел Волосянка, Ямельница, Орев) [Ощипко 1971, 175]; *т'íн'у, н'íч'у* (в наддністрянских говорах) [Бандровский 1960, 55–56]; *s'íl'u, p'íč'u* (с. Скотарске), *ós'in'u, s'íl'u* (с. Туровка)[3]. Подчеркивая, что данная черта в юго-западных украинских говорах является инновацией, исследователи датируют сокращение долгих (двойных) согласных в этих диалектах XVI в. [Залесский 1980, 65].

Интересно отметить, что ареал распространения словоформ Тв. ед. существительных женского рода III склонения с флексиями [еў], [иў], [оў] полностью по-

[2] Однако известно также и иное мнение, высказанное в свое время Р. Нахтигалом, о том, что современные флексии Тв. ед. существительных женского рода [оў], [ов] появились в юго-западных украинских говорах под влиянием соседних средне-словацких говоров. Критику данной точки зрения находим у Н. Ван-Вейка (ср.: "Все-таки я между этими явлениями прямой связи не признаю, во-первых, потому, что восточно-словацкие диалекты, находящиеся между средне-словацкой и малороссийской областями, имеют окончание *-и*, а не *-ov* или *-оц*, во-вторых, потому, что малороссийское окончание *-оц* непременно стоит в связи с одним звуковым законом галицких и карпатских диалектов, который не действовал в словацком языке" (См. [Ван-Вейк 1923, 11]), а также у Н.Н. Дурново (ср.: "... была попытка поставить (флексии [оў], [еў]. – *Т.П.*) в органическую связь с чеш. и словац. *-ou*, старосербским "*-овь*" и т.д., но более вероятно, что это сравнительно позднее новообразование зап.-укр. и карп.-р. говоров, возникшее независимо от аналогичных форм чеш. и словац. вследствие выпадения *і* между гласными перед *и*". – (См. [Дурново 1969, 215]). Самойленко С.П. также подчеркивает самобытность происхождения форм на [оў], [еў] в юго-западных украинских говорах (см. [Самойленко 1964, 102]).

[3] Приводимый здесь и ниже материал из сел Скотарске, Воловецкого района Закарпатской обл., Туровка/Ясень, Рожнятовского района Ивано-Франковской обл., Бринь, Галицкого района Ивано-Франковской обл., Луги, Раховского района Закарпатской обл., Чапли, Самборского района Львовской обл., Меженец, Самборского района Львовской обл. собран группой под руководством С.Л. Николаева и любезно предоставлен автору.

крывается ареалом, в котором отсутствуют двойные мягкие переднеязычные и шипящие согласные. Т.е. ни в одном говоре не зафиксировано ни одного случая употребления флексии данного типа и двойных (долгих) мягких согласных на стыке корневой и аффиксальной морфем (см. карту), что и обусловливает открытость первого слога в рассматриваемых словоформах Тв. ед.

Однако наличие в корневой морфеме гласного [i] на месте *о и *е в словоформах типа *с'ілеў* (с первым открытым слогом [с'і]) заставляет предположить, что в период действия закона продления гласных *о и *е в новых закрытых слогах, результаты которого находим в памятниках, начиная с XVI в. [Шахматов, Крымский 1924, 70], первый слог в данных словоформах Тв. ед. существительных женского рода III склонения был также закрытым, что и подтверждается следующими парадигмами единственного числа из ряда современных юго-западных украинских говоров: И. *п'іч, мáтə*; Р.-Д. *пóчə, мáттərə*; В. *п'іч, мáтт'ір*; Тв. *п'ічów, мáтт'ірow*; М. *почá, мáттərə* (говор с. Бринь); И.-В. *с'іл', п'іч, р'іч*; Р.-Д. *сóлə, пóчə, péчə*; Тв. *с'íləw, п'íчəw, р'íчəw*; М. *сóлə, пóчə, печ̃ə* (говор. с. Туровка); И. *р'іч, мáтə*; Р.-Д. *péчə, мáтərə*; В. *р'іч, мáт'ір*; Тв. *р'ічów, мáт'ірe°w*; М. *на печá, мáтərə* (говор с. Луги); И. *мáты*; Р.-Д.-М. *мáтере*; В. *мáт'ір*; Тв. *мáт'ірew* (говор с. Чапли). Ср. также словоформы Тв. ед. в некоторых бойковских говорах: *н'íчоў*, *с''íл'оў*, *т'íн'оў*, *мáмт'іроў* (села Тур'е, Матков, Жупаня, Плав'е, Битля) [Ощипко 1971, 175] и в некоторых поднестровских говорах: *т'íниў*, *н'íчиў* [Бандровский 1960, 55–56].

Следовательно, можно предположить, что в тех юго-западных украинских говорах, в которых зафиксированы словоформы Тв. ед. типа *с'ілеў, п'ічеў*, они должны были до времени утраты (сокращения) двойных согласных (т.е. до XVI в.) содержать в своей структуре [й] (или его замены) из исконной флексии *-ьіѫ, что обеспечивало закрытость слога и появление [і] на месте *о и *е. В связи с этим возникает вопрос о последовательности в реализации двух процессов, в результате которых возникли указанные словоформы, а именно: 1) появления на стыке морфем двойных согласных (либо сохранения в той же позиции исконного сочетания "согласный + й") и 2) аналогического выравнивания словоформ Тв. ед. существительных женского рода старых *-ĭ-основ со словоформами Тв. ед. существительных женского рода старых *ā (*jā)-основ.

В данном случае можно допустить, что еще до XVI в., т.е. до времени специфического развития сочетания *Tj < tьj* (давшего по диалектам сочетания *T'T', Š'Š', P'j* и *r'j*) и последовавшим вслед за тем в юго-западных украинских говорах упрощением двойных переднеязычных и шипящих согласных, а в ряде случаев и утратой [й] в сочетаниях *P'j* и *r'j*, сопровождающейся отвердением губных и [р] (ср. в некоторых современных юго-западных украинских говорах формы *крóву, л'убóву, мáм'іру* [Залесский 1980, 64]), в словоформах Тв. ед. существительных женского рода старых *ĭ-основ, испытавших влияние существительных женского рода старых *ā (*jā)-основ, образовались контаминированные флексии типа *+йойу, +йейу* (первый [й] из флексии *-ьіѫ, к которому присоединялись флексии Тв. ед. существительных женского рода *ā (*jā)-основ *ойу, *ейу). Аргументом в пользу возможности такой промежуточной между *ьіѫ и [оў], [еў] стадии развития окончания Тв. ед., реализованного в контаминированной флексии, служат зафиксированные в некоторых русских диалектах следующие формы: например, в смоленских говорах – *нач'jóйу* (Зап., 529 – дер. Малиновка Кардымовского района), *нóч'jóц, лóшъд'jóц* (Зап., 391 – дер. Коробово Тумановского района); *рóжьj* (Зап., 379 – дер. Лосинино Кармановского района); *двéрjoj* (Зап., 382 – дер. Богаево Гжатского района); в вологодских говорах – *óс'ен'jej, дв'éр'joj* (С., 155 – дер. Назариха Кумзерского района); *нóч'jej, гр'éз'joj, óс'ен'joj* (С., 153 – дер. Сергозеро Харовского района). Возможность реального существования промежуточных контаминированных форм подтверждают такие приведенные С.П. Обнорским русские диалектные формы, как *мáтерьёв, осеньеф, нóчьёв, сóльев, грязьёв* [Обнорский 1927, 288], которые и сейчас в своей структуре сохраняют [й] от начального элемента флексии *ьіѫ перед сегментами [еф] (*-еф, -ев*) и [оф] (*-ёв*). Эти сегменты развились фонетическим путем из флексии Тв. ед. существительных женского рода *ā (*jā*)-основ, что и подчеркивает С.П. Обнорский, отмечая, что "последняя разновидность флексии (т.е. *-ев. – Т.П.*) образовалась, очевидно, из *-еи* иллюстрируя таким образом с несомненностью фонетический переход старого *-еіи* в *-еи*" [Обнорский 1927, 288].

Таким образом, можно предположить, что в юго-западных украинских говорах был период, когда в рамках существительных женского рода сосуществовали словоформы Тв. ед. типа *+с'íл'йойу/+с'íл'йейу* (старые *ĭ-основы) и типа *+женóйу, +земл'óйу/+земл'éйу* (старые *ā-, *jā-основы).

Можно также предположить, что еще до преобразования в юго-западных украинских говорах флексий *+ойу, +ейу* в существительных *ā (*jā*)-основ в [оў], [еў] в XVII–XVIII вв. сочетание *tj* (где *t* означает мягкие переднеязычные и шипящие согласные) в существительных *ĭ-основ изменилось в +t't', что также сохраняло закрытую структуру первого слога. В это время в данных говорах могли сосуществовать такие параллельные формы, как например, *+с'íл'л'ойу/+с'íл'л'ейу, +п'íч'ч'ойу/+п'íч'ч'ейу*, с одной стороны, и *+женóйу, +земл'óйу/+землéйу*, с другой.

После сокращения долгих (двойных) согласных в XVI в. гласный [і] из *о и *е сохранился в структуре словоформ, хотя и оказался в открытом слоге, а словоформы Тв. ед. существительных женского рода *ĭ-основ морфологически полностью совпали с однозначными словоформами *ā (*jā*)-основ (т.е. *+с'íл'ойу – +земл'óйу*), и, уже не различаясь между собой, прошли общий и достаточно долгий путь фонетического преобразования флексий *+ойу, +ейу* в [оў], [еў], что подтверждается их полностью совпавшими изоглоссами на территории юго-западных украинских говоров (см. карту).

Что касается современных юго-западных словоформ Тв. ед. существительных женского рода старых *ĭ-основ

с корневыми гласными [о] и [е] типа И. ед. *n'ič, k'iść, s'il'*, но Тв. ед. *nóčew, kostéw, sóləw* (говор с. Чапли); И. ед. *s'il'*, но Тв. ед. *sólew* (говор с. Меженец) и под., то можно высказать следующее предположение: после сокращения геминат завершилось не только аналогическое выравнивание в однозначных словоформах существительных женского рода **ĭ-* и **ā* (**jā*)-основ, о чем шла речь выше, но произошла и унификация вариантов основы (корневой морфемы) в косвенных словоформах одной парадигмы. Основанием для данной унификации может, по-видимому, служить одинаковое слоговое строение основы (корневой морфемы) во всех косвенных словоформах (кроме словоформы В. ед.): структура корневой морфемы в этих косвенных словоформах, в том числе и в Тв. ед., в сочетании с флексией является открытой. Таким образом, словоформы Тв. ед. существительных женского рода старых **ĭ*-основ с корневыми гласными [о] и [е] и с флексиями [еў], [оў] в данных юго-западных украинских говорах прошли в своем развитии на один шаг больше (имеется в виду восстановление [о] и [е]), чем однозначные словоформы с гласным [і] на месте исконных **o* и **e* в других юго-западных украинских говорах.

В связи со сказанным напрашивается следующий вывод.

Исходя из современной ситуации в юго-западных украинских говорах, характеризующейся тем, что словоформы Тв. ед. существительных женского рода III склонения с "восстановленными" [о] и [е] свойственны большему числу говоров и что в некоторых говорах сосуществуют вариативные словоформы Тв. ед. с корневым гласным [і], с одной стороны, и с корневыми гласными [о] и [е], с другой (ср., например, словоформы, зафиксированные в говоре с. Чапли: В. ед. *mát'ir* – Тв. ед. *mát'irew*, но И.-В. *s'il'*, *n'ič*, *k'iść* – Тв. ед. *s'ilew/sólew, nóčew, kóstew*, а также в говоре с. Туровка: И.-В. *s'il'* – Тв. ед. *s'íləw*, но И.-В. *p'ič*, *n'ič* – Тв. ед. *p'íčəw/p'éčəw, n'íčəw/nóčəw*), допустимо, видимо, говорить о данном явлении, свойственном многим современным буковинским, гуцульским, бойковским и закарпатским говорам, а также некоторым центральным и западным покутским и поднестровским говорам, как о живой тенденции, которая в конечном итоге может привести к полной унификации данных субстантивных основ по основе с исконными корневыми гласными [о] и [е] во всех юго-западных украинских говорах.

Интересной, но несколько иной точки зрения на появление флексий [еў], [оў] в словоформах Тв. ед. существительных женского рода III склонения придерживается А.Н. Залесский, что можно заключить из внимательного прочтения его статьи (см. [Залесский 1980, 63–64]). Он считает, что инициатором такого морфологического явления как аналогическое выравнивание Тв. ед. существительных женского рода **ĭ*-основ с Тв. ед. существительных женского рода **ā* (**jā*)-основ является фонетический по своей сути процесс сокращения геминат. Сначала, по его мнению, на месте словоформ Тв. ед. типа *s'íl'l'u, n'íč'č'u, sú*'š'u* в результате сокращения двойных согласных появились словоформы типа *+s'íl'u, +n'íč'u, +sú*'u* с последующей утратой мягкости у шипящих (*+n'íču, +sú*u*). В итоге эти формы совпали по своему морфологическому облику со словоформами В. ед. существительных женского рода **ā* (**ja*)-основ типа *vól'u, zém'l'u, dúšu*, что лишило словоформы Тв. ед. типа *+s'íl'u, +sú*u* их специфической индивидуальности. Именно это и послужило толчком к осуществлению процесса аналогического выравнивания в творительном падеже единственного числа существительных женского рода **ĭ*-основ (от них-то и шла инициатива) с существительными женского рода**ā* (**jā*)-основ.

Из хода рассуждений А.Н. Залесского следует, что, говоря об аналогическом выравнивании флексий в словоформах Тв. ед. существительных женского рода **ĭ*-основ по модели склонения существительных женского рода **ā* (**jā*)-основ, он не разграничивает во времени появление форм типа *sól'ойу, sólейу* в северном ареале юго-западных украинских говоров, с одной стороны, и форм типа *sól'оў, s'íl'оў, sóleў, s'íleў* в южном ареале юго-западных украинских говоров, с другой (см. карту), и считает, по-видимому, возникновение как флексий [ойу], [ейу], так и флексий [оў], [еў] в существительных типа *сіль* единым процессом, характеризующим все юго-западные украинские говоры, входящие в ареал с сокращенными геминатами (т.е. **t'j* > *+t't'* > *t'*) [Залесский 1980, 63–64]. Отсюда скорее всего можно предположить, что в северном ареале юго-западных говоров существительные женского рода **ā* (**jā*)-основ в период сокращения двойных (долгих) мягких согласных имели в Тв. ед. исконные флексии (т.е. *-ойу, -ейу*), в южном же ареале они образовывали словоформы Тв. ед. с флексиями типа 'гласный + [ў/в]'. Следовательно, существительные женского рода **ĭ*-основ восприняли на севере флексии Тв. ед. [ойу], [ейу], а на юге – флексии типа 'гласный + [ў/в]'. Это означает, что появление словоформ Тв. ед. с флексиями [оў], [еў] у существительных женского рода **ā*-основ и у существительных женского рода **ĭ*-основ шло разными путями и в разное время: первые получали флексии [оў], [еў] в результате фонетического преобразования исконных флексий *-ойу, -ейу*, вторые – в результате аналогического выравнивания с **ā* (**jā*)-основами после сокращения геминат.

Однако с такой схемой появления словоформ Тв. ед. типа *sól'оў, s'íl'оў, sóleў, s'íleў*, прямо вытекающей из рассуждений А.Н. Залесского, трудно согласиться, так как полное совпадение этой изоглоссы на территории юго-западных украинских говоров с изоглоссой словоформ Тв. ед. типа *зем'л'óў, земléў* могло бы быть объяснено, скорее всего, одинаковой (как для существительных типа *земля, жена*, так и для существительных типа *сіль, ніч*) судьбой их общей флексии, возникшей на определенном этапе развития и представляющей собой некую переходную стадию преобразования окончаний Тв. ед. во всех существительных женского рода в данных диалектах: эта общая флексия (*+-ойу, +-ейу*, по нашему предположению) в результате фонетических модификаций (а именно падения интервокального [й] и консонантизации заударного [у]) и дала на почве юго-западных украинских говоров флексию Тв. ед. типа 'гласный + [ў/в]' одновременно и в существительных женского рода старых **ā* (**jā*)-основ, и в существительных женского рода старых **ĭ*-основ.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бандровский 1960 – *Бандрівський Д.Г.* Говірки Підбузького району Львівської області. Київ, 1960.

Бевзенко 1969 – *Бевзенко С.П.* Відмінності української діалектної мови на морфологічному рівні // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

Бромлей, Булатова 1972 – *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Булатова 1988 – *Булатова Л.Н.* Различные гипотезы происхождения окончания *-уй* (*ба́буй, де́вкуй*) в свете даных ДАРЯ // ОЛА. Материалы и исследования. 1984. М., 1988.

Ван-Вейк 1923 – Ван-Вейк Н. По поводу славянских форм творительного падежа единственного числа на *-оц, -ov* // Slavia. II. 1. 1923.

Георгиев 1968 – *Георгиев В.И.* Фонематический и морфематический подход к объяснению флексии славянских языков // ВЯ. 1968. N 4.

Дурново 1969 – *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

Залесский 1980 – *Залесский А.М.* Подовжені приголосні у фонологічній і морфологічній системах української мови // Мовознавство, № 6, 1980.

Кобылянский 1928 – *Кобилянський Бр.* Гуцульский говір і його відношення до говору Покуття // Укр. діял. збірник, кн. І. Київ, 1928.

Матвияс 1971 – *Матвіяс І.Г.* Форми іменників ІІІ відмини в українській мови // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

Обнорский 1927 – *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927.

Ощипко 1971 – *Ощипко І.Й.* Система словозміни іменників у бойківському говорі // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

Панькевич 1938 – *Панькевич І.* – Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Прага, 1938.

Попова 1971 – *Попова Т.В.* Вокалізм однієї гуцульської говірки // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

Самойленко 1964 – *Самійленко С.П.* Нариси з історичної морфології української мови. Ч. І. Київ, 1964.

Сологуб 1981 – *Сологуб А.И.* О диалектных формах творительного падежа существительных женского рода // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

Теплова 1987 – *Теплова В.Н.* О склонении существительного *мышь* в говорах русского языка // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.

Шахматов, Крымский 1924 – *Шахматов О., Кримський А.* Нариси з історії української мови. Київ, 1924.

Якобсон 1985 – *Якобсон Р.* Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм) // *Роман Якобсон.* Избранные работы. М., 1985.

КАРТА 8

ФОРМА ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЧИСЛИТЕЛЬНОГО *ДВА*

Современные числительные обнаруживают большое типологическое сходство в пределах не только восточнославянских, но и других славянских языков. Единой и последовательной системы склонения числительные восточнославянских языков не имеют. Стержень системы числительных – простые количественные числительные, относившиеся первоначально к прилагательному и существительному, – частично отражают прежнее склонение либо по типу прилагательных (именных или местоименных), либо по типу существительных. Так, например, числительное *один* склоняется полностью по адъективному типу, согласовываясь с существительным также в роде и числе; числительные *два, три, четыре,* принадлежащие первоначально к разряду прилагательных и склоняющиеся как именные или местоименные прилагательные, объединяются в один тип склонения, в котором различаются падежные формы им.-вин., род.-предл., дат, и твор. п.; числительные *пять, шесть, десять* изменяются по типу существительных III склонения с сокращением падежных форм. Некоторые их падежные флексии совпадают с флексиями числительных *два, три, четыре.* Числительные *сорок, девяносто, сто,* изменяющиеся также по типу склонения существительных, имеют неполную парадигму.

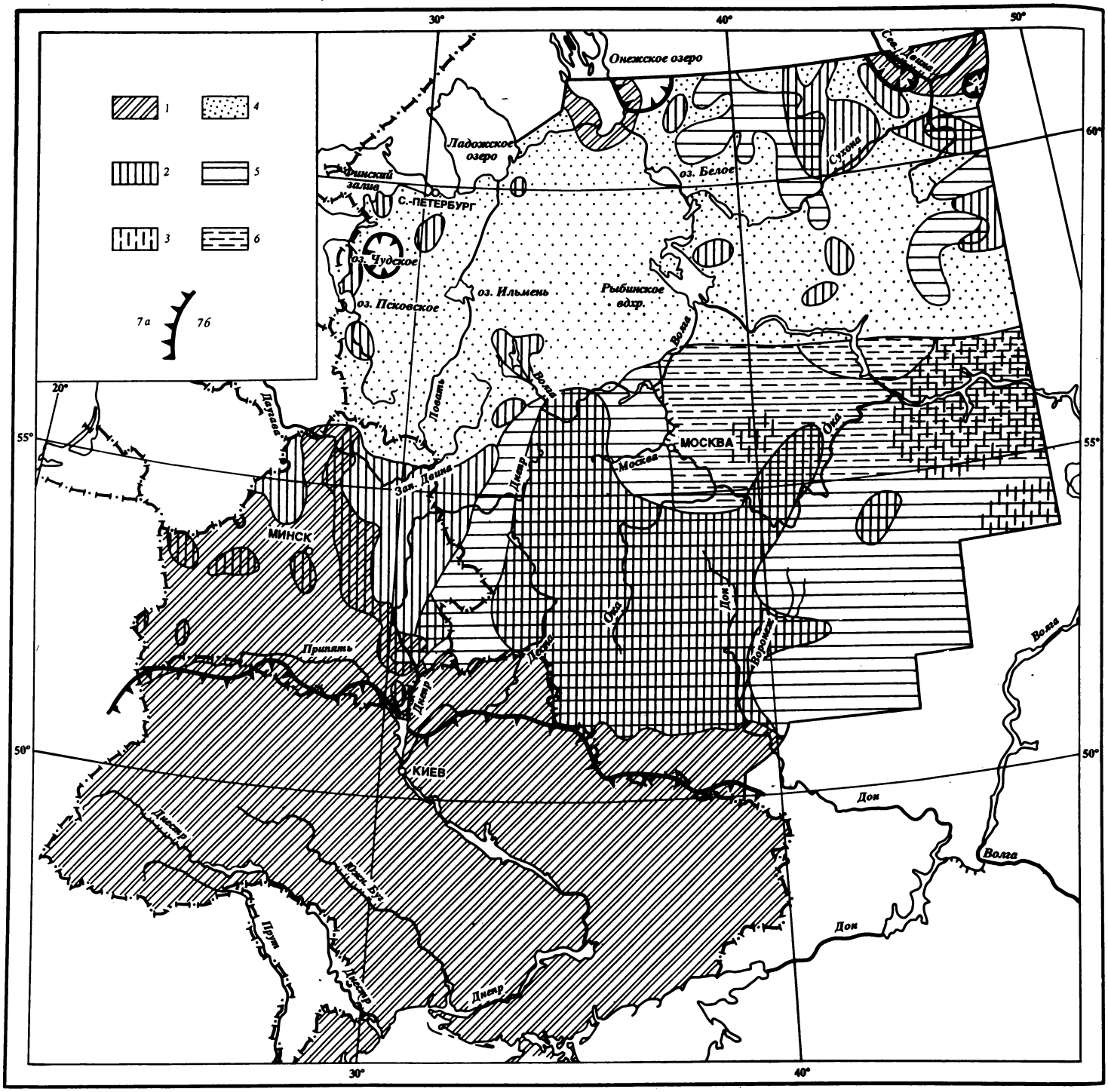
Числительное *два* в восточнославянских говорах сохраняет некоторые следы склонения двойственного числа.

В лингвогеографическом плане большой интерес представляют способы образования формы твор. п. числительного *два.* В современных восточнославянских диалектах эта падежная форма может быть образована от разных основ и оформлена разными флексиями, многие из которых являются прямым продолжением древнерусских форм. Эти территориальные варианты основ и флексий формы творительного падежа числительного *два* и стали объектом картографирования.

Для составления карты использованы опубликованные и архивные материалы атласов белорусского, русского и украинского языков: [ДАБМ, карты 144, 145]; [С.-Зап.], [С., карта 255], [Ю., карта 192], [АУМ 2, карта 226], а также хранящиеся в архиве ответы на вопрос 336 ([Программа, 1949]), относящиеся к тт. 1 и 3 (части 1 и 2).

В современных восточнославянских диалектах отмечены следующие формы творительного падежа числительного *два*: *дву́м'а́, дву́ма́, дву́ми́, двум, дво́ма́, двом* и очень редко: *двумы́* (например, в районе Унечи), *двомы́* (например, в районе Новозыбкова), *двым* (в районе Торопца), *двыма́* (севернее Слуцка), *двима́* и *двема́* (например, в районе Пинска), *двами́* (в районе Севастополя), *двоми́* (например, в некоторых юго-восточных украинских говорах), *дво́м'а́* (например, севернее Вожеги, южнее Костромы). Указанные формы распределены в восточнославянских диалектах следующим образом.

В севернорусских говорах, а также в небольшой части северо-восточных белорусских говоров наиболее распространена форма *двум,* несколько реже, в виде

Карта 8. Форма творительного падежа числительного *два*

Флексии: 1 – *ма*; 2 – *-м'а*; 3 – зона разреженного распространения *-м'а*; 4 – *-м*; 5 – *-ми*; 6 – зона разреженного распространения *-ми*

Основы: 7а – *дво-*; 7б – *дву-*

отдельных островков встречаются формы *двум'á* и *двумí* и на крайнем севере, в районе Каргополя и Сольвычегодска, зафиксированы формы *двомá* и *двом*.

В восточнобелорусских, среднерусских и западной части южнорусских говоров самой распространенной формой является форма *двум'á*; реже, обычно в качестве сосуществующего варианта, употребляется форма *двумí*.

В восточной части среднерусских говоров, а также в центральной и восточной частях южнорусских говоров основным вариантом, возможно, является форма *двумí*, реже отмечается форма *двум'á*[1].

На западе и юге белорусской территории в большинстве говоров зафиксирована форма *двомá* и отмечены отдельные выражения с формами *двум'á, двам'á, двым'á, двамá, двымá, двимá* и *двемá*.

Подавляющее большинство украинских говоров характеризуется формой *двомá*; спорадически, небольшими островками, встречаются формы *двомы́, двомí, двом, двум'á, двумá, двимá, дв'імá* и *двемá*.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показал, что для восточнославянских диалектов большой интерес представляет прежде всего широкий диапазон ф л е к с и й, характеризующих современную диалектную форму твор.п. числительного *два*. Поэтому главной темой карты является выделение ареалов именно по данному признаку.

Что касается о с н о в ы в форме твор.п. числительного *два*, то ее диалектные варианты, которые в современных восточнославянских говорах не представляют большого разнообразия, интепретируются нами при исполнении данной карты как диалектное различие второй степени.

Различные диалектные варианты ф л е к с и й формы твор. п. числительного *два* обозначаются на карте *штриховкой*. Ареалы с различными вариантами о с н о в показаны на карте *изоглоссами*.

Особенностью данной карты является ее некоторая обобщенность. Для выделения ареалов учитывается наиболее распространенный признак, что обусловлено вполне определенной ситуацией: в диалектах исследуемой территории (за исключением, пожалуй, украинских говоров), почти повсеместно наряду с основным вариантом флексии сосуществует и какой-либо другой, менее употребительный. На карте показаны только основные варианты флексий, которым и приписывается роль ареалообразующих. Другие, менее распространенные варианты на данной карте не показаны, так как все они уже были предметом картографирования на соответствующих картах в ДАРЯ, ДАБМ и АУМ.

[1] Следует отметить, что автор располагал очень ограниченным материалом, характеризующим данное явление в говорах восточнее Москвы и в говорах северо-западных территорий России. Это объясняется, вероятнее всего, тем, что Вопрос 102 ("Твор. п. числительных *два, три, четыре*") помещен в [Программа, 1947] под звездочкой, что указывает на его факультативность, т.е. необязятельность (хотя и желательность) приведения ответов. Поэтому на карте показана только з о н а распространения этого явления (дан пунктир). Однако указание на допустимость выделения именно такого ареала основано на показаниях отдельных населенных пунктов, расположенных в этом ареале (см. карты 113 и 128 в [Вост., 1957], и карты 41 и 51 в [ДАРЯ, II], которые не противоречат такому решению).

В современных восточнославянских говорах функционируют следующие флексии твор.п. числительного *два*: *-ма, -м'а, -м, -ми, -мы*.

По наличию той или иной флексии весь восточнославянский континуум делится на четыре основные группы: 1) флексия *-ма* – украинские говоры и часть белорусских говоров (в основном на запад от р. Березины); 2) флексия *-м'а*, которая является одной из самых распространенных и продуктивных флексий формы твор.п. числительного *два* на территории русских и белорусских говоров. Компактный ареал, образованный этой флексией, выделяется лишь на востоке Белоруссии и захватывает прилегающую часть русской территории. Кроме того, флексия *-м'а*, в качестве сосуществующего варианта, употребляется, фактически, повсеместно в остальных русских и белорусских говорах, не образуя, однако, больших и компактных ареалов; 3) флексия *-м*, совпадающая с флексией дат.п., – это главным образом севернорусские говоры (совпадение флексий дат. и твор. п. наблюдается здесь и в склонении существительных и прилагательных [Русская диалектология, 1989, 94], карты 41, 5 в [ДАРЯ, 1989]) и небольшая часть белорусских (на северо-восток от Полоцка и Витебска), а также единичные украинские говоры, соседствующие с русскими и белорусскими; 4) флексия *-ми*, распространенная в основном с средне- и южнорусских говорах (часто параллельно с *-м'а*) и в некоторых белорусских говорах бассейна р. Сож, а также в отдельных говорах центральной, южной и северной Белоруссии, где она функционирует наряду с другими флексиями; что касается украинских говоров, то эта флексия наблюдается спорадически в севернослобожанских говорах юго-восточного наречия и восточнополесских северного наречия. Отмечена также флексия *-мы*, которая имеет сравнительно небольшой ареал, охватывающий часть белорусских говоров (в основном, в бассейне р. Сож) и русские говоры (на запад от Брянска и Трубчевска, а также в районе Рыльска), спорадически встречается в украинских говорах (лемковских, поднестровских, гуцульских, западнополесских и восточнополесских). На карте эта флексия не показана.

На уровне о с н о в современные восточнославянские говоры делятся на две основные группы: 1) с основой *дво-* и 2) с основой *дву-*. П е р в а я г р у п п а – это в основном украинские говоры и небольшая часть белорусских говоров, соседствующих с ними, а также некоторые русские, соседствующие с украинскими и белорусскими. Спорадически основа *дво-* фиксируется в севернорусских говорах. В т о р а я г р у п п а – это в основном русские говоры и значительная часть белорусских. В украинских говорах основа *дву-* выступает небольшими вкраплениями на фоне основы *дво-*. В ряде случаев основа *дву-* могла возникнуть в результате нейтрализации оппозиции /о/ ~ /у/ в безударных слогах (см. [АУМ, II карты 2, 55]).

Обе эти основы функционировали, как известно, еще в языке древнерусского периода. Первая восходит к основе **дъво-** в форме твор.п. **дъвома**, вторая – к основе **дъвѫ-**, выступавшей сначала в форме род.-предл. п., а позже распространившаяся и на другие косвенные падежи [Історія, 1978, 221; Янковский, 1983, 174; Борковский, Кузнецов, 1963, 243–244; Горшкова, Хабургаев, 1981, 273–274].

В части украинских говоров, в основном восточнополесских, для которых характерно "аканье", то есть нейтрализация оппозиции /о/~/а/ в безударных слогах (см. [АУМ, 1, карты 2 и 71]), основа *дво-* функционирует в варианте *два-*, но выступает он здесь непоследовательно.

В белорусских же говорах, которым свойственно "аканье" (см. [ДАБМ, карта 2]), основа *два-* фиксируется лишь изредка на фоне ареала с *дву-*.

В языке древнерусского периода первоначально числительное *два* в твор.п. и дат.п. имело форму двойственного числа местоименного типа склонения **дъвѣма**. Развитием ее являются современные формы в украинских и белорусских говорах *двима́, дв'има́, дв'ема́*, которые отмечаются в некоторых западнополесских и реже в восточнополесских говорах, а также в ряде юго-западных белорусских говоров, то есть в говорах, где рефлексами **ѣ* выступают [и], [і] и [е] (см. [ДАБМ, карта 6; АУМ 2, карта 13; ОЛА, рефлексы **ѣ*, 1988]).

Таким образом, противопоставление на уровне основ сводится к противопоставлению более древних основ твор. п. **дъво-** и **дъвѣ-** и более поздней основы *дву-* (<**дъвѫ-**). Продолжением первых двух являются основы *дво-* и *дви-* (*дв'і-, дв'е-*), функционирующие в основном в украинских говорах; продолжением **дъвѫ-** является основа *дву-*, распространенная главным образом в русских и белорусских говорах.

Исходя из всего изложенного, мы, как об этом уже говорилось, сочли целесообразным картографировать флексию и основу разъединенно, но на одной карте, а не на двух картах, как в ДАБМ[2].

Ударение числительного в форме твор.п. не картографировалось, так как в большинстве восточнославянских говоров оно является флективным (*двум'а́, двома́, двума́, двыма́* и др.), хотя в части белорусских говоров (в основном в говорах на восток от р. Днепр и в говорах на юг от р. Ясельда) и в части русских говоров (в виде отдельных островков, преимущественно в говорах северной и юго-западной России) отмечено ударение на основе или параллельное функционирование обоих типов ударения (*дву́м'а, дво́м'а, дву́ми́, дву́ма́* и др.) (подробнее об этом см. [ДАБМ, карта 144 и комментарий к ней; архив ДАРЯ]).

В украинских говорах безударная флексия встречается лишь в отдельных западнополесских говорах и говорах юго-западного наречия в пределах ареала парокситонического ударения (см. [АУМ 2, карта 134]).

Не картографировались также отмеченные в некоторых русских говорах (северного и южного наречия) основы с мягким *в* (*двёмя, двём, двюмя, двюм*), являющимся показателем женского рода [Русская диалектология, 1964, 135].

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Борковский, Кузнецов 1963 – *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Горшкова, Хабургаев, 1981 – *Горшкова К.В., Хабургаев Г.К.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Історія, 1978 – Історія української мови. Морфологія. Київ, 1978.

Русская диалектология, 1965 – Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1965.

Русская диалектология, 1989 – Русская диалектология / Отв. ред. Л.Л. Касаткин, М., 1989.

Янковский, 1983 – *Янкоўскі Ф.* Гістарычная граматыка беларускай мовы. Мінск, 1983.

[2] Разъединенному картографированию основ и флексий числительного *два* в форме твор. п. способствовали также карты ДАБМ: на гласный основы (144) и на флексию (145). Данные этих двух карт очень трудно совместить на одной карте, потому что легенды обеих карт несопоставимы. Например, на карте 144 в пунктах 121, 125 стоит знак черного цвета, обозначающего *двыма́*, на карте 145 в этих же пунктах стоят желтые треугольники, обозначающие *двум*; в п. 1 на карте 144 поставлен зеленый знак, обозначающий форму *двама́*, на карте 145 в этом же пункте стоит знак красного цвета, который обозначает форму *двума* и т.д.; т.е. на карте, где картографируется гласный основы, флексия дана обобщенно в варианте *-ма*, на карте же, посвященной флексии, дана одна обобщенная основа *дву-*. Следовательно, в каждом отдельном пункте на объединенной карте надо было бы комбинировать данные этих двух карт и реконструировать то, что есть на самом деле, а это не всегда возможно: в ряде случаев указана только флексия и не указана основа (например, в нас.п. 911, 920, 938, 939, 942, 943 и др. на карте 144 отсутствуют какие-либо знаки, а на карте 145 в этих же пунктах стоит по одному или по два знака, обозначающих разные флексии). Как их совместить и установить, какая основа в твор.п. этого числительного? Еще пример, когда, наоборот, стоят знаки на карте 144 (ср. нас.п. 147, 188, 236, 256, 289, 342, 349, 387, 592 и др.), отсутствуют знаки в этих же пунктах на карте 145.

КАРТА 9

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ВОКАТИВА

О ПОДХОДЕ К МАТЕРИАЛУ И ТЕРМИНАХ

В любом языке существует необходимость выразить **обращение** одного из партнеров коммуникации к другому. Обращение – одно из проявлений категории апеллятивности в языке (призывной функции языка, по А.И. Исаченко).

Обращение может выражаться разными средствами: морфологическими, особенно если в языковой системе есть специальные формы вокатива (звательного падежа); если же эти средства отсутствуют и в вокативной функции употребляется именительный падеж, то возможно, что в таких языковых системах большая роль принадлежит различным неморфологическим средствам.

Восточнославянский языковой ландшафт включает в себя диалектные системы двух названных выше противоположных типов, а также диалектные системы, представляющие собой разные стадии перехода от первого типа ко второму.

Целью работы является лингвогеографическое описание способов выражения вокатива в восточнославянских говорах.

Под основным способом выражения вокатива обычно понимается морфологический, средства которого описываются в разделе морфологии. Большую часть нашего материала также составляет морфологический способ выражения вокатива (такие средства, как словоформы, являющиеся остатками старого звательного падежа, вокативные словоформы-новообразования или же употребление именительного падежа в вокативной функции). Однако в статье эти словоформы описаны лишь как **один из способов выражения вокатива.** Характер материала таков, что представляется не только допустимым, но и нужным начать с многоаспектного, функционального подхода к описанию материала.

Следует сразу же подчеркнуть, что идея функционального подхода в данной работе проявляется лишь в определенном отборе и организации матерала. Не ограничиваясь и не занимаясь детально описанием морфологических средств выражения вокатива (они являются основными, но будут описаны в отдельной работе), мы включаем в описание просодические, лексические средства и повторы. При этом надо сказать, что наш материал и недостаточен для функционального исследования в современном понимании[1], так как собран для экстенсивного обследования говоров. С другой стороны, очевидно то, что диалектный материал по вокативу, прежде всего материал русских говоров, – разнообразный по представленности средств разных языковых уровней, богатый количественно и лекси-чески, – требует сделать хотя бы первый шаг на пути его функционального рассмотрения; традиционное, морфологическое его описание страдало бы односторонностью и неполнотой.

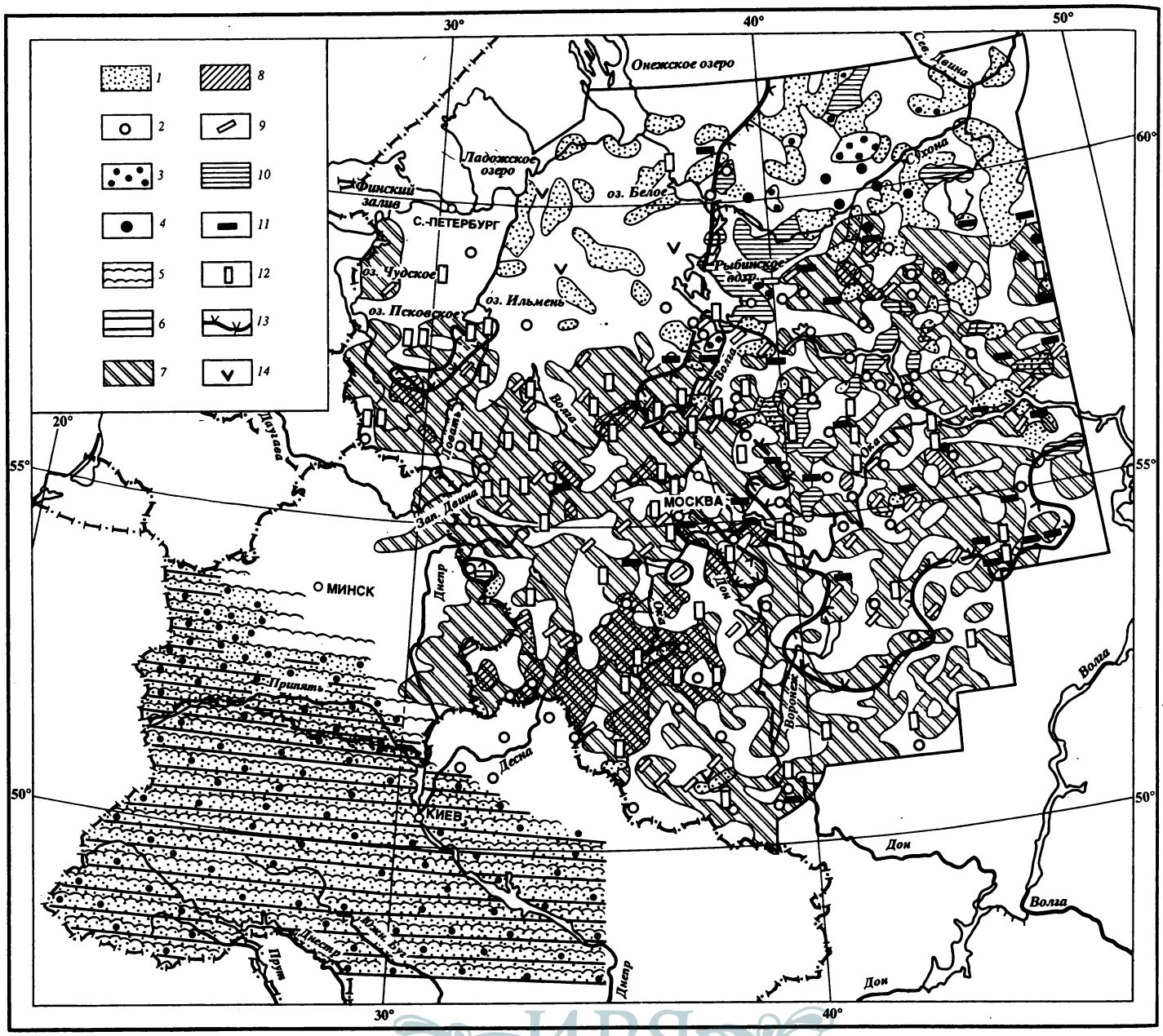
В статье используются термины **вокатив, звательный падеж, звательная форма.** В лингвистической литературе эти термины, а также соответствующие им бел. **клічны склон, клічная форма** и укр. **кличный відмінок, клична форма, вокатив** – обозначают, вообще говоря, одно и то же языковое явление – специальные формы соответствующего падежа. Однако в каждой конкретной работе, как правило, используется какой-то один из этих терминов. Причины такого предпочтения связаны, как кажется, с материалом и задачами исследования (термины **звательная форма** : **звательный падеж** отражают разный статус явления в языковой системе или же разное осмысление одного и того же явления, разную интерпретацию статуса этих форм, ср. [Хабургаев, 1974; Шахматов, 1957]; термин **вокатив** в лингвистической литературе на русском языке, как правило, употребляется, когда описываются типологически различающиеся языковые системы с разным статусом этого явления [Володин 1974] или когда затрагиваются вопросы общей теории падежа ([Клобуков 1984; Он же 1986; Он же 1988]).

Материал и задачи данной статьи таковы, что целесообразно использовать все три термина. Уточним их употребление. Термин **звательная форма** используется применительно ко всем особым, не равным именительному падежу, словоформам вокатива в восточнославянских говорах. Среди **звательных форм** выделяются **формы старого звательного падежа,** впрямую соотносимые со **звательным падежом** старославянского языка. Таким образом, термин **звательный падеж** употребляется применительно к древнему языку, старославянскому. Термин **вокатив** употребляется традиционно: для обозначения падежа; при этом в статье речь идет и о **значении вокатива** – ином, более широком понятии. В то же время термин **вокатив** у́же термина **обращение,** относящегося к синтаксису, – мы не располагаем материалом для описания названных явлений на синтаксическом уровне.

О ВЗГЛЯДАХ НА СТАТУС ВОКАТИВА

Точки зрения на статус вокатива издавна различались, причем, не только на такие вопросы, как включение в грамматическое описание новообразований типа *Ма́ш*! в русском языке или остатков старых форм звательного падежа типа *дру́жа*! в белорусском языке, но и на вопрос о месте вокатива в падежной системе – в тех языках, где старый звательный падеж хорошо

[1] Если говорить о современных функциональных исследованиях, то наш подход к материалу ориентирован на идею функционально-семантического поля [Бондарко 1971; Теория 1987; 1990; 1991], и в еще большей степени – на идею разного соотношения средств при выражении того или иного значения, разработываемую Е.А. Брызгуновой [Грамматика 1980; Брызгунова 1982], а также в диссертационных работах, выполненных под руководством Е.А. Брызгуновой (авторы В.И.Труфанова, М.Г. Гуськова (Безяева) Гарсия Риверон , (Нгуен Тхань Лам и др., – всего около тридцати диссертаций).

Карта 9. Средства выражения значения вокатива

I. Формы старого звательного падежа от существительных I склонения (на *-*ā*): 1 – с окончанием *-о*: русск. *ма́мо! Ли́до! Та́нё! Ко́лё*! и т.п.; бел. и укр. – (см. комментарий); 2 – **то же** в единичных нас. п.; 3 – **с окончанием *-у***: русск. *ма́му! Ли́ду! Та́ню! Ко́лю*! и т.п.; бел. и укр. – (см. комментарий); 4 – **с окончанием *-е***: русск. *Ка́те! Ню́ше*! (см. комментарий); бел. и укр. – см. комментарий

II. Формы старого звательного падежа от существительных 2 склонения (на *-*ŏ*): 5 – **с окончанием *-е***: бел. *сы́не! бра́це(а)!* и т.п.; укр. *Ива́не! Степа́не!* и т.п. (см. комментарий); 6 – **с окончанием *-у***: бел. *бра́ту!* и т .п.; укр. *Па́влу* (от *Павло́*), *Заха́рку*! (от *Заха́рко*) и т.п.; русск. един. *сынку* С.

III. Новообразования от существительных 1, реже – II склонений, а также другие способы выражения вокатива: 7 – **усеченные новообразования с отпадением только вокального элемента (окончания)**: русск. *ма́м! Ли́д!* (*Ли́т*!), *Та́нь! Ко́ль!* и т.п. *ма́мк! Ли́дк! Та́ньк! Ко́льк!* и т.п.: *бабушк! дедушк!* и др. бел. и укр. – см. комментарий; 8 – **усеченные новообразования с отпадением вокального и консонантного элементов (относящихся к окончанию и исходу основы)**: русск. *ма́! па́! де́! ба́!* и др.; *ба́буш! де́душ!* и др. *Иль!* (от *Илья́*), *Ива́!* (от *Ива́н*), *Авдо́ть!* (от *Авдо́тья*) и др.; бел. и укр. (см. комментарий); 9 – то же в единичных нас. п.; 10 – **дифтонгическое продление гласного в окончании существительных 1 склонения:** русск. *мамаў! (мамаў!) мамоў! (мамоў!) мамай! мамой! мамэй* и т.п. *Лидаў! Лидэй! Лидой!* и т.п. *Таняў! Танёў! Таней!* и т.п. *Коляў! Колёў! Колей! Коляй*! и т.п. бел. и ук. – (см. комментарий, в том числе об ударении в этих формах); 11 – то же в единичных нас. п.; 12 – **повторы**: русск.: 1) *Ма́ш, а Ма́ш*! и т.п. *ма́м, а ма́м*! и т.п. 2) *Ма́ша, Ма́ш*! и т.п. *ма́м, ма́м*! и т.п. 3) *Ма́ша, Ма́ш*! и т.п. *ма́ма, ма́м*! и т.п. 4) *Ма́ш, Ма́ша*! и т.п. *ма́м, ма́ма*! и т.п. бел. – см. комментарий; укр. *Та́нё, о Та́нё*! и др., *Танё, Танё*! и др. (см. комментарий); 13 – **продление гласного основы или окончания (в разных формах вокатива и в Им.п., употребленном в функции вокатива, – см. комментарий)**: русск. *мамо-о*! и т.п., *Лидо-о*! и т.п., *Танё-о*! и т.п., *Таню-у*! и т.п., *ма-ам*! и т.п. *Ли-ид*! и т.п., *Та-ань*! и т.п.; *мама-а*! и т.п., *Лида-а*! и т.п., *ма-ама-а*! и т.п. *Ли-ида-а*! и т.п., бел. и укр. (см. комментарий, в том числе об ударении в этих формах); 14 – то же в единичных нас.п.

www.ruslang.ru

сохранился. Характерно, пишет Е.А. Клобуков, что в **практических грамматиках** древних языков, например старославянского, вокатив трактуется в рамках категории падежа, но при его **теоретическом** рассмотрении, как правило, подчеркивается несостоятельность вокатива по сравнению с другими падежами [Клобуков 1984, 52]. Отражение этого двойственного взгляда на вокатив в лингвистике находим в грамматиках чешского языка для русских [Широкова 1952, 37; Широкова и др. 1990, 75–77], где употребляются термины **Vokativ** звательный падеж) и **звательная форма** по отношению к одним и тем же явлениям, что связано, вероятно, с различными традициями описания вокатива в чешской и русской лингвистике. Обратим внимание, что эта отразившаяся в терминологии двойственность наблюдается даже по отношению к чешскому языку – одному из немногих, в грамматической традиции которого вокатив включается в парадигмы всех типов существительных (в виде особых форм или формы, равной именительному падежу), – в отличие от старославянского [Хабургаев 1974], древнерусского [Якубинский 1953; Хабургаев 1990].

Смена взглядов на вокатив, представленная кратко, выглядит как "спор", растянувшийся на десятилетия (в прямом смысле слова это лишь иногда являлось полемикой):

1) **вокатив – это падеж, но особый,** прежде всего, не имеющий грамматической связи с другими словами в предложении, а также образующийся не от всех семантических групп существительных [Шахматов 1957; Якубинский 1965; Курилович 1962].

2) **вокатив не является падежом** [Фортунатов 1957; Кузнецов 1953; Исаченко 1965].

3) **вокатив может считаться падежом** с не меньшими основаниями, чем другие падежи, – если подходить не с точки зрения формы, а с точки зрения **значения** [Володин 1974]; при условии включения в падежную семантику модальных значений [Клобуков 1988]; см. в указанных работах А.П. Володина и Е.В. Клобукова подробный анализ разных взглядов на вокатив.

Решение вопроса о статусе вокатива зависит от материала, на котором работает исследователь (языки с богатой или бедной морфологией, как пишет А.П. Володин), от лингвистической школы, метода. В последние годы отмечается интерес к вокативу и отход от точки зрения, исключающей его из состава падежей (функциональная грамматика заставляет по-новому взглянуть на категорию падежа – см. анализ этих идей и литературы [Клобуков 1986[1]; Он же 1986[2]; Он же 1984]). Похожий подход к вокативу можно найти и в более ранних работах. Так, А.П. Володин отмечал, что при описании малоизвестных языков различного строя нужна другая [отличающаяся от традиционной. – *Н.Г.*] теория падежа [Володин 1974]. "Категория вокатива представляется нам универсальной. Нет языков без вокатива, как нет языков без императива. Другое дело, что в одних языках вокатив получает внешнее морфологическое выражение, а в других – нет. Это вопрос формы. Таким образом, категория вокатива выделяется исходя из его значения, из семантики" [Там же, 283].

Итак, взгляды на падеж вокатив не являются едиными, что связано со сложностью, неоднозначностью, двойственностью самого вокатива. Но как бы ни трактовался его статус, с каким бы трудом вокатив ни укладывался в рамки традиционной грамматики, он должен включаться в описания. Данная работа является попыткой найти подход к его описанию. Нашей задачей является охват круга разнообразных явлений, связанных с выражением значения вокатива в восточнославянских диалектах. Лингвогеографический характер материала сам по себе ограничивает этот круг явлений, исключая сведения о синтаксической конструкции, интонации и др. Тем не менее, эти явления разнородны, не укладываются в традиционную морфологию. Все это позволяет считать обоснованным функциональный подход к материалу по вокативу, позволяющий охватить при описании средства разных уровней языка. Украинские говоры вобщем более однородны в отношении вокатива, однако русский, белорусский и в целом восточнославянский диалектный материал иной: в большей мере, чем материал других языковых систем, заставляет подходить к описанию вокатива с точки зрения функции, значения, а не формы, – поскольку в пределах этих диалектных континуумов существуют большие различия говоров с точки зрения средств выражения значения вокатива.

ВОКАТИВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

По наличию – отсутствию форм старого звательного падежа восточнославянские говоры, как уже говорилось, дают целый спектр градаций, основные из которых:

1. Хорошо сохранившаяся система флексий старого звательного падежа – украинские и часть белорусских говоров.

2. Остатки старого звательного падежа в виде, как правило, звательных форм только от существительных 1 склонения на *–а,* обозначающих лиц, – такие говоры есть во всех трех восточнославянских языках.

3. Утрата старого звательного падежа, употребление при обращении формы именительного падежа, а также – во многих говорах – усеченных новообразований типа бел. и русск. *Ма́ш*!, *мам*!, укр. *Ива́*! (=*Иван*) – многие бел. и русск. говоры, а также часть укр. говоров.

Поскольку восточнославянские говоры дают столь большой разброс между полюсами наличия и отсутствия старого звательного падежа, то возникает потребность хотя бы в самых общих сведениях о судьбе старого звательного падежа в других славянских языках. Однако вокатив не исследован в сравнительно-славистическом плане. В связи с этим приведем здесь данные о литературных славянских языках, почерпнутые из грамматик [Славянские языки 1977] и не претендующие на полноту, дающие самое общее и схематичное представление о вокативе в славянском мире.

По степени сохранности старого звательного падежа литературные славянские языки можно разделить на три группы:

1. В **чешском, польском, сербохорватском и украинском** языках сохранился старый звательный падеж, в

частности, в этих языках есть особые флексии звательного падежа для всех или почти для всех тех морфологических типов существительных, которые имели особые флексии звательного падежа в старославянском языке. С этими языковыми системами сходны **украинские и южно-белорусские** говоры.

2. а) в **болгарском, македонском, лужицком** литературных языках флексии старого звательного падежа сохранились частично, в отдельных группах существительных. С этими языковыми системами соотносятся **северовосточные русские и часть белорусских** говоров.

б) В **белорусском и, вероятно, словацком** литературных языках сохранились лишь отдельные словоформы старого звательного падежа, причем, употребляются они в особых стилистических условиях.

3. **Русский и словенский** литературные языки утратили старый звательный падеж. Эти языковые системы соотносятся с **южнорусскими** и большой частью **белорусских говоров** – см. карту.

Остановимся подробнее на состоянии вокатива в современных восточнославянских литературных языках. Грамматика современного украинского литературного языка, например [Жовтобрюх 1965], дает следующую систему флексий для четырех типов склонения существительных:

I тип: *сестра́ – сестро*! *товаришка – товаришко*! *Мавра – Мавро*! *Мария – Марие*! для уменьшительных: *Галя – Галю*! *Маруся – Марусю*! *доня – доню*! *матуся – матусю*!

II тип: *професор – професоре*! *Антон – Антоне* ! *син – сину*! *синок – синку*! *читач – читачу*! *секретарь – секретарю*! *Павло́ – Па́вле*!

III тип: *радость – радосте*! *юность – юносте*! – обычно не употребляется, встречается лишь изредка в поэзии.

IV тип: – у существительных ср. рода вокатив равен форме им. падежа.

В современном белорусском литературном языке лишь изредка употребляются отдельные словоформы старого звательного падежа от существительных муж. рода: *друг – дружа*! *брат – браце*! Подобные словоформы описываются в грамматиках белорусского литературного языка по-разному: как особая звательная форма (клічная форма) – в замечаниях к морфологическому разделу, но она не включается в парадигмы существительных [Курс сучасной... 1957, 32]; или же в синтаксическом разделе – как особая звательная форма, являющаяся средством выражения обращения [Кривицкий и др. 1973, 202].

О МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ

Цель статьи – описание восточнославянского лингвогеографического материала по вокативу. О вокативе в восточнославянских диалектах многое известно, но не существует целостной картины его распространения – ни специальных зв. форм, ни, тем более, других средств вокатива – в пределах восточнославянского языкового континуума, есть лишь приблизительное представление об этом, подкрепленное данными о фрагментах восточнославянской территории (атласы отдельных регионов, исследования некоторых говоров).

Материал современных восточнославянских говоров по вокативу представляет интерес прежде всего потому, что с ним связаны четкие территориальные различия. Кроме того, материал говоров может оказаться полезным и в историческом плане. Принято считать, что звательный падеж был свойствен всей восточнославянской языковой области, но уже в древности начался процесс его утраты, который шел неравномерно [Филин 1972; 384–390]. Это утверждение может быть подвергнуто сомнению, в свете последних археологических и лингвистических данных [Николаев 1994].

Карты по звательным формам не представлены ни в русском, ни в украинском диалектологических атласах, и лишь в белорусском атласе отражен материал по звательным формам от существительных I и II склонений, однако практически без комментариев к картам, отражающим это сложное явление [ДАБМ карты 93–94]. Существует и более полная картина вокатива в белорусском языке [Нарысы 1964, 152–154].

В Программе, составленной для русских говоров, вопрос № 79 посвящен звательным формам, но этот большой материал не картографирован в ДАРЯ и лишь частично отражен в статьях [Чумакова 1964; Голубева 1987]. Украинская Программа вопроса о вокативе не включала.

Для статьи и карты использован следующий материал: по белорусским говорам – карты 93–94 ДАБМ, карта 9 [Нарысы 1964, 153] и картотека ОЛА[2], которая, однако, содержит мало материала; по русским говорам – картотека ДАРЯ по вопросу 79; по украинским говорам – картотека ОЛА по вопросам 2901 и 2902, [Назарова 1985, карта 51].

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ВОКАТИВА

Как уже говорилось, в статье рассматриваются **разные способы** выражения значения вокатива, а не только морфологический способ. Эти разные способы гораздо шире представлены в материалах **русских** говоров по сравнению с украинскими и белорусскими (не лишено оснований предположение о том, что эти разные способы и развиты больше в русских говорах). В связи с этим в данной статье на первом плане рассмотрения оказался материал русских говоров, а материал украинских и белорусских дан на карте и в статье – комментарии к карте – **обобщенно, как фон.**

Что касается украинского и белорусского материала, то его целесообразнее подробно рассмотреть в отдельной работе, где будут сопоставлены прежде всего

[2] Автор благодарен отделу диалектологии Института украинского языка АН Украины (Киев) и отделу диалектологии Института языкознания им. Я. Коласа АН Белорусии за предоставление этих картотек и разрешение использовать их в работе.

морфологические средства выражения вокатива в восточнославянских говорах. При обобщенном рассмотрении всех средств, в том числе морфологического способа во всех трех языках, как это делается в данной работе, очень трудно показать на карте всю сложность соотношения словоформ вокатива в разных зонах восточнославянской языковой области.

По указанным выше причинам украинские говоры даны на карте как сплошная зона распространения звательных форм от существительных 1 и 2 склонений, за исключением северо-восточных украинских говоров, где старый звательный падеж почти не сохранился, как и в южнорусских говорах [Назарова 1985]. При этом нельзя сказать, что основной массив украинских говоров вполнѐ однороден с точки зрения звательных форм. Украинские материалы ОЛА и исследования отдельных украинских говоров показывают, что говоры этой части восточнославянской территории, с одной стороны, сходны – хорошей сохранностью форм старого звательного падежа; с другой стороны, они различаются.

Сходство этих говоров состоит в том, что звательные формы образуются от существительных как I, так и II склонения (ср.: в северовосточных русских говорах у существительных II склонения в звательной функции выступает форма именительного падежа); нередко существуют специальные окончания для твердой и мягкой разновидности этих склонений, а также специальные флексии для некоторых видов уменьшительных существительных. Материалы ОЛА позволяют предположить, что различаются украинские говоры следующим: 1) распределением окончаний между названными группами существительных – окончание *-у* в одних говорах для мягкой разновидности склонения на *-а*, в других говорах – для уменьшительных вариантов имени лица, в третьих, как кажется, для тех и других; 2) однотипным или вариативным распределением окончаний между группами существительных; 3) большей или меньшей разветвленностью разновидностей звательных форм – в одних говорах уменьшительные варианты имени получают специальную флексию, в других – нет. Все эти различия не показаны на карте.

Белорусский материал по звательным формам рекартографирован из указанных выше источников.

Материал русских говоров для темы статьи является основным и показан более подробно, чем белорусский и украинский. Причины этого в следующем. В материалах по белорусским и украинским говорам, имеющихся в нашем распоряжении, представлены прежде всего морфологические средства вокатива – формы старого звательного падежа, реже – новообразования типа *Маш*! и лишь единичные примеры средств вокатива других уровней – повторы, продление гласного, лексические средства. Для русских же говоров этот материал является массовым.

Разный подход при картографировании к русскому, с одной стороны, и к белорусскому и украинскому материалу, – с другой, связан и с тем, что, словоформы типа *ма́мо*! и *Ка́тю*! в русских и украинских говорах не вполне сопоставимы, строго говоря, их нельзя показывать одним знаком. При внешнем сходстве они занимают разное место в системах русских говоров и в системах украинских говоров. Словоформы украинских говоров на *-о* и на *-у* от существительных I склонения, как правило, сосуществуют в одном говоре и каким-то образом распределяются между морфологическими разновидностями существительных; соответствующие словоформы русских говоров редко сосуществуют в одном говоре, а если и сосуществуют, то связаны дистрибутивными отношениями другого плана: формы на *-у* употребляются в особых случаях – при настойчивом зове, при зове на расстоянии. Подобные разноплановые диалектные различия можно показать только на специальной карте.

Окончание *-е* не очень распространено в звательных формах от существительных I склонения. Для русской территории эти единичные говоры показаны специальным знаком, соответствующий украинский материал не показан; в белорусских материалах подобных словоформ не отмечено.

Материал ДАРЯ по усеченным новообразованиям типа *Маш*! описан ранее [Голубева 1987]. Что касается восточнославянской картины их распространения, то следует добавить, что, во-первых, они, безусловно, в большей степени свойственны центральным русским и восточным белорусским говорам и в гораздо меньшей степени свойственны украинским говорам (в имеющихся материалах отмечаются единично). Во-вторых, если говорить о **разновидностях** усеченных звательных форм, то в русских говорах более широкое распространение получили усеченные новообразования типа *Маш*! – с усечением гласного окончания, но есть также и небольшие компактные ареалы другой разновидности усеченных новообразований – типа *па*! *ма*! *де*!, реже *Ива*! *Авдо́ть*! *Иль*! (Иван, Авдотья, Илья) – юго-западные русские говоры. Что же касается украинских говоров, то в них ни та, ни другая разновидность усечения не дают территории; они единичны и на карте не показаны. При этом усечения типа *Ива*! (от собственных имен) в украинских говорах отмечаются чаще, чем в русских.

Материал продления гласного в звательных формах и повторы ниже приведены более подробно. Кроме дифтонгического продления гласного окончания, в русских говорах отмечены другие виды продления, типа *ма-ама*. Их картографирование показало, что говоры с разного рода продлением рассеяны по восточной и северо-восточной части русских говоров. Эта зона показана изоглоссой, знаком единичности показаны говоры за пределами изоглоссы, где есть формы с продлением гласного.

ЗВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ С ПРОДЛЕНИЕМ ГЛАСНЫХ

Приводимый под этим заголовком материал полевых записей может отражать разные просодические явления, однако этот аспект материала может быть исследован только в специальной работе. Примеры даются в упрощенной записи: вместо знака' употребляются буквы *е, ё, ю, я*, знаки, обозначающие ⟨j⟩, заменены буквой *й*. Вместо диакритического знака долготы гласного, используемого собирателями, здесь дается двойной знак гласного: [а–] → а-а, [у –] → [ю-у], [а–] → → [я-а].

Отдавая себе отчет в том, что удлинение гласных при обращении может отражать специфику фразовой интонации говора, используемой при обращении, мы все же даем этот материал в статье о звательной форме, так как в этом случае просодия тесно переплетена с морфологией.

Как уже говорилось, на северо-востоке и востоке русских говоров отмечаются звательные формы типа: *ма́мау͡, ма́моу, ма́мо͡й, ма́мой, ма́мэй, Ка́тькоу͡, Ва́ней* и т.п. В материалах украинских говоров подобных примеров не приводится, в белорусских материалах 2 примера приведены в нас. п. ОЛА–346.

Происхождение этих форм остается неясным. Назовем их условно формами с продлением гласного.

Вероятнее всего, такие словоформы возникли в результате увеличения длительности флективного гласного звательной формы *-а* (в случаях употребления им. падежа в функции вокатива), *-о, -у, -е*; в пользу такого предположения говорят несколько фактов. Во-первых, форм с продлением не отмечено от существительных типа *Иван*, употребляющихся в русских говорах в функции вокатива с нулевым окончанием, как и в им. падеже. Во-вторых, формы с дифтонгическим продленем отмечены на той же территории, где отмечаются звательные формы с недифтонгическим продлением (*ма-ама-а*). В некоторых восточных говорах отмечаются как формы с дифтонгическим, так и формы с обычным продлением: Вост. 1, 7, 38, 39, 83, 214, 292, 296, 317, 329, 401, 478, 618. Кроме этого, в пользу просодических причин происхождения этих словоформ говорят и однотипные пояснения собирателей, относящиеся и к формам с дифтонгическим продлением, и к формам с обычным продлением гласного; эти пояснения сводятся к тому, что те и другие формы употребляются при зове на расстоянии, при громком зове, когда будят человека. Такие замечания приведены: С. 4, 856, 860, 1070, 1370; Зап. 708; Вост. 2, 7, 54, 68, 93, 204, 272, 496, 870.

Однако нельзя исключить возможность того, что среди этого материала, в массе своей фонетического происхождения, есть другая часть, внешне совпадающая, но возникшая иным путем – в результате слияния вокативных междометий с флексией звательной формы, ср. единичные замечания собирателей, относящиеся к восточным говорам: Вост. 292 "Наряду с им. падежом [при обращении] употребляются *Валю́, Клавдёу͡*. Элемент *-у́, -а́у, -о́у* обычно растягивается, в его основе – междометие, сливающееся с конечным гласным имени", Вост. 321 "*ма́мо́у, ма́ма́у* – слитно с междометием типа "*ау*". В этой связи нельзя оставить без внимания и такие способы графической передачи звательных форм, как *Шу́рк-е́й, То́ньк-еЎй* Вост. 115, 303, 308, С. 1341; перенос ударения типа *Оришкэ́й, Варькэ́й* Вост. 89, многочисленные случаи двойного ударения в звательных формах с дифтонгическим продлением, типа *Ва́рькеЎй, Та́неЎй* Вост. 2, 215, 321, 327, 328, 332, 493, 498, 778, 782, 872.

Все эти словоформы не предусмотрены вопросом Программы, характеризуются различиями в оттенках гласных, записаны собирателями разной квалификации, которые могли использовать разные способы транскрибирования для однотипных явлений. Материал (особенно на Вост., а северо-восток более однороден) во многих отношениях разнороден и требует специального исследования, в том числе детального фонетического описания. И в то же время есть основания объединить весь этот материал в данной главе.

Свою задачу мы видим в том, чтобы перечислить те явления, которые отмечены в материалах ДАРЯ. Возможно это послужит прогнозом для дальнейших поисков.

Формы типа *Ваня-а, мама-а* и т.п. (данные здесь и ниже формы с продлением в материалах часто приводятся без ударения; ударение может быть обычным – *Ва́нё-о*, перенесенным на др. слог – *Ваню́Ў*, двойным – *Ни́ну́* и *Ни́ну̀*; эти варианты в статье не описываются, типы форм даются без ударения) С.61, 135, 202, 268, 327, 895, 991, 669, 1036, 1037, 1042, 1045, 1118, 1229, 1231, 1236, 1448, 1456; Вост. 7, 38, 39, 79, 83, 93, 126, 135, 136, 138, 215, 399, 401, 429, 455, 486, 581.

Формы типа *ма-ам, Пе-еть, Ве-ерк, Ни-ин* и т.п. С-Зап. 153, 169, 172, 173, 214, 225, 242, 244, 245, 255, 251, 257, 229, С. 208, 534, 630, 632, 1019, 1079, 1052, 1159, 1161, 1175, 1176, 1231, 1233; Зап. 247, 657, 658, 732, 663, 731; Вост. 3, 39, 90, 132, 203, 429, 348, 497, 506, 529, 539, 517, 556, 558, 566, 574, 591, 691, 698, 702, 703, 708, 731, 761, 778, 810, 868, 904, 938; Ю. 564, 567, 573, 626, 627, 672, 685.

Формы типа *ма-а, ба-а*: С. 461, 573, 877, Зап. 160, Вост. 508, 509, 516, 519, 551, 542, 553, 554.

Формы типа *Ване-о, мамо-о, Кате-о* и т.п.: С. 48, 63, 268, 636, 405, 471, 691, 729, 760, 805, 816, 823, 860, 895, 896, 958, 907, 1000, 837, 1059, 1233, 1236, 1268, 1362. Вост. 62, 322, 391.

Формы типа *Ваню-у, маму-у, Машу-у* и т.п. С. 507. 636, 760, 860, 1234, 1370, 1456; Вост. 272, 204, 401.

Формы типа *Иванэ-э, мамэ-э, Наде-е, Нюше-е*: С. 505, 407; Вост. 121, 339, 428, 434.

Формы типа *Валько-у, Танё-у* и т.п. С. 4, 43, 126, 148, 138, 483, 485, 488, 489, 511, 514, 481, 676, 695, 696, 713, 745, 748, 763, 779, 777, 788, 801, 842, 856, 879, 880, 900, 932, 983, 643, 652, 653, 656, 1003, 1018, 1056, 1021, 1078, 1070, 1112, 941; Зап. 371, 520, 594, 708; Вост. 2, 3, 7, 39, 40, 54, 56, 67, 68, 72, 93, 99, 113, 292, 517, 296, 498, 645, 921.

Формы типа *Маней, Ваней* и т.п. С. 35, 279, 283, 301, 303, 304, 477, 478, 492, 621, 639, 821, 964, 473, 474, 475, 1042, 1171, 1236, 1321, 1327, 1337, 1341, 1385, 1386, 1452, 1458. Вост. 89, 101, 124, 115, 88, 90, 273, 298, 299, 303, 308, 317, 330, 387, 700, 7446, 916.

Формы типа *Ванькай, Машай, мамай*: С. 318, 320, 321, 322, 323, 324, 496, 506, 508, 509, 511, 921, 927, 931, 932, 1044, 1385, 1388, 933, 934, 936, 329, 331; Вост. 90, 246, 587, 872, 877.

Формы типа *мамой, Ванёй, Ниной*: С. 55, 136, 317, 318, 320, 321, 497, 474, 742, 835, 1236, 1240, 1315, 1325, 1338, 1346, 1351, 1354; Вост. 30, 123, 327, 332, 869.

Формы типа *мамау, Ваняу*: Вост. 193, 478, 757, 764; Зап. 520, 545, 686.

В некоторых говорах на востоке ДАРЯ отмечено сосуществование звательных форм, оканчивающихся на разные "дифтонги": в говорах нас. п. 74, 75, 76, 79, 83, 86, 90 наблюдается распределение дифтонгов: *мамау, мамоу* – в терминах родства, а *Ваняй, Надяй, Нинай* – в собственных именах, в остальных нас. п. эта тенденция не обнаруживается: 321, 325, 329, 296, 317, 496, 782, 870.

ЗВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ – ПОВТОРЫ

Отмечены следующие варианты повтора.

Нать, а Нать, Наташа, а Наташа: С-Зап. 46, 86, 129, 133, 167, 169, 171, 172, 173, 209, 210, 251, 268; С. 64, 198, 106, 551, 639, 696, 491; Зап. 246, 183, 249, 333, 340, 353, 369, 573, 618; Ю. 372, 722, 760; Вост. 64, 81, 86, 97, 98, 111, 317, 347, 379, 210, 532, 549, 575, 664, 740, 742, 870, 872, 906, 907.

Минька, Миньк: С.-Зап. 86, 168; С. 1118, 1234; Зап. 96, 100, 147, 161, 183, 184, 196, 291, 311, 339, 618, 629, 650; Ю. 767; Вост. 31, 47, 98, 154, 177, 210, 237, 238, 250, 317, 347, 517, 530, 725, 778, 795, 872, 874.

Мам, мама: С.-Зап. 171, С. 1240, Зап. 91, 132, 215, 339, 342, 611, 216, 741; Вост. 240, 277, 317, 546, 669, 778; Ю. 469, 754, 771, 835.

Лень, Лень: С.-Зап. 5, 23, 169; С. *Вася, Вася* – 93, 946, 1319, 1378, 1008; Зап. 291; Ю. 468, 542, 736, 743, 784, 794.

Аль, иди, Аль: С. 43, *мам, ой, мам* Зап. 196.

Украинский материал (из архива Общеславянского лингвистического атласа): 411 Márje, o Márje, Náde, o Náde, Máne, o Máne., Ivan, o Ivan, Petró, o Petro, Stepán, o Stepán, 418 Marjo, o Marje ,Nad'o, o Nad'a, Oksen'je, o Ksen'a, Tékle, o Tékla, Iványˊ o Vanik, Pétre, o Petró, Mykolo, o Mykola, Stepáne, o Stepán, Pávle, o Pavló, 457 Mán'a, Man', Hán'a, Han', 465 Margita – Margit, Bózflija – Bózfli, 467 "при повторении обращения при зове употребляются иногда формы: Marije – Mari, Polano – Pola, 507 Marus'a – Marus', Katyryno – Katyryno, 523 Marija, Marije, Nad'a, Nadd'u. 412 Marys'u, Marys', 413 Marun', Marun'u, Kas', Kas'u, Paran', Paran'u.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, УПОТРЕБЛЯЮЩИЕСЯ ПРИ ОБРАЩЕНИИ

а) слова *ОЙ, МОЙ, ЭЙ*

Будет преувеличением рассматривать эти слова как аналитическое средство вокатива, развивающееся в северо-восточных русских и украинских говорах, но во всяком случае, эти слова представляют собой особенность речевого этикета в названных регионах восточнославянского языкового континуума, [ср. Пауфошима 1989].

С.-Зап. 236 *эй, Настасья; эй, ты, сынушка*, 239, *эй, ты, друг*.

С. 221 *мой детко*, 224 *эй, Катя*, 295 *ей, батюшко*, 305 *ей, батько*, 454 *матушка моя*, 456 *ой Шура*, 840 *ей,друг*, 841 *ей, учительша*, 862 *эй, баба*, 270 *батюшко ты мой*, 659 *мой батюшко*, 736 *Ой, Гено*, 986 *муж мой, милой мой, ангел мой; погубитель мой*, 1093 *милко моё*, См. также ниже в разделе б).

Зап. 132 *эй, бригадир*, 213 *баушк, эй*, 214 *Зойк-эй, Маньк-эй*, 370 *моя Васильевна, радимая моя*, 696 *Ваничка мой, дитятко моё, моя сестрице, мои девочки*.

Ю. 677 *эй, дружок*.

Украинский материал (архив Общеславянского лингв. атласа): OLA 403 *o, Hali, o, Vasylý, o, Márja, o, Jarý, o, Nád'o*, 403 *moj Stefany*, 524 *moj Vera*, (!) см. также материал, приведенный выше, на формы с удвоением.

б) слова, по своему прямому значению являющиеся названием лиц или характеристикой лиц

В материалах ДАРЯ (прежде всего, в северном томе) приводятся слова, которые сопровождают имя лица, являющееся обращением, или же сами выступают в роли обращения. Бросается в глаза очень большое их количество на севере, по сравнению с остальной территорией ДАРЯ, что еще раз подтверждает не раз отмеченные особенности речевого этикета в этом регионе [Пауфошима, 1989] (в материалах белорусских и украинских говоров, имеющихся в нашем распоряжении, подобные лексемы не приведены; в хрестоматии укр. говоров иногда встречается слово *пан* в такой функции – в сказках).

Эту часть материала по вокативу можно было разделить на две группы (а точнее – расположить между двумя полюсами, так как иногда трудно провести четкую границу мжеду ними):

1) слова, являющиеся (по своему прямому значению) **обозначением лиц** по какому-либо признаку (вид родства: *брат, ба́тюшка, ма́тушка* и др.); включение лица в возрастную или какую-либо иную социальную группу: *де́вки, де́точки, па́ря, ребя́та, крещёны, рожо́ны* и др.; и по другим признакам: *корми́лец, корми́лица, хозя́ин, хозя́йка*);

2) слова, являющиеся (по своему прямому значению) **характеристиками лица,** нередко метафорическими; это прилагательные и существительные типа: *ми́лый, ми́лушка, мило́к* и дериваты, *лю́бушка, я́годка, каса́тики, сугре́вушка, жела́нная, дороги́е, золоты́е, душа́*, и дериваты.

По исходному значению первая группа обычно нейтрально или положительно характеризует того, к кому обращаются с речью; слова второй группы обычно положительно характеризуют того, к кому обращаются с речью, отрицательно характеризующие слова приведены в материалах севера единично: С. 755, 757 *сотона́, ле́шой, дьяволы* С. 476, С. 34 *не берегём неужто бо́га, моше́нник*. К характеристике речевого этикета севернорусских говоров следует добавить то, что среди нейтрально характеризующих и положительно характеризующих слов многие имеют уменьшительно-ласкательные суффиксы: *де́тушки, хозя́юшка, соко́лик, кровинушка* и др., ср. южнорусское *дефки*.

В материалах северного тома ДАРЯ наиболее широко распространенными словами, сопровождающими обращение, являются: *ма́тушка* (*ма́тушки*), *ба́тюшко* и *ба́тюшка, па́ря* и *па́ре, ро́дна* и *ро́дны, крещёны, рожо́на, жела́нна, хозя́ин, хозя́йка*; на западе – *душа́* и дериваты, *бра́т, бра́тец*; в материалах южного тома ДАРЯ подобных слов приводится мало.

Замечания собирателей свидетельствуют о том, что, по крайней мере, несколько слов (сев. *матушка, ба́тюшко, па́ря* и зап. *бра́т*), сопровождая обращение, утратили свое прямое значение.

Итак, севернорусские и западнорусские говоры отличаются от других восточнославянских говоров более широким и устойчивым употреблением специальных

"звательных" лексем, сопровождающих звательные формы или выступающих самостоятельно в качестве обращения. Набор этих лексем очень разнообразен. Некоторые, наиболее частотные из них, в отдельных говорах утратили свое первоначальное значение. Эти диалектные слова типа *ма́тушка, па́ря, душа́* соотносимы с современными разговорными *де́вушка, молодо́й челове́к, ба́бушка, сыно́к* и др., восполняющими в русском языке ушедшие слова *господи́н, госпожа́, ба́рышня, су́дарь, суда́рыня*, а последние, в свою очередь, соотносимы со словами *пан* и *па́ни, мада́м, мадмуазе́ль* и проч. Слова такого типа названы В.Е. Гольдиным регулятивами, то есть употребляющимися для регулирования тональности общения, отношений между собеседниками, а не только как обращение [Гольдин 1987, 109–110] при функциональном подходе их можно включить в сферу средств выражения значения вокатива.

Интересен типологический аспект рассмотрения этого материала. Севернорусские *ма́тушка, ба́тюшка* и др. вполне соотносимы с разговорным *девушка* и др., хотя и не достигли статуса слов типа *пан, пани*. Но *пан, па́ни* характерны, прежде всего, для чешского и польского языков, которые больше других славянских языков сохранили формы старого звательного падежа. Таким образом, и севернорусские *ма́тушка, ба́тюшка, па́ря* и др. отличают именно **северовосточные** русские говоры, где больше, чем в других, сохранились остатки старого звательного падежа. Такое соотношение средств явно показывает, что дополнительные, неморфологические средства вокатива не всегда восполняют отсутствие специальной звательной формы, но иногда сопутствуют ей, обнаруживая, может быть, повышенную потребность языковой системы в специальных средствах выражения вокатива.

Отмечено *паря, паре, пари, парь* (к мужчинам и женщинам разного возраста) С. 825, 835, 844, 845, 850, 852, 956, 1024, 1027, 981, 1035, 984, 986, 989, 990, 992, 1160, 1178, 1357, Вост. 344. парень С. 389, 484, 794, Вост. 188, 189.

Ма́тушка, ба́тюшка: (не только к матери, отцу, но и к другим людям) С. 259, 103, 157, 232, 234, 242, 267, 268, 269, 399, 654, 1302, 1409.

Корми́лец, корми́лица: С.-Зап. 188, 207, С. 224, 254, 282, 299, 302, 426.

Каса́тик, каса́тки С. 1270, Зап. 663, 658, Ю. 117.

Крещены, крещена С. 6, 80. *Рожоны* С. 83.

Жела́нный, жела́нная, жела́нные: С. 6, 86, 183, 390, 391, 399, 413, 531, 1002, 1152.

Де́вка С.-Зап. 78, 89, 90, С. 87, 86, Зап. 459, *Де́ва* С. 29, *де́вушка, де́вушки*, с. 36, 107, 809, 814, С.-Зап. 86; Ю. 809, 814, *де́вки* Ю. 814. *дивье́* С. 845.

Хозя́йка, хозя́ин: С. 29, 88, 275, 348, 956, Вост. 220.

Земляк, землячка; Вост. 220.

Душа́, ду́шенька, ду́ш, ду́шень: Зап. 302, 305, 310, 328, 343, 386.

Бра́т (к лицам мужского и женского пола, независимо от возроста): Зап. 185, 369, 559, Ю. 823.

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА

Из-за масштаба карты и большого числа сосуществующих знаков не вся лингвогеографическая информация видна на карте: что-то показано не в полном объеме, сокращенно или же односторонне, в то время, как материал имеет много аспектов. Лингвогеографические результаты даны ниже описательно и состоят в выделении говоров, различающихся с точки зрения типа соотношения средств выражения вокатива, а также в обобщенных характеристиках территорий, где преобладают такие говоры. Большая часть этого материала не публиковалась.

I. Украинские говоры

– хорошо сохранившиеся формы старого зв. падежа, то есть наличие развитой системы форм вокатива (специальные флексии вокатива для сущ. 1, II и III склонений и подтипов I и II);

– употребление Им.п. в функции вокатива (у всех типов существительных или у части типов), хотя и не во всех говорах, ср. замечение собирателей о том, что Им.п. в функции вокатива не употребляется;

– наличие, но при этом, вероятно, невысокая употребительность неморфологических средств вокатива – продления гласных, повторов, лексических (примеров продления гласного в наших материалах не отмечено, см. подборку материала по повторам и частицам; отмечается слово *пан* при обращении – в сказках, материал Хрестоматии);

По всей вероятности, говоры юга Белоруси (полоса по границе с Украиной – см. карту) также относятся к этому типу, так как они примыкают к ареалу укр. говоров. См. также карты 93-94 ДАБМ.

II. Русские и основная часть белорусских говоров

1 подтип

– остатки старого зв. падежа – только у существительных 1 скл. на *-а*,

– употребление Им.п. в функции вокатива у всех типов существительных,

– активность лексических средств.

Подтип 1 характерен для северного наречия русских говоров, кроме Костромских говоров.

2 подтип

– остатки старого зв. падежа – только у сущ. 1 скл. на *-а*;

– употребление Им.п. в функции вокатива у всех типов существительных,

– развитие форм с дифтонгическим и недифтонгическим продлением гласного окончания (или основы).

Подтип 2 распространен в северо-восточных и восточных русских говорах (небольшие компактные ареалы).

3 подтип

– отсутствие старого зв. падежа,

– употребление Им.п. в функции вокатива, у всех типов существительных,

– ограниченное употребление других средств вокатива.

3 подтип распространен во многих русских и белорус. говорах, если судить по имеющимся материалам, которые, однако, могут быть неполными. 3 подтип характеризует также русский кодифицированный литературный язык.

4 подтип

– отсутствие старого зв. падежа,

– употребление Им.п. в функции вокатива у всех типов существительных,

– развитие усеченных новообразований типа *Маш*! от существительных на *-а*, обозначающих лиц мужского и женского пола.

4 подтип распространен во многих русских и белорусских говорах (см. карту – большой ареал белорусских и русских говоров, в котором, однако, есть компактные ареалы или отдельные говоры с другим соотношением средств вокатива) и характерен для разговорной речи русского литературного языка.

Что касается такого средства выражения вокатива, как повторы, то оно характерно для среднерусских говоров, где говоры, в которых отмечены повторы, несколько "сгущаются", на остальной территории подобные говоры рассеяны. Более густо эти говоры расположены в западной части среднерусских говоров.

Кроме основных типов соотношения средств, может быть сочетание типов, например, в северовосточных русских говорах типы 1) и 2) нередко сосуществуют.

Часть южнобелорусских говоров (переходная от украинского типа 1 к русско-белорусскому типу II – см. карту) относится к 1) или 2) типу или же образует особый тип. Решение этого вопроса зависит от наличия или отсутствия в этих белорусских говорах средств, сведений о которых нет в материалах.

Одной из специфических черт русского вокатива является то, что в русских говорах сильно развиты различные неморфологические средства, причем, они активно употребляются, частотны. Если говорить о территории этих средств, то компактные ареалы образуют:

1) усеченные новообразования типа *Маш*! – все русские говоры, кроме северовосточных, но включая костромские; территория неоднородна, см. [Голубева 1987],

2) формы с дифтонгическим удлинением – небольшие компактные ареалы на востоке и северо-востоке территории ДАРЯ,

3) усечения типа *ма*! *па*! и т.п. и *Ба́буш*! *ма́туш*! и т.п. – Курско-Орловские и межзональные говоры типа А южного наречия.

* * *

Согласно гипотезе гетерогенного происхождения восточнославянского диалектного континуума, на этой территории еще до распадения ее на белорусский, русский и украинский языки существовало членение на несколько племенных языков – кривичский с его разновидностями, вятичский, "верхнедонской" и др. [Николаев 1994]. Как соотносится с этим ранним диалектным членением распространение рассмотренных в статье явлений? Северо-восточный ареал русских говоров можно соотнести с территорией древненовгородского койне (новгородским кривичским диалектом, "сложившимся при взаимодействии псковских и ильменско-словенских (не кривичских) говоров" [Николаев 1994, 26]. Можно предположить, что современные северо-восточные русские говоры сохранили еще одну "невосточнославянскую" древненовгородскую черту – особое соотношение средств, выражающих значение вокатива: ср. сочетание старого зв. падежа с регулятивами *pan, pani* в западнославянских языках и сочетание остатков старого зв. падежа типа *мамо*! *Машо*! с регулятивами типа *батюшка, матушка, паря* и др. в северо-восточных русских говорах. Сходство севернокривичских черт с польским и лехитскими языками отмечает В.Н. Топоров, ссылаясь на исследования А.А. Зализняка [Топоров 1991, 172–173]. С изоглоссами племенного диалекта вятичей совпадают территории некоторых разновидностей усеченных новообразований. Известно, что тенденции к усечению и к продлению были характерны для вокатива с древности. Усечения разного типа распространены на широкой территории, однако "эпицентром" этой тенденции можно считать Курско-Орловские и межзональные говоры типа А, где отмечается все разнообразие усеченных форм (не только усечение флективного гласного типа *Маш*!, но и усечение одновременно флективного гласного и согласного основы типа *ма*! *па*! и др., *Ива*! *бабуш*! *дедуш*! и др.) Вообще "вертикальная" граница в русских говорах юга, разделяющая территории двух типов инноваций (зв. форм с продлением и с усечением – на карте изоглосса) может быть соотнесена с линией Коломна – Липецк, разделяющей, по упомянутой гипотезе, говоры, являющиеся предположительно "потомками" племенных языков вятичей и славян Верхнего Дона, при этом на западе картина не столь сложна, как на востоке. Однако эти связи явлений, рассмотренных в статье, с ареалами племенных диалектов являются лишь предположением и требуют более детального анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Брызгунова 1982 – *Брызгунова Е.А.* Коммуникативный анализ звучащей речи. // Russian Language, XXXVI, № 125, 1982, USA.

Бондарко 1971 – *Бондарко А.В.* Грамматические категории и контекст, Л., 1971.

Говоры 1977 – Говори українськоі мови. Збірник текстів. Київ 1977.

Гольдин 1987 – *Гольдин В.Е.* Обращение. Теоретические проблемы. Саратов, 1987.

Горшкова 1981 – *Горшкова К.В. Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка, М., 1981.

Грамматика 1980 – Русская грамматика. М., 1980. Т. 1, С. 92; Т.II Володин 1974 – *Володин А.П.* Падеж: форма и значение или значение и форма... // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.

Жовтобрюх 1965 – *Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М.* Курс сучасноі українкой літературної мови, ч. I, Київ, 1965, с.

Жыдовіч 1969 – *Жыдовіч М.А.* Назоўнкі ў беларускай мове, Мінск, 1969.

Исаченко 1965 – *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 1, Братислава, 1965.

Клобуков 1984 – *Клобуков Е.В.* Падеж и модальность // Грамматические исследования русского языка. М., 1984.

Клобуков 1986[1] – *Клобуков Е.В.* Семантика падежных форм в современном русском языке. Изд. Моск. ун-та, 1986.

Клобуков 1986[2] – *Клобуков Е.В.* Семантика падежных форм как проблема русской морфологии. // Вестник Моск, ун-та, 1986, № 3, сер. 9 Филология, с. 37–39.

Клобуков 1988 – *Клобуков Е.В.* Шкала модальных значений русских падежных форм. // Актуальные проблемы русской морфологии. Изд-во Моск.ун-та, 1988, с. 39–47.

Кузнецов 1953 – *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд-во Моск. ун-та, 1953, с. 122–123.

Курилович 1962 – *Курилович Е.* Проблема классификации падежей. // Курилович Е. Очерки по лингвистике, М., 1962, с.

Кривицкий 1973 – *Кривицкий А.А., Михневич А.В., Подлужный А.И.* Белорусский язык для небелорусов. Минск, 1973, с. 202.

Курс 1957 – Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Марфалогія. Мінск, 1957, с. 132.

Ломтев 1956 – *Ломтев Т.П.* Грамматика белорусского языка. М., 1956.

Матвіяс 1990 – *Матвіяс І.Г.* Українська мова і її говори, Київ, 1990, с.

Назарова 1985 – *Назарова Т.В.* Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яти. Київ. 1985, карта 51.

Нарысы 1964 – Нарысы по беларускай диялекталогіі, Мінск, 1964.

Николаев 1994 – *Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ, 1994, № 3.

Пуфошима 1989 – *Пауфошима Р.Ф.* Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. 1989.

Самійленко 1964 – *Самійленко С.П.* Нариси з історичної морфології української мови. Ч. І, Київ, 1964.

Славянские языки 1977 – *Славянские языки.* (Очерки грамматик западнославянских и южнославянских языков), Изд-во Моск. ун-та, 1977.

Собинникова 1984 – *Собинникова В.И.* Историческая грамматика русского языка. Воронеж, 1984, с.

Теория 1987; 1990; 1991 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987; Теория...: Темпоральность. Модальность. Л., 1990; Теория...: Персональность. Залоговость. Л., 1991.

Топоров 1991 – *Топоров В.Н.* О кривичском элементе и кривичской перспективе // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. Тез. докл. к 60-летию... В.А. Дыбо. 1991.

Филин 1972 – *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, с. 384–390.

Фортунатов 1956; 1957 – *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. т. I, 1956, с. 162–163; т. 2. 1957, с. 319–320.

Хабургаев 1974 – *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык, М., 1974, с. 163–164.

Хабургаев 1990 – *Хабургаев Г.А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990, с. 50–67.

Хрэстоматыя 1962 – Хрэстоматыя по беларускай дыялекталогіі, Мінск, 1962.

Черных 1954 – *Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. М., 1954. с.

Шахматов 1957 – *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка, М., 1957, с. 257.

Широкова 1958 – *Широкова А.Г.* Очерк грамматики чешского языка, М, 1952.

Широкова 1990 – *Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А.,* Чешский язык. М., 1990.

Якубинский 1953 – *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка, М., 1953, с. 147–149.

КАРТА 10

ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИНЕ ДЕЕПРИЧАСТИЙ НА *-ШИ*

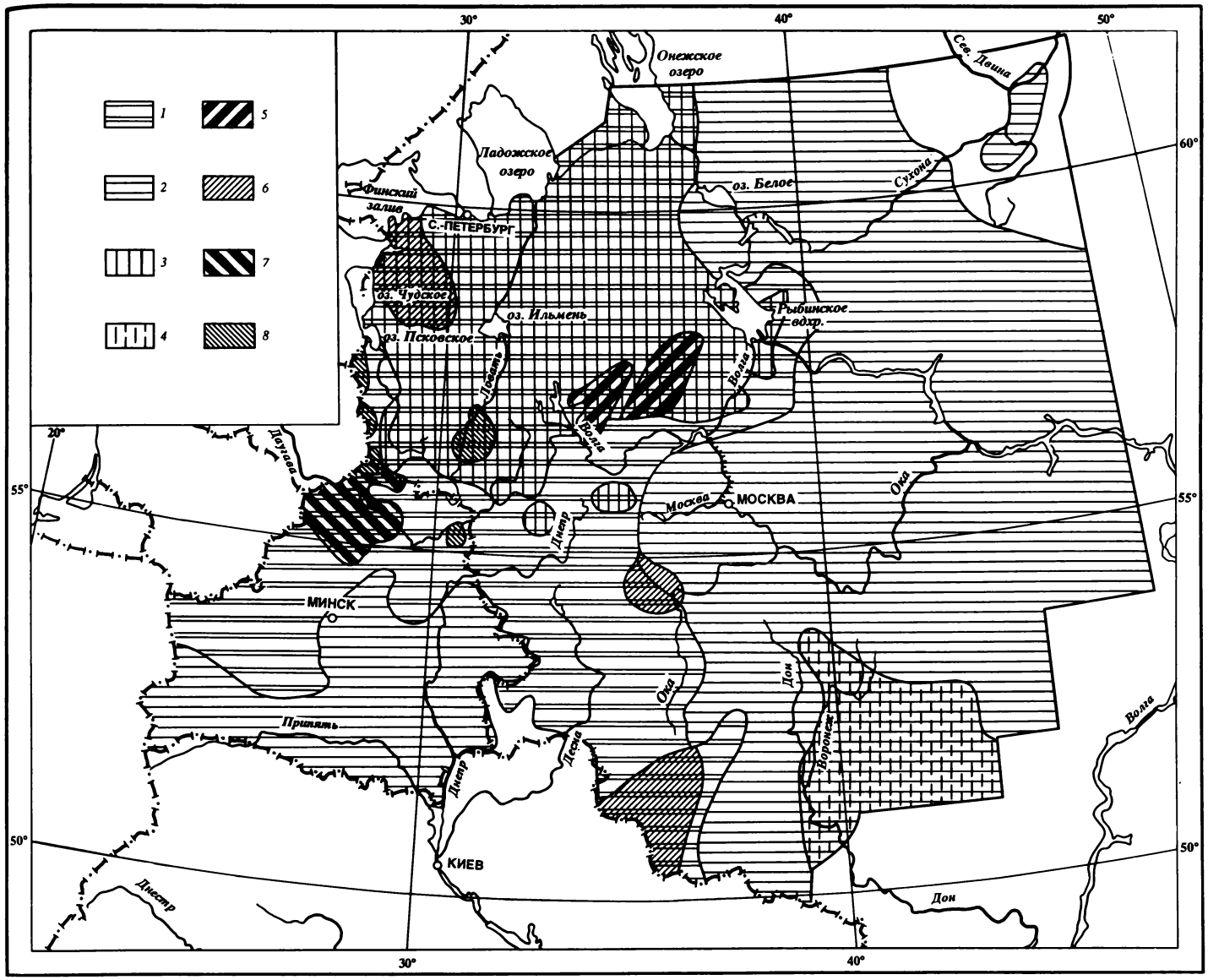
Для карты, посвященной употреблению предикативных деепричастий на *-ши* в русских и белорусских говорах, были обработаны материалы, собранные для составления ДАРЯ (см. [Программа ДАРЯ], по вопросам 118, 119, 120), и материал комментария к ДАБМ (см. [ДАБМ каментары, 1963, 740–749], по вопросу 123). Были использованы также карты диалектологических атласов русского и белорусского языков [ДАРЯ III, карта 1; ДАБМ 1963, карта 205].

Имеющийся материал показывает, что конструкции с формой на *-ши* в предикативной функции отмечены практически во всех русских и белорусских говорах. Однако употребление их по говорам неравномерно. Ареал последовательного употребления данной конструкции включает в себя западные группы среднерусских, севернорусских и южнорусских говоров, а также северные и западные группы белорусских говоров (северо-восточного и юго-западного говоров). За пределами данного ареала и на русской и на белорусской территории деепричастная форма отмечена не во всех обследованных пунктах, в материалах приведены большей частью программные примеры и примеры, ограниченные лексически.

Употребление деепричастия на *-ши* в предикативной функции – характерная диалектная черта. Литературным русскому и белорусскому языку такое употребление не свойственно, здесь отмечаются лишь отдельные выражения этого типа (например, русское *он выпивши*), вошедшие в литературное просторечие.

Деепричастное сказуемое на *-ши*, как правило, употребляющееся в говорах наряду с глагольным сказуемым на *-л*, имеет свое специфическое значение. (К сожалению, мы не располагаем систематическим материалом, свидетельствующим о параллельном употреблении форм на *-ши* и на *-л*.)

Предикативное деепричастие употребляется в основном в перфектном значении. Оно обозначает либо состояние в настоящем как результат предшествующего действия (так наз. статальный перфект), либо действие, событие, состояние прошлого, важное для настоящего (акциональный перфект) [Маслов 1990, 372]. Например: 1) *вода уш согрифши* (БСТ, 45); *фсо било, не окрасифши* (БСТ, 46); *два яйца наклюнувши* (Зап., 326); *старая, а волоса у ней закрутивши* (С-Зап., 10). 2) *Где машина? – Донат севши, уехавши* (Новг.), *во двори упафшы* (С.,

Карта 10. Предикативное употребление деепричастия на *-ши*

1 – регулярное употребление конструкций с предикативными формами на *=ши* (он *уехавши*); 2 – редкое (не во всех пунктах и ограниченное лексически) употребление предикативных форм на *-ши*; 3 – последовательное употребление невозвратных форм вместо возвратных (он *женивши*); 4 – редкое употребление невозвратных форм; 5 – употребление объектно-результативных конструкций (*корова подоивши*); 6 – редкое употребление объектно-результативных конструкций; 7 – употребление субъектно-результативных конструкций (*корову подоивши*); 8 – редкое употребление субъектно-результативных конструкций

45); *деньги получомши* (Зап., 364); *йаму добра ɣалаву расхвастаушы* (Бел. 1).

Часто эти значения не поддаются четкому разграничению. В большинстве случаев употребления предикативного деепричастия можно говорить об актуализированном признаке, представляющем собой результат предшествующего действия. Например: *йачмен йи жыта у нас ўжо пажаўшы* (Бел. 148); *деньги получомши* (Зап., 364); *гумно построивши* (С-Зап., 100).

Это значение распространено повсеместно, в том числе и на территории ограниченного употребления конструкции, например: *севоне дома она остафше* (С. 867); *и там лотка ъпрокинуфшы* (С. 623). С таким же значением некоторые выражения попали в общерусское просторечие, например: *я целый день не пивши, не евши*; *он выпивши*. Деепричастная форма в подобных случаях выражает статичный непроцессуальный признак. Значение этой формы допускает возможность употребления ее и в качестве атрибутивного признака – не в роли предиката, а в роли определения, например, в русских говорах: *человек напивши пришел*; *лежит кромка отрезавши*; *нетель – это двухлетняя скотина, не теливши* (С-Зап. 27, 40, 60); *овраг – это котлован между горами или яма провалившии*; *ушат как кадышка и два уха выдвинувши* (С. 92); *не молотивши снопы куда класть*? (Зап., 326). Реже подобные примеры встречаются в белорусских материалах. Например: *пирасохшы бывайуц речки* (134); *старейшы мой сын на вайне паɣипшый* (597).

Как правило, в конструкции с предикативным деепричастием ослаблены глагольные свойства, утрачиваются элементы процессуальности признака. Поэтому здесь редки образования от глаголов несовершенного вида, а также временны́х способов действия, такие, как например, в русских говорах; *я никогда не продававши* (С-Зап. 8); *она всегда здесь купавши*; *вы поездивши, пови-*

давши людей (С-Зап. 2, 63); в белорусских: *йа ўжо была йийе н'и прадаваўшы* (32); *йа н'иг'е н'е бываўшы* (35).

Редки также случаи указания на время действия, такие, как рус.: *я утром часа в 4 была вставши*; *они не нынче были приехавши* (С-Зап. 10, 1); бел.: *ц'ап'ер н'айеўшы трец'и сутк'и* (2). Во всех этих примерах деепричастная форма обозначает простое действие в прошлом. Нейтрализация глагольных признаков проявляется также в утрате показателей направления при деепричастиях глаголов направленного действия. Обстоятельства, отвечающие на вопрос "куда?", требуемые семантикой этих глаголов, регулярно замещаются в этих конструкциях обстоятельствами места (отвечающими на вопрос "где?"), напр.: *многи наши были в лагере попавши*; *где были убежавши? мальчишка под кустом забравши*; *у дочки дачница приехатчи*; *я нигде не была выехатчи* (С-Зап. 5, 7, 29, 30, 59); *в Сотневе были выселевши* (Зап. 32).

Все вышесказанное относится прежде всего к русским диалектам. В белорусском диалектном материале примеры ослабления глагольных признаков у формы на *-ши* встречаются значительно реже. Ср., например, единичные случаи утраты показателей направления: *йон ни знаў, што йаны там заскочыўшы были* (87); *были паўцакаўшы усе у ласе* (409). Однако чаще показатели направления при глаголах направленного действия здесь присутствуют. Напр.: *ужо йон атсул выйехаўшы у лазну пашоўшы* (34); *утулка у катку злацеўшы* (27); *на работу была прышоўшы* (13).

В белорусском материале значительно чаще по сравнению с русским представлено деепричастное сказуемое глаголов несовершенного вида, чаще употребляются и временны́е показатели действия. Например: *цапер н'айеўшы треци сутк'и* (23); *йа ужо была йийе н'и прадаваўшы* (32); *скац'ина н'и ґнаўшы* (209); *йа антену н'а быў бы с'н'имаўшы* (13); *мы н'икоґа н'а в'иг'иўшы* (23).

На территории последовательного употребления формы на *-ши* в белорусских диалектах возможно, по-видимому, вытеснение из употребления сказуемого на *-л* деепричастным сказуемым, прежде всего, в значении сов. вида. Так, в комментариях к материалу 141-го пункта читаем: "у ролі выказніка ужываецца толькі дзеепрыслоўе" (ср. также подобные комментарии 142, 143, 157, 170 [ДАБМ каментары, 1963, 746].

К явлениям утраты глагольных признаков можно отнести и широко распространенное отсутствие показателей возвратности у предикативных деепричастий возвратных глаголов, особенно в русских говорах, [например]: *без пензии оставши*; *наволочка софсем разорвавши*; *семей много разлетевши*; *каша есь оставши* (С-Зап. 257, 56, 56, 120); *где вы остановивша? воўков много пойавифшы*; *йона здесь родившы*; *девяносто годоф исполнифшы* (С. 7, 5, 8, 8). Это явление свойственно и белорусским говорам, например: *у м'ан'е брат быў астаўшы* (5); *сын ажаниўшы* (77); *карова ц'ал'иўшы* (93). Однако чаще в белорусском материале встречаются примеры с возвратной частицей. Ср., *тыйа абжыўшыс'и*: (36); *навучыўшыс'и* (65); *зламаўшыс'* (67); *зарыўшыс'и, паслухаўшыс'и* (68); *ажан'иўшыс'и* (77); *астаўшыс'и* (71); *ц'ал'иўшыс'* (118).

Довольно многочисленны примеры употребления деепричастной формы на *-ши* в сочетании со связкой прошедшего времени. В русском языке все они зафиксированы на территории регулярного употребления предикативного деепричастия. Например: *я немножко был расстроивши* (С-Зап. 5); *снега не было долго выпавши* (С-Зап. 16); *дом был открывши* (С-Зап. 48); *вот она была ветром сваливши* (С-Зап. 8); *бревна были оторвавши* (С-Зап. 17); *в'еч'ор была она приб'ежафшы* (С. 223); *народу-то чужова пришотцы было* (С. 76); *сколько ж вы до войны были кончивши классов*; *он был уже курсы прошовши* (Зап. 301); *картошку были копавши* (Зап. 153); *учора в'ет'ир, снапы пъвал'оўшы был'и* (Ю. 204). Но особенно часто такие примеры встречаются в белорусском материале. Например: *йана была пайшоўшы у м'астечка* (6); *были м'н'е у арм'ийу уз'аўшы* (31); *прошлай вос'н'у быў прыйехаўшы сын* (1); *йа была выґнаўшы мурашк'и* (2); *пастройиўшы был'и школу* (5); *был'и куп'иўшы мал'ен'куйу ц'олачку* (29); *был'и акружыўшы нас* (29); *йа быў зґаладаўшы* (50).

Относительно квалификации подобных конструкций в науке нет единого мнения. Одни из исследователей, усматривая в них перфектное или плюсквамперфектное значение, относят эти образования к разряду синтаксических конструкций с составным сказуемым. Другие квалифицируют их как единицы морфологические – сложные формы времени (см. об этом подробнее: [Кузьмина, 1993, 148]). Наиболее справедливой представляется точка зрения П.С. Кузнецова, считавшего, что сочетание деепричастия с *был* находится в процессе развития от именного сказуемого к плюсквамперфекту [Кузнецов, 1949, 67].

Анализ диалектного материала показывает, что в отличие от именного сказуемого, деепричастное сказуемое с *был* способно сохранять глагольные свойства, в частности, может иметь при себе прямое и косвенное дополнение (см. приведенные выше примеры). В русских диалектах подобные примеры встречаются редко, как и вообще примеры употребления деепричастных образований от переходных глаголов с прямым дополнением [Кузьмина, Немченко 1971, 129]. Белорусский материал свидетельствует о значительной продуктивности этого явления. В отношении к некоторым группам белорусских диалектов, прежде всего, северо-западных районов, можно говорить увереннее о бо́льшей глагольности "*был* + деепричастие" в сравнении с именным сказуемым (о сохранении деепричастным сказуемым свойств глагольного управления см. также [Нарысы 1964, 300]).

Предикативное деепричастие на *-ши*, будучи неизменяемой формой, занимает в предложении особое место. Не имея формальных показателей связи (согласования, координации) с другими членами предложения, оно нередко обособляется, что создает для него широкие возможности употребления. Ср. следующие примеры, в которых форма на *-ши* обозначает действие, сопутствующее главному, т.е. является деепричастием: *лотка опрокинуфшы л'ожыт*; *сидит призадумафшы* (С. 623, 79); *так ни умыфшы и ходиш*; *жали, нагнуфшы* (С-Зап. 20, 19). Подобное употребление свойственно всем трем восточнославянским литературным языкам; такие примеры встречаются и в диалектах украинского языка. Ср.: *тади каже/пакачус'а/павал'ус'а/Іванкаваго мйаса*

найеўшис'// (Черниг. обл.); *вот она пришоўши до дому/розказала мамі* (Сумск. обл.) [Жилко 1955, 224, 229].

В отличие от литературного деепричастия, в русских и белорусских диалектах форма на *-ши*, как правило, выступает в роли самостоятельного сказуемого, не подчиненного глагольному сказуемому в спрягаемой форме. Поэтому возможно отнесение деепричастного и глагольного сказуемых к разным субъектам действия. В этих случаях деепричастное сказуемое может употребляться в качестве придаточной части сложного предложения. Напр.: *подходивши туда, дождь застал*; *а поемши, холодная вода никогда вреду не приносит* (Зап. 337, 710); *ты говорила, давши одную чашечку чаю, я и пришел, пришотчи, щей горячих дали* (С-Зап. 256, 248); *аткуда д'ен'ґи будут учыўшы* (когда учишься); *не полевавшы цвет повял* (Ю. 155, 30); *приехавши немцы один раз, еще спавши всех захватили* (С-Зап. 229); *паны нас страл'аўшы и пал'иўшы саґнаўшы* (Бел., Дрысенскі р-н – [Нарысы 1964, 300]).

Предикативное деепричастие на *-ши* образуется преимущественно от непереходных глаголов. Употребление деепричастной формы от переходных глаголов, в целом достаточно редкое, представляет особый интерес. Подобное употребление встречается в западных группах всех русских говоров и в северо-западных группах белорусских говоров, т.е. в районах наиболее последовательного употребления формы на *-ши*. Примеры с предикативным деепричастием, образованным от переходных глаголов, неоднородны и делятся на две группы. Первую группу примеров можно назвать субъективно-результативными конструкциями (типа *я корову пдоивши*), здесь субъект присутствует или подразумевается, а объект выражен формой вин. падежа (или родительного партитивного), что сближает их с литературным употреблением. Примеры второй группы (типа *корова подоивши*), в которых объект действия – субъект состояния выражен формой им. падежа, можно назвать объективно-результативными конструкциями (о возможности совмещения в одной форме субъективного и объективного значения см. [Русская грамматика 1980, 427, 430, 432]).

Специфической особенностью некоторых групп русских говоров является употребление объектно-результативных конструкций. Эти конструкции наиболее часто встречаются в районе Торжка, Вышнего Волочка и Бежецка. Отдельные случаи употребления объектно-результативных конструкций встречаются и в белорусских говорах. Например, в русских говорах: *рожь прошлогодняя не сдавши*; *пила ржавчиной взявши*; *рыба поймавши*; *он взявши в армию* (С-З. 11, 57, 104, 64); *дажжы лили кажный день так зимля дужа паиўшы*; *картошка пътпахáмшы* (Ю. 9, 70); в белорусских говорах: *л'уг'и был'и саґнаўшы у царкву* (Бел. 51); *йа была ат адной учыцельницы прын'ошшы*; *йа сам быў схвац'иўшы н'емцам'и* (Бел., 65); *ужо дароґа прайшоўшы* (Бел., 299).

Субъекно-результативные конструкции наиболее употребительны в белорусских говорах. Например: *трава рас'ц'е у воз'еры затойе, што спус'ц'иўшы ваду*; *йаму добра ґалаву расхвастаўшы*; *йа залажыўшы п'итомн'ичак*; *кап ты ус'у вып'иўшы*; *мы л'есу нар'езаўшы* (1, 1, 25, 27, 95). Менее последовательно подобные конструкции употребляются в отдельных пунктах русской территории. Интересно отметить, что в некоторых пунктах встречаются одновременно субъектно-результативные и объектно-результативные конструкции. Напр.: *кур'иц пъкар'м'ифшы*; *изр'езафшы фс'а мат'ер'ийа* (С. 606); *я ее затолкнуфшы*; *Ваня с Зоей не захват'ифшы* (т.е. не захвачены объективом) (С. 603); *картошка н'и пас'ефшы* (С. 598).

Таким образом, семантика деепричастной формы на *-ши* (на территории регулярного употребления) не ограничивается только перфектным значением – данная деепричастная форма может приобретать черты атрибутивности, статальности, выступая в предложении в роли определения, или, напротив, иметь акциональный характер, обозначая простое действие в прошлом, обособляться, обозначая сопутствующее действие или состояние, а также выступать как подчиненная часть сложного предложения. При этом на белорусской территории реже встречается чисто атрибутивное употребление данной формы и, соответственно, чаще проявляются глагольные признаки этой формы (сохранение постфикса *-ся*, употребление с прямым дополнением и др.).

По-видимому, разнообразие значений синтаксических конструкций с деепричастной формой на *-ши*, характерное для ареала последовательного ее употребления, свидетельствует о ее продуктивности, о приобретении ею в говорах качества универсальности.

На представленной карте выделяется единый для белорусских и русских говоров ареал частотного употребления предикативного деепричастия. Карта демонстрирует ослабление активности данной формы в направлении к югу и востоку восточнославянской территории. Для русской территории это подтверждается исследованиями И.Б. Кузьминой, в том числе ее статистическими данными (см. [Кузьмина, Немченко 1971, 117–118]). По-видимому, подобное употребление неизвестно украинским говорам (к сожалению, факт этот не был проконтролирован специальным вопросом Программы к АУМ).

Имеющийся в нашем распоряжении материал (картотека ДАРЯ и почти полный перечень ответов в комментарии к карте 205 ДАБМ) позволил представить на карте факты употребления предикативного деепричастия от переходных глаголов. Для картографирования были отобраны лишь примеры с выраженным объектом действия как наиболее показательные. Примеры эти неоднородны и делятся на две группы: 1) субъектно-результативные конструкции (типа *я корову подоивши*), в которых объект выражен формой вин. падежа, и 2) объектно-результативные конструкции (типа *корова подоивши*), в которых объект действия – субъект состояния выражен формой им. падежа. Первые преимущественно свойственны белорусским диалектам, вторые – русским. Интересно подчеркнуть, что факты употребления деепричастного сказуемого от переходных глаголов располагаются по воображаемой линии, проходящей по центру выделенного ареала с юго-запада (Полоцкая группа белорусских говоров) на северо-восток (район Торжка и Бежецка русской территории).

В дополнение к карте ДАРЯ на данной карте впервые отражено употребление деепричастных форм возвратных глаголов без постфикса. Ареал распространения деепричастных форм на *-ши* с утраченными по

казателями возвратности также располагается в пределах территории, характеризующейся последовательным употреблением предикативного деепричастия и преимущественно севернее линии Полоцк – Торжок. Форма на *-ши* с отсутствующими показателями возвратности отмечена также в некоторых пунктах восточной части северного наречия и на части территории южного наречия.

На территории Беларуси также встречаются отдельные примеры употребления невозвратной формы (преимущественно в районе Полоцкой группы северо-западных белорусских говоров); к сожалению, материал ДАБМ в этом отношении может быть неполным, т.к. в "Вопроснике" к нему данная проблема не была отмечена специально.

Исторический комментарий. В исторических памятниках генетические связи рассматриваемого явления прослеживаются в различных фактах предикативного употребления действительных причастий (впоследствии деепричастий). Обычно в качестве аргумента против признания таких связей приводится книжный характер так называемого "второстепенного сказуемого" и отсутствие в диалектах конструкций, аналогичных классическому древнерусскому примеру, приведенному еще А.А. Потебней: заутра вставъ и рече (Лет. Лавр., л. 4)[1]. Различные точки зрения по данному вопросу анализируются в книге В.И. Трубинского "Очерки русского диалектного синтаксиса", при этом сам автор склоняется к отрицанию указанных связей (см. [Трубинский 1984, 167–170]).

Однако, как показывает анализ языка древнерусских памятников, прежде всего памятников народно-разговорного характера, употребление аппозитивных причастий в них неоднозначно и с точки зрения стилистической принадлежности, и с точки зрения семантики. Так, обозначение дополнительного, второстепенного действия – это лишь одна из функций древнерусского причастия, а конструкция типа "вставъ и рече" – одно из возможных построений с данной формой. Данная форма может употребляться и в качестве самостоятельного сказуемого, в том числе в составе бессоюзного сложного предложения. Ср. следующие примеры из письменных памятников, имеющие аналогии в диалектном материале. Роусь съ·Є·моужь оутекши... а прочии в морѣ истопоша (Лет. Ипат., л. 225); Приидоша Печенези первое на русскую землю и сотворивше мир со Игорем (Лет. Лавр., л. 42); Потом, минув годов с четырнадцать, вдругоряд солнцу затмение было (Аввакум, Житие, с. 68); А я Викулка пошел в город и не дошед до ѳрловских ворот забили в набат (Моск. дел. и быт., III, № 1, л. 226).

Особенно убедительно довольно широкое употребление данной формы в Новгородских берестяных грамотах [НГБ]. Например: Послал язо к тоби бересто, написаво: вышли за... (Гр. № 27, XIV в.); се Жѧдъко, пославъ ѫбетника дова, и пограбила мѧ въ братни долгъ (Гр. № 235, XII в.). Продавъше дворъ, идите же семо (Гр. № 424, XII в.); Цето если прислале дова человека, те побегли, а коне не ведаю гдѣ поимавоши (Гр. № 582, XIII в.); Не распрашавъ, разгнѣвасѧ (Гр. № 605, XII в.)[2]. В этой связи К.В. Горшкова и Г.А. Хабургаев отмечает, что подобные примеры из берестяных грамот "очень напоминают фразы диалектологических записей с "новым перфектом" [Горшкова, Хабургаев 1981, 337].

Представляется, таким образом, что в древнерусских памятниках отражается переходная стадия в истории развития действительного причастия и превращения его в категорию деепричастия в литературном языке и предикативного деепричастия или "нового префекта" в говорах. В диалектах сохранилось значительно более разнообразное (по сравнению с литературным языком) употребление деепричастной формы на *-ши*, но основным, наиболее распространенным стало обозначение предикативного результатива. Утратив свойства атрибутивного причастия (формы согласования), а также некоторые признаки глагольности (возвратность, особенности управления), предикативное деепричастие превратилось в диалектах в особую универсальную форму, обладающую широкими синтаксическими возможностями.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Горшкова, Хабургаев 1981 – *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Жилко 1955 – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

Кузнецов 1949 – *Кузнецов П.С.* К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. М.; Л., 1949.

Кузьмина 1993 – *Кузьмина И.Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

Кузьмина, Немченко 1971 – *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Маслов 1990 – *Маслов Ю.С.* Перфект // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Потебня 1958 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. II. М., 1980.

Трубинский 1984 – *Трубинский В.И.* Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

Янин, Зализняк 1986 – *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977 – 1983 гг. М., 1986.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

Аввакум, Житие – Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Памятники истории старообрядчества XVII в., Кн. 1, Вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. 39).

Лет. Ипат. – Ипатьевская летопись к. XIII в. // Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908.

Лет. Лавр. – Лаврентьевская летопись по сп. 1377 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1926.

Моск. дел. и быт. – Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.

НГБ – 1) Новгородские грамоты на бересте (далее – НГБ). Из раскопок 1952 года. М., 1954; 2) *Арциховский А.В., Борковский В.И.* НГБ. Из раскопок 1956 – 1957 года. М., 1963; 3) *Арциховский А.В., Янин В.Л.* НГБ. Из раскопок 1962 – 1976 годов. М., 1978; 4) *Янин В.Л., Зализняк А.А.* НГБ. Из раскопок 1977 – 1983 года. М., 1986.

[1] Сам А.А. Потебня усматривал непосредственную связь подобных древнерусских конструкций с современным диалектным употреблением: "В русском языке эта форма не погибла и теперь: в современных говорах наречия великорусского она сохранилась... ("он уже вставши", "вы были вставши" и т.п.)" [Потебня, 1958, 189].

[2] Ср. также комментарий А.А. Зализняка к гр. № 131, проводящего здесь аналогию подобного примера с диалектным употреблением (см. [Янин, Зализняк 1986, 152]).

КАРТА 11

ОБЪЕКТНО-ЦЕЛЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ (ТИПА *ПО БАБУШКУ, ПО ГРИБЫ*)

Объектно-целевые словосочетания включают в свой состав глаголы направленного движения типа *идти, ехать*, а также *послать* и его синонимы. Имя, входящее в такое словосочетание, обозначает объект, на который направлено движение.

В восточнославянских диалектах употребляются разнообразные типы таких конструкций: с предлогами *за, по* – в белорусских, русских и украинских диалектах, *в* – в белорусских и русских диалектах, *на* – в украинских диалектах, без предлога – в украинских диалектах. Употребление этих конструкций по говорам характеризуется различиями, связанными с характером объекта (одушевленный объект, неодушевленный или тот и другой); круг существительных, обозначающих объект, может быть лексически ограниченным или неограниченным.

Выбор объектно-целевых конструкций для картографирования определяется тем, что конструкции эти, прежде всего с предлогами *по* и *за*, широко распространены в диалектах восточнославянских языков и отмечаются в исторических памятниках этих языков, а также тем, что материал по этим типам конструкций наиболее последовательно представлен в национальных диалектных атласах и подкреплен данными ОЛА.

Для картографирования использованы: материалы картотеки ДАРЯ; карта 9 ДАРЯ – "Объектно-целевые конструкции с предлогом *по*"; карты АУМ (т. 1, 279 – "Словосполучення типу пішов по лікаря", 375 – "Південно-західні ареали (синтаксичні)"; Т. 2, 265 – "Словосполученя типу *пішов по во́ду*"; карты ДАБМ (213 – "Ужыванне прыназоўника *па* з вінавальным склонам або *за* з творным склонам у спалучэнні з адушаўлёнымі назоўнікамі; 214 – "Ужыванне ў значэнні мэты прыназоўніка *па* з вінавальным склонам або *за* з творным склонам у спалучэнні са словам *вада*"; 215 – "Ужыванне ў значэнні мэты прыназоўнікаў *у* і *па* з вінавальным склонам або *за* з творным склонам у спалучэнні са словамі *ягады* і *грыбы*"); карты ОЛА (по восточнославянским языкам подготовлены И.Б. Кузьминой), отражающие употребление объектно-целевых конструкций с предлогами *по* и *за* в сочетании с одушевленными и неодушевленными существительными и с предлогом *в*.

Сводная карта 9 ДАРЯ показывает ареалы употребления сочетаний типов *пойти по ягоды; по хлеб; по бабушку; по воду; в грибы.*

Карты АУМ демонстрируют следующие явления: т. 1, карта 279 – употребление словосочетаний типов *пішоў по лікаря; пішоў за лікарем; пішоў води*; на карте 375 – очерчен ареал преимущественного употребления сочетаний типа *пішоў за лікарем*; т. 2, карта 265 – отмечены употребления словосочетаний типов *пішоў по во́ду, за водо́йу, на во́ду, води́* и здесь же очерчен ареал преимущественного употребления сочетаний типа *пішоў за дохтором, лікарем.*

На картах ДАБМ отмечены пункты употребления сочетаний: на карте 213 – предлогов *па* и *за* с одушевленными существительными; на карте 214 – предлогов *па* и *за* с существительным *вада*; на карте 215 – предлогов *па* и *за* со словами *ягады* и *грыбы*, здесь же показана изоглосса употребления этих существительных с предлогом *в*.

Карты ОЛА используются главным образом как свидетельство употребления сочетаний предлога *по* с неодушевленными существительными типа *грибы, ягоды* на территории Украины, данные об этом типе сочетаний отсутствуют в 1-ом томе АУМ.

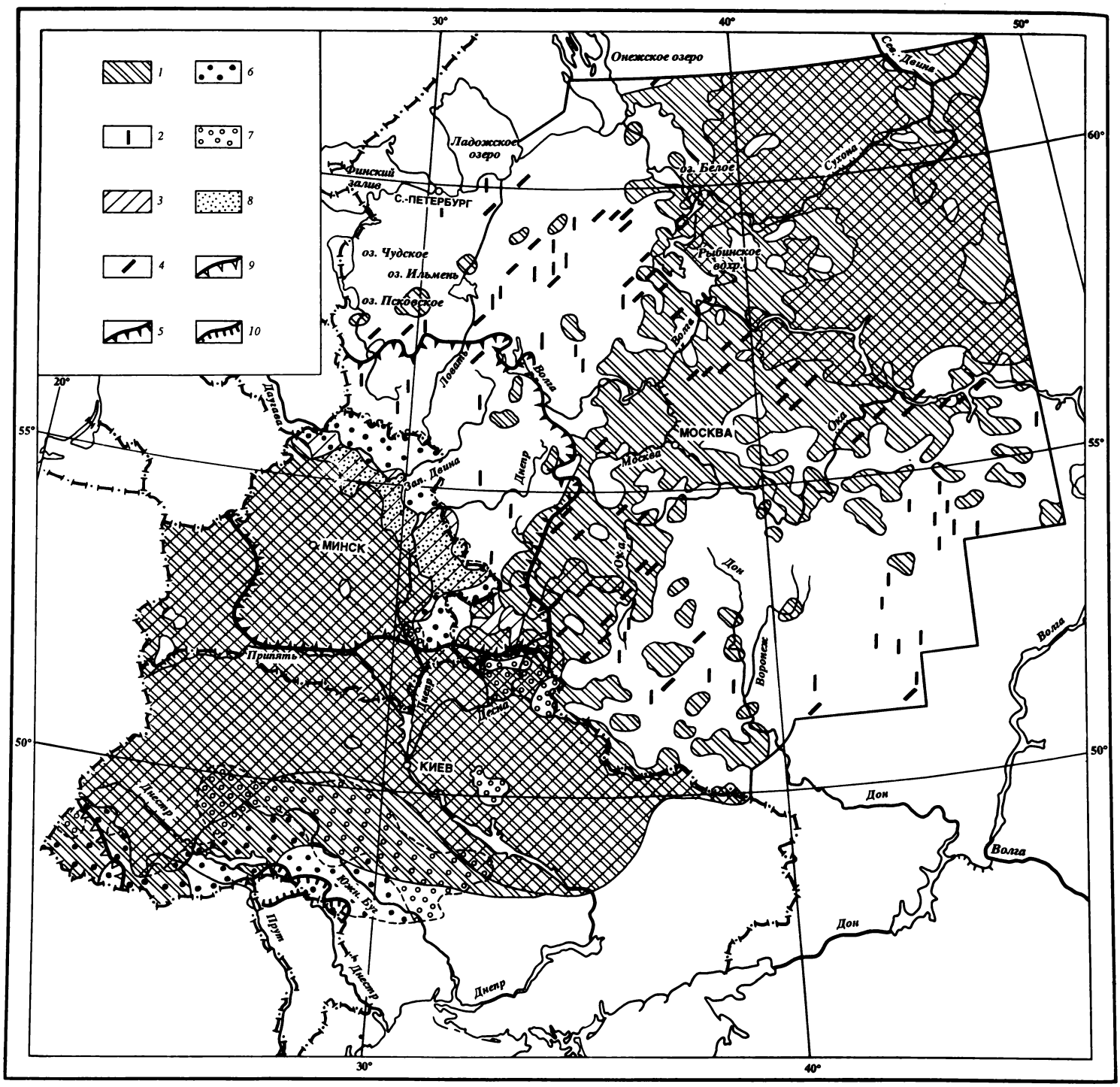
Конструкции с предлогом *по* и именем в вин. падеже, свойственные литературным белорусскому и украинскому языкам, распространены в большинстве украинских и белорусских диалектов, а также в значительной части русских говоров: бел. *ісці па ваду, паслаць па доктара*; рус. *идти по бабушку, по молоко*; укр. *пішоў по лікаря, по во́ду*. Некоторые устойчивые сочетания – *по воду, по грибы, по ягоды* – известны и общерусскому просторечию.

Конструкции с предлогом *за* и именем в тв. падеже свойственны русскому литературному языку и большинству русских диалектов, а также некоторым белорусским и украинским диалектам: бел. *ісці за вадой, за бацькам*; рус. *пойти за ягодами, за хлебом, за бабушкой*; укр. *пішоў за водойу, за лікарем, за дохтаром*. Повсеместность употребления словосочетаний с предлогом *за* на русской территории (они возможны и на территории преимущественного употребления конструкций с *по*) позволила не картографировать здесь это явление.

Круг существительных, употребляющихся в объектно-целевых конструкциях с предлогами *по* и *за*, различен по говорам; соответственно в словосочетаниях с предлогом *за* более свободен выбор существительных на русской территории, а с предлогом *по* – на украинской.

В значительной части русских говоров в составе конструкций с предлогом *по* употребляются лишь неодушевленные существительные – названия растений, плодов, грибов, существительное *вода* и т.п. Полный список этих существительных представлен в книге И.Б. Кузьминой [Кузьмина 1993, 63].

Круг существительных в составе объектно-целевых конструкций может быть семантически неограничен, в том числе включать в себя как неодушевленные, так и

Карта 11. Объектно-целевые конструкции (типа *по бабушку, по грибы*)

1 – употребление конструкций типа *по воду, по грибы, по ягоды*; 2 – употребление конструкций типа *по воду* в отдельных пунктах; 3 – употребление конструкций с одушевленными сущ. типа *по врача, по овец*; 4 – употребление конструкций с одушевленными существительными типа *по врача* в отдельных пунктах; 5 – употребление конструкций типа *в грибы, у грыбы*; 6 – преимущ. употребление конструкций типа *за водой* и конструкций типа *за бацькам* (блр.), *за лікарем* (укр.); 7 – преимущественно употребление конструкций типа *за бацькам, за лікарем*; 8 – преимущ. употребление конструкций типа *за водой*; 9 – употребление конструкций типа *на воду*; 10 – употребление конструкций типа *води*.

одушевленные существительные (часть русских говоров, значительная часть белорусских и украинских). При этом наблюдается общая закономерность: предлог *за* чаще употребляется с одушевленными существительными, *по* – с неодушевленными. Нарушается эта закономерность в части белорусских говоров, где территория распространения сочетаний предлога *по* с одушевленными существительными несколько шире, чем с неодушевленными. Здесь можно провести параллель с польским языком: по данным словаря Карловича [Karłowicz VIII, 274; IV, 9], круг существительных, сочетающихся с предлогом *po* в объектно-целевых конструкциях неограничен, с предлогом же *za* возможны лишь неодушевленные существительные; ср., напр., *po*: (*po kogo, po co*): *Idź po pana. Iść po wino, po piwo. Przyszłam po radę*; *za* (*za czym*): *Za chlebem. Idę za kupnem towarów.*

Объектно-целевые конструкции с предлогом *по* и вин. падежом являются архаическими, они широко распространены в древнерусских памятниках. Например: **Посла**

по блаженаго Глѣба (Сказ. о Б. и Г., к. XI в., 13 б.); **и послаша по Гюргя по князя Суждалю** (I Новг. лет., XIII – XIV вв., 26); **Пойде понамарь по водицу к церкви** (Ж. Мих. Клоп., 91, сп. XVI – XVII вв.); **и ты осподине, пошли по остаток** (НГБ, гр. № 446, нач. XV в.).

Синонимические конструкции с предлогом *за* и тв. падежом для исторических памятников – достаточно редкое явление. Употребление предлога *за* в объектно-целевом значении не отмечено в исторических словарях. Редкие и более поздние (с XV в.) примеры подобного употребления приведены в "Исторической грамматике русского языка (М., 1978. с. 386): **За Александром гнатися** (Александрия, л. 51; старобелорусский памятник); **За гостинцами не идут** (Пословицы XVII в., 1118); пример с дублетными формами: **Мне пристава послати по него, и тобѣ послати за своимъ своего боярина** (Дух. дог. гр., 103).

В русском языке конструкция с предлогом *за* становится широко употребительной в конце XVIII в. и преобладающей с начала XIX в. (см. [Очерки 1964, 73]); интересно, что В. Даль конструкцию с предлогом *по* (*по воду, по грибы*) считает более правильной (см. [Даль 1, 1370]).

Представленная здесь карта демонстрирует единый восточнославянский ареал объектно-целевых конструкций с предлогом *по* с повышающейся интенсивностью употребления этих конструкций к северо-востоку восточнославянской языковой территории (вологодская и костромская группы севернорусских говоров) и к ее юго-западу (Украина и Белоруссия). Менее выразительны ареалы употребления конструкций с предлогом *за* в силу их повсеместной распространенности на русской языковой территории, а также наличия компактных ареалов на фоне общей распыленности их употребления в отдельных пунктах украинской и белорусской территории (наряду с конструкциями с предлогом *по*).

Более ограничены территориально по сравнению с конструкциями с предлогами *по* и *за* объектно-целевые сочетания с предлогом *в*, свойственные части русских и белорусских говоров. С предлогом *в* употребляются тематически ограниченные группы существительных. Так, в русских диалектах с предлогом *в* выступают существительные, называющие предметы, связанные с растительным миром, – растения и их плоды, а также продукты их обработки (*лыки, жерди, смола* и т.п.). Собирание их представляет собой процесс, сопровождающийся передвижением в пространстве, напр. *пойти в грибы, в малину, в орехи* (см. [Кузьмина 1993, 61]). На ограниченность круга существительных, возможных в составе данных конструкций, указывают и белорусские исследователи: в белорусских диалектах это названия предметов, которые можно собрать, добыть или наловить, напр.: *пашлі ў грыбы, хадзілі ў ягады, сабраліся ў лыкі, пашлі ў рыбу* [Нарысы 1964, 314].

Объектно-целевые конструкции с предлогом *в* не зафиксированы в исторических памятниках. И.Б. Кузьмина, вслед за Е.Ф. Карским [Карский 1, 167–168] отмечает возможность происхождения этих конструкций из местных (локативных): ср. такие употребления, как *была в ягодах, в огурцы вошовши*, или противопоставленные по значению *пойти в дрова* 'пойти заготовлять в лес' и *пойти за дровами* 'пойти и взять уже приготовленные ранее дрова' [Кузьмина 1993, 61, 68].

Представляет интерес общий белорусско-русский ареал распространения объектно-целевых конструкций с предлогом *в*. Северную и центральную часть ареала по археологическим данным занимали в VIII – X вв. смоленско-полоцкие кривичи (см. [Седов 1994, 6]). В начале указанного периода, т.е. во время формирования культуры смоленско-полоцких кривичей, большое сходство с нею обнаруживают также славянские древности более южного региона – могилевского и гомельского течения Днепра (см. [Енуков 1990, 155–173]). Таким образом, весь ареал конструкций с предлогом *в* находит археологическое соответствие в VIII–X вв., особенно в начале этого временного отрезка.

Только в юго-западных украинских говорах встречаются тематически близкие к конструкциям с *в* словосочетания с предлогом *на*. Это конструкции, выражающие целевую направленность на предметы растительного и особенно животного мира, в которых глагол обозначает поиски, добывание. Напр.: *підемо на малини, на гриби, на зайці* (см. [Жилко 1955, 103]). На небольшой территории пограничных с Молдавией украинских говоров наблюдаются и беспредложные объектно-целевые конструкции типа *іти води*.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Енуков, 1990 – *Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.

Жилко 1955 – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діаллектології української мови. Київ, 1955.

Историч. грам. 1978 – Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.

Карский 1956 – *Карский Е.Ф.* Белорусы: Язык белорусского народа. М., 1956. Вып. 2/3.

Кузьмина 1993 – *Кузьмина И.Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

Очерки 1964 – Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века. М., 1964.

Седов 1994 – *Седов В.В.* Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ. 1994. № 4.

Karłowicz – *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. IV. W-wa, 1952; T. VIII. W-wa, 1953.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Александрия – Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965.

Дух. дог. гр. – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.; Л., 1950.

Ж. Мих. Клоп. – Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958.

НГБ – *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962–1976 годов. М., 1978.

I Новг. лет. – Новгородская I летопись (Синодальний список) // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Пословицы XVII в. – Сборник пословиц XVII века // *П.К. Симони.* Старинные сборники русских пословиц... (Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899).

Сказ. о Б. и Г. – Сказание о Борисе и Глебе..., к. XI в. Изд.: Сборник XII в. Московского Успенского собора, вып. 1 (Чт. ОИДР. 1899. Кн. II).

КАРТА 12

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ВОЗДЕЛЫВАТЬ ЗЕМЛЮ С ПОМОЩЬЮ ОРУДИЙ (РАЛА, СОХИ, ПЛУГА)'

Лингвисты не раз исследовали сельскохозяйственные термины *орать* и *пахать*. Изучение шло в различных направлениях: этимологическом, историческом, диалектологическом. Новое обращение к названным глаголам в рамках темы "Восточнославянские изоглоссы" представляется оправданным, поскольку лингвогеографическая интерпретация позволяет сделать еще один шаг на пути уточнения их семантики и этимологии.

В качестве материала для составления карты использованы следующие данные: Р. – карта 45 "Глаголы со значением 'пахать'", карта 100 "Употребление глагола ***пахать*** в значениях, не связанных с процессом пахоты" [ДАРЯ Ш]: Б. – карта 265 "Дзеясловы, якія абазначаюць працэс ворыва", карта 266 "Дзеясловы, якія абазначаюць працэс баранавання" [ДАБМ]; У. – карта 143 "Протетичний [Г] */орати/*" [АУМ, 1], карта 124 "Протетичні [В], [Г] перед [О] [АУМ, 2].

В "Вопроснике Общеславянского лингвистического атласа" в списке лексических и/или семантических явлений мы не находим картографируемых глаголов, хотя они и относятся к пласту архаической лексики. Лишь ***орать*** приводится в списке слов, подлежащих сбору в разделе "Просодические явления", а в словообразовательном разделе содержится вопрос о названии человека, который пашет[1].

Бóльшее внимание уделено рассматриваемым глаголам в программах сбора диалектного материала для национальных лексических атласов[2].

На восточнославянской территории выделяются три четких ареала: 1-ый ареал – распространение глагола *орáть*, 2-ой ареал – сосуществование двух глаголов *–орáть* и *пахáть* и 3-ий ареал – распространение глагола *пахáть*.

В белорусских и украинских говорах в значении 'возделывать землю, пахать' встречается только лексема *орать*, широко употребляемая в том же значении в других славянских языках. На карте не показаны фонетические варианты рассматриваемого глагола с протетическими звуками, известные на Украине [АУМ 1, карта 143; АУМ 2, карта 124] и в Белоруссии [ДАБМ, карта 265]. Они полностью объясняются фонетическими закономерностями, действующими в современных белорусских и украинских говорах, являясь фактом регулярной фонетики.

На территории русских говоров встречаются акцентные варианты спряжения глагола *орать*: *орáть – óрут*, *орáть – орýт*, показанные в ДАРЯ [ДАРЯ III, карта 45]. *Орáть – орýт* – более распространенный вариант в говорах русского языка. Помимо этого на юге, в Белгородской области на границе с Украиной зафиксирована еще одна разновидность спряжения – *орáть – орáют*.

В северном наречии и западных среднерусских говорах глагол *орать* употребляется наряду с *пахать*. Значение лексемы *пахать* при сосуществовании с *орать* на материале русских говоров подробно рассмотрено в работе В.Н. Тепловой [Теплова 1973]. Как правило, под хлебные злаки землю обрабатывали два–три раза, особенно это требовалось для озимой ржи и пшеницы. Поэтому при употреблении в одном говоре обоих глаголов один из них может означать первичную вспашку, и даже процесс поднятия целины, а другой – вторичную пахоту или пахоту по третьему разу [Букринская, Кармакова 1994, с. 29–30].

Не картографированы единично отмеченные в южном наречии глаголы – *косýлить, двоúть, метáть, мешáть, плýжить*; обычно они приводятся наряду с *пахáть* [ДАРЯ III, карта 45].

Как видно из карты, *пахать* в значении 'взрыхлять, возделывать землю с помощью орудий' известен только в русском языке. Данный глагол в этом значении отсутствует в украинском и белорусском литературных языках, о чем свидетельствуют толковые словари. Лишь небольшие ареалы его распространения отмечены в говорах пограничья: русско-белорусского и русско-украинского.

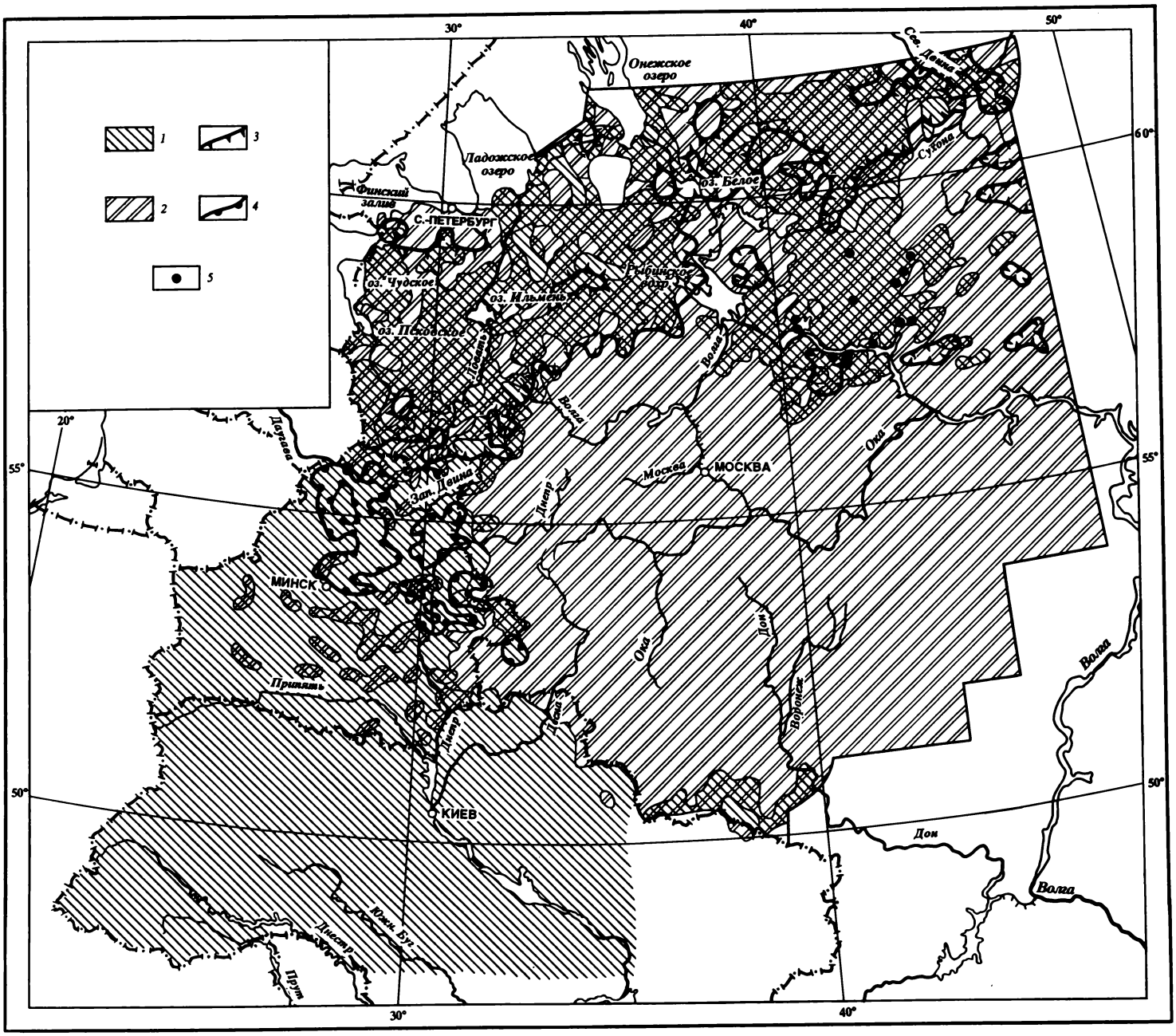
На русской территории глагол *пахать* 'возделывать землю' отмечен повсеместно. Поскольку данные атласов "охватывают сплошной диалектный континуум, т.е. обладают свойством непрерывности", они являются весьма важным аргументом при изучении истории того или иного слова (явления) [Бромлей 1981,3]. Поэтому повсеместное распространение *пахать*, включая и русский Север, опровергает мнение, будто первоначально этот глагол был достоянием исключительно южно-

---

[1] Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965. *орет* – 545°–557°; 'человек, который пашет' – *пахарь* – 558°.

[2] У. – вопрос 203. Орати, обробляти землю плугом, сохою: плугарити, пахати...? Раздел "Рільництво та городництво" // *Дзендзелівський И.О.* Програма для збирання матеріалів до лексичного атласу українськоі мови. Київ, 1987;

Б. – вопрос А 256. Як гавораць пра апрацоўку зямли плугам: а) першы раз: *араць, пахаць*, б) другі раз, пасля баранавання: *мяшаць, пахаць*, в) трэці раз, пасля баранавання: *абмешваць, траіць*...; вопрос А 262. Як гавораць пра апрацоўку глебы бараной: а) пасля першага ворыва: *баранаваць, скарадзіць, падламваць*, б) пасля другога: *баранаваць, скарадзіць, валачыць*, в) засеянае поле: *пахаць, баранаваць, скардзіць*..// Інструкцыя па збіранню матэрыялаў для складання лексічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1971.

Карта 12. Глаголы со значением 'возделывать землю с помощью орудий'

1 – *орáть*; 2 – *пахáть*; 3 – *пахáть* в значении 'мести пол, двор, улицу'; 4 – *пахáть* в значении 'бороновать после сева'; 5 – то же в единичных пунктах

русских говоров, а в севернорусских "является позднейшим приобретением, перенесенным литературным языком" [Филин 1936, 102–103; Теплова 1973, 202]. Материалы по истории языка свидетельствуют об исконном сосуществовании обоих глаголов в пределах многих северных говоров.

В.Я. Дерягин, исследовший севернорусские памятники письменности, отмечает, что *пахать* издавна употребляется на Севере наряду с *орать*; и при этом обращает внимание на небольшую дифференциацию в их семантике: *пахать* 'обрабатывать, расчищать землю под посев или сенокос', *орать* – с более конкретным значением – 'взрыхлять землю под посев' [Дерягин 1968, 49].

Подробно разбирает значения рассматриваемых слов в памятниках древнерусского языка В.М. Марков, также доказывая, что эти глаголы имели семантические различия [Марков 1984, 215–217]. Так, в Судебнике 1589 г. *пахать* явно связывается с лесом: "*А черной лес пахати в суземке просто... и ... тех лесов... не сетчи, ни пахати...*," и др. "Очевидно, – пишет исследователь, – в понятие, передаваемое глаголом *пахать*, неизбежно входило и представление о рубке, расчистке, словом, о действиях, предшествующих пахоте как таковой" [Марков 1988, 217].

Что касается *орать*, в Судебнике он употребляется в соответствии со своим обычным значением – 'взрыхлять землю для посева'. Примеры употребления глагола *пахать* в значении 'подготавливать землю под посев, расчищать ее от леса', 'рубить лес' ("*лес пахати*") отмечаются исследователями в памятниках севернорусских территорий. Напомним, что местом составления Судебника 1589 г. является Двинская земля. *Пахать* в более широком значении 'обрабатывать, возделывать землю'

встречается во многих памятниках письменности разных территорий.

В СлРЯ XI–XVII вв. в статье Пахати[1] данное значение приводится как основное, первое – под цифрой 1. В этой же словарной статье приведен интересный пример функционирования обоих глаголов, стоящих рядом в одном контексте: "*Имъ* [железом] *землю оремъ и хлѣбь пашемъ*. Травник. Любч. 685, XVII в. ~1534". Здесь *пахать* употребляется со значением 'возделывать, выращивать какую-л. сельскохозяйственную культуру'. Значение 'возделывать' сближает глагол *пахать* с глаголом *делать, трудиться*, что приводит к вариантности в разных списках летописи "Повесть временных лет": "*Ол⟨ь⟩га ... посла къ граду гл҃н ... вси люди яшас⟨я⟩ по дань, пашють нивы своя и земли, а вы хощете гладомъ измрети* (Переясл. лет., 12), а в Лаврентьевской летописи – *дѣлають нивы своя*". М. Фасмер в статье *пахать, пашу I* объединяет рус. 'обрабатывать, возделывать землю', чеш. *pachati* 'делать, учинять', слвц. *páchat'* 'совершать, производить', польск. *pachać* 'копать'.

Значения, аналогичные всем вышеперечисленным, известны и в современных русских говорах (СРНГ, т. 25): *паха́ть* – 'обрабатывать землю, возделывать, сеять, выращивать (какую-либо культуру)' – *пахали белую свёклу*; *па́хать* – рубить (ель с сучьями) для бороны (ударение на первом слоге, вероятно, вызвано "ляпаньем", свойственным говорам данного региона – Медвеж. р-н Карелии); в сочетании *пахать смольё* – надрубать (подсачивать) хвойное дерево. У глагола *пахать* в русских говорах есть еще одно значение – 'резать' [ДАРЯ III, карта 100]; оно отмечено лишь в десяти населенных пунктах. Гораздо шире распространено более конкретное значение – 'резать хлеб, мясо', при этом, как правило, 'крупно, небрежно, большими кусками'. Возможно, здесь имеет место метафорический перенос, так как во время пахоты соха отваливает крупные пласты земли. Впрочем, некоторые исследователи, например С.Л. Николаев, связывают значение 'резать хлеб, мясо' со значением 'резать, рубить (ель, дерево)'.

Кроме основных знаков, на карте даны две изоглоссы. Одна из них показывает глагол *пахать* в значении 'боронить после посева', которое характерно для северо-восточных белорусских диалектов. А на русской территории близкие значения встречаются в отдельных ярославских, костромских, чухломских говорах. Исходя из материалов ДАРЯ, можно заключить, что здесь *пахать* обозначает различные процессы, связанные с севом: 'боронить перед посевом', 'запахивать семена после посева', непосредственно сам сев [ДАРЯ III, карта 45][3].

В Ярославском словаре и в СРНГ приводится также значение 'возделывать землю под зябку', т.е. пахать землю осенью под яровые.

Другая изоглосса показывает территорию употребления глагола *пахать* в значении 'подметать пол, двор, улицу'. Она охватывает обширную территорию северного наречия и западных среднерусских говоров. Подобное значение широко отмечено и в СРНГ, причем, в этом же регионе, а также в говорах позднего заселения. Словарь фиксирует употребление данного глагола при свадебном обряде (*дружки дорогу пашут вениками* – Арх.), при поминальном обряде – мести, обметать могилу (поминая умерших, *пашут хвоиною по могиле*. – Олон., Арх.).

В СлРЯ XI–XVII вв. в словарной статье Пахати[2] помещено значение 'мести, обметать, подметать'.: "*Тѣ же мужие при Лвѣ царѣ пахали улицы*. Опис. Царьгр. XVII в.~XIII – XIV вв. *Метловъ куплено кел⟨ь⟩и пахат⟨ь⟩ на 2 де⟨ньги⟩*. Кн. прих.-расх. Свир. м. 1657.

Приведенные факты – компактный ареал распространения, включение в структуру обрядов, памятники письменности, как представляется, свидетельствуют о древности значения 'мести', 'подметать'[4].

Небольшие ареалы, где *пахать* означает 'обметать пыль, паутину со стен, с потолка', 'обметать сажу', 'заметать печь, на печи', 'обметать снег с валенок', зафиксированы вокруг Кириллова (южнее Белого озера), близ Новгорода, в среднем течении реки Мологи, южнее Лодейного Поля, в устье р. Волхова [Теплова 1985, карта]. Глагол *пахать* с подобной семантикой отмечен в сербохорватском языке – 'обметать пыль, сдувать', словенском – 'обмахивать'.

Данное значение лексемы *пахать*, вероятнее всего, связано со значением 'веять, дуть', которое широко представлено во всех славянских языках, особенно в южнославянских.

Для русского языка в Словаре В.И. Даля приведены значения, близкие к названному: "Общее: дуть, навевать, маша, давать воздуху течение [Даль 3]. По Далю следует, что в этом смысле возможно объединение *пахать* с глаголами *пахнуть – пыхать* ("Из печи так и пашет (пышит) жаром" и под. примеры). М. Фасмер значение 'мести, чистить' помещает в статье *пахать* II, объединяя его со значением 'сдувать, обметать пыль', 'обмахивать', 'пахнуть' [Фасмер III].

Одни лингвисты полагают, что из значения 'веять, дуть' через 'обметать пыль, сажу, паутину и т.д.' развилось значение 'подметать пол, мести' и что Пахати[1] 'обрабатывать землю' и Пахати[2] 'мести, чистить', 'сдувать, веять' не связаны между собой [Преображенский II; Теплова 1985, 152–155].

Другие лингвисты придерживаются иного мнения. Так, белорусский исследователь Л.Т. Выгонная, изучавшая с разных сторон терминологию земледелия, возводит все перечисленные значения глагола *пахать* к первичному, за которое полагает 'мести'. Она приводит следующую цепь преобразований:

I. 'мести' → 'заметать' → 'бороновать после сева';

II. 'мести' → 'заметать' → 'пахать под зябь' (т.е. очищать от травы) → 'пахать' [Выгонная 1971, 60].

Однако, нам представляется, что возможно и наоборот – значение 'мести, чистить' выводить из значения Пахати[1] – 'возделывать, обрабатывать землю, подго-

[3] При анализе этого материала создается впечатление, что семантика глагола недостаточно уточнена собирателями, поскольку часто в одном или же соседних говорах *пахать* обозначает несколько процессов одновременно, что не типично для сельскохозяйственной терминологии с ее специализацией.

[4] Вопреки мнению В.А. Меркуловой [Меркулова 1988, 203], которая считает словоупотребление *пахать пол* севернорусской инновацией.

тавливать ее под посев, расчищать' (см. выше примеры из древнерусских памятников).

С.Л. Николаев[5] считает, что значения **paxati* I и **paxati* II подверглись контаминации еще на праславянском уровне. Исследователь разделяет точку зрения А. Вайяна, который доказывает связь русского *пахать* с балт. **pōš*: лит. *púošiu, púošti* 'очищать, подготавливать', лат. *púoši* 'чистить, мести' (Траутман. Балто-славянский словарь, 229) и с герм.: ст.-саксон. *fegōn* 'чистить, мести' и ст.-верхне.-нем. *fehōn* 'подготавливать, заботиться, ухаживать, делать старательно'.

Подробно разбирая все значения глагола *пахать* в славянских языках, А. Вайян выстраивает такую зависимость: значение 'проветривать', 'веять', 'сметать, подметать' соотносится с 'чистить', 'подметать' в балт. и герм. языках; в свою очередь, значение 'делать, работать', также русское 'возделывать, обрабатывать землю', соотносится с верхне-нем. 'подготавливать, заботиться' и с лит. 'отделывать, подготавливать' [Vaillant 1964, 91].

В отдельных архаических севернорусских говорах сохранились реликтовые значения глагола *пахать* – 'припасать, заготовлять', 'наготовить, наделать' (Арх., Онеж., Волог.). [СРНГ].

Итак, лингвогеографический анализ семантики глагола *пахать* на материале восточнославянских языков приводит к выводу, что ареал русских говоров, маргинальный по отношению к остальной Славии, часто сохраняет большинство архаических и даже реликтовых значений.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бромлей 1981 – *Бромлей С.В.* Русский диалектологический атлас как источник изучения истории языка // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

Букринская, Кармакова... 1994 – *Букринская И.А., Голубева Н.Л., Кармакова О.Е., Николаев С.Л., Саркисьян С.Г.* Язык русской деревни: Школьный диалектологический атлас. М., 1994.

Выгонная 1971 – *Выгонная Л.Ц.* Земляробчая тэрміналогія // Лексіка Палесся ў прасторы і часе. Мінск, 1971.

Дерягин 1968 – *Дерягин В.Я.* К истории слова пахать в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI. М., 1968.

Куликовский 1898 – *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.

Марков 1988 – *Марков В.М.* О глаголах пахать и орать // ОЛА. Материалы и исследования. 1984. М., 1988.

Меркулова 1988 – *Меркулова В.А.* К вопросу о диалектных различиях в лексике // ОЛА. Материалы и исследования. 1984. М., 1988.

Подвысоцкий 1885 – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

Преображенский II – *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1910–1914.

Сл.РЯ XI–XVII в. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–25. Л., 1966–1994.

Теплова 1973 – *Теплова В.Н.* Сельскохозяйственные термины орать и пахать в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Теплова 1985 – *Теплова В.Н.* Об употреблении глагола пахать в значениях, не связанных с процессом пахоты // Диалектография русского языка. М., 1985.

Филин 1936 – *Филин Ф.П.* Исследование о лексике русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии. М.–Л., 1936.

Vaillant 1964 – *Vaillant A.* Slave paše-paxati // Revue des études slaves. 43. 1964.

КАРТА 13

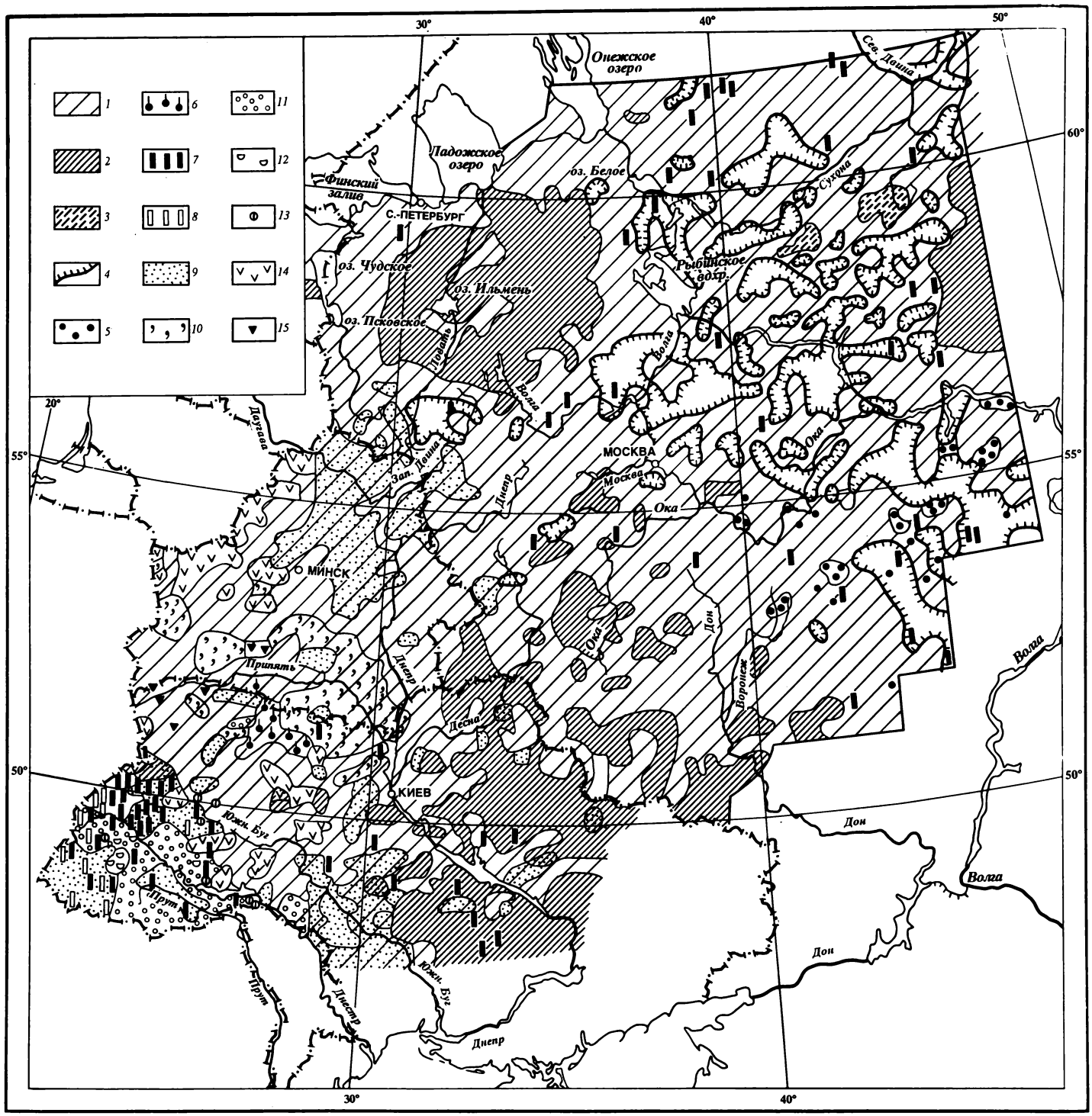
НАЗВАНИЯ РАДУГИ

Названиям атмосферных явлений в различных языках, в том числе и радуге, посвящено большое количество исследований. Вопрос о названиях радуги входит в Программы многих национальных и межнациональных атласов (например, ОЛА, ЛАЕ). Особо мы хотим упомянуть два труда, в которых авторы приводят обширный лингвистический и экстралингвистический материал. Это работа Н.И. Толстого [Толстой 1976], обобщающая весь славянский опыт по этой теме, и статья М. Алинеи [Алинеи 1988], где содержится анализ наименований радуги по данным Лингвистического атласа Европы. Столь пристальное внимание к названной проблеме объясняется не только принадлежностью подобного рода лексики к наиболее архаическому пласту, но и ее тесной связью с духовной культурой, с древнейшими верованиями и представлениями людей об окружающем мире. Оба автора, рассматривая мотивацию наименований радуги в различных языках, подводя итоги уже проделанной работе, делая определенные историко-генетические и этимологические выводы, тем не менее полагают, что необходимы новые поиски, новые описания.

Мы поставили перед собой скромную задачу – дать лингвогеографическое описание названий радуги в восточнославянском регионе, определив специфику этой части Славии.

Представленная карта составлена на основе следующих карт национальных атласов: белорусский – ДАБМ 1963, карта 312, вопрос 241; русский – ДАРЯ III, карта 89, вопрос 217; украинский –

[5] Авторы выражают благодарность С.Л. Николаеву и А.Е. Аникину, предоставившим неопубликованные сведения по этимологии глагола **paxati*, использованные в процессе работы над статьей.

Карта 13. Название радуги

	русск.	*укр.*	*блр.*
1 –	ра́дуга	ра́дуга	ра́дуга
2 –	ра́йдуга	ра́йдуга	–
3 –	ла́дуга	–	–
4 –	ра́дуга-дуга́	–	–
	дуга́-ра́дуга	–	
	ра́дова-дуга́		
5 –	ра́дива, ра́довка	–	–
6 –	–	ра́доўниця	ра́даўніца
7 –	дуга́	дуга́	–
8 –	–	туга́	–
9 –	весёлка	весе́лка, весела́	вясе́лка
10 –	весёлуха	весёлуха	вяселу́ха
11 –	–	весе́лица, весели́ця	–
		весели́чка	
12 –	–	весні́ука	–
13 –	–	краса́	–
14 –	–	те́нча	тэ́нча
15 –	–	смик	цмок

АУМ 1, карта 343, АУМ 2, карта 355, вопрос 47[1].

На территории восточнославянских говоров различные названия радуги лингвогеографически противопоставлены недостаточно четко, ареалы некоторых из них являются разорванными, имеют сложную "кружевную" конфигурацию. Так, в русских и в большей части белорусских говоров почти повсеместно распространено слово *радуга*, во многих диалектах оно отмечается наряду с другими наименованиями. Очень дробные ареалы различных названий, которые к тому же сосуществуют в одном населенном пункте, представлены и в западноукраинских говорах. Описанная лингвогеографическая ситуация получила подробное отражение на картах упомянутых национальных атласов. Поэтому при картографировании данного явления в рамках всей восточнославянской территории представилось целесообразным обобщить столь большой и разнообразный материал, чтобы его лингвогеографическая специфика предстала более наглядно и выпукло. При этом получали обозначение на карте названия, встретившиеся не менее, чем в 15 нас.п. Лексемы, не отраженные на карте, приведены в конце статьи в общем перечне слов с пометами об их употребительности и территориальной принадлежности. Многие восточнославянские названия имеют акцентологические, словообразовательные и фонетические варианты. В легенду включены и показаны на карте наиболее распространенные варианты слов, причем они даются в той форме, в которой приведены в легендах национальных атласов. Различные словообразовательные модели картографировались разными знаками в тех случаях, когда они образуют самостоятельные ареалы (например, *весёлка, веселу́ха,* укр. *весели́ця*). В тех же случаях, когда словообразовательные варианты не образуют ареалов, а перемежаются в отдельных говорах в пределах единой территории, они показаны одним знаком (например, укр. *весели́ця* и *весели́чка*; *весе́лка* и *весела́*). Прочие варианты названий, отмеченные в небольшом количестве говоров или единично, вошли в общий список слов, помещенный в конце статьи.

Как *ра́дуга, ра́довка, ра́довица, ра́доўница* условно картографированы названия с начальным г – γ: [γ]*ра́дуга,* [γ]*ра́довка,* [γ]*ра́довица,* [γ]*ра́доўница*. В белорусских и украинских говорах они отмечены единично, и большинство исследователей предполагает в них наличие протетического [γ]. На русской территории формы с начальным γ встретились спорадически в брянских говорах, небольшие ареалы в курских и белгородских говорах. Появление протетического γ на этой территории маловероятно. Видимо, здесь имеется семантическое сближение с корнем *град-*.

На территории русских говоров название *ра́дуга* не картографировалось при сосуществовании с наименованием *ра́йдуга* и композитами *ра́дуга-дугá* и *дугá-ра́дуга*.

Название *ра́йдуга* и его варианты: *райдугá, ра́й-дугá, дугá-ра́й* даны одним знаком. Варианты *райдугá, ра́й-дугá* распространены в основном в южнорусских говорах. Все перечисленные названия образуют два компактных ареала и несколько небольших. Остановимся на них подробнее. Один из компактных ареалов находится в северо-западной диалектной зоне и охватывает новгородские и ладого-тихвинские говоры, характеризующиеся и другими общими особенностями[2].

Указанные говоры исторически относились к землям Новгородской республики и по ряду архаических черт, как считают некоторые ученые, восходят к племенному языку ильменских словен. На северо-востоке находится еще один небольшой ареал этих названий. Его составляют говоры переселенцев из новгородских земель. Другой более менее компактный ареал слова *райдуга* расположен в южнорусском наречии – в курских, белгородких и примыкающих к ним украинских говорах. А в орловских и воронежских говорах отмечаются небольшие ареалы [Букринская 1985]. Территория распространения рассматриваемой лексемы в южных говорах отчасти совпадает с территорией, на которой фиксируются диалектные черты, возводимые к племенному диалекту вятичей [Николаев 1994]. Значимо то, что С.Л. Николаев относит племенные диалекты ильменских словен и вятичей к одному типу, названному им словенским [Николаев 1994, 35]. Таким образом, лингвогеографическая характеристика названия *райдуга* может свидетельствовать о его древности[3].

Название *ра́дуга,* широко представленное во всех трех восточнославянских языках, не встречается в других частях Славии. Особой, специфической чертой русского ареала названия радуги является обилие сложных наименований. В других славянских языках композиты представлены только в северо-восточных болгарских говорах [Толстой 1976, 50–51]. Чтобы яснее выявить территорию бытования сложных названий, слова *ра́дуга-дугá* и *дугá-ра́дуга*[4] были объединены и показаны одним знаком – огрубленной изоглоссой. Эти лексемы распространены одинаково широко и образуют многочисленные переплетающиеся ареалы. На той же территории встречаются и другие сложные названия: *дугá-ра́да* (д. Новая Пятина, с. Лухменский Майдан, с. Гремячевка Пензенской обл., д. Ново-Дмитривка Горьковской обл.), *ра́да-дугá* (с. Маркино, Мордовия), *дугá-ра́дова* (с. Сядемка Пензенской обл.), *рад-дугá* (д. Бочкари Рязанской обл., д. Уришки, Мордовия), *дугора́дуга* (с. Знаменская-Пёстровка, с. Соловцово Пензенской обл.), *дугора́* (с. Ташкино, д. Кисилевка, Мордовия, с. Паны Пензенской обл.), *дугá-дугари́ца* (с. Протасово, Мордовия, с. Малое Станичное Ульяновской обл.).

---

[1] Большой фактический материал по названиям радуги в украинских говорах содержат работы: *Дзендзелівський Й.О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області України. (Лексика). Ч. III. Ужгород, 1993; *Никончук М.В.* Матеріали до лексичного атласу української мови (правобережне Полісся). Київ, 1979.

[2] Наиболее существенные из них: наличие *-и* на месте **ѣ* перед твердыми согласными и на конце слова в Пр.п. сущ. II склонения, формы *мни, теби́, себи́* в Дат. и Пр. п. ед. ч. местоимений.

[3] Древним название *райдуга* считает А.И. Соболевский. По его мнению, первая часть слова *рае – рай* имеет не обычное, а более дрeвнее, дохристианское значение – 'цветной, пестрый'. С этим мнением согласен А. Преображенский, а М. Фасмер и Н.И. Толстой предполагают, что это название имеет народноэтимологическое происхождение: *рай – райская дуга,* ср. *божья дуга* [Преображенский II; Фасмер III].

[4] Сложные наименования, передаваемые написанием через дефис, именно так приводятся в материалах ДАРЯ; их большая часть имеет двойное ударение, при наличии одного ударения, оно стоит преимущественно на первом слове.

Об этимологии слова *радуга* существует несколько гипотез: из одного корня **rad* (И.А. Бодуэн де Куртенэ, М. Фасмер); из двух корней – **rad* и **dǫg* (А. Преображенский), "из сочетания типа **дуга, рада дуга*..., которое в скороговорке, или в результате гаплологии, дало *дуга-радуга* и позже просто *радуга*" [Толстой 1976, 52]. Представляется, что данные русских говоров подтверждают мнение Н.И. Толстого. В говорах всех трех языков единично встречается название *ра́да*, но важно, что в русских говорах оно отмечается на той же территории, где и сложные названия *рада-дуга, дуга-рада* и др.

Ареалы названных выше композитов ложатся на территорию распространения так называемых восточных говоров или «великорусских говоров "литературного типа"» [Николаев 1994, 43–47]. Говоры этого типа характеризуются целым рядом архаических акцентологических особенностей, резко отличающих их от других славянских языков, что позволяет лингвистам говорить о большой древности данного славянского диалекта и о древности поселения славян на этих территориях [Николаев 1994, Седов 1994].

К названному типу относятся говоры Волго-Клязьминского междуречья, верховьев Западнойй Двины, часть тверских и белозерско-бежецких говоров, а также диалекты нового заселения на востоке, связанные с ростово-суздальской и московской колонизацией. Именно здесь и отмечаются перечисленные композиты (см. карту), это позволяет предположить, что сложные названия являются старыми по происхождению. К тому же сложные названия бытуют в основном в фольклорных текстах, что тоже является свидетельством их древности.

Интересным и также специфически русским является название *ла́дуга* (*ладуга*), *ла́дуга-дуга́*, образующее небольшой ареал в Вологодской области. Вероятно, оно возникло на основе народноэтимологического сближения с корнем *лад-*. У других исследователей данная лексема в указанном значении не приводится. Нет ее и в СРНГ и прочих диалектных словарях.

Нельзя не упомянуть древнее название *дуга́*, мотивированное формой радуги. Оно присуще всем славянским языкам; "в тех славянских языковых группах и зонах, где это слово встречается не повсеместно и занимает не сплошной диалектный массив, оно, как правило, отмечается в довольно архаических зонах (окраинных)" [Толстой 1976, 23–24]. На русской территории фиксируется спорадически и лишь в Архангельской области образует небольшие ареалы, там же встречаются композиты *бо́гова дуга́* и *бо́жья дуга́*. Более широко распространено название *дуга́* в западных украинских говорах, где отмечено несколько компактных ареалов. В материалах атласа белорусского языка эта лексема отсутствует.

У восточных славян названия радуги с мотивацией пояс, известные во многих европейских языках (романских, балтийских), а в славянском ареале – в периферийных зонах южнославянских языков, встречаются достаточно редко. Они зафиксированы единично в белорусских и украинских говорах. Так, в блр. говорах отмечены варианты *пайа́с, по́йас*, а также композиты *бо́жы пайа́с, харо́шый пайа́с*, в укр. – *по́йас, пойасни́ца, пойа́ска*, для рус. говоров приведенная мотивация нехарактерна.

Во многих западнославянских языках для обозначения радуги употребляется термин **tǫča* (польск., кашуб., в.-луж., н.-луж.). Аналогичное наименование известно в говорах Украины – *те́нча* и Белоруссии – *тэ́нча*. Но если в кашубской зоне *tęča* называют, кроме радуги, и тучу, дождь, ливень, то в украинских и белорусских говорах это название связано только с радугой, а для обозначения тучи существуют иные лексемы: блр. – *хма́ра, ту́ча* [ДАМБ, № 313]; укр. – *хма́ра, о́болок, ту́ча* [АУМ, 2, № 356]. Поэтому, вероятнее всего, название *тенча* в восточнославянских говорах является заимствованием [Толстой 1976, 33].

Подобную мотивацию имеет единичное название радуги *мо́рок*, отмеченное в ДАРЯ (с. Потево Устьянского р-на Архангельской обл.): *у нас ра́дуга мо́рок зову́т*. В этом же говоре и туча носит название *мо́рок*: при небе, обложенном тучами, – *мо́роц'ноц д'ен'* (называют).

С той же мотивацией в южном наречии зафиксировано наименование *бо́локи* (с. Лопатни Клинцевского р-на Брянской области), обычно употребляемое на этой территории в значении 'облако', 'туча'.

Описанный перенос названия с тучи на радугу понятен: по представлениям славян, радуга пьет воду и наполняется ею, подобно дождевой туче[5] (о пьющей радуге см. ниже).

Помимо *радуги*, наименованием, свойственным только восточным славянам, являются образования с корнем *весел-*, преобладающие в Белоруссии и на Украине, а в русских говорах известные в пределах юго-западной диалектной зоны. От указанного корня зафиксировано большое число фонетических, акцентологических, словообразовательных вариантов (см. список названий). Одна из заслуживающих внимания форм в этом ряду – *весела́* с вариантами, представляющая собой по происхождению краткое прилагательное жен. рода (субстантивированная форма).

Названия с корнем *весел-* претерпели различные трансформации, связанные с явлением народной этимологии, поддержанные фонетикой говоров (безударная позиция 1-го гласного). В украинских диалектах можно назвать две линии: 1) сближение с глаголом *висеть* (укр. *висіти*): *вис'у́лка, вис'їука* и т.д.; 2) сближение со словом *весна*: веснїука, *весн'е́нка, весна́*. Белорусские единичные образования *ос'ело́к, асе́лка* тоже, видимо, связаны с этим же корнем[6]. Н.И. Толстой полагает, что к модификации слов *весе́лка, весела́* относится название *весло́* (Закарпатье), а также блр. *перавясёлка*, возникшее на основе контаминации слов *перавя́сло* – 'жгут соломы для вязки снопов' и *в'асёлка*.

Следует заметить, М. Алинеи лексему *весёлка* (и ее варианты) ставит в один ряд с антропоморфными названиями радуги – именами богинь, женскими именами собственными, при этом высказывая любопытное предположение, что речь в подобных случаях может идти о так называемой "девушке дождя" – персонаже,

[5] Н.И. Толстой усматривает в подобном переносе названий свертывание оборота *о́блако во́да пи́је* [Толстой 1976, 55].

[6] *Асяло́к* (блр.) – точильный камень, брусок. Допустимо предположение, что подобное название радуги могло возникнуть и без связи с корнем *весел-*.

выполняющем важную функцию в обрядах вызывания дождя [Алинеи, 1988, 114]. Не исключено, что к этой группе примыкают и восточнославянские наименования *краса́, краса́вица, красу́ля*, возможно, ра́да и под.

Культурной семантике славянского корня **vesel-* посвящена содержательная статья [Толстой, Толстая 1993], в которой отмечается, что в современных славянских языках во многих контекстах слова с корнем **vesel-* и **rad-* оказываются межъязыковыми или междиалектными синонимами.

В украинских и белорусских говорах встречаются, хотя и не часто, наименования укр. *смик* и блр. *смок – цмок*. В словаре Носовича среди прочих значений лексемы *смокъ* указано название сказочного змея *Смокъ* (ср. *Цмокъ*[7]). А М. Алинеи в статье "О названиях радуги в Европе" замечает: "Представление о радуге как о змее очень часто встречается в фольклоре европейских народов, и даже в ареалах, где название радуги не сохраняет никаких следов представления о змее" [Алинеи 1988, 112]. Как полагает исследователь, зооморфные наименования дают самое архаическое представление о радуге. Так, ученый приводит названия радуги 'черная корова', а также 'божья черная корова' для словенского, 'бык' и 'корова', 'божий бык' для коми-зырянского языков. В ДАРЯ мы обнаружили лишь одно наименование, примыкающее по мотивации к названным, – *смо́лости* (д. Слудка Опаринского р-на Кировской области). В сев., вост. говорах *смо́лось, смо́лость, смо́лочь* – коровье вымя; редко говорят о живой корове [Даль IV].

Далее, Алинеи связывает выражения, характерные для славянского ареала, "пить, как радуга" со следами присутствия имени животного в названии этого атмосферного явления. Действительно, во всех восточнославянских говорах бытует представление, присущее славянам с древнейших времен, о радуге, пьющей, сосущей, берущей воду из различных водоемов, колодцев: блр.: *на дошч радуга ваду набираить* (д. Острово Слонимского р-на Гродненской обл. – цит. по [Толстой 1979, 54]; русск.: *ра́йдуга, дуга*; *дуга даж'д'а́ наб'ира́ит' в р'е́ч'к'ь* (д. Залучье Верейского р-на Моск. обл.,); *ɣрабн'и́ца/ ис-па́т ту́ч'к'и-та ɣрабн'и́ца-та ɣл'ад'и́т' / канцы́ ɣДо́ну / jе́та ана́ во́ду п'jот'*[8] (с. Александровка Гремяченского р-на Воронеж. обл.); укр.: *Дуга́ (туга́, весе́лка) с кырни́ц'і во́ду бе^{и}ре́* (Тересва Тячівський р-н Закарпатськоі обл.); *Веселівка пйе во́ду* (Руське Мукачівський р-н Закарпат. обл. [Дзендзелівський 1993]. И.А. Дзендзелевский приводит примеры, когда пьяницу сравнивают с радугой по количеству выпитого: "*пьет, как дуга́, весе́лка*".

С этим свойством радуги – брать отовсюду воду – связаны и ее названия в отдельных говорах: *водосо́с* (д. Рыжичная (Медвежья) Верховажского р-на Вологод. обл., 1956); *струя́* (д. Павлово Кичменско-Городецкого р-на Вологод. обл., 1956); *кл'уч* (д. Домановичи Старобинск. р-на Минской обл.), *крини́шник* (д. Марьяновка Ровенской обл.). Отчасти к этой группе примыкает название *коромы́сло*. С одной стороны, радуга по форме похожа на этот предмет, с другой – коромысло – то, на чем носят ведра с водой, т.е. связь с водной стихией неоспорима; блр. – ра́дуɣа – *каро́м'ис'ел на не́бе* (д. Прибытки Гомельского р-на Гомельской обл.); русск. – *коро́м'исел* (д. Кулаги Сурожского р-на Брянской обл.); в СРНГ зафиксированы названия *коромы́сль* – радуга (Морш. Тамб.) и с пометой Новорос., Иркут. *коромы́сло*; по данным других диалектных словарей *коромы́сло* 'радуга' известно в Смоленской, Ярославской, Хабаровской обл.; укр. – *коро́місло* (д. Камяне Рокитнянского р-на Ровенской обл.), *коро́мисло* (д. Качанівка Хмільницький р-н Вінницька обл.), *каро́м'ісел* (Лопатні Ріпкинський р-н Чернігівська обл.).

Издавна, наблюдая за тем или иным атмосферным явлением, люди старались предсказать погоду, поскольку это было важно для сельскохозяйственной практики. Не последнее место в этом ряду занимают сведения о радуге. Отдельные замечания подобного рода были записаны в русских говорах при сборе материалов для ДАРЯ: *бо́гава ра́дыга / ино́ja дв'е стajит' jи́х р'а́дам / к плахо́j – ана́ стано́в'ицa атво́на* (отлого) / *к в'о́дру – кру́та* (д. Букино (Гусаково) Великолукской обл.); *ра́дугъ – крас'и́въць пало́съч'къ (jе́с'л'и крута́ць – то э́тъ к в'о́дру, а jес'л'и атло́гьцъ – к пагóды)* (д. Городище Пеновского р-на Великолукской обл.); ра́дуга: если отлогая, то будет плохая погода (д. Богданово Каменского р-на Калининской обл.); *ра́дуга и дуга́ /ра́дуга крута́ja – к в'о́дры, а атло́гъja – к пагóды* (д. Денежное Луковниковского р-на Калининской обл.).

По свидетельству Н.А. Иваницкого, такие же приметы были у крестьян и в Вологодском крае [Иваницкий 1890].

С давних пор славянам было свойственно двоякое отношение к радуге: 1. в одних местах считали, что она – предвестник дождя: блр. – *Дождж ідве, і вясёлка ваду бярэ – значыць, нянасьце будзіць* [Бялькевіч 1970]; единичные названия радуги: *дажжа́нка, к'ис'ал'и́ха*; русск. – *Висялуха бяреть ваду в азирце – дош будить* [Смоленский словарь 1980]; *Ра́дуга г дожжа́м* (с. Бестужево и д. Орлово Устьянского р-на Архангельской обл.); укр. – *Веселівка воду пйе на дошч* [Дзендзелівський 1993]. 2. в других местностях верили, что радуга – к хорошей погоде: русск. – *Кака райдуга йаркъйа, дажжа бол'и н'и буд'ьт* [Материалы... 1963]; укр. – *Ве^{и}се́лка наста́ла, ддж'джу́ не^{и} бу́де. Коли́ зыйде весела́ та вдду пйе, дождж'у́ не^{и} бу́де* [Дзендзелівський 1993]. Единичны украинские названия с корнем **(j)ěsnъ*: *йасни́ука* (Завадів Яворівський р-н Львівська обл.), *йасни́ц'і* (Вороблевичі Дрогобицький р-н Львівська обл.), *йасе́ука* (Вишків Долинський р-н Івано-Франківська обл.), передающие представление о радуге как предвестнице ясной погоды.

И.Н. Толстой отмечает: "...большая распространенность поверья, что радуга предвещает окончание дождя и ясную погоду, укрепилась еще влиянием библейских преданий на славянские дохристианские

---

[7] Основное значение слова *смок* (по Носовичу) – насос, машина, употребляемая для перелива какой-либо жидкости. Подобного рода перенос названия насоса на радугу также широко известен в различных языках.

[8] Название *грабни́ца* (*грабни́чка*) объазует небольшой ареал в говорах Воронежской обл. Этимология его не ясна. Следует подчеркнуть, что данное наименование отмечено только в материалах ДАРЯ, а в других исследованиях не приводится.

представления" [Толстой 1976, 66]. Любопытна в этом отношении запись из д. Евда Красноборского р-на Архангельской обл.: *ра́дуга и ра́н'ше дожжа́ быва́йет / ра́дуга-то означа́йет што вс'ем' и́рнова пото́па бо́л'ше н'е бу́д'ет.*

Видимо, именно с влиянием библейского предания связано возникновение таких названий радуги, как русск. *знаме́нья* (с. Чернуха Кстовского р-на Горьковской обл.), *зна́мя* (с. Вязовка Кстовского р-на Горьковской обл.), *бо́жья дуга́, бо́гова дуга́* (Архангельская обл.), *бо́гова доро́жка* (д. Долгино Солотчинского р-на Рязанской обл.); *доро́га* (может быть, на небо? д. Заручье Бежецкого *р-на Калининской обл.);*

блр. – *бо́жы пайа́с* (д. Мураж Браславского р-на Витебской обл.);

укр. – *блугуслави́ц'і* (Дунаів Перемишлянський р-н Брестська БРСР);*зна́мн'е* (Бродниця Зарічненський р-н Ровенська обл.); *бо́жий знак* (Грушеве Тячівський р-н Закарпатська обл.); *с'в'а́тка* (Устенське Перше и Стара Мощаниця Здолбунівський р-н Ровенська обл.), *семоцв'е́тна па́ска* (Галево Пінський р-н Брестська БРСР), *матер божа воду бере* (Глинськ Роменьский р-н Сумська обл.).

В народе хозяином молнии, грома, дождя считался Илья Пророк. Отголоски подобных представлений еще живы в записях ДАРЯ зафиксировано: *ра́дъга посл'и Ил'ина́ дн'и / Ил' ја дугу́ пов'ес'ит* (д. Архангельское Конаковсого р-на Калининской обл.). Взывание к радуге встречается в детских фольклорных песенках, где закрепились реликты прежних обрядовых действ. Так, к радуге обращаются с просьбой остановить дождь (по материалам ДАРЯ): Ра́дуга–дуга́, не дава́й дожд́я, дава́й со́лнышка! (д. Бабахино и д. Фёдоровское Талдомского р-на Московской обл.); Ра́дуга-дуга́, переки́нь оболока́! (д. Кузнецово Кирилловского р-на Вологодской обл.); Ра́дуга-дуга́ не дава́й дожд́я, дава́й со́лнышка-колоко́лнышка! Со́лнышко-колоко́лнышко, к нам го́сти на зава́линку, у на́с пирожки́, за реко́й батош/ж/ки́. (д. Рыжичная (Медвежья) Верховажского р-на Вологодской обл.); *ох какája в'ас'о́лка крас'и́ваја / ра́дуга на мо́j двор / в'ес'ал'и́ маjи́х каро́ў* (д. Мошарино Новосокольнического р-на Великолукской обл.).

А.Б. Страхов описывает издавна существовавший в Полесье обряд "разрывания радуги" с целью предотвращения дождя: "Давай ее пэрэрвэм, штоп нэ було доштю!" (Пары детей крепко сцепляются правыми мизинцами и с силой разрывают сцепление) [Страхов 1985]. Однако следует отметить, что названия радуги, функционирующие в восточнославянских фольклорных текстах, особенно в детском фольклоре, мало изучены и нуждаются в дополнительном сборе.

Составленная карта помогает обобщенно представить многообразие восточнославянских наименований радуги и сопоставить эти данные с новейшими исследованиями в области истории языка. Таким образом, лингвогеографическая характеристика восточной части Славии на материале древнейшей лексики показывает, что в описываемом регионе есть свои архаические зоны, которые имеют нетривиальную конфигурацию и, вероятнее всего, связаны с племенными диалектами восточных славян.

НАЗВАНИЯ РАДУГИ В БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ

ас'ало́к	ед.
бо́жы пайа́с	ед.
весели́ха	ед.
весель'ік	ед.
весялу́ха	+
высыл'о́к	ед.
вясёлка	+
ґра́даўница	ед. (картогр. как ра́даўніца)
ґра́давица	ед.
ґра́духа	ед. (картогр. как ра́дуга)
дажджа́нка	ед.
кл'уч	ед.
к'ис'ал'и́ха	ед.
краса́вица	ед.
красу́л'а	ед.
м'ец'елу́ха	ед.
ос'ело́к	ед.
перавесёлу́ха	ед.
перавясёлка	
про́м'ин'	ед. 'луч'
пайа́с	
по́йас	ед.
ра́да	ед.
ра́давица	ед.
ра́дуга	+
ра́даўніца	+
тэ́нча	+
тэ́нза	ед. (картогр. как те́нча)
харо́шый пайа́с	ед.
ценжа	ед.
цента	ед.
цмок	+

НАЗВАНИЯ РАДУГИ В РУССКИХ ГОВОРАХ

бо́гова доро́жка	ед. Вост.
бо́гова дуга́	С. (картогр. как дуга́)
бо́жья дуга́	С. – " –
бо́локи	ед. Ю.
весёлка	+
весёлу́ха	+
водосо́с	ед. С.
га́рдуга	ед. Вост.
ґрабни́ца	Ю.
ґрабни́чка	Ю.
ґра́да	Ю. (не картогр. отмечена наряду с ра́дуга)
ґра́дова-дуга́	ед. Вост.
ґрадовица	ед. Ю.
ґрадови́ца	ед. Зап.
ґра́довка	Зап., Ю. (картогр. как ра́довка)
ґрадуга	Зап., Ю. (картогр. как ра́дуга)
городни́чка	ед. Вост.
доро́га	ед. С.
дуга́	+
дуга́-дугари́ца	ед. Вост. (картогр. как дуга́)
дуга́-ра́да	ед. Вост. (картогр. как ра́дуга-дуга́)
дуга́-ра́дова	ед. Вост. (картогр. как ра́дуга дуга́)
дуга́-ра́дуга	+
дуга́-рай	ед. С.
дугора́	ед. Вост.
дугора́дуга	ед. Вост. (картогр. как дуга́-ра́дуга)

+ – помечены формы, которые приведены в легенде к карте. ед. – единичность – указание на то, что форма зафиксирована в 1–3 нас. п. С. Ю. Зап. Вост. – заглавные буквы обозначают региональные атласы русских говоров. Если форма приведена только с подобной пометой или без помет, значит, она отмечена от 3 до 15 раз. 1,2 – Атлас української мови. Ч. 1. Київ, 1984, Ч. 2. Київ, 1988.

знаме́нья	ед. Вост.
зна́мя	ед. Вост.
коромы́сло	ед. С., Зап., Ю.
ла́дуга	+
ла́дуга-дуга́	(картогр. как ла́дуга)
мо́рок	ед. С.
перевесе́лок	ед. Зап.
ра́вдуга	ед. С.-Зап., С.
ра́да	ед. Ю.
ра́да-дуга́	ед. Вост. (картогр. как ра́дуга-дуга́)
ра́двица	ед. Вост.
ра́ддуга	ед. Вост. (картогр. как радуга)
радега	ед. Вост. (картогр. как ра́дуга)
ра́дива	+
ра́йдуга	+
райдуга́	(картогр. как ра́йдуга)
ра́й-дуга́	(картогр. как ра́йдуга)
ра́дова дуга́	+ (картогр. как ра́дуга-дуга́)
ра́довка	+
ра́дуга	+
ра́-дуга́	ед. Вост. (картогр. как ра́дуга)
раду́га	Вост., Ю. (картогр. как ра́дуга)
радуга́	ед. Вост. (картогр. как ра́дуга)
ра́дугва	ед. Вост. (картогр. как ра́дуга)
ра́дух	ед. Ю.
ра́душка	ед. Вост. (картогр. как радуга)
свете́лка	ед. Зап.
смо́лости	ед. С.
струя́	ед. С.

НАЗВАНИЯ РАДУГИ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ

блугуслави́ць'	ед. 2
бо́жий знак	ед. 2
вас'е́л'іца	ед. 1 (картогр. как весе́лица)
ведро́	ед. 2
весе́ла	+
весела́	+
веселайа ра́дуга	ед. 1
весе́лиця	+
весели́ця	+
весели́чка	+
весе́лка	+
весел'о́ха	ед. 2
весели́н	ед. 2
весе́луха	ед. 1 (картогр. как весели́ха)
весели́ха	+
весел'у́ха	ед. 2 (картогр. как весели́ха)
весел'у́шка	ед. 2
вес'ĭлка	ед. 2
вес'ĭ'ука	ед. 2
весил'а́н	ед. 2
весил'і'ука	ед. 2
ве́слик	ед. 2
весло́	ед. 2
вес'ол	ед. 2
вес'о́ла	ед. 2 (картогр. как весе́лка)
вес'о́лка	ед. 1 (картогр. как весе́лка)
вес'у́лка	ед. 2
весна́	ед. 2 (картогр. как весні́ука)
весн'е́нка	ед. 2 (картогр. как весні́ука)
весні́ука	+
висе́лко	ед. 1
висе́л'н'а	ед. 1
висола	ед. 2
вис'у́лка	ед. 2
ґра́да	ед. 1
ґра́дов'іца	ед. 1, 2 (картогр. как ра́доўниця)
ґра́дуга	ед. 1, 2 (картогр. как ра́дуга)
ґрадоўница	ед. 2 (картогр. как ра́доўниця)
дуга́	+
зна́мн'е	ед. 2
йасе́ука	ед. 2
йасні́ука	ед. 2
йасни́ц'і	ед. 2
каро́м'ісел	ед. 2
коро́м'ісло	ед. 2
коро́мисло	ед. 2
кра́йдуга	ед. 1
краса́	+
красаво́да	ед. 1
красе́	ед. 2
кра́ска	ед. 2
красу́л'а	ед. 2
кринишник	ед. 2
крин'и́шник	ед. 2
лис'ĭ'ука	ед. 2
мо́лн'ійа	ед. 1
небо молод'ійе	ед. 1
огра́да	ед. 1
осе́лка	ед. 1
осе́лица	ед. 2
ос'о́лка	ед. 1
паздва́на	ед. 2
перевесі́лка	ед. 2
пересі́лка	ед. 2
по́йас	ед. 1, 2
пойа́ска	ед. 2
пойасни́ца	ед. 2
ра́да	ед. 2
ра́два	ед. 2
ра́дга	ед. 1
ра́диво	ед. 1
ра́д'іва	ед. 1
ра́д'іга	ед. 1
радова́	ед. 1
ра́дова	ед. 1, 2
ра́довга	ед. 2
ра́довіца	ед. 2
ра́довка	ед. 2
ра́доўниця	+
радорніца	ед. 2
ра́дува	ед. 1, 2
ра́д'ува	ед. 1
ра́дуга	+
раду́га	ед. 1, 2 (картогр. как ра́дуга)
радуга семиць'е́тка	ед. 1 (картогр. как ра́дуга)
ра́д'уга	ед. 1
ра́дусник	ед. 2
ра́духа	ед. 1
райвесіолка	ед. 1
ра́йдуга	+
райду́га	ед. 2 (картогр. как ра́йдуга)
ра́йдуха	ед. 1 (картогр. как ра́йдуга)
росе́лка	ед. 1
рос'ĭ'ука	ед. 2
сва́йба	ед. 2
с'в'а́тка	ед. 2
се́лка	ед. 1
семоцве́тна па́ска	ед. 2
сіварва́н'а	ед. 2
сіверва́н'	ед. 2
с'і'ука	ед. 2
смик	ед. 2 (картогр. как смок)
смок	+
сму́га	ед. 2
тенч	ед. 1
те́нча	+
туга́	+
ту́га	ед. 1
усе́лка	ед. 1
усе́л'н'а	ед. 1
цмок	+

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Алинеи 1988 – *Алинеи М.* О названиях радуги в Европе (карта 17 Лингвистического атласа Европы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988.

Букринская 1985 – *Букринская И.А.* Названия радуги в русских говорах (лингвогеографический аспект) // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. Ч. 1. Тезисы докладов и сообщений III республиканской конференции. Гомель, 1985.

Бялькевіч 1970 – *Белькевіч К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілеўшчыны. Мінск, 1970.
Дзендзелівський 1993 – *Дзендзелівський Й.О.* Лінгвістичный атлас українських народных говорів Закарпатської області України Лексика. Ч. III. Ужгород, 1993.
Иваницкий 1890 – *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II. М., 1890.
Материалы... 1963 – *Немченко В.Н., Синица А.И., Мурникова Т.Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
Николаев 1994 – *Николев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. 1994. № 3.
Носович 1870 – *Носович И.И.* Словарь белорусскаго наречия. СПб., 1870.
Преображенский II. – *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1910–1914.
Страхов 1985 – *Страхов А.Б.* Полесссский обряд "разрывание радуги" // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. Ч. II. Тезисы докладов и сообщений III республиканской конференции. Гомель, 1985.
Седов 1994 – *Седов В.В.* Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ. 1994. № 4.
Смоленский словарь 1980 – Словарь смоленских говоров. Вып. II. Смоленск, 1980.
Толстой 1976 – *Толстой Н.И.* Из географии славянских слов: 8. 'радуга' // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976.
Толстой, Толстая 1993 – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. **vesel-*) // XI Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 1993.

КАРТА 14

НАРЕЧИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ОЧЕНЬ'

Все национальные атласы восточнославянских языков содержат карты, показывающие распространение наречий, выражающих высшую степень качества или интенсивности, энергичности действия – 'очень' в различных словосочетаниях (что соответствует синтагмам ADV + ADJ, ADV + ADV и ADV + VB[1])[2]: [ДАРЯ III, 99] ("Диалектные слова со значением 'очень'), ср. также: [Язык, карта 10. с. 66], [ДАБМ 1963, 322] ("Распространение слов *вельмі, дужа, надта/занадта*"), [АУМ I, 344, II, 374] ("дуже [великий]").

Лингвогеографическая экспликация указанных данных – в свете дискуссий о характере (и истории) восточнославянского единства – представляет, на наш взгляд, определенный интерес и в плане синхронии (в частности, ареалогический аспект), и в плане диахронии (проблема формирования современного лингвистического ландшафта и стратификация противопоставленных явлений и др.).

Корпус лексем, зафиксированных на сводной карте в значении 'очень', включает 24 лексемы (см. табл. 1); при рекартографировании полностью учтены сведения соответствующих карт трех атласов; из некартографируемых материалов, отраженных в комментариях к картам, на нашей карте присутствуют: рус. *очень*[3] и др. (ср. бел. диал. *óчен'* и др.), большинство белорусско-украинских локализмов[4] (кроме единичного *шмат*), укр. диал. *т'вердо, май* – поскольку они имеют, хотя и небольшой, но компактный ареал. Не отражены на сводной карте единичные названия: рус. диал. *здóрово, блáго, гоже (гажó), ужáсно, (úжас), страх (страсть), зло* и др. (ср., например: АРГВМ)[5], укр. диал. *'тен'г'о, ст'рашно (страх), г'рубо* (не говоря уже об иных способах выражения высшей меры, степени проявления качества – *величéзний, ве^{и}лúзний, велиц"óстиі* и т.д. – АУМ 2, 00.

Ниже, в "Индексе", дан полный список лексем в обобщающей записи[6]), функционирующих в восточносла-

[1] Впрочем, формулировка вопроса "Программы), например, русских региональных атласов не предусматривала установления сочетаемости наречий, а также употребления их в степенях сравнения, поэтому иногда в собранных материалах оставалась неясной семантика самого наречия (ср., в частности: [Вост. комментарии 1957]. Осознание необходимости учитывать особенности употребления наречий со значением 'очень' потребовало от организаторов работы над ДАРЯ внести уточнения в методику анкетирования (см.: [МУ 1957, 138–139]).

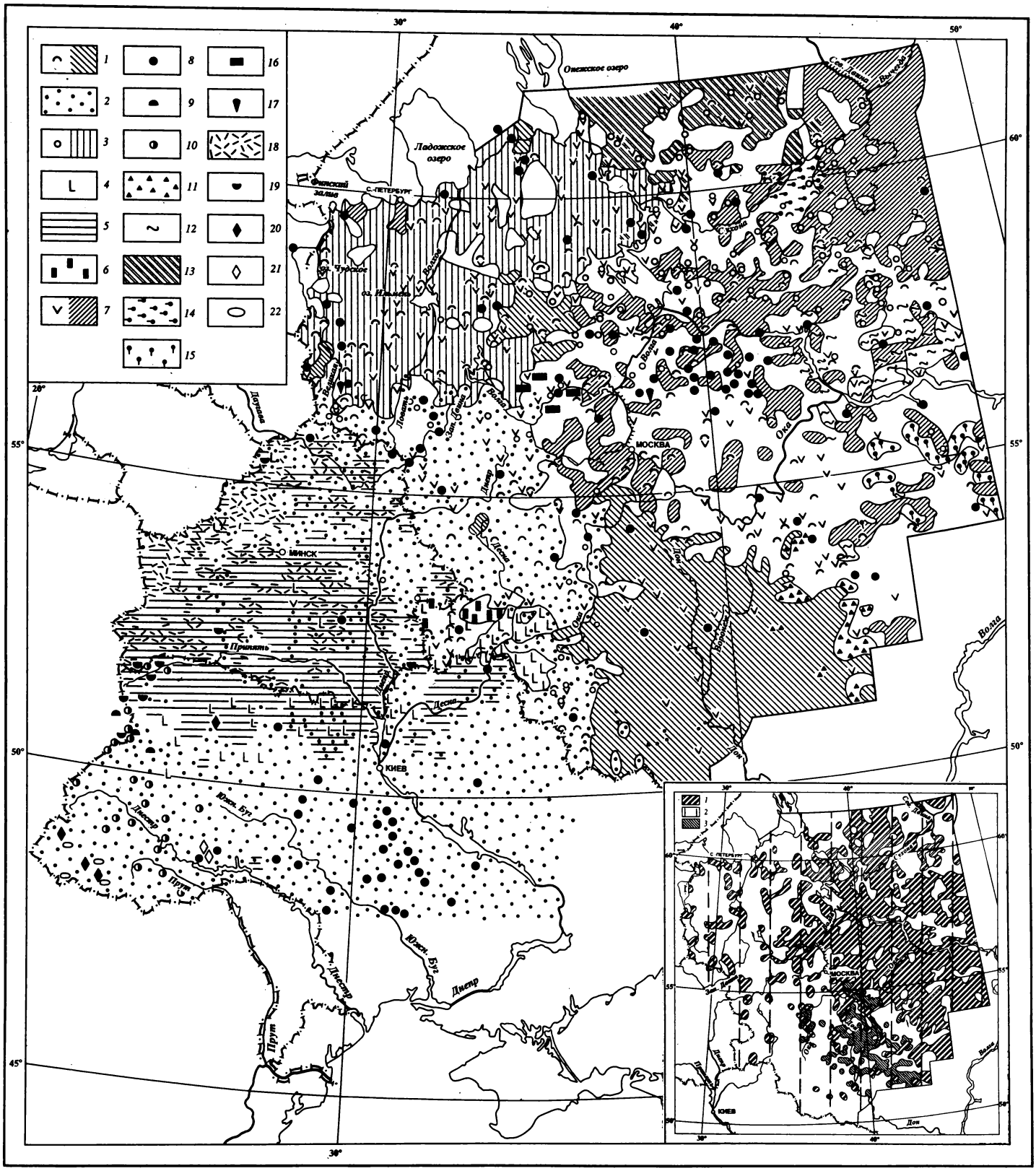
[2] Обозначения данного наречия в литературных языках: рус. *óчень* 'в самой сильной степени, весьма' (ССРЛЯ 8, 1793), укр. *дýже* 'у великій мірі, надто, надзвичайно' (СУМ II, 432), бел. *вéльмі* 'надта, надзвычайна, дужа', *нáдта* 'вельмі, у вялікай ступені' и под. [ТСБМ 1, 476; 3, 245]. Ср. также: *óчень* 'вéльмі, нáдта, дýжа' [РБС I, 646].

[3] В ДАРЯ его отсутствие на карте мотивируется тем, что данное наречие известно практически на всей территории (см. комментарий); в Вост. – иначе: *очень* оценивается как литературное (что противоречит теме карты – [Вост. 1077]).

[4] Локализмом можно считать явление, представленное в виде микроареала или единичной (-локальной) фиксации; регионализм – лексический (семантический) диалектизм, отмеченный в достаточно обширном регионе, чаще – в виде анклавов большей или меньшей величины (см. ниже).

[5] О некоторых других, не отраженных в национальных атласах обозначениях данного наречия (*беда, невыносимо* и под.) см. в: [*Раков* 199]. В диалектных словарях находим и: *мнóго* [Словарь КК, 114], ср. др.-рус. **много** 'сильно, о ч е н ь' (=и много нудиша [XIV в] – [СлРЯ XI–XVII вв. 9, 194, ст.-укр. **много** 'дуже' ([ССМ I, 603] 1 употр.). О существовании подобного значения у *много* уже в языке древнейших памятников см.: [Ефимова 1989, 117–119].

[6] При введении обобщающей записи нами учитывается опыт ОЛА, – в частности, использование прописных букв. Это дает возможность дать компактную запись диалектных форм, например: сохранение зубного / переход его в аффрикату (*барзо–бардзо*), сохранение / несохранение звонкого согласного (*$^{+}$sIBkO – шы́пка, ши́бко* и под.), передача модификаций этимологически единого гласного (*$^{+}$krEpkO – кре́пко, кря́пка* и др.) (см.: [ОЛА 1994, 55 и сл.], ср.: [ОКДА 1987, 106]).

Карта 14. Наречия со значением 'очень'

1 +*d'užE*; 2 +*dužE*; 3 +*gOrazd(O)*; 4 +*krEpko*; 5 +*vel(')mI*; 6 +*ladnO*; 7 +*šIBkO*; 8 +*sil(')nO*; 9 +*barZo*; 10 +*fest*; 11 +17 +*lixo*; 18 +*naDtO*; 19 +*mOcnO*; 20 +*tverdo*; 21 +*t'ažko*; 22 +*maj*.

Врезка

1 – +*bol(')nO*, 2 +*očEn(')*, 3 +*dobrE*.

вянских диалектах в значении наречия 'очень' и образующих противопоставленные явления. Каждая лексема снабжена краткой лексикологической характеристикой: сведения этимологического и исторического характера, фиксация в словарях современных языков, обращается внимание на существование в тот или иной период не только самой наречной формы, но и интересующего нас значения 'высшей меры, степени признака, действия' (иногда – на фоне иных, как правило, более старых значений). Таким образом, Индекс имеет вспомогательное значение, он позволяет в дальнейшем, при анализе лингвистических ареалов, оперировать соответствующими лексическими единицами без специальных пояснений, которые читатель найдет в данном разделе.

1. *+barZo* (< польск. *bardzo* 'очень', «устар.» 'быстро' – [Sławski, I, 27]): бел. диал. *бáрzo, бáрзо* 'очень' (единичн.) [ДАБМ], но ст.-бел. **бордзо, борзо** 'быстро' [Гістарычны 1, 149] – исконное; укр. диал. *'барзо, барз* 'очень' ([АУМ 2] – с.-зап. пограничье), ср. ст.-укр. **барзе, барзо** то же (XVI в. – [ЕСУМ 1, 142]).

2. *+bol(')nO* (по-видимому, к **bol'ь[jь], *bol'ьši, *bol'e[je]* – компаратив, в супплетивной паре с **velikъ* и вторично – с **dobrъ*, ср. др.-инд. *bála-m* 'сила' и под., продолжение и.-е. **bel-* [ЭССЯ 2, 191–192], родств. исконному **bol'ěti* 'быть с и л ь н ы м', но и '~ больным' [явление табу – ЭССЯ 2, 187–188] в противоположность иным мнениям, ср., например: [Фасмер I, 191] и др.; о словообразовательной модели – [Чурмаева 1989, 74]): рус. диал. *бóльно, бóльнá* 'очень' [ДАРЯ], в СРНГ: *бóльно* (и *бóлько*) то же [СРНГ 3, 86], там же и *болив* 'больше' (казан., ряз. – СРНГ 1, 286), ср. также *бóльно* 'очень, весьма' (и *болѣ, болѣе,* 'больше'), *больма, больми* «устар.» 'очень' у: [Даль I, 112–113], ср. др.-рус. **больно** 'очень'(=больно доскучило – [СлРЯ XI–XVII вв. 1, 285]), но и 'больно', 'тяжко' и др. (там же); по СлДРЯ, ранее – лишь близкие значения: **боле** 'в большей степени', **больми** (70 употребл.) то же, но и 'о ч е н ь' (=больми оужасеса [XII в.]), **больма** (86 употребл.) то же [СлДРЯ I, 284, 288]; [Срезневский I, 146] – только 'больше, сильнее', там же – и **большми** [XI в.]; далее – *бóльно* («простор.») 'очень, весьма' [СлРЯ XVIII в. 2, 162], 'очень, чрезмерно' («устар.» – [ССРЛЯ 1, 557]); ср. ст.-бел. **болей** – только 'больше' [Гістарычны 1, 129]; ст.-укр. **боле, болей, б олѣ, болѣи** то же [ССМ I, 109].

3. *+dobrE* (: **dobrъ[jь]*, к и.-а. **dhabhr-ro,* ср. лат. *faber*, д.-в.-нем. *taphar* 'крепкий, сильный', подробнее – [ЭССЯ 5, 45–46], ср. и: [Черных I, 258], [ЕСУМ 2, 98] и т.д.): рус. диал. *дóбре, добрé* 'очень' [ДАРЯ], 'то же' – в [СРНГ 8, 75], но и *добро* (арх. – там же, 76–77), при том, что более обычным являются значения 'хорошо, ладно', 'много' и под. СРНГ], см. также у: [Даль I, 448] – *дóбрé, добрѣ* («великорус.») 'очень, весьма' и добрé («укр.» [!]) 'хорошо, ладно' (курск., орл., калуж., тамб.); др.-рус. добрѣ (838 употребл.) 'очень, весьма' (=испытаѥмъ е[г] добрѣ [XII в.]), 'хорошо, по-доброму', также **добро** [СлДРЯ IV, 22; II, 480], ср. добрѣ 'очень' [Срезневский I, 683, 674], **добре** 'то же (=добрѣ раненъ бывъ [XIV в.]) и 'хорошо, как следует' [СлРЯ XI–XVII в. 4, 257], **добро** 'тоже' (там же, 258), далее: *добрѣ* («простор») 'очень' – при добро 'хорошо' [СлРЯ XVIII в. 6, 151–152], *добре, добро* – только 'хорошо, ладно' [ССРЛЯ 3, 841]; в современном белорусском *добрѣ* – лишь 'хорошо, ладно' [Носович, 135], ср.: [ТСБМ, 2], хотя ст.-бел. **добре, добрэ** употребляется в значении 'вельмі, дужа' (=речь добрé поважъная) и 'хорошо, как следует'), ср, и **добро** то же и 'хорошо' [Гістарычны 2 127–128, 132]; укр. («разг.») *добрé* 'дуже, вельми' [СУМ III, 321], при ст.-укр. **добрє** (8 употребл.) – только 'как следует', **добрє, добрѣ** (4) 'хорошо' [ССМ I, 305, 311].

4. *+dr(')annO* (< ?, может быть, к **dъranъ* < **dьrati* – [ЭССЯ 5, 217], ср. [Черных I, 27], [*r'* < *r* объясняется как результат воздействия таких слов, как *дерюга* и др.]; ср. чеш. диал. *dřeň* 'щепка' [ЭССЯ]; о родстве с **drębьnъ* – [Фасмер I, 546] и т.д.): только русское, ср. рус. диал. *дрáнно, дрáнно* 'очень' [ДАРЯ], ср. *дрянно* то же (дополнительно к сведениям в ДАРЯ – фиксация в: калуж. – [СРНГ 8, 229–230]), однако отмечены и такие значения, как 'хорошо' – [СРНГ] и др.; ср. и *дрáнно* 'очень' – [Даль I, 497]; обычными все же являются пейоративные значения [СРНГ; Даль]; так же – др.-рус. **дрянно** 'плохо' (=писати дрянно – [СлРЯ XI–XVII вв. 7, 20]).

5. *+dUžE* (: **dužь[jь]* < **dugъ* ~ **dužiti*; ср. лит. *daũg* 'много' и под. – к и.-е. **dheug=* [ЭССЯ 5, 167, 150], не сопоставляется с **dǫžiti*, вопреки мнению Ф. Славского и др.: [Sławski], [ЕСУМ]; [Фасмер I, 560] – приводит и **deg=*): рус. диал. *дю́же, дужé, дужó* 'очень' [ДАРЯ] (о неорганичности смягчения *д* в рус. *дюже* – [ЭССЯ]), большой материал, касающийся семантики и географии указанных форм, приведен в [СРНГ 3, 301–302, 251], ср. и: [Даль I, 572]; в древнерусском, по данным словарей, фиксируется только прилагательное **дѹ́жии** 'дюжий, сильный' [Срезневский I, 804, ср. и – **дѹ́жии**, с. 651], *дюжий, дужий* – в [СлРЯ XI–XVII вв. 4, 460], позднее (XVIII в.) – отмечается наречие: *дюже, дюжо* 'очень, сильно' («обл., простор.» – [СлРЯ XVIII в. 7, 54]), *дюже* («простор.», «обл.»), *дюжó, дужé* «обл.» то же, но и 'крепко' [ССРЛЯ 3, 1213]; бел. диал. *дýжа* 'очень' [ДАБМ], ср. *дужо* то же, но и 'крепко' [Носович 147]; укр. диал. *'дуже ('дужэ, 'дужи)* 'очень' (АУМ], *дуже* 'очень', но и 'много' [Гринченко 1, 354], в староукраинском зафиксировано только **доужъ** (1 употребл.) 'пригодный, готовый к чему-либо' [ССМ I, 330], современное *дуже* – 'в большой мере, чрезвычайно, сверх меры', *дуже* (редко), 'значительно, сильно' [СУМ II, 432–433].

6. *+fest* (< нем. *fest* – см.: [Kluge, 194], ср. и: [Machek, 108]): укр. диал. *фест* 'очень' [АУМ]; ср. однако: *хвест* 'пир' (Гринченко 4, 391).

7. *+gOrazdO, =nO* (: **gorazdъ[jь]*, **gorazdьnъ[jь]* < герм. **garazds,* ср. гот. *ga=* + *razda* 'говор, речь', семантика праславянского слова – 'речистый' → 'умный, способный' и под. – [ЭССЯ 7, 31–32], [Фасмер I, 439] и др.): рус. диал. *горáздо, горáзд, горáзно* 'очень' [ДАРЯ] (в комментариях часто с пометами о том, что во многих местах – «устар.»), как «устар.», «обл.» слово представлено в словарях: [Черных I, 203; Шанский 1/4, 129]; в СРНГ, кроме упомянутых, отмечены варианты: *горáзь* 'очень', *горáзне* то же (Вост. Сибирь [СРНГ 7, 18–20]), чаще однако в словарях приводятся иные значения (см., например, в [СРНГ]), также – [Даль I,

377] – *горáздно* 'хорошо, довольно' и др.; ср. др.-рус. **гораздо** 'искусно, хорошо, вполне' [Срезневский I, 552], также **гораздо** (10 употребл.), **горазьно** (2 употребл.) – в: [СлДРЯ II, 354]; как единичные фиксации: бел. диал. *ґразде* 'очень' [ДАБМ, комментарий], ст.-бел. **гораздо, гаразду, горазно** чаще всего – 'хорошо, умело', но и 'много' [Гістарычны 1, 272]; ст.-укр. **гораздо (гораздъ)** (1 употребл. – [XV в.] – [ССМ I, 256]), далее укр. *гаразд, горазд* 'очень', но и 'хорошо, ладно' – [Гринченко 1, 272].

8. +*krEpkO* (: **krěpъkъ*[*jь*], **krěpъ*[*jь*], для которых реконструируется первичное значение 'жесткий, твердый' → 'сильный' и т.д., это дает возможность сопоставлений с лат. corpus, др.-инд. kṛ́p и др. < и.-е. **krep=/*kerp=* 'плести' – [ЭССЯ 12, 137–138]; иная версия – [Фасмер, Machek, Sławski, ЕСУМ] и под.): рус. диал. *крепко* 'очень' [ДАРЯ], ср. в [СРНГ 15, 218]: *крепкó, крепкó* (например, ряз.), из других значений – 'много', но, конечно же, 'крепко', 'хорошо' и под. [СРНГ, там же], см. и: [Даль II, 201]; ср. др.-рус. **крѣпко** (212 употребл.) – 'крепко, сильно' [СлДРЯ IV, 322]; **крѣпъко, крѣпцѣ** – [Срезневский I, 1352–1353], но и: **крѣпко, крѣпцѣ** 'сильно, очень, весьма' (=бьяше ся крѣпце [XII в.], крепко сильна [XVII в.]), ср. также: 'прочно, крепко, упорно' и т.п. [СлРЯ XI–XVII вв. 8, 31–32]; бел. диал. *крéпка* (*крэ́пка, кр'éпка*) 'очень' [ДАБМ, комментарии]; укр. диал. *к'р'іпко, к'р'іепко* то же [АУМ], *к'ріпко* 'очень' (=кріпко стереглися – [Гринченко II, 309]), а с пометой «диал.» *кріпко* 'дуже, сильно' – в: [СУМ IV, 357].

9. +*ladnO* (: **ladьnъ*[*jь*] < **ladъ*, реконструируемое как **[o]lō-* + **dho-* < и.-е. **dhē-* 'класть', подробнее – [ЭССЯ 14, 11]): рус. диал. *лáдно* 'очень' [ДАРЯ], в СРНГ при слове *ладно* указаны лишь значения 'много, порядочно' и под. [СРНГ 16, 231–236]; см. и: [Даль 2, 233], это же значение и у др.-рус. **ладьно** (13 употребл.) [СлДРЯ 14, 387], также см. [Срезневский II, 3], **ладно** то же и 'хорошо' в: [СлРЯ XI–XVII вв. 8, 161]. Значение бел. («разг.») *ладна* – 'достаточно много' [ТСБМ 3, 13]; ср. и укр. *ладно* 'в согласии, хорошо' [Гринченко 2, 340], ср., впрочем, единичное диал. *через лад* (*великий*) 'очень' [АУМ, комментарий – сев. восток Ровенской обл.].

10. +*llxO* (: **lixo, lixъ*[*jь*] < **lik-xo* < и.-е. **leiḱᵘ-so* – подробнее: [ЭССЯ 15, 88–91]; специально о синкретизме семантики **lix-*, отражающей соотношение с некоей нормой, – [Топоров 1990, 256], см. также далее; напротив, В. Силина видит в праславянском не инвариантное значение, а множество значений [Силина 1977, 38]): рус. диал. *лúхо* 'очень' [ДАРЯ]; в СРНГ – то же и 'сильно' (='очень сильно'), 'слишком', 'крепко', но также: 'хорошо, славно' (волог., яросл., влад., вят., перм. и др.), – конечно же, при более распространенном 'плохо, тяжело' и под. [СРНГ 17, 76], ср. и: [Даль 2, 257]; в древнерусском, по СлДРЯ, – **лихо** (13 употребл.) фиксируется со значением 'сверх меры, слишком', [СлДРЯ IV, 407], 'много' и 'очень много' (=и лихо глоумѧштѧсѧ =πολλά), при том, что отмечается значение 'плохо' и т.п. [СлДРЯ IV, 407], ср.: [Срезневский II, 27] – 'много, слишком'; в [СлРЯ XI–XVII вв. 8, 246] – 'много, излишне' и близкие значения; большой материал по истории слов с этим корнем (в том числе – наречий *лихо, излиха* и предлога *излиха* 'сверх') содержится в: [Силина 1977, 42–44]; в белорусском – преимущественно пейоративная семантика данного наречия – *лихо* 'худо, дурно' (но, правда, – и 'хватски, славно' [Носович, 269]), ср.: 'тяжко, плохо' [ТСБМ 3, 53], бел. диал. – 'скверно, плохо, дурно' (подробно в: [ЭССЯ]); укр. *лихо* 'сердито, недобро' и под. [СУМ IV, 497], вместе с тем отмечается диал. (буковинск.) 'очень, сильно' (по: [ЕСУМ 3, 249]).

11. (?) +*maj* (< рум. mai 'более' и др. [также – в значении некоторых частиц]: лат. *magis* 'большой' у: [Rosetti I, 95, 121, 139; Vrabie, 160], ср.: [ЕСУМ 3, 361], [БЕР III, 615]): укр. диал. *май* (*великий*) 'очень' [АУМ, комментарий].

12. +*mOcnO* (< польск. *mocno* к **mogt'ьnъ*[*jь*] 'сильный, крепкий, могучий' – [ЭССЯ 19, 113]): бел. диал. *моцна* 'очень' [ДАБМ, комментарий], *моцно* 'то же' [Носович 292]; в украинском – давнее заимствование из польского, ср. ст.-укр. **моцный** 'могучий' (XV в. – [ЕСУМ 3, 487]), ср. и: **моцнє, моцно, моцнѣ** 'твердо'; и лишь в диалектах *'міцно* (*'міцко*), *'моцно, моц* означает 'очень' [АУМ], ср. *міцнє* 'крепко, сильно' в: [Гринченко 2, 434], см. также: [СУМ IV, 759].

13. +*naDto* (: **nadъ* + **to* – см.: [ЭСБМ 7, 200–201]; о конструкциях надъ + то – [Срезневский II, 250, Сл. РЯ XI–XVII вв. 10, 59]): рус. диал. (с пометой «юж.», «зап.») – у: [Даль 2, 409], со значением 'через меру, чересчур, много'[7]; широко представлено в белорусских диалектах (и в литературном языке), так, диал. *нáдта* (*занáдта*) 'очень' [ДАБМ], ср. *нáдта* 'то же' [ТСБМ 3, 242]; в украинском: *нáдто* 'слишком, излишне', 'сверх того' и под. [Гринченко 2, 486], 'больше нормы, меры' и др. [СУМ V, 81], ср. и ст.-укр. **надто, надъто** (20 употребл.) 'кроме того' [ССМ II, 13].

14. +*oč́En*(') (: ?, преимущественно в русском; возможно, *очень* восходит к **oč́ьnъ* < **oko* – [Фасмер III, 178], однако форма *очунь* (*очюнь*) допускает связь с *очнуться*, может быть, – с очунѣти [доп. О.Н. Трубачева]; с XVII в. – [Филин 1972, 619]; если *очунь* включается в гнездо *очунеть, -уть* 'выздороветь, прийти в себя, опомниться' [: **очуньнъ* < **очуньный* 'пришедший в себя' и под.... → 'настоящий'], то первичным значением наречия могло быть 'очухавшись' → 'как должно' → 'действительно' ... → 'очень, весьма' [детально – Черных I, 613], также: [*Павлович*, 1964, 262]; *оченно* образовано по модели с суф. *-но* – см.: [Чурмаева, 1989, 92]). Итак, рус. диал. *óчень, óчунь, óченно* и под. 'очень' [ДАРЯ, комментарий], то же – в [СРНГ 25, 59, 79], но и *очунно, óчань, очанно* (там же) и даже – *отенно* 'очень' (нижегор., тамб. – [СРНГ 24, 362]); кроме того, фиксируются и такие значения *оченно* как 'лично', 'на самом деле' [СРНГ 25, 62]; см. и: [Даль, II, 776]; известно в XVII в.: **очень, оченъ,очунь, очюнь** 'очень, слишком' [СлРЯ XV–XVII вв. 14, 95], из глаголов в данном словаре приводятся: **очнѣти, очунѣти, очнутися** 'прийти в себя' и близкие занчения [там же, 103–104], о

[7] О фиксации слова в некоторых памятниках XVII в. в значении 'кроме того, сверх того' и квалификации его как полонизма см.: [Исаченко 1987, 82].

фиксации наречия в XVII–XVIII вв. см. также в изданиях: (Памятники деловой... 1984 – Указатель] – **ѡчюнь** [Памятники 1981, 24] – **ѡчень** и др. Далее *очень* 'в сильной степени', «простор.» *о́ченно* то же подробно разработано в: [ССРЛЯ 8, 1793–1794]; бел. диал. *о́чын', о́чень', о́чън'* 'очень' [ДАБМ, комментарии], ср. и *оченно* то же [Носович, 387], фиксируются и такие глаголы, как *очуняць, очуниваць* 'выздоравливать, приходить в себя' и др. [там же, 388], *чуняць, чуниць* 'то же', 'чувствовать себя лучше' [там же, 702], ср. *ачуниць* 'поправиться после болезни' [ТСБМ 1, 313]; в укр. – только родственные глаголы: *очунювати, очуняти* (семантика подробно в: [Гринченко 3, 83; СУМ V, 386]), упомянем и фиксацию в последнем "диал." *оченьпати* [СУМ V, 830].

15. +*porat(o)* (: **pora, *poriti* – подробнее: [Фасмер Ш, 329]), только рус. диал. *порато, порат* 'очень' [ДАРЯ], ср. также *порато, порать* 'сильно, очень, весьма»' (=порато хорошо время – [перм.] [Даль 3, 318]), ср. и однокоренные: *порно* 'крепко, сильно', *порко* 'бойко', *поратый, порастый, порный,* глагол *порить* 'делаться здоровым', *порѣть* 'входить в пору', на Юге и Западе также – *пораться* 'заниматься стряпней, суетиться (по хозяйству)' (подробнее – [там же]); в последнем значении близкий глагол отмечается и в др. в.слав. языках (диалектах): укр. *пора́ти* 'выполнять домашнюю работу', 'присматривать', ~ ся 'рыться' [СУМ VII, 248], см. и: [Гринченко 3, 392]; бел. диал. *папорацца* 'навести порядок в доме' *(Лоев. – Янкова 1982, 256]), папараться* 'управляться по хозяйству' [Дыял. сл. Брэст. 1989, 177], а также в некоторых др. говорах.

16. +*рылko* (: **pylъ* 'сильный жар' и под. – см.: [Фасмер Ш, 418]; [Черных П, 87] – в русском *пылать* с XVII в.): рус. диал. *пылко* 'очень' [ДАРЯ]; по Далю, также *пывко* (волог.) то же (=пылко бежит – [Даль 3, 547]); в других восточнославянских языках не фиксируется

17. +*prьitkO* (: *прытский* – подробнее: [Фасмер Ш, 391–392]): рус. диал. *прытко* 'очень' [ДАРЯ]; ср. то же (=прытко болен – [моск.] [Даль 3, 530]), по-видимому, надо рассматривать это слово в связи с *прытко/прутко* 'б ы с т р о' (там же); только последнее значение отмечено в иных восточнославянских языках: бел. *прыдко, прудко* [Носович, 535–536] и др., укр. *прудко* 'быстро' [Гринченко 3, 493] и т.д.

18. +*rezkO* (: *резкий ~ резать* – подробнее: [Фасмер 3, 461]): рус. диал. *ре́зко* 'очень' [ДАРЯ], ср. и *рѣзко* 'быстро, скоро', 'но и 'м н о г о, обильно' – в: [Даль 4, 121]); в других восточнославянских языках значение 'очень' не отмечено.

19. +*sil(')nO* (: **silьnъ*[*jь*] ~ **sila*, родств. лит. *síela,* 'душа, дух' и под. – [Фасмер Ш, 621]; иначе от **sē(i)* < и.-е. **sē(i)*: **sə(i)* 'соединять, связывать' и др. – у: [Черных П, 162]): рус. диал. *си́льно* 'очень' [ДАРЯ], др.-рус. **сильно** 'во множестве' (=силно людіе мерлі), но и 'насильно' [Срезневский Ш, 352]; бел. диал. *сі́л'на* 'очень' [ДАБМ, комментарий], ср. *сі́льна* то же (Лоев. – [Янкова, 1982, 324]); укр. диал. *'сил'но, 'сил'на, 'с'іл'на* 'очень' [АУМ], ст.-укр. **силно** отмечено лишь в значении 'насильно' [ССМ 2, 344].

20. +*šlBkO* (: **šibъkъ*[*jь*] < **šibti* 'бить, бросать' – как "звукоподражательное" [Machek, 498]; о родстве с др.-инд. *kṣipáti* 'бросает', *kṣiprás* 'скорый' и др. – [Фасмер IV, 435]): рус. диал. *ши́бко* 'очень' [ДАРЯ], ср. и – 'очень, сильно, крепко...' (=шибко нездоров, ~ холодный и т.д. – [Даль IV, 632]), др.-рус. **шибати, -ити** то же [Срезневский Ш], ср. современное *шибко* «простореч.», «устар.» 'очень, весьма', 'сильно, значительно (по степени интенсивности)' – [ССРЛЯ 17, 1384]; бел. диал. *шыпка* 'очень' [ДАБМ, комментарий], о прилагательном *шібкий* 'быстрый, бысто объемлющий умом' – [Носович, 709], укр. *шибко* – лишь 'быстро, стремительно, порывисто' и под. [Гринченко 4, 494].

21. +*t'ažko* (: **tęg-* – подробнее: [Фасмер IV, 139–140]): только укр. диал. *'т'яжко* зафиксировано со значением 'очень' [АУМ], ср.: то же, но и 'тяжело, трудно' и под. [Гринченко 4, 32; СУМ X, 344].

22. +*tverdo* (: **tvьrdъ*[*jь*] – подробнее: [Фасмер IV, 32; Machek, 544] и др.): укр. диал. *'твердо* 'очень' [АУМ, 2, комментарий], в словарях: – только значение 'твердо, крепко', также 'ясно, определенно' и др. [Гринченко 4, 251]; ср.: [СУМ X, 46].

23. +*vel(')ml* (: **velьmi* [тв. п. от **velь* 'большой'] – см.: [Фасмер I, 289]; [Шанский, $^1/_3$, 46; ЕСУМ 1, 348]; об истории: [Чурмаева 1989, 74]): в ДАРЯ не зафиксировано, однако рус. диал. *вельми* 'очень' находим в Ярославском словаре [Мельниченко, 40], то же [ПОС 3, 73], но по данным летописей XVI–XVII вв.; у Даля – лишь *веле* 'очень' (!) [Даль I, 177]; там же упомянуто цслав. *вельми,* ср. и вариант *вельмо* 'очень', 'весьма' (ворон. – [СРНГ 4, 110]); ср. др.-рус. **вельми** (30 употребл.) 'очень, сильно', 'в большой степени' (с XI в. – [СлДРЯ I, 309])[8], **вельми = велми** 'valde' [Срезневский I, 146] – при **велии** 'большой' [там же, 234], 'очень, весьма' (=дивьно велми, повелѣ росытити велми – [СлРЯ XI–XVII вв. 2, 71]); далее: *вельми* «устар.», «церк.» то же [ССРЛЯ 2, 153], ср.: "с конца XVIII в. характерно было для языка купцов, канцеляристов" – [СлРЯ XVIII в. 3, 26]; данное наречие хорошо известно белорусскому и украинскому языкам; так, бел. диал. *вя́л'ми* (*-а, -о*) 'очень' [ДАБМ], литер. *вельми* то же [ТСБМ 1, 476], ср. также ст.-бел. **вельми, велми** 'то же' (=вѣлми твердо просили – [Гістарычны 3, 97]), ср. и: **веле, веля**; укр. диал. *'вел'ми, вейми, вел'мо, ве^{a}л'ми* [АУМ], сохранение е > і объясняется влиянием польского *wielmi* [ЕСУМ]; впрочем, это может быть "белорусским" элементом, – вернее, общей чертой двух языков, которая возникла после вовлечения северной части древнеукраинских диалектов в процесс формирования и эволюции белорусского языка, ср.: [Shevelov 1979, 752, 768]; также ст.-укр. **вѣлми, вѣлъми, вѣлми** (10 употребл.) 'вельми, дуже' [ССУ 1, 63], ср. *вельми* то же [Гринченко 1, 133], там же *вельмий = великий*; то же [СУМ I, 324].

24. +*zr'a* (: **zьrěti* – ст.-слав. причастие **зьрѧ**: [Фасмер II, 106], [Черных I, 330], первоначально – 'праздно смотреть'), только рус. диал. *зря* 'очень' [ДАРЯ], по СРНГ – то же (=зря хорошо – моск., куйб.), *почем зря* 'очень сильно' (осташ.), но и иные значения – 'кое-как, бестолково', 'небрежно', 'наобум' и под., также 'нечаянно' [СРНГ 11, 350–351][9]; ср. и: [Даль I, 694]; др.-

[8] О *вельми* в новгородских грамотах – [Янин, Зализняк 1993, 326].

[9] Ср.: "Слово *зря*, будучи общим многим провинциям, в здешней

рус. **зря** (?) (=что зря, похабе, зовеши – [Срезневский I, 1013]), рус. литер. *зря* 'напрасно' и под. (с нач. XIX в.), «диал.» *зря* то же < 'наугад, наглазок' – [Шанский $^{1}/_{5}$, 111]); возможная параллель – бел. диал. *штозрá* 'абышто' (Лоев. – [Янкова 1982, 422]).

II.

Большинство наречий, приведенных в Индексе, по своей словообразовательной структуре являются мотивированными (=соотнесенными с однокоренными качественными прилагательными, причастиями, существительными, местоимениями – ср. и: [Грамматика 1980, § 1647])[10]; немотивированными в нашем случае оказываются заимствования (+barZo, +fest и др.), слова, мотивированность которых неясна, – например, из-за отсутствия признанной этимологии (*очень, оченно*)[11]. У мотивированных наречий чаще всего отмечается транспозиционное значение (=совмещающее присущее мотивирующему слову [например, прилагательному] значение и значение наречия как части речи, а именно – выражение непроцессуального признака действия, других непроцессуальных признаков), см.: [Грамматика 1980, §§ 1645, 1033, 977, ср. и §§ 605, 164, 1649, 1654]. Оно определяет синтаксические функции наречий и характер их связи (=примыкание) с иными частями речи [Грамматика, 1980, § 1645].

В лексическом плане наречия, содержащиеся в Индексе, в целом определяются как собственно-характеризующие, конкретно – как наречия степени, количества (=обозначение меры, интенсивности проявления признака) [Грамматика 1980, § 1649], как "квантфикаторы" и, следовательно, существует возможность градуировать эту интенсивность по имплицитной шкале (о сходных проблемах см., например: [Janus 1991, 149, 145, 161 и сл.]).

Семантически наречия нашего списка, образованные по типу *-o/e*, являются следствием большего или меньшего сдвига значения – в соответствии с некоторыми моделями, имеющими достаточно высокую частотность. Ср., например: (1) 'сильный (резкий), крепкий (твердый)' и под. → 'сильно (резко), крепко (твердо)' и под... → 'в (самой) сильной степени [=очень, весьма]' (+*dUžE*, +*fest*, +*krEpkO*, +*mOcnO*, +*rezko*, +*porat*[*o*], может быть, и +*bol*(')*nO* [?]), (2) 'быстрый, скорый (проворный) и под. → 'быстро, скоро (проворно)' и под. ... → 'в значительной (сильной) степени [=очень, весьма]' (+*barZo*, +*pryткO*, +*pылko*, +*šlBkO*), (3) 'большой (по величине, количеству, значению)' → 'много, значительно'... → 'в значительной мере (степени), больше (чем норма) [=очень]'[12] (+*vel*(')*ml*[13], +*maj*, +*t'ažko* [?]), может быть, и +*dr*(')*annO* [?]), (4) 'добрый, хороший, годный' и под. → 'хорошо, как полагается подходяще' и под. ... → 'в значительной степени [=очень]' (+*dobrE*, +*gOrazd*[O], *-no*, +*ladnO*), также, возможно, и (5) 'сверх чего-либо, лишнее' → 'излишне, избыточно' ... → 'в чрезвычайной мере (степени) [=очень]' (+*llxO*, +*naDtO*, +*zr'a*[?]). Общим (resp. инвариантным) семантическим признаком перечисленных наречий (и – соответственно – исходных прилагательных и др.), вероятно, является элемент 'больше; выше по степени проявления (признака)' ~ 'много' ~ 'сверх меры' (т.е. семантическая зона «выше "нормы"») (о некоторых аспектах ее определения [=исчисления] см. в: [Janus, 1991, 106–107, 110 и сл.]).

Вместе с тем часть интересующих нас наречий-квантификаторов может быть рассмотрена и в контексте реализации энантиосемических отношений "избытка ~ недостатка", примером чего служит +llxO. В.Н. Топоров, говоря о многокомпонентности семантики слов этого гнезда, подчеркивает: "...с одной стороны, слишком много, излишек, с другой, – слишком мало или просто мало, ...по идее оба эти семантические полюса сводятся к понятию предела – нижнего или верхнего... Верхний предел... выявляется через прибавление, доведенное до той точки, когда присоединение лишнего элемента превышает меру, образуя излишек с точки зрения нормы-меры... лишенность (отсутствие даже малости) и излишек, даже минимальный, ...одинаковы в том отношении, что нарушают – "снизу" или "сверху" эту меру... Слав. +*lix-*/+*liš-* ...связаны поэтому обычно с отрицательными коннотациями" [Топоров 1990, 256] (в нашем случае последнее отсутствует, поскольку мы имеем дело с наречием меры).

С синхронной точки зрения к +*llxO* близка семантика +*dr*(')*annO*, +*zr'a*, +*t'ažko* (?), а также, учитывая описанное выше первозначение – табу, возможно, – и +*bol*(')*nO*. В иных же случаях семантическая амплитуда представляет развитие, определяемое как изменения от "нормы" (=нейтральная, неэксплицированная интенсивность признака) к интенсивности признака: "выше нормы" и далее – "сверх нормы": 'в большой степени (=очень)'[14]. Синхронно наиболее частотной моделью семантического развития (=сдвига), приводящего к образованию наречия меры, степени (интенсивности) признака 'очень' является в восточнославянских диалектах 1-я модель.

III.

Диалектологическая карта, репрезентирующая то или иное явление – в данном случае географию восточнославянских наречий со значением 'очень' – в ареалогическом плане может рассматриваться как отражение фрагмента исторического процесса столкновения и смешения (=наложения) языковых потоков различной хронологии и географической ориентации, а также локальных взаимодействий и интерференции. Распространение восточнославянских наречий 'очень' открывает нам достаточно сложную картину синхронного соотношения ареалов различных типов. Ее описание, несомненно, представляет интерес и само по себе, и как основание для некоторых заключений диахрони-

---

(=Саратов. – *Г.К.*) употребляется на месте многих слов и потому имеет много значений" [СРНГ 11, 351].

[10] О наречиях, соотносимых с существительными в им.–вин. форме и имеющих "эмоционально-качественную" окраску, см.: [Виноградов 1947, 360].

[11] Или – иначе: из-за утраты этимологической связи с мотивирующим словом [Виноградов 1947, 348].

[12] О соотношении 'много' и 'очень' см.: [Ефимова 1989, 116, 119], ср.: [Львов 1956; 57].

[13] Об истории семантики **тъпогъ*: [ЭССЯ 20, 229].

[14] Если принимать связь *очень* с **очуньнъ* (см. Индекс), то эволюция семантики предстает в виде инверсии: 'сверх нормы', вне себя (=нормы) ... → 'нормально, в норме' (?).

ческого характера. При анализе лингвистических ландшафтов обычно оперируют такими дифференциальными признаками ареалов, как конфигурация и наполненность ареала (непрерывный [=компактный] ~ разорванный [=размытый], "кружевной" ~ островной), величина (большая ~ средняя ~ малая), динамика (устойчивый ~ неустойчивый) и др. (см.: [Бородина 1977, 113–115; Бородина 1980, 27–28]).

Учитывая указанные признаки, можно охарактеризовать восточнославянский диалектный континуум на нашей карте как распадающийся, условно говоря, на три части. Наиболее проста структура его юго-западной части (="украинская", поскольку она входит в ареал бытования украинского национального языка): здесь господствуют фонетические варианты *+dužE*, лишь на севере представлен относительно небольшой, компактный ареал *+vel(')ml* (с продолжением на территории белорусских говоров). На периферии этой юго-западной части макроареала отмечен ряд мелких ареалов, чаще всего островного характера (*+barZo, +mOcnO, +fest* [последнее зафиксировано и в центре Западной Украины, параллельно с *+dužE*, часто как «устар.»], *+tverdo, +t'ažko, +maj*); цепью микроареалов в Северной Украине представлено *+krEpkO*, островной характер имеет и *+sIl(')nO* (с заметным сгущением в Центральной Украине). Относительная простота соотношений междиалектных соответствий наречия 'очень' становится еще более ясной, если рассматривать ее на фоне принятого в науке диалектного членения украинских говоров: в географии указанных наречий нашло отражение выделение среди украинских наречий и групп говоров "северноукраинского" наречия (волынские, полесские, черниговские говоры). Наша изолекса оказывается вписанной в большой пучок изолиний, имеющих в целом широтное направление, см.: [АУМ I, карта IX], частные изоглоссы представлены на сводных картах 351, 352, 355 и сл., ср. сводные карты в [АУМ 2]); напротив, изоглосса *+dužE* "перекрывает" более дробное членение украинского диалектного континуума к югу от территории "северного" наречия (см.: [АУМ I, карта IX]), которое базируется на существовании более мелких ареалов, выделяемых пучками изоглосс явлений разных языковых уровней.

Сложнее картина в западной части восточнославянского диалектного континуума (="белорусской"). Так, налицо результаты интенсивного процесса (по-видимому, продолжающегося и в настоящее время) взаимодействия трех, достаточно значительных, ареалов (*+vel(')ml, +dUžE, +naDtO*); о динамике ареалов свидетельствует, в частности, обширная зона их наложения (=совмещения) и, как следствие, – существование большого числа говоров с 2–3 вариантами (особенно – в центральной части Белоруссии). Ареалы указанных, наиболее частотных, наречий могут быть сопоставлены с границами основных диалектных зон белорусского диалектного ландшафта. Так, конфигурация изолексы *+vel(')ml* весьма близка к пучку изоглосс, вычленяющих южную группу говоров (ср. [ЛА, карта XIX]), изолексы *+dužE* и *+naDtO* типологически близки к пучкам, репрезентирующим – соответственно – "восточную" и "северо-западную" диалектные зоны (и их периферии) [ЛА, карта XVIII]. В зонах, граничащих с диалектами иных славянских языков (но и внутри некоторых компактных ареалов), в виде островков зафиксированы малочастотные (и единичные) названия – репрезентанты *+krEpkO, +sIl(')nO, +barZo, +mOcnO, +očEn(')*.

Наиболее сложной, многокомпонентной является структура восточной, юго-восточной и северо-западной частей макрозоны, практически совпадающей с территорией русских говоров, поскольку в них представлено большое число междиалектных соответствий (в иной терминологический системе – "междиалектных синонимов"*). Отметим существование нескольких, значительных по величине и компактности ареалов: *+očEn(')* (почти повсеместно, кроме некоторых юго-западных районов), *+bol(')no* (восток и центр, – ДАРЯ уточняет ее географию, которая обычно определяется как "северо-восточная зона" [РД 1989, 164], а также подтверждает предположение [РД 1972, 275] об активности этой лексемы как "просторечия" [и литературного *очень*] при вытеснении собственно диалектных наречий); *+dUžE* (с вариантами *d'* и *d* – юг, юго-запад, эпизодически – центр, но и север [=В. Волочек – Боровичи – Устюжна]), при этом изоглосса *+dUžE* оказывается близкой к конфигурации пучка изоглосс, ограничивающих западную часть южнорусского наречия – вплоть до западной части курских говоров [Кузнецов 1973, карта] ср. также: [Образование 1970, 9, 59, 113 и др.]).

Средним по величине и наполненности (в своей компактной части) является ареал *+gOrazd(O), -no*, – главным образом, северо-запад, отдельные островные ареалы зафиксированы ДАРЯ далеко на востоке и даже юго-востоке территории Атласа, что в основном соответствует западной части среднерусских говоров и северного наречия (ладого-тихвинские, онежские говоры – [Кузнецов 1973, карта], ср. и: [Образование 1970, 139]). Как разорванный (=размытый), на некоторых участках – в виде цепочки островков, описывается ареал *+šlBkO*, наиболее четко он выявляется на северо-востоке (северное наречие – костромские и вологодские говоры), с постепенным разрежением к западу (=бежецкие), к центру (окрестности Москвы) и югу (=рязанские говоры и далее – говоры р-на Мценска, Ст. Оскола), но и юго-западу (=р-н Остров и Невель).

Небольшой ареал "кружевного" типа, с параллельными фиксациями в ряде говоров наречия +dUžE, представляет лексема +dobrE, характерная для некоторых говоров южнорусского наречия (например, рязанские и соседние с ними тульские и елецкие – см.: [Кузнецов 1973, карта]). В целом островной характер имеет ареал +sIl(')nO – концентрация записей в западных группах среднерусских говоров и в центре (костромские и вологодские [=северное наречие] и р-н Владимир – Иваново [=среднерусские]: [Кузнецов 1973, карта]).

Остальные лексемы, перечисленные в Индексе, могут быть определены как регионализмы, таковы *+krEpkO* (вкрапления в западнорусской микрозоне [=Брянск – Рыльск]), +porat(o) – в говорах северного наречия (вологодские, онежские, архангельские), обычно лексема отмечается как специфическая карта этих говоров

* Также – "диатопических синонимов" и под. – см.: [Клепикова 1980, 80].

[Кузнецов 1973, 257; РЯ, 1989, 164 и др.], аналогично изоглоссы, см. в: [Образование 1970, № 50 и т.д.]; *+rezkO* – в восточных говорах южного наречия (р-н Тамбова) и соседних говорах среднерусского типа (западнее Саратова, юго-западнее Пензы и др.); +рыlko (говоры восточнее Тотьмы), это – пример, когда к изолексе достаточно близки изоглоссы целого ряда фонетических и др. явлений [Образование 1970, №№ 73, 79, 80, 83 и др.]; *+prыtkO* отмечено в трех небольших островных ареалах (разные группы среднерусских [р-н Н. Ломов, Н. Новгород – Чебоксары] и южные говоры северного наречия [=Ветлуга, Кострома]), ср.: [Кузнецов 1, карта]; так же может квалифицироваться и ареал +zr'a, имеющий несколько расположенных близко друг от друга островков на территории восточных среднерусских говоров (=Н. Новгород, Ульяновск, а также – русские говоры в Чувашии и Мордовии), ср.: [Кузнецов 1973, карта]. Статус западнорусских локализмов имеют +dr(')annO (некоторые тверские говоры), +lIxO (псковские и брянские), +ladnO (брянские).

Другой особенностью русской диалектной зоны в целом является высокая частотность сосуществования различных лексических единиц (=наречий) в пределах отдельных ЧДС (по иной терминологии – "внутридиалектная синонимия" и под. – см.: выше). Данные ДАРЯ, и особенно региональных атласов (ср., например, АРГВМ) свидетельствуют, что лексическая вариативность отмечается не только на "стыках" (при взаимодействии) более или менее значительных ареалов (ср.: *+dUžE ~ +gOrazd(O), -no, +d'užE ~ +dobrE, +šlBkO ~ +porat(o)* и др.), но практически на большей части русской языковой территории, отраженной на нашей карте. К сожалению, данный феномен еще в полной мере не изучен; в некоторых случаях причину высокой степени вариативности, в рамках отдельных ЧДС, можно усматривать в недостатках самой Программы ДАРЯ, не фокусировавшей внимание собирателей на выяснении характера различий между дублетами (диалектное ~ литературное, архаическое ~ новое, стилистическая маркированность [в том числе противопоставленность лексем по признаку "нейтральность ~ экспрессивность"[15], а также возможность контекстуальных ограничений (=возможности сочетания наречий–квантификаторов с ADJ, ADV и др.) [Программа, в. 233]; более четко эта задача решается в [Программа, в. 3 4 4].

Вместе с тем очевидно, что, вероятно, существуют и какие-то иные более фундаментальные причины зафиксированного на сводной карте соотношения и взаимодействия ареалов. Установление этих причин внесет важный вклад в изучение истории формирования русского языка и его последующей эволюции в рамках восточнославянской языковой группы. Несомненно, что это потребует сопоставительного изучения множества языковых явлений, эксплицированных в виде ареалов (=изоглосс). Пока же, исходя из материала одного лексико-семантического признака, можем констатировать, что на современном этапе отсутствует безусловное единство всего восточнославянского диалектного континуума, – налицо общность бóльшей части украинских, восточнобелорусских, западно- и южнорусских говоров, опирающаяся на функционирование в них *+dUžE* в значении 'очень'. В то же время отметим, что на уровне инвентаря лексических единиц [=Индекса] эта общность дополнительно поддерживается фактом существования в разных микрозонах относительно малочастотных лексем: *+krEpkO, +sIl(')nO* и др. (см. табл. 1).

IV.

В принципе синхронно зафиксированное соотношение противопоставленных явлений (=топоизоглоссы) могут быть интерпретированы исторически, – как хроноизоглоссы [Аванесов 1963, 299]. Например, допустимо предположение, что дробность русской диалектной территории по картографируемому признаку (=пространственная проекция высокой частотности таких явлений как междиалектные соответственные явления и сосуществование в отдельных ЧДС различных лексических единиц) служит косвенным свидетельством диалектной дифференциации одного из фрагментов Славии еще в позднепраславянскую эпоху (ср. постулируемую А.А. Зализняком "трихотомию" – северо-кривичский ~ ильменско-словенский ~ смешанный [=древненовгородский, южнокривичский, ростово-суздальский] диалекты, – при том, что первый из них не был ответвлением диалекта, бытовавшего в Юго-Западной Руси [Зализняк 1989, 176]; ср. также мнение о гетерогенности "протоукраинского" – подробнее: [Shevelov 752–758]). Возможно, и позднее, уже в истории каждого языка, актуальной оставалась тенденция к дальнейшей дезинтеграции восточнославянского континуума, что привело, в частности, к появлению множества новообразований, часть из которых приобрела статус регионализмов или, наоборот, получила значительное распространение (ср. в нашем случае – бел. *+naDtO*). Разумеется, следует иметь в виду и иные тенденции – тенденции конвергентного характера, которые действовали на протяжении различных временны́х периодов и охватывали те или иные части восточнославянского языкового пространства.

Данные ареальной лингвистики, кроме того, чрезвычайно важны для уточнения этимологической характеристики той или иной лексемы, прежде всего, если существуют версии о неславянском характере некоторых из них. Так, факт распространения репрезентантов *+gOrazd(O), -no* в западных, северо-западных и некоторых северных русских говорах (как и единичные фиксации в белорусском) хорошо согласуется с выводом, что эта лексема – достаточно старый германизм; география таких украинских регионализмов, как *+fest* позволяет подтвердить мысль о заимствовании из немецкого, причем – устным путем; то же можно сказать и о румынизме *+maj* в украинских говорах Закарпатья.

Однако исторические интерпретации ареалов (и изоглосс) сталкиваются с существенными трудностями, поскольку возможны в некоторых ситуациях взаимоисключающие трактовки того или иного типа ареала. С одной стороны, большие и компактные ареалы рассматриваются обычно как образовавшиеся относительно давно и сохраняющие до настоящего времени свою стабильность (пример – ареал *+dUžE*, его

[15] Между тем исследователи отмечают, что подобные наречия, даже будучи нейтральными, служат связующим звеном с экспрессивной лексикой, см.: [Язык 1994, 66–67].

Таблица

Лексемы	Языки		
	русский	белорусский	украинский
+dUžE	+	+	+
+krEpkO	+	+	+
+sIl(')no	+	+	+
+gOrazd(O), -no	+	+	+
+očEn('), -no	+	+	
+šIBkO	+	+	
+vel(')mI		+	
+naDtO, za-		+	
+barzO		+	
+mOcnO		+	
+bol(')nO	+		
+dobrE	+		
+dr(')annO	+		
+ladnO	+		
+lIxO	+		+
+porat(o)	+		+
+prɨtkO	+		+
+pɨlko	+		+
+rezkO	+		
+zr'a	+		
+fest			
+maj			+
+t'ažko			+
+tverdo			+

датировка может восходить к позднепраславянской эпохе; вероятно, сходным образом должен быть интерпретирован и ареал *+gOrazd[O], -no*). Вместе с тем сходный по величине ареал рус. *очень*, – несомненно, относительно "молодой" (XVII в. – см. Индекс), аналогична, на наш взгляд, и оценка возраста *+bol(')nO* и др. Островные ареалы также рассматриваются различным образом: как реликтовые (достаточно древние), таким, возможно, является ареал *+lIxO*, но и как микрозоны инноваций (в первую очередь это можно сказать о заимствованиях – полонизмах в украинских и белорусских говорах, локализмах, вроде укр. *+t'ažko* и др.).

С другой стороны, затруднена хронологическая стратификация и явлений, характеризующих существование в пределах отдельных ЧДС нескольких лексических вариантов – наречий со значением 'очень' (ср. зоны, где в русских говорах параллельно употребляются репрезентанты *+šIBkO ~ +bol(')nO*, в белорусских – *+vel(')mI ~ +naDtO* и т.д.). Наконец, дополнительные сложности возникают при стратификации не только и з о л е к с (=установление того, какой ареал может быть более старым, или более поздним), но и и з о с е м (=датировка с д в и г а в семантике наречий, непосредственно мотивированных прилагательными, который приводит к появлению квантификативного значения наречий, ср.: ...'сильно' ... → 'очень' и под. – см. выше).

В заключение можно сказать следующее: хотя ареалогические аргументы имеют важное значение в процессе установления хронологии того или иного явления, они все же оцениваются как необходимые, но и недостаточные. Не менее существенным (а в некоторых случаях, вероятно, и первостепенным) остается изучение показаний памятников письменности и других историко-лингвистических источников, а также специальные разыскания в сфере исторической лексикологии и семасиологии [Клепикова 1982, 83–84].

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БЕР 1986 – Български етимологичен речник. III. София, 1986.

Бородина 1977 – *Бородина М.А.* Понятие маргинального ареала в лингвистическом континууме // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. М.; Л., 1977.

Бородина 1980 – *Бородина М.А.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. М., 1980.

Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1947.

Гістарычны – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. 1–11. Мінск, 1982–1991.

Грамматика 1980 – Русская грамматика. I, II. М., 1980.

Гринченко – *Гринченко Б.* Словарь украинского языка. 1–4. Киев, 1907–1909.

Дыял. сл. Брэст – Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мінск, 1989.

Ефимова 1989 – *Ефимова В.С.* О значениях наречий *вельми, мъного* и *сѣло* в языке старославянских рукописей // Этимология. 1986–1987. М., 1989.

Изб. 1076 – Изборник 1076 г. М., 1965.

Исаченко 1987 – *Исаченко-Лисовая Т.В., Лисовой Н.Н.* Текстуальные полонизмы Псалтыри Фирсова // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987.

Клепикова 1980 – *Клепикова Г.П.* К изучению лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем // Сов. славяноведение. 1980. № 2.

Клепикова 1982 – *Клепикова Г.П.* К проблеме стратификации романских заимствований в лексике балканской (resp. балканокарпатской зоны) // ОЛА. Мат-лы и исследования. 1980. М., 1982.

Кузнецов 1973 – *Кузнецов П.С.* Русская диалектология. М., 1973.

ЛА – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. I. Мінск, 1993.

Львов 1956 – *Львов А.С.* Из лексических разысканий // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 10. М., 1956.

Мельниченко 1961 – *Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

МУ 1957 – Методические указания к "Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка". М., 1957.

Носович 1870 – *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Образование 1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Павлович 1964 – *Павлович И.А.* Историческая грамматика русского языка. Ч. 2. М., 1964.

Памятники 1981 – Памятники московской деловой письменности XVIII в. М., 1981.

Памятники деловой 1984 – Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край. М., 1984.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Т. 3. Л., 1976.

Раков 1988 – *Раков Г.А.* Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск, 1988.

РБС – Русско-белорусский словарь. I. Минск, 1982.

РД 1972 – Русская диалектология (под ред. Н.А. Мещерского). М., 1972.

РД 1989 – Русская диалектология (под ред. Л.Л. Касаткина). М., 1989.

Силина 1977 – *Силина В.Б.* Семантическая структура словообразовательного гнезда (слова с корнем *lick-* в славянских языках) // ОЛА. Мат-лы и исследования. 1975. М., 1977.

Словарь КК – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.

СлДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. I–IV. М., 1988–1991.

Сл РЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. 1–7. М., 1984–1992.

Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. I–III. СПб., 1893–1903.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–27. М., 1966–1992.

ССМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. I, II. Київ, 1977, 1978.
ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. 1–17. М.; Л., 1950–1965.
СУМ – Словник української мови. I–XI. Київ, 1970–1980.
Топоров 1990 – *Топоров В.Н.* Прусский язык. М., 1990.
ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. 1–5. Мінск, 1977–1984.
Филин 1972 – *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского, белорусского языков. М., 1972.
Черных 1993 – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. I–II. М., 1993.
Чурмаева 1989 – *Чурмаева Н.В.* История наречий в русском языке. М., 1989.
Шанский – Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. ТТ. 1–2 (вып. 1–8). М., 1963–1982.
ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1991.
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–20. М., 1974–1994.
Язык 1994 – Язык русской деревни. Школьный диалектологический атлас. М., 1994.
Янин, Зализняк 1993 – *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1993.
Янкова 1982 – *Янкова Т.С.* Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.
Janus 1991 – *Janus E.* Analityczny stopien wyższy w języku polskim i rosyjskim. Stan współczesny i historia. W-wa, 1991.
Kluge – *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. B., 1951.
Machek – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Pr., 1957.
Rosetti 1964 – *Rosetti A.* Istoria limbii române, v.I. Buc., 1964.
Sławski – *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. I. W-wa, 1952–1956.
Shevelov 1979 – *Shevelov G.Y.* Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.
Vrabie 1968 – *Vrabie E.* Influenţa limbii române asupra limbii ucrainene// Romanoslavica, v. XIV. Buc., 1968.

SUMMARY

This monograph first presents the linguogeographical analysis of a number of important for the eastern Slavonic languages phenomena in the sphere of accentology, phonetics, morphonology, morphology, syntacs and lexis within the bounds of the whole eastern Slavonic dialectal space. The maps and commentary-research can serve not only as a reliable source for reconstructing the ancient state of a number of phenomena peculiar to the eastern Slavonic parent language, but also contain cogent arguments, which help to make a choice berween the two well-known hypotheses of the eastern Slavonic dialect origin – the traditional hypothesis standing up for their genetic unity and a more modern one acknowledging the primordial heterogeneity of the eastern Slavonic dialectal continuum.

The monogrpah is destined for specialists of the Slavs, dialectologists and historians of the Russian, Ukrainian and Byelorussian languages, teachers and students of Higher Schools of humanities.

ИРЯ
институт русского языка
им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (*Т.В. Попова*) 3

Принятые сокращения 10

Карта 1. Ударение формы *l*-причастия женского рода единственного числа от глаголов подвижной акцентной парадигмы от односложных основ на гласный типа *брала, дала* (*С.Л. Николаев*) 12

Карта 2. Рефлексация праславянского латерального сонанта (**l*) (*Л.Э. Калнынь*) 14

Карта 3. Гласные на месте редуцированных **ŭ*, **ĭ* (*Н.Н. Пшеничнова*) 20

Карта 4. Рефлексы **'a* и **ę* под ударением (*А.В. Тер-Аванесова*) 32

Карта 5. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов I спряжения типа русск. лит. *печь, беречь* ... (*Т.В. Попова*) 43

Карта 6. Образование падежных форм дательного, творительного, местного единственного числа существительных женского рода типа *соль, грязь, печь, кровь, мать* (*Т.В. Попова*) 53

Карта 7. Словоформы творительного падежа единственного числа существительных женского рода с флексией 'гласный + [ў/в]' (типа *со́леў, со́л'он, с'і́леў, с'і́л'оў*) в современных юго-западных украинских говорах (*Т.В. Попова*) 64

Карта 8. Форма творительного падежа числительного *два* (*Н.П. Прилипко*) 69

Карта 9. Средства выражения значения вокатива (*Н.Л. Голубева*) 73

Карта 10. Предикативное употребление деепричастий на *-ши* (*Л.Е. Лопатина*) 82

Карта 11. Объектно-целевые конструкция (типа *по бабушку, по грибы*) (*Л.Е. Лопатина*) 87

Карта 12. Глаголы со значением 'возделывать землю с помощью орудий (рала, сохи, плуга)' (*И.А. Букринская, О.Е. Кармакова*) 90

Карта 13. Названия радуги (*И.А. Букринская, О.Е. Кармакова*) 93

Карта 14. Наречия со значением 'очень' (*Г.П. Клепикова*) 100

Summary 110

ИРЯ
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
www.ruslang.ru

Научное издание

Букринская Ирина Анатольевна, **Голубева** Наталия Львовна
Калнынь Людмила Эдуардовна и др.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Утверждено к печати
Ученым советом Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Заведующая редакцией "Наука–культура" *А.И. Кучинская*
Редактор *Т.М. Скрипова*
Художник *Е.Н. Волков*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технические редакторы *О.Б. Черняк, Т.В. Жмелькова*
Корректор *Т.И. Шеповалова*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1755
Л.Р. № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 08.08.95. Формат 60 × 90 1/8
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,0. Усл.кр.-отт. 14,5. Уч.-изд.л. 15,2
Тираж 500 экз. Тип. зак. 3298

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография № 2 РАН
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

7000—